

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА СССР
имени В. И. ЛЕНИНА

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ

ДНЕВНИК
Д. А. МИЛЮТИНА
1873—1875

ТОМ ПЕРВЫЙ

МОСКВА

1947

Д. А. Милютин.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА СССР
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ

**ДНЕВНИК
Д. А. МИЛЮТИНА
1873 — 1875**

Том первый

Редакция, биографический очерк и примечания
П. А. ЗАЙОНЧКОВСКОГО

Текст подготовлен к печати
А. В. АСКАРИНЦ

Указатель имен составлен
В. Г. ЛАШИНОЙ

Д. А. МИЛЮТИН

Биографический очерк

Деятельность Д. А. Милютина — военного министра Александра II — до сих пор не являлась предметом научного исследования. Единственная работа, посвященная его жизни и деятельности, принадлежит перу профессора Николаевской Академии генерального штаба А. К. Байова — «Граф Дмитрий Алексеевич Милютин», СПб. 1912. Написанная в год смерти Милютина, она представляет собою, по существу, некролог, а поэтому, естественно, не может рассматриваться как научное исследование.*)

Издавая «Дневник» Милютина, считаем необходимым предпослать ему биографический очерк, дающий возможность читателю ознакомиться с жизнью и деятельностью его автора.

Настоящий очерк написан в основном по неизданным материалам обширнейшего архива Д. А. Милютина.

* * *

Дмитрий Алексеевич Милютин родился 28 июня 1816 года в Москве, в дворянской семье.

Прадед Милютина — Андрей Яковлевич — в 1714 году вместе со своим братом Алексеем Яковлевичем, служившим ранее комнатным истопником при царях Петре и Иване Алексеевичах, был владельцем шелковой, позументной и парчевой фабрики, а позднее — торговых бань в С.-Петербурге.

В 1740 году Милютиным пожаловано потомственное дворянство.

Отец Милютина — Алексей Михайлович, унаследовав от своего отца фабрику и именина вместе с огромнейшими долгами, в течение долгих лет безуспешно стремился поправить свое состояние и, в конце концов разорившись, поступил на службу секретарем Комиссии по построению Храма Христа Спасителя.

Увлечение предпринимательской деятельностью, большой интерес, проявляемый к различным экономическим вопросам, делали

*) Работа Байова содержит также и ряд фактических ошибок.

образ жизни Алексея Михайловича Милютина мало похожим на обычные условия существования дворянина-помещика.*)

Если отец Милютина представлял собою своеобразного «буржуа во дворянстве», то мать его — Елизавета Дмитриевна, урожденная Киселева (родная сестра известного государственного деятеля гр. Павла Дмитриевича Киселева), принадлежала к старинному дворянскому роду, и это определяло в некоторой степени близость молодого Милютина к кругам именитого дворянства.

Детские годы Милютина проходят частью в имении — селе Титове, Лихвинского уезда, Калужской губернии, частью в Москве. Начальное образование Милютин получает под руководством родителей**), а в 1828 году поступает прямо в 3-й класс Московской губернской гимназии. Однако неудовлетворительная постановка учебного дела в гимназии заставляет отца в 1829 году определить Милютина и его двух младших братьев — Николая и Владимира***) — в Московский университетский пансион, который Милютин и оканчивает с серебряной медалью в 1832 году.

Уже в детские годы, учась в университетском пансионе, Милютин проявляет большой интерес к различным отраслям знаний и особенно к литературе. В возрасте 13—14 лет он пишет свои первые работы «Опыт литературного словаря» и «Руководство к съемке планов с применением математики», изданные отдельными книгами в 1831 году. Несмотря на несовершенство этих полудетских работ, одна из них — «Руководство к съемке планов с применением математики» (М. 1831, 78 стр.) вызвала появление двух рецензий — в «Московском Телеграфе» и «Северной Пчеле». В рецензии «Северной Пчелы» давалась следующая оценка книги:

«Автору сей небольшой книжки пятнадцать лет от роду: сие замечание сделано нами не для того, чтобы извинить могущие встретиться в ней недостатки, а для того только, чтоб обратить внимание любителей наук на труды молодого человека, обещающего со временем своими талантами и образованием и любовью к наукам сделаться полезным гражданином отечеству... Книжка сия напи-

*) В архиве Милютина сохранились рукописные записки его отца по следующим вопросам: «Мысли о новом безакцизном уставе», «Опыт о государственном хозяйстве», «О заведении фабрик в России» и ряд других.

**) Отец Милютин — Алексей Михайлович — был далеко незаурядным человеком. Помню увлечения экономическими вопросами, он проявлял интерес и к точным наукам, состоя членом Общества естественных знаний при Московском университете, и являлся автором книги: «Руководство к построению водяных мельничных колес, основанное на законах гидродинамики».

***) Семья Милютиных, помимо старшего сына Дмитрия, состояла из сыновей: Николая Алексеевича — известного деятеля крестьянской реформы, Владимира Алексеевича — экономиста, профессора Петербургского университета, одного из сотрудников журнала «Современник», Бориса Алексеевича — служившего чиновником в Сибири, и дочери Марии Алексеевны, в первом браке Авдулиной, во втором — Мордвиновой.

сана очень порядочно: связно, внятно, и хотя еще нетвердым, но довольно правильным слогом...»*)

Во время пребывания в университетском пансионе Милютин вместе со своим братом Николаем возглавлял ученический литературный кружок, издававший рукописный журнал «Улей».

Наконец, из «Дневника» Веры Сергеевны Аксаковой мы узнаем, что в бытность в университетском пансионе Милютин принимал участие в литературном обществе, возглавляемом Константином Сергеевичем Аксаковым.

Мы не располагаем материалами, которые давали бы возможность судить о политических взглядах юного Милютина, однако наличие в его полудетском альбоме собственноручных списков свободолюбивых произведений Пушкина «Деревня» и «Послание Чаадаеву» в некоторой степени характеризует его общественные интересы.

По окончании университетского пансиона 17-летний Милютин направился со своим отцом в С.-Петербург, где он был определен на военную службу — фейерверкером во вторую батареиную роту 1-ой гвардейской артиллерийской бригады.

Прослужив установленный шестимесячный срок, Милютин, сдав экзамены, был произведен в ноябре 1833 года в офицеры и оставлен на службе в той же бригаде.

Став офицером, Милютин не прерывает своей литературной работы. В конце 1833 года он пишет обширную критическую статью, посвященную разбору вышедших в том году курсов физики Д. М. Перевощикова «Руководство к опытной физике» и М. Г. Павлова «Основания физики». В ней, отдавая преимущество «позитивизму Перевощикова пред метафизикой Павлова», автор высказывает свой взгляд на задачи русской науки: «...Фальшивое правило приняли те, кои думают, что по бедности нашей отечественной литературы должно довольствоваться и малым, и одною лептою**), приносимою в урну просвещения, должно хвалить и те книги, кои в нашем бедном тесном кругу на нашу монету приобрели себе первое место: — Нет... от русской нововыходящей ученой и учебной книги мы требуем соперничества со всеми уже известными ее сверстниками, не только соотечественными, но и иностранными».***)

Наряду с этим Милютин серьезно изучает геодезию и топографию, намереваясь написать работу взамен прежнего его полудетского труда «Руководство к съемке планов с применением математики».

Интересно привести также и высказывания 17-летнего Милютина о задачах литературы. В одном из своих писем к брату Николаю он излагает ему свою точку зрения на метод, каким дол-

*) «Северная Пчела», 1831 г., № 198.

**) Подчеркнуто автором.

***) «Сын Отечества и Северный Архив», 1834 г., № 16, стр. 579.

жен руководствоваться писатель: «Не знаю, как ты, — пишет он, — а я очень люблю полноту и если за что-нибудь принимаюсь, то всегда желаю объять предмет свой во всем его объеме. В наше время этот вкус очень распространился — почувствовали нужду в систематическом воззрении на предметы, и это верный залог будущих успехов просвещения. До сих пор в словесности (т. е. в смысле теории) более, нежели в какой другой отрасли человеческих познаний, система была выкинута из виду, или, по крайней мере, до сих пор мы не имели ни одного курса сей первостепенной науки.*) Если ты читал 4-ю книжку ученых записок Московского университета, то, верно, обратил внимание на статью Давыдова о системе словесности. Это меня сердечно порадовало, но, к сожалению, я нашел, что это только слабая попытка, далекая от совершенно точной системы, ибо, поверь, что всякая наука может дойти в стройности и полноте до математической точности, ибо все науки, как и математика, имеют основанием логику, и ей одолжены своим совершенством.

Итак, основная цель, какую должен иметь всякий писатель, состоит в том (в наше время), чтобы по мере сил дать своему предмету полноту, точность, систему, что все могло бы определить для него самого воззрения на его предмет».**)

Естественно, что строевая служба в качестве рядового офицера не могла удовлетворять Милютина, и, стремясь получить высшее военное образование, он в конце 1835 года поступил прямо в практический класс Военной академии.***)

В конце же 1836 года Милютин блестяще окончил Военную академию и был причислен к Генеральному штабу с назначением в Гвардейский генеральный штаб (т. е. в штаб гвардейского корпуса).

Находясь на службе в Гвардейском генеральном штабе, Милютин усиленно работал над повышением своих знаний, а также занимался и литературной деятельностью. Результатом этого явился перевод с французского Записок Сен-Сира, касающихся революционных войн 1794 и 1795 годов. Вместе с тем он принимает участие в составлении «Энциклопедического лексикона», издававшегося книгопродавцем Плюшаром, и «Военно-энциклопедического лексикона», главным редактором которого состоял генерал Зедделер.

Свыше 150 статей было написано Милютиным для указанных выше изданий по разделам математики, астрономии, геодезии, механики, физики, а также и по военным наукам.

*) Подчеркнуто автором.

**) Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде — ЦГИАЛ, ф. Милютиных, д. № 197, письмо Д. А. Милютина к брату от 26 декабря 1833 г., л. 51.

***) Военная академия в тот период состояла из двух классов: первого — теоретического и второго — практического.

В течение 1838 года Милютиным были подготовлены к печати: «Тридцатилетняя война» — глава курса военной истории, предназначавшегося для руководства офицерам Военной академии, а также две статьи для журнала «Отечественные Записки» — «Суворов как полководец» и «Русские полководцы XVIII столетия». Первая из этих статей была опубликована в № 4—5 за 1839 год, вторая же не была пропущена цензурой, «так как в статье моей, — рассказывает в своих «Воспоминаниях» Милютин, — изображались все наши военные знаменитости пресловутого екатерининского царствования, за исключением одного Суворова, в самом невыгодном свете».*).

Статья «Суворов как полководец» представляет собою, по существу, первую попытку научного анализа военного искусства великого полководца. Анализируя воинское мастерство Суворова, автор приходит к выводу, что он «...стоял выше своего века, и, несмотря на все изменения, которые с его времени претерпела тактика, образ действий его носит на себе характер современной нам стратегии...»**).

В конце 1838 года Милютин подает рапорт о командировании его на Кавказ (в тот период практиковались командировки молодых гвардейских офицеров на годичный срок на Кавказ для участия в военных действиях ■ изучения боевого опыта кавказских войск).

В начале 1839 года Милютин выезжает из Петербурга в распоряжение командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерал-лейтенанта Граббе.

Получив назначение состоять при штабе Чеченского отряда, руководимого непосредственно самим Граббе, Милютин принимает участие в экспедиции в Ахульго — столицу имамата Шамиля.

По окончании экспедиции, в которой Милютин был ранен, до истечения срока командировки он состоит при штабе генерала Граббе, выполняя различные поручения. Участие в экспедиции дало возможность Милютину детально ознакомиться с действиями кавказских войск и убедиться в несовершенстве их тактики.

«С первых же дней похода, — говорит он в своих «Воспоминаниях», — мне уже бросились в глаза многие слабые стороны нашего образа действий против горцев в тактическом отношении. Более всего поразили меня те невыгодные условия, в которых нашим кавказским войскам приходилось вести борьбу. Тут не выказывалось то превосходство, которого следовало бы ожидать от европейского регулярного войска над неустроенными толпами вооруженного населения; напротив того, превосходство было на стороне неприятеля...»***). Все эти мысли изложены Милютиным в специальной за-

* Отдел рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ), ф. Д. А. Милютина, М. 7833, стр. 311.

** «Отечественные Записки» 1839 г., т. III, кн. 5, стр. 87 — 88.

***) ф. Д. А. Милютина, М. 7834, стр. 39.

писке «О некоторых недостатках, замеченных в составе и устройстве отрядов, действующих против горцев, и о средствах к исправлению сих недостатков». Записка эта, поданная генералу Граббе и одобренная им, была препровождена от его имени в штаб корпуса. Кроме этой записки, Милютин составил также и другую — «Опыт новой системы фортификации, примененной к обстоятельствам и требованиям Кавказского края».

Непосредственный начальник Милютина на Кавказе генерал Граббе в своем письме к А. П. Ермолову дает о нем блестящий отзыв:

«Это письмо, глубокоуважаемый Алексей Петрович, вручит Вам гвардейского генерального штаба штабс-капитан Милютин, один из самых отличных офицеров армии. С умом, украшенным положительными суждениями, он соединяет практический взгляд и не на одни военные предметы. К тому же примерной храбрости, благороднейших чувств он во всех отношениях был мне полезен и приятен...»*)

В начале 1840 года Милютин возвращается в Петербург снова в Гвардейский генеральный штаб.**)

* * *

Ознакомившись с положением дел на Кавказе, Милютин приходит к выводу о необходимости изменить как систему военных действий, так и политику по отношению к горским народам.

Эти мысли находят свое выражение в обширной и интересной записке, составленной им по возвращении в С.-Петербург в 1840—1841 годах и озаглавленной «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе». В начале этой записки Милютин указывает, что покорение Кавказа невозможно лишь в результате военных действий, а должно сочетаться с определенной политикой, обеспечивающей «моральное влияние» русского правительства на горские народы.

«...чтоб горцы терпеливо несли иго русского владычества,— говорит Милютин,— одно необходимое условие то, чтобы они были убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев и образа жизни... мы должны всеми силами стараться согласовать наше владычество с интересами самих горцев как материальными, так и нравственными... Горцы должны быть убеждены, что Россия так могущественна и велика, что не имеет никаких притязаний на их ничтожное достоинство... Не в таком духе действовали мы до сих пор на Кав-

*) ф. Д. А. Милютина, М. 8140. Копия этого письма была прислана Милютину академиком Дубровиным в 1896 году.

**) В феврале 1840 года Милютин за участие в военных действиях получил чин капитана и был назначен дивизионным квартирмейстером (в современном понимании — начальником оперативного отделения) штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии; однако, в действительности он продолжал нести службу в Гвардейском генеральном штабе.

казе... Это заставляет их (горцев — П. З.) смотреть на русских, как на грабителей, приходящих к ним для обогащения своего, точно так же, как некогда монголы были для России.*) Подвергая далее уничтожающей критике систему военных действий, заключающуюся в создании оборонительных линий-кордонов «на плоскости» и периодических экспедиций в глубь гор, Милютин предлагает иной способ ведения войны. «Чтобы иметь влияние материальное на все части Кавказа, — говорит Милютин, — должно перенести наши материальные силы в самое сердце племен горских...»**)

Руководствуясь этим принципом, он предлагает создать на всей территории Кавказа сеть крепостей с достаточно сильными гарнизонами, способными обеспечивать повиновение в прилегающем к ним районе. Для этого, по подсчетам Милютина, потребуется лишь незначительное увеличение войск. В заключение он указывает, что все это окажется недостаточным, если, кроме упомянутых мероприятий, правительство не сможет направить на Кавказ способных, надежных и честных людей, которые стали бы во главе военной и гражданской администрации.

Эта записка осталась без последствий, так как она противоречила тем принципам, на которых основывалась завоевательная политика царизма по отношению к горцам Кавказа, сводившаяся, в основном, к методам грубого насилия.

В конце 1840 года Милютин получает длительный отпуск и отправляется в заграничное путешествие по странам Западной Европы.

Посетив Германию, Италию, Францию, Англию, Бельгию, Голландию, Швейцарию и Балканы, он, после 13-месячного путешествия, снова возвращается в Петербург.

Заграничное путешествие, как рассказывает в своих «Воспоминаниях» Милютин, открыло ему глаза «на действительное состояние России сравнительно с Западной Европой в культурном отношении. Любя искренне свою родину, я глубоко скорбел, видя на каждом шагу, насколько мы отстали...»***) В дневнике, который Милютин вел, находясь за границей, он, говоря об отсталости России, записывает: «С истинным прискорбием пишу эти строки; от души желал бы дожить до того времени, когда все сказанное мною было бы уже анахронизмом...»****)

Находясь за границей, Милютин не только увидел огромную отсталость России от Западной Европы, но, естественно, должен был обнаружить пробелы в собственных знаниях. В путевом днев-

*) ф. Д. А. Милютина, М. 7909/1. Записка «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе».

**) Там же.

***) ф. Д. А. Милютина, М. 7835, стр. 185.

****) Там же.

нике мы находим следующую любопытную запись, характеризующую широту научного интереса ее автора:

«Чем заняться по возвращении в Петербург:

1) Политическая экономия, в особенности следующие части: а) внешняя и внутренняя торговля, б) военные и морские силы, в) подати и налоги.

2) Народное право.

3) Долговременная фортификация, новые системы укреплений, посредством оборонительных казарм и башен.

4) Строительное искусство, мосты, гидравлические работы, пути сообщения.

5) Свойство почвы — осушение болот...

6) Морская строительная часть...

7) Береговые укрепления.

8) Изучение военной и политической истории для вывода решений следующих вопросов: а) оборонительные системы государств: системы крепостей, портов, пунктов сбора войск; в) способы набора, содержания и расположения войск в мирное время, относительно государственного хозяйства и системы безопасности; с) меры, принимаемые при начале войны — система снабжения войск; d) общая военная администрация — хоз. часть военного и морского министерства; е) средства покорения и утверждения владычества в крае, в котором народ обороняется сам (изучение войн римлян во время империи, англичан с шотландцами и т. д.), средства колонизации».*)

Вместе с интересом, проявляемым к этим отраслям знания, Милютину не чужды и вопросы искусства. Так, среди бумаг, относящихся к этому времени, мы находим его записку «Некоторые мысли об архитектуре как изящном искусстве».

Возвратившись в Петербург, Милютин продолжает службу в Гвардейском генеральном штабе, однако петербургская атмосфера, особенно после длительного пребывания за границей, крайне угнетает его. «Вот я опять в Петербурге, обреченный на однообразное, безжизненное существование, замкнутое в тесные рамки служебного формализма» — пишет Милютин в своих «Воспоминаниях».***) Действительно, всякое стремление к какой-либо творческой деятельности на служебном поприще терпело неудачу. Так, по возвращении из-за границы, он представил проект организации «Военного журнала» при Гвардейском генеральном штабе. Этот проект, хотя и был одобрен ближайшим начальством, однако «высочайшего соизволения» не получил.

Все это и заставляет Милютину с радостью принять предложение о переходе на службу в штаб войск Кавказской линии и Черноморья в надежде, что там, в условиях боевых действий, он сможет найти применение своим способностям.

*) ф. Д. А. Милютин, М. 7912, л. 53.

**) ф. Д. А. Милютин, М. 7835, стр. 189.

В начале 1843 года Милютин получает назначение на должность обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черноморья.

Незадолго до отъезда из Петербурга он женится на дочери генерал-лейтенанта Понсэ — Наталии Михайловне.*)

Вскоре по приезде на Кавказ Милютин разочаровывается в своих надеждах. Поводом к этому были неприязненные отношения, установившиеся у него с непосредственным начальством полк. Норденштамом — начальником штаба кавказских войск и Черноморья.

Нам представляется, что действительная причина неудовлетворенности Милютина заключалась не столько во взаимоотношениях с Норденштамом, сколько опять в отсутствии возможностей к какой-либо плодотворной деятельности. В этот период он пишет ряд записок, являвшихся дальнейшим развитием его взглядов, изложенных в цитированной нами выше записке «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе», однако, все это никакого практического применения не находит. Единственной работой, написанной тогда Милютиным и увидевшей свет, явилась книга «Наставление к занятию, обороне и атаке лесов, деревень, оврагов и других местных предметов».

Милютин серьезно подумывал не только об отъезде с Кавказа, но и об уходе с военной службы. Таким образом, дальнейшие перспективы были далеко не ясны.

Однако неожиданно обстоятельства изменились: в Военной академии в Петербурге открылась вакансия профессора по кафедре военной географии, на которую Милютин и был назначен с помощью друзей в начале 1845 года.

Этот период жизни Милютина, начавшийся назначением в Военную академию, является наиболее плодотворным в научном отношении. Читая курс военной географии, Милютин вскоре приходит к выводу о полнейшем несовершенстве его. «Чем более... я... читал и обдумывал, тем более убеждался в том, что составить специальную военную «науку» из одних чисто географических знаний — немыслимо, — говорит он в своих «Воспоминаниях». — ...Имевшиеся в виду более или менее удачные опыты стратегического разбора отдельных театров войны также не могли составить науку и казались мне чем-то вроде учебных упражнений, лишенных реальной почвы, пока эти разборы не обусловлены всеми действительными данными, определяющими военные средства и силы воюющих государств.... только всестороннее исследование может составить предмет и цель научного преподавания. В таком смысле

*) От этого брака Милютин имел шесть человек детей: сына Алексея — гвардейского офицера, впоследствии курского губернатора, и дочерей — Елизавету, в замужестве кн. Шаховскую, Ольгу, Надежду, в замужестве кн. Долгорукову, Марию и Елену, в замужестве Гершельман.

оно будет уже не военной географией, а специальным отделом статистики, которому может быть присвоено наименование «Военной статистики».*)

Таким образом, только всестороннее изучение государства дает возможность, по мнению Милютина, определить силы и средства его в военном отношении. В соответствии с этим он и разрабатывает курс военной статистики.

«Программа эта,— говорит Милютин в своих «Воспоминаниях»,— в главных чертах заключалась в трех отделах: в первом рассматриваются с военной точки зрения статистические данные, обуславливающие материальные средства государства: территория, народонаселение, государственное устройство и финансы; во втором заключается всесторонний разбор устройства вооруженных сил государства и военных его учреждений; наконец, в третьем исследуются территориальные условия ведения войны оборонительной или наступательной».**)

В 1846 году в первом номере «Военного журнала» Милютин помещает статью «Критическое исследование значения военной географии и статистики»***), в которой, подробно анализируя предмет военной географии и военной статистики, он доказывает необходимость создания самостоятельной отрасли военных наук — военной статистики.

Важно отметить, что и в западноевропейских высших военно-учебных заведениях подобного курса не существовало.

Наконец, в 1847 году Милютин публикует свое первое монографическое исследование, посвященное этой новой отрасли знаний, «Первые опыты военной статистики». Исследование, состоящее из двух томов, включает в себя следующее: «Вступление» и «Основания политической и военной системы Германского союза» — том I и «Военная статистика Прусского государства» — том II. Работа эта и послужила прочным основанием новой отрасли военных наук — военной статистики.

С 1847 года курс военной географии в Академии был заменен курсом военной статистики. За работу в области военной статистики Милютину была присуждена Академией наук Демидовская премия.

Необходимо отметить, что в результате работы Милютина в этой области было начато военно-статистическое описание губерний России, которое при всем своем несовершенстве явилось все же крупным вкладом в русскую науку.

Помимо работы в Военной академии, Милютин в конце 1845 года назначается начальником 3-го учебного и воспитательного отделения Штаба военно-учебных заведений. Наряду с текущей

*) ф. Д. А. Милютина, М. 7836, стр. 121-122. Подчеркнуто автором.

**) Там же, стр. 122-123.

***). В этом же году статья под тем же названием была издана отдельной книгой.

работой, Милютин вместе с Я. И. Ростовцевым*), составляет «Наставление по учебной части военно-учебных заведений». Несмотря на любовь к учебному делу, он с горечью вспоминает об этой работе:

«К некоторым статьям («Наставления». — П. 3.) и я должен был приложить руку, хотя и не разделяя во многом взглядов Якова Ивановича, — рассказывает Милютин в своих «Воспоминаниях». —...Возражать ему, оспаривать его указания было бы совершенно напрасно; да и сам ген. Ростовцев едва ли был искренне убежден во всем, что считал нужным высказывать.

При тогдашнем режиме и духе времени все, что делалось, писалось, говорилось, должно было более или менее носить на себе отпечаток лицемерия и фальши».**)

Наряду с военной статистикой, Милютин работает также и в области военной истории.

В конце 1848 года, после смерти военного историка ген. Михайловского-Данилевского, работавшего над описанием войны 1799 года, стал вопрос о продолжении этой работы.***) Выбор военного министра гр. Чернышева пал на Милютина. В связи с этим его освободили от обязанностей в Штабе военно-учебных заведений и назначили «для особых поручений» при военном министре.

В результате трех лет напряженной работы (с марта 1849 г. по март 1852 г.) Милютин закончил этот капитальный труд, озаглавленный «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году».**) Указанная работа, основанная на тщательном изучении огромного количества различных источников, явилась крупным вкладом в русскую историческую науку. Эта монография положила начало научному изучению военной истории. В ней дается подробный всесторонний анализ полководческого искусства Суворова в кампании 1799 года.

Рассматривая ход военных операций, автор приходит к заключению, что в основе полководческих замыслов Суворова лежали «те мысли, которые в новейшем военном искусстве обыкновенно называются наполеоновскими».*****)

Вместе с тем, характеризуя обстановку, в которой пришлось действовать Суворову, Милютин справедливо утверждает, что «в продолжение целой кампании полководец наш, полный силы, решимости, отважных замыслов, тщетно порывался к своей цели, как мощный орел, которому связали крылья»*****)

*) Начальником Штаба военно-учебных заведений.

**) ф. Д. А. Милютина, М. 7836, стр. 166.

***) Михайловский-Данилевский успел написать лишь небольшой раздел, освещающий обстановку накануне войны.

****) Монография эта состояла из 8 частей (5 томов), причем первая часть, составившая 140 страниц, была написана Михайловским-Данилевским, как указывалось выше.

*****) «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году». СПб., 1853, т. V, стр. 305. Подчеркнуто автором.

*****) Там же, стр. 297.

Снабженная большим научным аппаратом в виде документов, даваемых в приложении к каждому тому, эта монография не утратила и в настоящее время своей огромной научной ценности. Естественно, что она встретила восторженные отзывы современников. «Первые три тома я прочел с жадностью и наслаждением, — пишет в письме к Е. Ф. Коршу Т. Н. Грановский. — Вот книга так книга».*) В своей рецензии, помещенной в «Московских Ведомостях» за 1853 г., Грановский писал: «...Книга принадлежит к числу тех, которые необходимы каждому образованному Русскому, и займет, без сомнения, почетное место в обще-европейской исторической литературе...»**)

«История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году», вызвав большой интерес как в России, так и за границей, в 1857 году вышла вторым изданием и была переведена на французский и немецкий языки. За этот труд Милютин был удостоен полной Демидовской премии, а также избран членом-корреспондентом Академии наук.

Закончив эту монографию, Милютин приступил к сбору материалов для работы по истории кавказских войн, однако, осуществить этого не удалось: осенью 1853 года военный министр кн. В. А. Долгоруков поручает Милютину, как состоящему при нем «для особых поручений», работу, связанную с подготовкой к военным действиям против Турции.

Таким образом, Милютин превращается в своеобразного «ученого консультанта» при военном министре.

Осенью 1853 года он сопровождает Николая I за границу в Ольмюц и Потсдам, где происходили дипломатические переговоры с австрийским императором Францем-Иосифом и прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV.

С начала военных действий и на протяжении всей Восточной войны, Милютин составляет различные записки военно-политического характера, как-то: «Двоякая точка зрения на выступление наше из Дунайских княжеств», «Проект зимней экспедиции на случай, если неприятель утвердится на островах Аландских», а также несколько записок по вопросу распределения войск на отдельных театрах войны, и в том числе «Проект организации партизанских отрядов на случай войны с Австрией»; вместе с тем Милютину было поручено редактирование сообщений с театра войны для оповещения в печати. Все эти записки-проекты обычно аккуратно переписывались в Военном министерстве, подписывались кн. Долгоруковым и от его имени направлялись царю. В конце 1854 года Милютин пишет записку об обороне берегов Балтийского моря и вскоре назначается «производителем дел» созданного для разработки этого вопроса Балтийского комитета. Вполне естественно, что вся эта огромная работа не оставляла времени не

*) Отд. рук. ГБЛ, М. 3099/17, письмо без указания даты (1853 г.?).

**) Цит. по соч. Грановского. М. 1892, т. II, стр. 314.

только для занятий по военной истории, но и для преподавания в Академии, где Милютин, продолжая вести курс военной статистики, принужден был, как он с горечью рассказывает, читать его «по прошлогодним конспектам».

В 1854 году Милютин был произведен в генерал-майоры, а в 1855 году зачислен в свиту.

Крымская война, обнаружившая «гнилость и бессилие крепостной России»*), вскрыла, в первую очередь, все несовершенство русской армии. Еще во время войны начинается критика как порядков, царивших в армии, так и всей системы военной организации и управления.

В августе 1855 года была создана специальная комиссия «для улучшений по военной части» под председательством ген. Ридигера. В состав этой комиссии в феврале 1856 года был введен и Милютин.

В марте этого года он составил обширную записку, озаглавленную «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных».**). Записка эта, в отличие от разных проектов, ставивших вопрос об отдельных изменениях существовавших армейских порядков, предполагала коренную реорганизацию всей военной системы. В ней Милютин доказывал необходимость сокращения армии в мирное время до минимума и максимального развертывания ее в военное время, т. е., иными словами, говорил о создании массовой армии.

Существование миллионной армии в условиях мирного времени, состоящей из солдат, служивших 20—25 лет, определялось особенностями феодально-крепостного строя. Зачисленные в солдаты становились вольными. Следовательно, без потрясения основ существовавшего государственного строя нельзя было сократить срок службы и создать обученный людской запас.

Таким образом, армия не имела возможностей для развертывания в случае войны. На это указывал Милютин в своей записке, говоря, что «крепостное право не позволяет у нас ни сократить срока службы, ни увеличить числа бессрочно-отпускных для уменьшения наличного числа войск...»***). Вместе с тем, он считал необходимым в корне изменить и организацию войск: уничтожить деление в мирное время на армии и корпуса, создав вместо них военные округа как пограничные, так и внутренние.

В апреле 1856 года на смену военному министру кн. Долгорукову пришел невежественный Н. О. Сухозанет, о безграмотности которого ходили анекдоты. С приходом Сухозанета изменилась дальнейшая судьба Милютина.

С окончанием войны закончилась и деятельность Милютина в

*) Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 143.

**) Некоторые мысли, изложенные в этой записке, явились развитием взглядов гр. П. Д. Киселева по вопросам реорганизации армии.

***) ф. Д. А. Милютина, М. 7952, л. 7.

качестве состоящего «для особых поручений». Кн. Долгоруков незадолго до своего ухода предложил Милютину занять должность директора канцелярии Военного министерства, на что и было дано им согласие; однако, Сухозанет не только не предоставил ему этой должности, но и воспротивился его назначению на какой-либо другой ответственный пост в министерстве.

В связи со сложившейся обстановкой, Милютин подал рапорт об отчислении его от всех должностей,*) в том числе и от работы в Академии, намереваясь посвятить себя исключительно научной деятельности в области военной истории.

В мае 1856 года просьба Милютина была удовлетворена с оставлением его лишь в звании члена Военно-учебного комитета.

«С полной искренностью могу сказать, — говорит он в своих «Воспоминаниях», — что я был доволен этой перемене в моей жизни и нимало не сожалел о несбывшихся видах на занятие значительного поста в военном управлении. Не честолюбие влекло меня на этот путь, а чистосердечное желание работать с пользой для общего дела... я с чистой совестью удалился от бюрократической суеты и возвратился к той тихой, скромной деятельности писателя, в которой так счастливо прожил восемь лет перед войной».**)

Действительно, уже летом этого года Милютин приступил к обработке первых глав намеченного им обширного труда по истории Кавказской войны.

Однако научная деятельность Милютина неожиданно оборвалась: летом на пост наместника Кавказа и командующего Отдельным кавказским корпусом на смену Н. Н. Муравьеву был назначен кн. А. И. Барятинский, который и предложил Милютину занять пост начальника Главного штаба кавказских войск.

В конце октября 1856 года Милютин в третий раз направился на Кавказ.

Будучи начальником Главного штаба Кавказской армии,***) Милютин проводит реорганизацию всего военного управления на Кавказе. В отличие от существовавшей ранее крайне сложной и многообразной организации как Главного штаба, так и вообще военного управления, Милютиным была создана четкая и стройная структура военно-административного руководства, представляющего собою своеобразный военный округ. Реорганизация, проведенная Милютиным, являлась дальнейшим развитием и практическим осуществлением тех мыслей, которые были им изложены в записке 1856 года «Мысли о невыходах существующей в России военной системы и средствах к устранению оных».

*) Помимо должности профессора Военной академии и состоящего «для особых поручений» при военном министре, Милютин числился членом ряда комитетов и комиссий.

**) Ф. Д. А. Милютин, М. 7812, л. 428.

***) В 1857 году Отдельный кавказский корпус был переименован в Кавказскую армию.

При непосредственном участии Милютин был разработан и план военных операций, приведший в 1859 году к пленению Шамилы и окончанию военных действий в восточной части Кавказа.

В августе 1860 года Милютин назначается товарищем военного министра.

Обстоятельства этого назначения представляют большой интерес для понимания дальнейшей деятельности Милютина и его отношений с кн. Барятинским. Летом 1859 года кн. Барятинский, будучи в Петербурге и ведя разговор с Александром II о положении в Военном министерстве, предложил на пост военного министра кандидатуру Милютина, руководствуясь при этом не столько интересами дела, сколько личными соображениями. Являясь сторонником прусской военной системы, кн. Барятинский предполагал, что и реорганизация русской армии будет проведена по прусскому образцу, согласно которому руководство всей армией принадлежало бы императору, а фактически — начальнику Генерального штаба. Военное же министерство устранялось от непосредственного руководства войсками и ведало лишь административно-хозяйственными вопросами.

Кн. Барятинский, как лицо наиболее близкое к Александру II, претендовал на пост начальника Генерального штаба, а на должность военного министра, который являлся бы одним из его помощников, он и рекомендовал Милютина.

Вступив в должность товарища военного министра, Милютин встретил крайне недоброжелательное отношение к себе Сухозанета, который, повидимому, догадывался о причинах этого назначения и видел в его лице своего преемника. Сухозанет, ревниво оберегая свои права, не допускал Милютина к руководству ни одной отраслью управления.

«...Службное мое положение было совершенно ненормальное, — рассказывает Милютин. — Почти устраненный от дел министерства, я оставался лишь безучастным слушателем ежедневных докладов генерала Сухозанета государю».*)

Взаимоотношения с Сухозанетом складывались так неблагоприятно, что Милютин весной 1861 года подал рапорт о предоставлении ему длительного отпуска «для морских купаний».

Однако в мае этого же года, в связи с назначением Сухозанета исполняющим обязанности наместника Царства Польского, Милютин вступает в управление Военным министерством, а через несколько месяцев, 9 ноября, утверждается в должности военного министра.

* * *

Прежде чем излагать деятельность Милютина как военного министра, попытаемся вкратце охарактеризовать его социально-политические взгляды до начала 60-х годов.

*) ф. Д. А. Милютина, М. 7840, стр. 107-108.

Внешние условия жизни молодого Милютина в известной мере определили уже его общественно-политические симпатии.

Влияние отца, принадлежавшего как по своей деятельности, так и по своим политическим идеалам, к представителям формирующейся буржуазии, среда — университетский пансион, где юнша Милютин знакомится с свободолобивыми произведениями Пушкина, с передовой западноевропейской литературой, — все это оказывает, по нашему мнению, известное воздействие на формирование его идеологии.

Отрицательное отношение к существующей николаевской действительности и крепостному праву в особенности, предпочтение буржуазных форм общественной жизни — таковы основные положения его мировоззрения в 40-х—50-х годах. В материалах архива Милютина мы встречаем неоднократные свидетельства этого. В своих «Воспоминаниях» он следующим образом характеризует николаевскую эпоху:

«Во все 30-летнее царствование императора Николая никто вне правительственной власти не смел поднять голос о делах государственных и распоряжениях правительства, даже в домашних кружках говорили о них только разве шопотом. Всякая частная инициатива была подавлена, существовавшие недостатки и болячки нашего государственного организма тщательно прикрывались ширмой официальной фальши и лицемерия. Крымская война, причинившая столько бедствий, была крутым переломом в летаргическом состоянии России; она открыла глаза самому правительству, которое убедилось горьким опытом в печальных результатах тогдашней правительственной системы».*)

Важно отметить, что отрицательное отношение Милютина к крепостному праву отнюдь не было абстрактным. Получив в середине сороковых годов в наследство от отца небольшую деревушку «Коробки», Алексинского уезда, Тульской губернии, с 26 ревизскими душами и 116 десятинами земли, Милютин, с помощью своего дяди гр. П. Д. Киселева, передает ее в Министерство государственных имуществ, превратив, таким образом, своих крестьян из помещичьих в государственных. «Я перестал быть помещиком, душевладельцем, и совесть моя успокоилась», — пишет он по этому поводу.**)

Путевой дневник Милютина, который он вел, находясь за границей в 1840—1841 годах, достаточно ярко характеризует его отношение к Западу. Увидев впервые с парохода берега Западной Европы, он заносит в дневник следующую запись:

«...Дай насладиться зрелищами для меня новыми и занимательными, но не оставь потом по себе ни воспоминаний грустных, ни также души пресыщенной или разочарованной! В тебе ищу я себе лекарства душевного и телесного: дай пищу усыпившейся деятель-

*) Ф. Д. А. Милютина, М. 7812, л. 382.

**) Там же, М. 7836, стр. 163.

ности моего духа! Возроди меня к жизни духовной, внутренней...»*)

Приехав во Францию, Милютин записывает в своем дневнике: «Счастливый человек! Он во Франции...»**)

Критикуя николаевскую действительность, будучи сторонником буржуазных форм общественной жизни, Милютин, вместе с тем, относился крайне отрицательно к революционным методам борьбы. В цитированном выше путевом дневнике мы находим следующую запись:

«Я понимаю один род полезных революций: те, которые совершены спокойно, обдуманно в головах людей, способных понимать истинные пользы народа, но всякая революция, которая дышит фанатизмом, революция насильственная, народная, не ведет к улучшению общества, потому что она только разрушает, ничего вновь не создавая. Где слепой фанатизм и сила бессмысленной толпы, там нет благоразумия, а без благоразумия едва ли можно сделать успех в общественном благоустройстве...»***)

Анализируя взгляды Милютина, мы приходим к выводу о близости их к воззрениям правых западников. Среда, в которой вращается Милютин в 40-х — 50-х годах, его близкие отношения с Т. Н. Грановским, В. П. Боткиным, И. С. Тургеневым, дружба с И. П. Арапетовым, К. Д. Кавелиным, Б. Н. Чичериным — все это в известной мере также подтверждает правильность высказанного нами положения.

Революционная ситуация конца 50-х годов, приведшая к резкому разграничению классовых сил, не могла не оказать известного влияния и на эволюцию взглядов Милютина. Они приобретают более умеренный характер, что и приводит его окончательно в лагерь либералов.

«Либералы, — писал Ленин, — были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией».****)

Действительно, являясь сторонником буржуазных форм общественной жизни и противником феодально-крепостнической системы, Милютин ненавидел, вместе с тем, революционно-демократическое движение, считая возможным осуществление своих чаяний в рамках самодержавного строя.

Из этого следует, что вся государственная деятельность Милютина, его борьба за осуществление буржуазных преобразований, при всей прогрессивности их, представляли собою лишь борьбу

*) Там же, М. 7913, л. 6 об.

**) Там же, М. 7918, л. 1.

***) Там же, М. 7918, л. 73.

****) Ленин. Собр. соч., г. XV, стр. 114.

внутри господствующего класса, борьбу «исключительно из-за меры и формы уступок».*)

* * *

С конца 1861 года, во всей деятельности Военного министерства произошел резкий перелом.

«С назначением меня военным министром, — говорит Милютин, — я счел своей обязанностью немедленно же заняться составлением общей программы предстоявшей мне деятельности... Составление такой программы потребовало всестороннего пересмотра и обсуждения всех частей нашего военного устройства».**).

Действительно, к разработке этой широкой программы было привлечено все министерство: почти ежедневно Милютин устраивал различные совещания, на которых обсуждались те или иные вопросы намечавшихся преобразований. Для разрешения более серьезных вопросов создавались особые комиссии. Каждый желающий мог представлять свои замечания и проекты. В результате огромной, напряженной работы общая программа преобразований по всем частям военного управления и организации армии была готова менее чем в двухмесячный срок и 15 января 1862 года уже представлена Александру II в форме всеподданнейшего доклада. Этот доклад, утвержденный Александром II в конце января, и явился программой действий Милютина.

Главная задача этой программы заключалась в создании массовой армии буржуазного типа. В основу новой организации вооруженных сил Милютин положил следующий принцип: «р а з в и в а т ь в наибольшей соразмерности боевые силы в военное время при наименьшем числе наличных войск в мирное время»***). Милютин прекрасно понимал, что с отменой крепостного права создается возможность для организации такой массовой армии.

Одной из первых реформ Милютина явилась реорганизация системы центрального военного управления и создание местных территориальных органов в виде военных округов. «Общая мысль этого преобразования, — писал Милютин, — состояла в том, чтобы привести все здание в стройный вид и упростить весь сложный механизм его, а для этого признано было полезным слить вместе части, однородные по кругу действий, и уничтожить лишние нагромоты, которые в течение времени образовывались более или менее случайно, без всякого плана»****). Действительно, в централь-

*) Там же, стр. 143.

**) ф. Д. А. Милютина, М. 7841, «Воспоминания», стр. 111. В этой части очерка использована частично наша статья «Военные реформы Милютина», журн. «Вопросы истории» 1945 г., № 2.

***) Там же, стр. 122. Подчеркнуто автором.

****) Милютин, «Военные реформы императора Александра II», «Вестник Европы», 1881 г., № 1, стр. 13, статья без подписи автора.

ном военном управлении отсутствовала какая-либо система. Военное министерство состояло из следующих основных департаментов: инспекторского, ведавшего личным составом и внутренним устройством войск, за исключением артиллерийских и инженерных частей, не подчинявшихся военному министру; Генерального штаба, занимавшегося вопросами дислокации и размещения войск; провиантского, действовавшего лишь в районе внутреннего управления*); комиссариатского, ведавшего вопросами денежного и вещевого снабжения на территории всей империи, т. е. включая и Действующую армию; артиллерийского и инженерного, ведавших лишь хозяйственными вопросами всех видов, включая и обеспечение вооружением всех родов войск. Общее руководство артиллерией сосредоточивалось в руках генерал-фельдцейхмейстера и его штаба; генерал-фельдцейхмейстер имел право непосредственного доклада императору, стало быть не подчинялся военному министру. Такими же правами пользовался и генерал-инспектор по инженерной части со своим штабом, возглавлявший инженерные войска. Обе эти должности замещались лицами императорской фамилии и, естественно, пользовались полной самостоятельностью. Далее следует назвать медицинский департамент и аудиториа́тский, ведавший военно-судебными делами. Военно-учебные заведения не были также подчинены военному министру и возглавлялись главным начальником военно-учебных заведений, которому были предоставлены права министра. Таким образом, говорить о каком-либо единообразии управления не приходилось.

Еще хуже обстояло дело с местными органами военного управления, которых фактически почти не существовало. Если на окраинах существовали своеобразные органы военного управления (Действующая армия — на Западе, Кавказская армия, Отдельный оренбургский корпус), то внутри империи они отсутствовали, за исключением некоторых департаментов, имевших свои «представительства» на местах, именовавшиеся либо комиссиями, либо округами. Собственно, функции этих «представительств» заключались в снабжении войск, расположенных в определенном районе, теми или иными видами довольствия, вооружения либо имущества. Однако районы этих округов и комиссий не совпадали, и одна и та же часть войск, расположенная в определенном пункте, для удовлетворения своих нужд вынуждена была обращаться в разные места. Отсутствие местных органов военного управления, естественно, вызывало излишнюю централизацию, так как положи-

*) Вплоть до реформ Милютин в военное и мирное время существовало деление войск на армии. До 1833 года имелись две армии, позднее — одна под названием 1-й или Действующей армии. Эта армия состояла из трех-четырех корпусов, расположенных на территории Царства Польского и западных губерний. Армия эта не подчинялась Военному министерству и снабжение ее продовольствием лежало на обязанности генерал-провиантмейстера Действующей армии.

тельно все вопросы должны были решаться в стенах Военного министерства.

В результате проведенного преобразования по Положению 1867 года была создана стройная система центрального военного управления. Вместо упомянутых выше департаментов были созданы главные управления, ведавшие целиком той или иной отраслью. Существовавшие параллельно должности генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора инженерной части с их штабами были упразднены, также был уничтожен штаб главного начальника военно-учебных заведений, а его функции переданы Военному министерству и с этой целью образовано Главное управление военно-учебных заведений.

В итоге проведенной реформы аппарат Военного министерства сократился почти на тысячу человек, а канцелярская переписка уменьшилась на 45 проц.

Одновременно с реформой центрального управления были созданы военные округа по Положению 6-го августа 1864 года. Вся территория России была разделена на 15 военных округов. Каждый округ являлся одновременно и органом строевого управления войск и органом военно-административного устройства, сосредоточивая в себе все функции военного управления и представляя собой как бы военное министерство в местном масштабе. Управления округа — артиллерийское, инженерное, интендантское, военно-медицинское — подчинялись, с одной стороны, начальнику округа — командующему войсками, а с другой — соответствующим главным управлениям Военного министерства.

Военно-окружная система имела ряд крупных преимуществ. Устранялась излишняя централизация управления — один из основных недостатков дореформенной военной администрации. На Военное министерство возлагались лишь общее руководство и контроль за деятельностью округов. А главное — военно-окружная система создавала большие преимущества в деле оперативного руководства войсками и обеспечивала быструю мобилизацию их. Кроме того, в случае войны, военно-окружные управления могли быть чрезвычайно легко превращены в штаб действующей армии, что было особенно важно для пограничных округов. В связи с созданием военных округов, было уничтожено деление войск на корпуса; высшей тактической единицей стала дивизия.

Таким образом, с реорганизацией Военного министерства и созданием военных округов, были устранены крупнейшие недочеты в системе военного управления и тем самым обеспечена относительно четкая организация военного ведомства.

В связи с этими реформами было разработано в 1868 году новое положение по управлению войсками во время войны — «Положение о полевом управлении войск в военное время». По сравнению с предшествующим уставом 1846 года оно уточнило функции главнокомандующего, освобождая его от руководства второстепенными административными вопросами, и предусматривало коор-

динацию деятельности штаба главнокомандующего с военно-окружными управлениями. В дальнейшем в это «Положение» были внесены некоторые изменения на основе опыта франко-прусской войны 1870—1871 гг., в результате чего в 1876 году было утверждено новое «Положение». Однако, и первое и второе «Положения», в принципе правильно решая основные вопросы полевого управления, страдали одним недостатком: в них слабо был разработан раздел об устройстве тыла армии, что вызвало во время войны 1877—1878 гг. ряд серьезных трудностей.

Одновременно проводилась огромная работа и в области устройства армии. В своем докладе от 15 января 1862 года Милютин отметил, что основная задача — создание необходимых резервов.

На 1 января 1862 года в регулярных войсках числилось по штатам 798.194 человека, по штатам же военного времени количество это следовало увеличить до 1.400 тыс. человек. Однако, в действительности, как говорит Милютин в своих «Воспоминаниях», — «мы не имели в готовности ни запаса людей, ни запаса вещевого, нужных для приведения наших вооруженных сил в предположенный штатами военный состав*). Для перевода войск на военное положение требовалось призвать из запаса 612 тыс. человек, а имелось налицо всего 210 тысяч**). Таким образом, армия могла увеличиться всего на 25 проц., но и для этого развертывания нехватило бы ни подготовленного офицерского состава, ни запаса материального обеспечения.

Неудовлетворительное состояние русской армии того времени особенно резко выступало при сопоставлении ее с западноевропейскими армиями, где соотношение сил складывалось так: ***)

Страны	Численность армии		Отношение численности армии мирного и военного времени
	В мирное время	В военное время	
	в тысячах		
Франция	400	800	1 : 2
Австрия	280	625	1 : 2,2
Пруссия	200	695	1 : 3,4

*) ф. Д. А. Милютина, М. 7841, стр. 117.

**) Этот запас образовывался из солдат, увольняемых в бессрочные отпуска после службы определенного числа лет. В 1859 году срок действительной службы был установлен в 12 лет. До этого времени увольнение в бессрочный отпуск производилось после 15 лет службы.

***) Всеподданнейший доклад по Военному министерству 15 января 1862 года, табл. I.—«Столетие Военного министерства». Приложение к историческому очерку развития военного управления в России. СПб. 1902. т. I, стр. 75.

Указанное увеличение армий этих стран было действительно обеспечено необходимым количеством обученного людского запаса.

Милютин исходил из принципа наибольшего сокращения армии в мирное время при наибольшем увеличении ее в условиях войны, но вместе с тем он понимал невозможность в корне изменить систему призыва в силу существовавшего сопротивления реакционных кругов. Поэтому он предложил в своем докладе довести ежегодный контингент рекрут до 125 тысяч, при условии увольнения солдат в отпуск на седьмом-восьмом году службы, и это создало бы в течение семи лет резерв обученного запаса в 750 тыс. человек. По словам Милютина, он не решился тогда поставить вопрос о значительном сокращении срока военной службы, «...чтобы не поднять напрасно тревогу в нашей военной среде, предложение же мое увольнять нижних чинов во временный отпуск ранее выслуги срока никого не пугало»^{*)}). Но вместе с тем в том же докладе от 15 января 1862 года был поставлен вопрос об изменении к отбыванию воинской повинности привилегированных слоев населения. Таким образом, уже в 1862 году Милютин сделал первые шаги к введению всесословной воинской повинности. Намеченные в докладе 1862 года меры комплектования войск, хотя и не могли обеспечить создания массовой армии буржуазного типа, но все же принесли ощутимые результаты: к 1870 году запас вырос до 553 тысяч человек вместо 210 тысяч в 1862 году.

Большие изменения внес Милютин в принцип развертывания армии: если ранее увеличение армии в случае войны достигалось формированием новых тактических единиц — полков и дивизий, то отныне оно осуществлялось увеличением штата существующих в мирное время войсковых частей. С этой целью Милютин довел количество дивизий с 31 до 47, установив сокращенный состав их в мирное время. Если штаты военного времени принять за 100, то штат мирного времени составлял 55 проц., а так называемый кадровый, т. е. сокращенный штат — 35 проц. Таким образом, при наличии всех войсковых частей в мирное время в кадровом составе, в случае войны армия могла бы легко увеличиться втрое, не прибегая к новым формированиям, что было крайне важно, особенно с точки зрения быстроты развертывания.

Исключительно большое внимание Милютин уделил вопросу подготовки офицерских кадров, резко осуждая систему образования будущих офицеров, существовавшую при Николае I. «Наши офицеры образуются совершенно как попугаи, — записывает Милютин еще в 1840 году в своем путевом дневнике, — до производства их они содержатся в клетке и беспрестанно толкуют им: «попка, — налево кругом!», и попка повторяет: «налево

^{*)} ф. Д. А. Милютина, М. 7841, стр. 126. Подчеркнуто автором.

кругом!», «попка, на караул!», и попка повторяет это; ...когда попка достигает до того, что твердо заучит все эти слова и притом будет уметь держаться на одной лапке... ему надевают эполеты, отворяют клетку, и он выступает из нее с радостью, с ненавистью к своей клетке и прежним своим наставникам...»*)).

В начале 1862 года, когда военно-учебные заведения еще не находились в ведении Военного министерства, Милютин, в ответ на просьбу вел. кн. Михаила Николаевича сообщить свое мнение о предстоящих преобразованиях в области подготовки офицерского состава, изложил свою точку зрения на этот вопрос в пространной записке «Мнение о военно-учебных заведениях». В этой записке Милютин говорил о необходимости уничтожения кадетских корпусов, считая, что «воспитание отроков и юношей должно совершаться дома и в заведениях гражданских. Заведения же собственно военные могут существовать только с одной целью, доставить научное специальное образование тем молодым людям, кои почувствовали в себе призвание к военной службе»**).

Высказывая такую точку зрения, Милютин руководствовался следующими соображениями: во-первых, тем, что воспитание, основанное на строжайшей воинской дисциплине, дает свои плоды лишь в зрелом возрасте, «когда характер молодого человека успел самостоятельно развиться»***); военное же воспитание в детском возрасте, «когда характеру предстоит еще образовываться... стеснение его развития дисциплиной наносит существенный ущерб нравственным качествам юноши»****); во-вторых, тем, что подобная система обрекает детей, независимо от их призвания, к военной службе, что, скверно отражается на качестве офицеров, сплошь и рядом не имеющих склонности к военному поприщу. Однако позднее Милютин несколько видоизменил свою точку зрения, сохранив общеобразовательные военно-учебные заведения.

В середине 60-х годов, когда военно-учебные заведения были переданы в подчинение Военному министерству, Милютин проводит коренную реорганизацию всей системы военного образования.

Одной из первых реформ, проведенных в области военного образования, была реорганизация кадетских корпусов, которые состояли из общеобразовательных и специальных классов. Такое совмещение в одном учебном заведении и общего и специального военного образования отрицательно сказывалось на качестве преподавания. В середине 60-х годов специальные классы кадетских корпусов, за исключением Пажеского, были уничтожены и вместо них созданы военные училища, в которые принимались лица, имеющие среднее образование. Кадетские корпуса были переименова-

*) Там же, М. 7913, л. 46. Подчеркнуто автором.

**) Там же, М. 8004, л. 22. Подчеркнуто автором.

***) Там же, л. 18.

****) Там же.

ны в военные гимназии, представлявшие собой средние учебные заведения с программой, приближающейся к курсу реальной гимназии.

Милютин придавал огромное значение постановке преподавания и воспитания в военных гимназиях и уделял этому большое внимание. Об этом свидетельствует следующая запись в дневнике 30 марта 1876 года: «В прошлом году в «Журнале Министерства народного просвещения» обратила мое внимание статья об испытаниях выпускных воспитанников гимназий; в этой статье были, между прочим, указаны и темы, которые задавались по разным предметам преподавания, и решение которых обуславливало получение свидетельств зрелости. Мне пришла мысль сделать опыт в военных гимназиях: насколько наши воспитанники развиты, чтобы решить удовлетворительно такие же задачи. Для этого я распорядился, чтобы из старшего (7 класса) первой и второй военных гимназий и Пажеского корпуса отобрана была четвертая часть воспитанников, лучших по баллам, чтобы в назначенный мною день и час они были собраны в одном из заведений и в моем присутствии решили одну и ту же задачу из каждого чисто гимназического курса математики... Вчера вечером мне были доставлены эти работы, и сегодня не мало стоил мне труда пересмотр целой пачки испещренных цифрами и фигурами листков. Я имел терпение исполнить эту самую скучную работу и написать подробную рецензию... Сегодня же назначено было воспитанникам тех же заведений писать сочинение на данную мною тему: «Географическое и историческое значение Средиземного моря».*)

В результате забот Милютина, качество преподавания и воспитания в военных гимназиях значительно повысилось. Воспитанники военных гимназий составляли в основном контингент поступающих в военные училища, которые, в свою очередь, выпускали ежегодно около 600 офицеров. Однако этого количества было явно недостаточно для пополнения командного состава армии, и Милютин создал еще один вид военно-учебных заведений — юнкерские училища. Для поступления в юнкерские училища требовались знания, в объеме, примерно, четырех классов средне-учебного заведения. В юнкерских училищах с двухгодичным сроком обучения преподавались, наряду со специальными предметами, также и общеобразовательные: математика, физика, химия и т. д. Ежегодно из юнкерских училищ выпускалось около полутора тысяч офицеров.**)

*1) Там же, М. 7853, стр. 75-77.

***) До реформы военно-учебных заведений комплектование войск офицерами происходило, главным образом, за счет так называемых недорослей из дворян, поступавших в армию добровольно юнкерами, а также и унтер-офицеров общих сроков службы, т. е. призывавшихся по рекрутскому набору. Вполне понятно, что и те и другие обладали крайне низким уровнем знаний. Что же касается офицеров, оканчивавших кадетские корпуса и специальные (артиллерийское и инженерное) военные училища, то количество их было настолько незначительно, что едва хватало для укомплектования гвардии и специальных родов войск.

Качество высшего военного образования также значительно улучшилось: коренным образом были пересмотрены учебные планы и программы академий. Помимо трех академий: Генеральной штаба, Артиллерийской и Инженерной, была открыта четвертая — Военно-юридическая.

Милютин также всемерно содействовал распространению в офицерской среде военных знаний. Во всех военных академиях, а также при штабах полков и дивизий в определенные дни недели читались лекции по различным военным дисциплинам. В офицерских собраниях отводились специальные дни для бесед и чтений на военные темы, а также для «военных игр».

Большая работа была проведена Милютиным также в области внутренней организации армии и обучения войск. В своем докладе от 15 мая 1862 года Милютин писал: «Совершенствование армии основано преимущественно на образовании единиц, ее составляющих, на развитии их природных способностей не только физических, но и умственных...»*)

Милютин пытался совершенно изменить принцип обучения солдат, возродив суворовское положение: обучать лишь тому, что нужно для войны. В этих целях большое внимание уделялось физическому воспитанию солдат, подготовке их к трудным условиям боевой жизни. В войсках введено было преподавание гимнастики и фехтования. Стрелковое образование, развитие искусства стрельбы в цель получило большое распространение. Строевое обучение войск тоже изменилось.

Опыт Крымской кампании и задачи подготовки солдат для войны заставили отменить «нормальные боевые порядки», т. е. боевое построение сомкнутым строем. В середине 60-х годов был разработан новый воинский устав о строевой пехотной службе. Однако, в этом вопросе Милютину приходилось преодолевать большие трудности: слишком глубоко укоренились традиции плацпарадов, особенно на протяжении последних 30 — 40 лет. «К сожалению, государь, — пишет Милютин в своих «Воспоминаниях», — имея склонность к поддержанию прежних традиций, хотя и радовался успехам войск в настоящем тактическом образовании, в то же время, однакож, требовал и строгого соблюдения стройности и равнения на церемониальном марше, точного соблюдения на разводах, церковных парадах и других церемониях всей прежней мелочной формалистики. Одно какое-нибудь замечание государя за пустую ошибку уставную или за неровность шага, недостаточно «чистое» равнение парализовало все старания придать обучению войск новый характер, более соответственный истинной пользе и условиям войны.»**)

Много было сделано Милютиным и в области распространения

*) «Столетие Военного министерства». Приложение к историческому очерку развития военного управления в России. СПб. 1902, т. I, стр. 92.

**) ф. Д. А. Милютина, М. 7850, стр. 296-297.

грамотности среди солдат. В этих целях в войсковых частях проводилось обучение грамоте, издавались специальные солдатские журналы «Солдатская беседа» и «Чтение для солдат», организованы были полковые и ротные библиотеки.

Большое внимание уделялось Милютиным вопросу перевооружения армии. По окончании Крымской войны, с 1857 г. производилось перевооружение пехоты: вместо существовавших семилинейных гладкоствольных и нарезных ружей вводилась шестилинейная заряжающаяся с дула винтовка. Артиллерия стала переходить к орудиям с нарезными стволами, также заряжаемым с дула. Разрабатывался вопрос о замене деревянных лафетов железными.

В 1866 г., благодаря энергичным мерам Военного министерства, эта работа была закончена: в пехоте ввели шестилинейную винтовку, в артиллерии — медные нарезные пушки. Однако, военная техника в Европе еще шагнула вперед: нарезное оружие, заряжающееся с дула, к тому времени уже устарело. Опыт австро-прусской войны 1866 г. поставил вопрос о необходимости перехода к оружию, заряжающемуся с казенной части, перехода от медных пушек к стальным.

Отсталость отечественной военной промышленности, с одной стороны, и отсутствие средств для приобретения новых видов вооружения за границей — с другой, крайне тормозили дело перевооружения и помешали Милютину добиться сколько-нибудь существенных результатов. Ему приходилось непрерывно вести борьбу с Министерством финансов, отстаивая требуемые им ассигнования на перевооружение армии, причем, как правило, он никогда полностью не получал этих сумм. Учтя невозможность произвести замену существующего оружия новым, Военное министерство наладило переделку существующих винтовок в скорострельные, заряжающиеся с казенной части, а также частичное изготовление новых винтовок. Дело перевооружения осложнялось еще и тем, что Военное министерство долго не могло остановиться на определенной системе винтовки, — за границей появлялись все более совершенные виды оружия. Так, в 1866 г. начинается переделка винтовок в скорострельные, капсюльные, по системе Терри-Нормана, а позднее отдается преимущество винтовке системы Карле, отличавшейся скорострельностью и прочностью устройства.

В конце 60-х годов принимается на вооружение малокалиберная винтовка Бердана № 2, отличавшаяся несомненными преимуществами: наибольший прицел достигал 1500 шагов при очень большой силе удара — на расстоянии 4 тыс. шагов пуля пробивала дюймовую доску. Эта винтовка американского образца была значительно реконструирована командированными в Америку русскими офицерами Горловым и Гунниусом, вследствие чего и получила в Америке наименование русской, представляя собою наилучший образец из всех существовавших там систем оружия. Переделка же шестилинейных винтовок производилась по системе Крым-

ка (или Кринка). Винтовка Кринка обладала наибольшим прицелом на 600 шагов и заряжалась с казенной части. Таким образом, на вооружении имелись винтовки различных систем, что создавало огромные неудобства и снижало качество технической вооруженности русской армии.

При перевооружении армии министру приходилось преодолевать многочисленные трудности. Большим препятствием, по словам Милютин, было «вмешательство в это дело, под эгидой наследника цесаревича, людей неспециальных, вовсе незнакомых с техникой оружейного дела, и взявшихся за переделку наших ружей по какой-то случайно попавшейся им в руки неиспытанной системе».*) Вокруг наследника увивались алчные и ловкие дельцы с одной только целью: как бы побольше нажать на поставках оружия. Они, при поддержке своего высокопоставленного, но невежественного покровителя, принесли большой вред делу перевооружения армии.

Милютин придавал большое значение развитию отечественной военной промышленности, понимая, что только наличие ее может обеспечить должное состояние вооруженных сил. В одной из своих резолюций относительно приобретения ружей за границей он писал: «Россия не Египет, не папские владения, чтобы ограничиться покупкой ружей за границей на всю армию. Мы должны же устроить свои заводы для изготовления в будущем наших ружей...»**)

Таковы вкратце реформы в области военного управления и организации армии, осуществленные Милютиным на протяжении первых 8—9 лет его руководства Военным министерством.

* * *

Возглавляя Военное министерство, Милютин отнюдь не пытался замкнуться в круг военных дел, а, наоборот, стремился принимать живое участие и в решении других государственных вопросов.

Для понимания отношения Милютин к тем или иным вопросам внутренней политики небезинтересно остановиться на характеристике его политических взглядов того времени.

В архиве Е. М. Феоктистова, бывшего в начале 60-х годов сотрудником газеты «Русский Инвалид», сохранились черновые наброски Милютин, представляющие собою своеобразное profession de foi его политических чаяний.

«Реформа у нас может быть произведена только властью. У нас слишком велико еще брожение, — говорит Милютин, — слишком разрознены интересы, чтобы ожидать чего-нибудь хорошего и прочного от инициативы представителей этих разрозненных

*) ф. Д. А. Милютин, М. 7849, стр. 183.

**) Резолюция Милютин на рапорте ген. Горлова от 21 сентября 1870 года. Цит. по кн. В. Федорова «Вооруженные силы русской армии в XIX столетии», СПб. 1911, стр. 237.

интересов... (стало быть мысли о конституционных проектах должны быть отложены на многие лета). Затем реформа наша должна быть общая для всей империи; всякое исключительное применение к той или другой местности вредит единству государства, возрождает сепаратизм и соперничество.

Наконец, сохранение сословных привилегий сделало бы невозможным какой-либо прогресс.

Брать за образец английские или какие-нибудь другие учреждения, развивавшиеся веками из самих элементов народных, значило бы насиловать природу и историю народа».*) Такова точка зрения Милютин на пути осуществления преобразований. Далее он переходит к характеристике общественных настроений, выражающих, по его мнению, крайнюю неопределенность политических чаяний. «Одни, — говорит он, — интерес личный ставят выше общего государственного. У иных же преобладает теория над практикой».**)

Все это, по его мнению, говорит о том, что в России еще не созрели условия для образования партий, что, в свою очередь, еще раз подтверждает правильность мысли о нереальности каких-либо конституционных проектов.

В заключение Милютин излагает свою точку зрения на основные принципы внутренней политики. «По-нашему, есть два условия главные, существенные. *Sine qua non* — без которых всякая политическая теория в применении к России должна считаться несостоятельной: 1-ое — единство и целостность государства, 2-ое — равноправность членов его. Для первого условия нужно: сильная власть и решительное преобладание русских элементов (мы говорим об империи, — о Царстве Польском и Княжестве Финляндском речь особая). Для второго условия необходимо откинуть все устаревшие, отжившие привилегии, проститься навсегда с правами одной касты над другой... Но сильная власть не исключает ни личной свободы граждан, ни самоуправления; но преобладание русского элемента не означает угнетения и истребления других народностей; но устранение старинных привилегий — далеко от нивелирства и социализма. Тот, кто хочет истинного блага России и русского народа, кто думает более о будущности их, чем о настоящих эгоистических интересах, тот должен отвергать решительно все, что может или колебать власть единую и нераздельную или подстрекать и потворствовать сепаратизму некоторых частей или поддерживать дух властвования одного сословия над другими...»***)

*) Архив Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом), фонд Феоктистова, 9096, 15, 104. Наброски эти написаны рукою автора, карандашом, дата и подпись отсутствуют. Нам представляется, что они относятся, примерно, к 1864-1865 гг.

**) Там же.

***) Там же. Подчеркнуто автором.

Таковы политические взгляды Милютин. Они характеризуют его как либерала, однако либерала крайне умеренного, считающего возможным осуществить буржуазные преобразования в рамках самодержавного строя.

Одним из средств своего влияния на вопросы внутренней и внешней политики Милютин избирает печать. В 1863 году «Русский Инвалид» — орган Военного министерства — превращается в серьезную политическую газету, занимающую по ряду вопросов отличную от других органов печати позицию. Сам Милютин повседневно занимался газетой, уделял ей много внимания. По свидетельству Е. М. Феоктистова, «редактор должен был неуклонно каждый день к 9 часам вечера приезжать к нему и представлять на его усмотрение все сколько-нибудь выдающиеся статьи; как бы ни был занят Милютин, у него всегда хватало времени весьма внимательно заняться ими; он дорожил «Русским Инвалидом», как самым удобным средством распространять известного рода идеи не только в военном сословии, но и вообще в публике.*) В области внутренней политики «Русский Инвалид» горячо поддерживал проводимые буржуазные реформы, отстаивая их от нападок крепостников, разумеется, с либеральных позиций. Много внимания уделяла газета подготовлявшимся земской и судебной реформам, а также и новому университетскому уставу.

Особой точки зрения придерживался Милютин лишь в польском вопросе. По отношению к польскому восстанию он стоял на непримиримых позициях, не допускающих никаких политических уступок. Милютин являлся сторонником беспощадного подавления восстания, одобряя полностью «решительный» образ действий Муравьева-вешателя.

Будучи противником какой-либо политической автономии, Милютин вместе с тем считал необходимым сохранение в Польше ее внутренней администрации, ее судебных и религиозных учреждений. Эта точка зрения нашла свое выражение в статье Гильфердинга «Положение и задачи России в Царстве Польском», помещенной в «Русском Инвалиде» в ноябре 1863 года.

«Как можно налагать русские распоряжки на край, вовсе не русский? Это совершенно противно духу русского народа, преданиям русской истории, — пишет Гильфердинг. — Если бы русская административная система, русское судопроизводство и т. д. были идеалом совершенства, то, пожалуй, можно бы было подумать о такой мере. Но мы признаем их далекими от совершенства и для самой России.**) И далее Гильфердинг указывает на необходимость сохранения внутреннего административного устройства, не допуская при этом «ни тени политической автономии».

Вместе с тем Милютин являлся горячим сторонником и крестьян

*) Е. М. Феоктистов. «За кулисами политики и литературы». Изд. «Прибой». 1929, стр. 335.

**) «Русский Инвалид», 17 ноября 1863 года, № 255.

Если «Московские Ведомости», рассматривая остзейский вопрос с великодержавных позиций, обвиняли прибалтийское дворянство в «немецком сепаратизме», то «Русский Инвалид» смотрел на это иначе. «...вопрос идет не о сепаратизме, не о национальных немецких стремлениях, — писалось в одной из редакционных статей «Русского Инвалида», — а о чисто сословных стремлениях той небольшой партии, которая до сих пор держит в безгласности и несправности как все финно-латышское население, так и русских и вообще не принадлежащих к привилегированным... Порядок, существующий в Остзейском крае, сословная монополия тесной корпорации из нескольких сот имматрикулированных дворян и нескольких тысяч привилегированных граждан исключительно немецкого происхождения, не допускающих ни в свою среду, ни к участию в общественных делах, ни даже к полному пользованию гражданскими правами, ни массу финно-латышского населения, ни русских, обитающих в крае, ни прочих народностей, обнаружены были нами во всей своей наготы».*)

Резкий тон статей «Русского Инвалида» вызвал недовольство Александра II, о чем шеф жандармов кн. В. А. Долгоруков сообщает Милютину в официальном письме, требуя прекратить «нападки» на немцев.

Не менее активную роль играл Милютин и в среднеазиатском вопросе. По инициативе Милютина, вопреки кн. А. М. Горчакову, в 1864 году начинаются активные действия в Средней Азии, заключавшиеся первоначально в соединении Оренбургской и Сибирской линий.

На протяжении всего периода завоевания Средней Азии Милютину приходилось преодолевать сильное противодействие кн. Горчакова, боявшегося осложнений с Англией, также стремившейся к колониальной экспансии в этом районе. В своей записке в Министерство иностранных дел в связи с депешей русского посла в Лондоне бар. Брунова, бывшего тревогу по поводу продвижения в Средней Азии, Милютин писал: «...не надобно просить извинения перед английскими министрами за всякое наше движение вперед. Они не церемонятся перед нами, завоевывая целые царства, занимая чужие города и острова, и мы не спрашиваем у них, зачем они делают это...»**).

В 1867 году, по инициативе Милютина, туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками округа был назначен ген. К. П. Кауфман, который и осуществлял, в соответствии с планами военного министра, политику в Средней Азии.

* * *

Событие 4 апреля 1866 года — покушение Каракозова на Александра II — приводит к резкому усилению реакционного кур-

*) «Русский Инвалид», 10 апреля 1865 года, № 76.

**) Архив внешней политики России МИД СССР, ф. Азиатского департамента, опись 1-9, д. № 15, ч. II, 1862-1868 гг., л. 38.

са. Вскоре после покушения Милютин, предвидя разгул реакции, пытается предотвратить это путем воздействия на Александра II.

Обсудив создавшуюся обстановку со своим политическим единомышленником проф. К. Д. Кавелиным, Милютин решил обратиться непосредственно к царю с особой запиской, в которой были бы изложены взгляды на современное положение вещей. Записка эта, озаглавленная «О нигилизме и мерах против него необходимых», была написана Кавелиным и в середине мая передана Милютиным после очередного доклада Александру II. В этой записке Кавелин стремился доказать следующие положения, характерные для российского либерализма того времени. Во-первых, что революционное учение — нигилизм — не имеет под собой никакой почвы, русский народ чужд ему — «...нигилизм не имеет ничего общего с простым народом русским, — говорит Кавелин в этой записке, — ...нигилизм пришел к нам с Запада и потому принадлежит исключительно той среде, которая находится в отчуждении от народа...»*) И, во-вторых, что рост революционного движения вызван отнюдь не результатами буржуазных реформ, как это утверждают реакционеры — «...было бы совершенно ошибочно думать, что эта свобода, которую нынешнее царствование даровало всем общественным силам России и которой нигилизм воспользовался наравне со всеми прочими явлениями общественной жизни нашей, что эта свобода содействовала развитию и усилению нигилистической заразы. Напротив, факты доказывают, что нигилизм внедрился в России и заразил молодое поколение в эпоху самого тяжелого надзора и гнета между 1849 и 1855 годами...»**) Далее автор записки переходит к вопросу о методах борьбы с революционным движением. Не отрицая необходимости полицейских мер, Кавелин подчеркивает, что правительство не может ими ограничиваться, а тем более ставить их во главу угла всей борьбы с «революционной заразой». Сохранение прежнего правительственного курса, дальнейшее проведение буржуазных реформ, улучшения в области постановки учебного дела и ряд других мероприятий — вот что, по мнению автора, должно, наряду с репрессивными мерами, способствовать искоренению нигилизма. «...Нет никакой надобности, — говорится в записке, — изменять нынешних, столь счастливых, исполненных взаимного доверия отношений между правительством и крестьянским сословием. Единственная здравая политика в этом отношении состояла бы в поддержании этих отношений...»***)

Записка эта, как рассказывает Милютин, осталась без последствий. Александр II возвратил ее ему при последующем его докладе, сказав лишь, что «в ней есть много справедливого», и уклонился от дальнейшего разговора. «Я мог вполне понять — говорит Ми-

*) Ф. Д. А. Милютин, М. 8026, л. 2.

**) Там же, л. 4.

***) Там же, л. 7.

лютин, — что ему не угодно, чтобы я вмешивался в общие дела, выходящие из специального круга военного ведомства. Недаром же твердили уже давно государю, что я либерал, демократ, красный и вообще человек опасный...»*)

Наступившая реакция неблагоприятно отразилась на положении Милютина. Назначение на пост шефа жандармов гр. Петра Шувалова, имевшего на Александра II огромное влияние, замена либерально настроенного министра народного просвещения А. В. Головнина реакционером гр. Д. А. Толстым — все это делало положение Милютина крайне тяжелым. «Я стал в странные отношения к моим коллегам, — говорит он, — составляя как бы оппозицию в самом составе правительства».**)

Действительно, Милютин остается в правительстве единственным представителем либерального направления. «С 4 апреля, — пишет он, — берет верх партия quasi-консерваторов или, вернее сказать, ретроградов. Представителем ее на первом плане является гр. Петр Шувалов; к нему примыкают все те личности, которые и прежде не сочувствовали либеральным реформам. Партия эта задумала воспользоваться преступным выстрелом Каракозова, чтобы внушить государю недоверие ко всему, что было сделано на славу его царствования, и под видом укрепления расшатанной будто бы самодержавной власти восстановить господство высшего сословия над массой, по идеалу прибалтийских баронов...»***)

Гр. Шувалов и его клика пускают в ход все средства, чтобы добиться отставки Милютина. К концу 1866 года положение его настолько пошатнулось, что начали циркулировать упорные слухи об его отставке.

Однако, подобрать на пост военного министра кандидата, способного возглавить реорганизацию армии, не удалось, и Александр II не решился дать отставку Милютину.

В 1868 году гр. Шувалов и министр внутренних дел Тимашев снова повели яростную кампанию против Милютина. На этот раз атака была направлена против «Русского Инвалида»: был представлен всеподданнейший доклад о вредном направлении органа Военного министерства. Совет министров, обсудив этот вопрос, прекратил издание «Русского Инвалида»****)

В конце 1868 года гр. Шувалов и К^о идут на прямую провокацию против Милютина. В Москве по фабрикам и мастерским начали собираться подписи под благодарственным адресом, составленным на его имя, о чем сообщает Милютину из Москвы Ю. Ф. Самарин.

*) ф. Д. А. Милютина, М. 7847, стр. 85.

**) Там же, стр. 259.

***) Там же, стр. 203-204.

****) Через некоторое время выпуск «Русского Инвалида» был возобновлен в виде уже ведомственной газеты.

«Уже несколько дней, — пишет он, — ходят об Вас в Москве странные слухи. Рассказывают, что государь будто бы сказал в. к. наследнику, что ему бы хотелось бы узнать, какого мнения Москва о военном министре; что слова эти будто бы дошли до генерал-адъютанта Зеленого, который будто бы через преданных ему людей распространяет их в средних и низших слоях здешнего городского общества, подбивая его к какой-нибудь манифестации в вашу пользу. Говорят, что по фабрикам и мастерским кем-то разносятся благодарственные адреса на Ваше имя и вербуются подписи... Сегодня поутру к старшине здешнего ремесленного сословия Буханову явился совершенно ему незнакомый господин, который не назвался и подал ему адрес, ...требуя от него, чтобы он подписал его от имени всего ремесленного сословия, притом без дальних размышлений, так как городской голова князь Щербатов одобряет этот адрес и сочувствует этому делу. Осторожный Буханов однако не подписал и отправился... к князю Щербатову, который от него первого узнал, к немалому своему удивлению, обо всем этом деле...»*)

Как сообщает далее Самарин, в числе лиц, распространявших адрес, фигурировала некая Чепелевская — содержательница Кирилло-Мефодиевского пансиона в Москве, имевшая близкое отношение к III отделению.

Благодаря этому письму Милютину удалось принять соответствующие меры, и провокация сорвалась.

В том же 1868 году реакционная печать начала поход против осуществленных Милютиным военных реформ. На страницах газеты «Весть» военный писатель Р. А. Фадеев — креатура кн. А. И. Барятинского — выступает с рядом статей, критикующих военные преобразования Милютина. В одном из своих писем к кн. Д. И. Святополк-Мирскому Фадеев в 1868 году пишет: «...По письму фельдмаршала государь согласился отпустить меня к нему редактором антимилютинской работы, с зачислением в Министерство внутренних дел, чтобы изъять меня из-под военной власти».**)

Политическая направленность этой борьбы станет вполне ясной, если привести следующее суждение Фадеева, высказанное им в письме к Ю. Ф. Самарину: «Продолжающееся царство Милютина, которое есть чистейший остаток банды, выстроившей Россию 1861 года, с благонамеренности которой Вы считаете возможным говорить так громко».***)

Фадеев, инспирируемый кн. Барятинским, подвергает уничтожающей критике новое военное устройство, восхваляя при этом прусскую военную систему и порядки, существовавшие при Николае I. Критика эта, осуждая буквально все созданное Милютиным, ста-

*) ф. Д. А. Милютина, М. 8044, письмо Ю. Ф. Самарина от 1 января 1869 года. Подчеркнуто автором.

**) ЦГИАЛ, ф. Фадеева, д. № 34, л. 1.

***) Отд. рук. ГБЛ, ф. Самариных, 7/76, 18, 205.

вила перед собою задачу повернуть вспять развитие вооруженных сил, установив прусскую систему организации и управления армии, о которой в свое время мечтал кн. Барятинский.

* * *

Начавшаяся в 1870 году франко-прусская война и напряженное международное положение, возникшее в связи с этим в Европе, несколько ослабили борьбу против Милютин и даже создали условия для постановки им вопроса о необходимости дальнейших преобразований. «Война франко-прусская, — рассказывает в своих «Воспоминаниях» Милютин, — произвела сильное впечатление во всей Европе... Тогда поняли и у нас, как несвоевременно было заботиться исключительно об экономии, пренебрегая развитием и совершенствованием наших военных сил. Заботы о сокращениях и сбережениях отодвинулись (по крайней мере временно) на задний план, заговорили о том, достаточны ли наши вооруженные силы для ограждения безопасности России в случае каких-либо новых политических пертурбаций в Европе».*)

Воспользовавшись благоприятной обстановкой, Милютин вновь поставил вопрос об увеличении численности войск, а также о разработке устава о всеобщей воинской повинности. Большую помощь в этом вопросе оказал ему член Государственного Совета П. А. Валугев — бывший министр внутренних дел. Находясь летом 1870 года за границей, Валугев явился свидетелем молниеносного разгрома Франции, и, под впечатлением этих событий, высказал Милютину мысль о целесообразности введения всеобщей воинской повинности. «Я отвечал ему, — рассказывает Милютин, — что, без сомнения, такое решение вопроса было бы самым рациональным, но что едва ли можно рассчитывать на успех, если инициативу подобного предложения приму я на себя: достаточно моего имени в этом предложении, чтобы оно было признано новой революционной мерой. Я убедил Валугева изложить письменно его мысли и представить их государю от своего имени».**)

Действительно, несколько дней спустя Валугев передал Милютину свою записку, озаглавленную «Мысли невоенного о наших военных силах», в которой он, ссылаясь на события в Западной Европе, ставил вопрос о необходимости увеличения вооруженных сил на основе введения воинской повинности. Эта записка, переданная Александру II, была на другой же день возвращена Милютину со следующей резолюцией: «Совершенно совпадает и с твоими и моими собственными мыслями, которые, надеюсь, и будут приводиться в исполнение по мере возможности».***)

*) Ф. Д. А. Милютин, М. 7850, стр. 89-90.

**) Там же, стр. 94-95.

***) Ф. Д. А. Милютин, М. 8048, л. 1.

В плане, составленном Милютиным и принятым Александром II, ставилась следующая задача: на основе введения воинской повинности и сокращения сроков службы значительно увеличить возможность развертывания армии в случае войны. Для этого предполагалось сформировать 30 резервных дивизий, комплектуемых во время войны обученными кадрами, находящимися в запасе; кроме того, для пополнения убыли во время войны создать запасные войска.

Для разработки предложенных мер были созданы две комиссии: одна по вопросу введения всесословной воинской повинности, другая — по созданию резервных и запасных войск, а также по реорганизации ополчения.

Таким образом, только внешнеполитические события дали возможность Милютину приступить к осуществлению своих заветных планов — подготовке устава о воинской повинности. Однако, подготовка и проведение в жизнь намеченных мероприятий потребовали от Милютина огромных трудов и усилий.

В начале 70-х годов, вскоре после окончания франко-прусской войны, борьба против реформ Милютина снова принимает большие размеры. Упоминавшийся выше писатель Фадеев и находившийся в отставке генерал Черняев начинают систематическую травлю Милютина на страницах газеты «Русский Мир».

«Московские Ведомости» — орган Каткова — также принимают участие в походе против Милютина. Как и прежде, борьба эта направлялась фельдмаршалом кн. Барятинским. Не стоял в стороне от этого и шеф жандармов гр. Петр Шувалов, видевший в Милютине своего главного политического противника.

Генерал Н. Г. Залесов, находившийся в близких отношениях с гр. Павлом Шуваловым — братом шефа жандармов — и хорошо знавший закулисную сторону этой борьбы, в своих воспоминаниях пишет: «...душою интриги был шеф (жандармов. — П. З.). Не ограничиваясь Барятинским, Шуваловы находились тогда в самых дружеских отношениях и к германскому посланнику принцу Рейссу, как известно, имевшему значительное влияние на государя и действовавшему именем императора Вильгельма. В сущности же говоря, — заключает Залесов, — вся эта партия, сама, может быть, того не сознавая, работала по дудке Бисмарка, боявшегося развития военных сил России и национального направления ее политики».*)

Об этом упоминает и Милютин в своих «Воспоминаниях».

В начале 1872 года Милютин предложил Александру II созвать секретные совещания, дабы обсудить подготовлявшиеся мероприятия как в области дальнейшего увеличения армии — создания резервных и запасных войск, так и других вопросов военного устройства. Совещания эти первоначально были назначены на декабрь

*) «Записки Н. Г. Залесова». «Русская Старина», июнь 1905 г., стр. 517.

месяц, а затем перенесены на начало будущего года. В числе приглашенных на совещание лиц были министры, командующие войсками военных округов, отдельные представители Военного министерства, а также фельдмаршалы — кн. Барятинский, гр. Берг и великие князья Михаил и Николай Николаевичи.

Кн. Барятинский, приехав в Петербург за несколько месяцев до открытия совещания, собрал вокруг себя группу лиц, недовольных Милютиным. Составившаяся оппозиция включала в себя, помимо кн. Барятинского и гр. Берга, также и великих князей. Кроме того, вокруг кн. Барятинского объединились всякого рода темные личности, ущемленные Военным министерством, в числе которых был и опозорившийся в Крымскую кампанию бывший главный интендант Затлер, вызванный кн. Барятинским из Варшавы.

На предстоящих совещаниях кн. Барятинский решил выступить не только по вопросам, поставленным на обсуждение, но и против всей системы военного управления и организации армии.

Уже на первом заседании секретных совещаний, открытых 28 февраля под председательством Александра II, кн. Барятинский выступил с демагогической речью, представлявшей собою перепев статей «Русского Мира». Он обрушился на созданную Милютиным систему военного управления, в которой «чиновничество взяло верх над строевым элементом», а также обвинял Военное министерство в излишних расходах.

Первоначально Александр II отнесся крайне отрицательно к выступлению кн. Барятинского, но через несколько дней, поддавшись влиянию великих князей, изменил свое отношение к нему.

В начале марта Александр II создал специальную комиссию для изыскания путей сокращения расходов по военному ведомству; председательство в этой комиссии было возложено на кн. Барятинского.

Этот шаг являлся прямым вызовом Милютину. Естественно, что кн. Барятинский решил направить работу этой комиссии не столько на изыскание путей к сокращению расходов, сколько на критику финансовой и хозяйственной деятельности Военного министерства.

Вместе с тем кн. Барятинский и великие князья поставили вопрос об изменении всей системы военного управления и организации армии. Предполагалось уничтожить военные округа и вместо них создать четыре армии, распределив между ними все войска, а также провести и ряд других мер.

На заседании 10 марта, при обсуждении этих предположений, выступил Александр II со «своей» запиской, «случайно» совпадавшей с проектами оппозиции. Таким образом, был поставлен вопрос об уничтожении всей созданной Милютиным системы.

Это заставило его выступить крайне резко и заявить о невозможности дальнейшего пребывания на посту военного министра.

«В немногих словах, — рассказывает Милютин о своем выступ-

лении на совещании 10 марта, — я высказал, что прочитанные предложения составляют полное ниспровержение всей существующей у нас системы военной администрации; что уничтожение военных округов будет возвращением к прежней неурядице, к прежним комиссариатским и провиантским злоупотреблениям и пр. и пр. Все это высказано было горячо и резко, и в заключение вырвалась такая фраза: «Как бы то ни было, но предлагается ныне такое коренное преобразование, которое выработать и привести в исполнение я не чувствую себя в силах!»*)

Александр II с присущей ему бесхарактерностью и отсутствием собственной принципиальной точки зрения, боясь потерять Милютину, вскоре после этого выступления прекратил заседание, а вечером во дворце, встретив Милютину, попытался его успокоить. «Государь отыскал меня в толпе, — рассказывает Милютин, — взял за руку, отвел немного в сторону и, нагнувшись, на ухо сказал мне кротким и мягким тоном: «Как не стыдно было тебе рассердиться! Приходи ко мне завтра утром, часу в одиннадцатом». В воскресенье, 11 марта, в назначенный час, — продолжает Милютин, — прихожу к государю. Он дает мне руку, обнимает меня и смущенным голосом говорит: «Зачем ты принял так к сердцу то, что вчера говорилось? Мало ли какие приходится слушать несообразности...»**)

Повидимому, Александр II забыл, что эти «несообразности» лишь день назад он разделял и горячо поддерживал.

Однако и после этого примирения проект новой организации войск не был еще забыт. Только в конце марта, после некоторых уступок оппозиции, сделанных Милютиным, он был окончательно оставлен.***)

Военные округа и вся система военного управления, созданная Милютиным, были сохранены. Все вопросы, поставленные на обсуждение секретных совещаний, были решены в основном в соответствии с предположениями Военного министерства. Уступки же, сделанные Милютиным, заключались лишь в восстановлении в мирное время армейских корпусов, командиры которых подчинялись командующим военных округов****), а также в восстановлении уничтоженного после Крымской войны деления дивизий на две бригады.

Если целесообразность сохранения армейских корпусов в мирное время представляется спорной, то деление дивизии на две

*) ф. Д. А. Милютину, М. 7851, стр. 237.

**) Там же, стр. 238.

***) Милютин на основе представленных расчетов доказал, что проведение этого проекта в жизнь, помимо целого ряда противоречивых положений, потребует ежегодного увеличения расходов на 13 миллионов рублей.

****) Милютину пришлось долго бороться, чтобы отвергнуть требования оппозиции, считавшей необходимым подчинить командиров корпусов непосредственно верховной власти, что, по существу, означало бы уничтожение военных округов.

бригады являлось абсолютно ненужным, требовавшим лишь излишних расходов.

Кроме того, были внесены изменения и в составе пехотных полков, получивших четырехбатальонный состав вместо существовавших ранее трех батальонов, в батальоне же вводилась также четвертая рота.

Некоторые изменения были внесены и в принцип формирования резервных и запасных войск.

Что касается созданной комиссии под председательством кн. Барятинского, то она, проработав несколько месяцев, при всем своем желании, не сумела выдвинуть каких-либо серьезных обвинений против Военного министерства, ограничившись несколькими замечаниями третьестепенного характера.

Разработка и утверждение закона о воинской повинности потребовали от Милютина больших трудов и усилий. Реакционеры всех мастей, вплоть до «Московских Ведомостей», выступили против нового закона, усматривая в нем ущемление прав дворянства.

Первоначально проект закона о воинской повинности обсуждался в Особом присутствии о воинской повинности, а затем уже в Общем собрании Государственного Совета.

Обсуждение проекта в Особом присутствии Государственного Совета вызвало горячие споры по целому ряду вопросов. Небезинтересно отметить, что министр иностранных дел канцлер кн. Горчаков в первом же заседании выразил сомнение насчет возможности безотлагательного введения в России всесословной воинской повинности. «Кн. Горчаков, — говорится в мемории этого заседания, — заявил, что при всем сочувствии к основной мысли проекта, он, с своей стороны, считает, однако, необходимым, чтобы соблюдена была некоторая осторожность и постепенность в практическом его применении. По мнению кн. Горчакова, осторожность и постепенность в настоящем деле представляются особенно желательными как вследствие важности переворота, который совершится им во всем народном быту, так, равно, ввиду существующего ныне у нас весьма резкого различия в уровне образования отдельных слоев населения. Когда в начале нынешнего века всесословная воинская повинность впервые введена была в Пруссии, в этом государстве различие в степени образования высших и низших классов было менее значительно, нежели у нас теперь, и, несмотря на то, военная реформа была приведена в исполнение не вдруг, а постепенно в течение десяти лет. Примеру этому следовало бы последовать и нам».) Кроме того, кн. Горчаков считал, что привлечение в состав армии представителей образованных классов может оказать «вредное влияние на дисциплину и дух войск». Особое присутствие, однако, согласилось с возражениями

*) ЦГИАЛ, ф. Особого присутствия о воинской повинности, д. № 1, ч. III. Мемории первого заседания, лл. 2-3.

военного министра, заявившего, что если ожидать того времени, когда «нижние классы достигнут той степени образования, которая соответствовала бы уровню умственного развития высших классов»*), то для этого потребуется «едва ли не менее нескольких десятков лет», а вместе с тем введение воинской повинности в настоящее время имеет огромную государственную важность. Если никто из членов Особого присутствия, помимо кн. Горчакова, и не выступал против проекта закона в целом, то по отдельным разделам, главным образом по вопросу о льготах по образованию, велись горячие споры, причем главным противником их был министр народного просвещения гр. Толстой.

Особенно ожесточенная борьба происходила при обсуждении проекта закона в Общем собрании Государственного Совета.

«Заседание Государственного Совета, — записал 3 декабря 1873 г. в своем дневнике Милютин, — было весьма оживленное и продолжительное. Это был только приступ к прениям о воинской повинности. Как надобно было ожидать, главным оппонентом явился опять гр. Толстой. За несколько дней до заседания он разослал членам Государственного Совета длиннейшую записку, в которой развивает новые свои затеи по вопросу о льготах по образованию. Записка эта переполнена самыми натянутыми справками, извращенными цитатами, подтасованными цифрами и невозможными предположениями. Говорят, что она составлена и привезена из Москвы Катковым... Многие из членов (Государственного Совета. — П. З.) громко подсмеивались над тем, что два министра обменялись ролями: министр народного просвещения как будто только и заботился о лучшем составе армии и в особенности корпуса офицеров, жертвуя с самоотвержением всеми выгодами просвещения и другими интересами государственными, военный же министр защищал народное просвещение и высшее образование. Мало того, шеф жандармов, стоящий во главе аристократической партии, клонил к тому, чтобы вся высшая и образованная молодежь поголовно была привлечена к военной службе и чтобы, в случае войны, легла целиком на поле битвы; представитель же военного ведомства защищал эту бедную молодежь и желал сохранить ее для разных поприщ гражданской деятельности. Такая перестановка ролей могла бы показаться непостижимой загадкой для всякого непосвященного в закулисную игру и замаскированные замыслы наших торьев».**)

Установление льгот по образованию, на которых настаивал Милютин, имело большое прогрессивное значение, стимулирующее развитие просвещения; граф же Толстой отстаивал свою заветную мечту: сохранить права на образование лишь за привилегированными сословиями.

1 января 1874 года был издан устав о воинской повинности. По

*) Там же.

**) ф. Д. А. Милютин, М. 7852, стр. 68-70.

этому закону, воинскую повинность должно было отбывать все мужское население, достигшее 21 года, без различия сословий. Ввиду того, что контингент ежегодно призываемых был все же значительно меньше подлежащих призыву, лишь часть призывников определялась на действительную службу с последующим перечислением в запас армии, а затем в ополчение, другая же часть зачислялась прямо в ополчение. Вопрос этот определялся, во-первых, льготами по семейному положению, — такие лица большей частью освобождались от действительной военной службы; во-вторых, для прочих призываемых — жеребьевкой.

Льготы по семейному положению устанавливались трех разрядов: первый — для единственного сына, второй — для старшего сына при наличии братьев моложе 18 лет, третий — для лица, непосредственно следующего по возрасту за братом, находящимся на действительной военной службе. Срок действительной военной службы устанавливался в 6 лет.

Большие льготы предоставлялись по образованию: срок действительной военной службы для окончивших высшие учебные заведения составлял всего 6 месяцев, для окончивших гимназии и соответствующие им учебные заведения — полтора года, прогимназии и городские училища — 3 года и, наконец, для получивших начальное образование — 4 года. Для лиц, получивших высшее и среднее образование, срок службы сокращался еще вдвое, при условии отбывания воинской повинности в качестве вольноопределяющихся.

Устав о воинской повинности разрешал одну из основных задач реорганизации армии — создание запаса обученных резервов, необходимых для развертывания армии в военное время. Тем самым обеспечивалось основное условие для превращения русских вооруженных сил в массовую армию буржуазного типа.

Введение сословной воинской повинности имело большое прогрессивное значение. Военная реформа 1874 года уничтожила основную привилегию дворянства, дарованную ему еще Петром III.

Однако, в условиях самодержавного строя эта реформа не могла быть последовательной до конца; устав 1 января 1874 г., распространивший службу в армии на все сословия, все же не обеспечил введения всеобщей воинской повинности. Значительная часть «инородческого» населения вовсе устранилась от воинской повинности, далее, освобождались от призыва лица духовных званий, менониты, отдельные группы колонистов, не говоря уже о многочисленных отступлениях от закона для господствующих классов, практиковавшихся в условиях самодержавно-дворянского строя. Все это давало основание Ленину говорить: «В сущности у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений».*)

*) Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 70.

Перейдем к характеристике деятельности Милютина в области внешней и внутренней политики в период 70-х годов.

Образование Германской империи в 1871 году внесло большие изменения во внешнеполитическую обстановку Европы, и к этому событию Милютин отнесся крайне отрицательно, прекрасно понимая, какую угрозу таило в себе это государство, созданное Бисмарком. «Могло ли быть выгодно и для России образование новой могущественной державы среди европейского континента? — писал Милютин в своих «Воспоминаниях». — В то время, как государь радовался блестящим успехом своего дяди и друга, в русском обществе большинство людей мыслящих сознавало опасность, грозившую нам в будущем. Насколько государь твердо полагался на традиционный союз России с Пруссией, как на самую верную опору мира в Европе, настолько же общественное мнение не доверяло долговечности этого союза, основанного более на личных симпатиях между монархами, чем на интересах обоих государств. За исключением немногих из числа приближенных к государю и к царской семье, преимущественно же прибалтийских немцев, вся остальная Россия осуждала пристрастие государя к пруссакам и открытые заявления его сочувствия к успехам немецкого оружия... Весьма неблагоприятной казалась щедрая раздача немцам русских орденов: георгиевские кресты сыпались на германских генералов, офицеров, как будто они сражались за интересы России».*)

Деятельность Милютина, направленная на укрепление военной мощи России, его отрицательное отношение к германофильской политике Александра II, наконец, его позиция в остзейском вопросе — все это, естественно, не могло вызывать сочувствия в германских правительственных кругах и закрепило за ним в их представлении репутацию германофоба. Во время пребывания в 1872 году в Берлине, в период свидания трех императоров, одна не отличавшаяся умом немецкая принцесса прямо задала Милютину вопрос о причинах его нелюбви к немцам. «Германские генералы, — рассказывает Милютин в «Воспоминаниях», — почему-то убеждены в том, что все наши военные реформы последнего времени направлены, собственно, против Германии. Военный министр Роон, сидя однажды возле меня за обедом, высказывал мне, что он не понимает, для чего мы затеваем ввести в России общую воинскую повинность, совершенно неподходящую, по его мнению, к нашему государственному строю и степени цивилизации народа».**)

Это неприязненное отношение к Милютину разделялось и самим Вильгельмом I.

Однако оказывать какое-либо влияние на политику России в отношении Германии в тот период Милютин не мог. Для этого

*) Ф. Д. А. Милютина, М. 7850, стр. 185-186.

**) Ф. Д. А. Милютина, М. 7851, стр. 109-110.

нужно было идти на прямой разрыв с Александром II, а это, естественно, было для него невозможно, да и не привело бы ни к каким положительным результатам.

В среднеазиатских делах, как и в 60-е годы, Милютин попрежнему продолжал оставаться сторонником активной политики, преодолевая сопротивление кн. Горчакова. Часто те или иные вопросы, касавшиеся Средней Азии, ставились Милютиным перед Александром II через голову кн. Горчакова. Так, например, вопрос о занятии войсками всего Кокандского ханства был решен Александром II в 1873 году по настоянию Милютина и К. П. Кауфмана, об этом было предложено Милютину лишь довести до сведения канцлера.

В отношении Восточного вопроса Милютин, как в шестидесятые, так и в семидесятые годы продолжал стоять на позиции сохранения мира. В одном из своих писем к гр. Н. П. Игнатьеву от 17 декабря 1868 года он писал: «Вам, как представителю России на Востоке, должно быть известно, что мы остаемся на самой мирной ноге, какая только возможна...»*)

Таким образом, внешнеполитическая программа Милютина сводилась к стремлению сохранить мир в Европе и Ближнем Востоке, с одной стороны, и к активной политике в Средней Азии, с другой. Последнее выражало экономические интересы российской буржуазии, а также и стремления определенных кругов дворянства.

Как пишет в своем дневнике Милютин, Бисмарк, по рассказам гр. Петра Шувалова, в середине семидесятых годов усиленно рекомендовал «распорядиться Турцией», обещая за себя и Австрию сохранение полного нейтралитета. Подобные предложения Бисмарка Милютин рассматривал как стремление нанести вред России и отвлечь ее внимание от западноевропейских дел. Буквально накануне войны с Турцией, 7 февраля 1877 года, Милютин, излагая свою точку зрения на Восточный вопрос в записке «Наше политическое положение», прямо указывал, что война явилась бы большим несчастьем для государства. «Внутреннее и экономическое перерождение России, — писал он в этой записке, — находится в таком фазисе, что всякая внешняя ему помеха может повести к весьма продолжительному расстройству государственного организма. Ни одно из предпринятых преобразований еще не закончено. Экономические и нравственные силы государства далеко еще не приведены в равновесие с его потребностями. По всем отраслям государственного развития сделаны или еще делаются громадные затраты, от которых плоды ожидаются лишь в будущем. Словом, вся жизнь государства поставлена на новые основы, только-что начинающие пускать первые корни. Война в подобных обстоятельствах была бы поистине великим для нас бедствием. Страшное внутреннее расходование сил усугубилось бы еще внешним напряжением, вся полезная работа парализовалась бы и непомерные пожертвования могли бы быстро привести государство к

*) ф. Д. А. Милютина, М. 8039, л. 99.

полному истощению... а вместе с тем могло бы пошатнуться и само величие России».*)

Однако это мнение Милютина, как известно, учтено не было.

* * *

Война 1877—1878 гг. явилась серьезной проверкой произведенных Милютиным реформ.

В начале ноября 1876 г. была впервые в истории русской армии проведена мобилизация. Хотя это был первый опыт и проводился он в самую распутицу, результаты мобилизации оказались удовлетворительными. На четвертый день мобилизация была закончена в десяти губерниях, а к пятому дню из 224 тыс. запасных, подлежащих призыву, 75 проц. явилось на сборные пункты. На 15-й день мобилизация была полностью закончена, за исключением Закавказского края. Укомплектование людьми и лошадьми частей, переведенных на военное положение, закончилось на 28-й день мобилизации. Сосредоточение войск на театре военных действий, несмотря на задержку в подаче подвижного состава, было закончено на 42-й день. Таким образом, потребовалось лишь шесть недель для перевода на военное положение 28 дивизий, 5 бригад, а также ряда отдельных воинских подразделений и для сосредоточения значительной части их на театре военных действий. «Никогда еще, — писал Милютин в своем дневнике, — Россия не имела в готовности такой силы со всеми материальными средствами, как теперь, никогда не могло быть прежде такого приготовления к быстрой мобилизации».**)

Положительную оценку проведенной мобилизации дала и заграничная печать. Так, специальный корреспондент „Dayli News“ писал: «За 4 недели, прошедшие со дня мобилизации, армия совершенно готова и может вступить в бой по первому слову командования...***)

Однако, несмотря на все это, Милютин, как говорилось уже выше, был противником войны.

Не говоря уже об общем положении страны, военные реформы далеко не были закончены: введенная в 1874 году всеобщая воинская повинность не могла еще принести своих результатов, реорганизация армии, проводившаяся согласно решениям секретных совещаний 1873 года, также не была полностью осуществлена, наконец, не было проведено и перевооружение армии.

Начавшаяся в 1877 году война показала справедливость опасений Милютина. Вместе с тем в ходе войны обнаружился ряд недостатков, объяснявшихся не столько незавершенностью реформ,

*) Ф. Д. А. Милютин, М. 8086. Эта записка была по поручению Милютина отредактирована Н. Н. Обручевым; опубликована в приложении к воспоминаниям М. А. Газенкампа «Мой дневник 1877-1878 гг.». СПб. 1908.

**) Ф. Д. А. Милютин, М. 7853, стр. 136.

***) „Dayli News“ от 15 февраля 1877 года.

сколько общим состоянием правительственной системы и бездарностью командования, начиная от великого князя Николая Николаевича и кончая командирами корпусов, которые, по словам Милютин, «не годились даже и на должность начальников дивизий».

Милютин вплоть до конца 1877 года находился вместе с Александром II на театре военных действий, но никакого участия в руководстве боевыми операциями не принимал. Все официальные обязанности его сводились лишь к сопровождению Александра II, беспрестанно вмешивавшегося бестолку в распоряжения главнокомандующего и горевшего желанием, подобно своему коронованному дядюшке Вильгельму I, «принять участие в бою». С этой целью почти ежедневно Александр II со всей своей свитой отправлялся «на позицию» и, позавтракав там, как остроумно замечает Милютин, возвращался обратно. С горечью рассказывает Милютин в своем дневнике о различных безобразиях, происходивших в армии, безучастным свидетелем которых он являлся.

Однако Милютин не всегда оставался безучастным зрителем. В середине июля, после второй Плевны, не согласный с ходом ведения войны, он написал обстоятельную записку, в которой излагал свою точку зрения на дальнейший ход военных операций и подвергал серьезной критике действия командования.

«В отношении тактическом. — писал Милютин, — мы не можем всегда вести бой, бросаясь открыто, смело, прямо на противника, даже несравненно превосходя его в силах, особенно, когда он успел укрепиться. Если будем попрежнему всегда рассчитывать на одно беспредельное самоотвержение и храбрость русского солдата, то в короткое время истребим всю нашу великолепную армию.

В отношении же стратегическом, очевидно, нельзя уже надеяться на то, чтобы одним быстрым, смелым набегом вперед за Балканы... произвести панический страх в неприятельском войске и народе и чрез несколько недель времени под стенами самой столицы его предписать ему мирные условия.

Поэтому, — продолжает Милютин, — казалось бы необходимым сообразить план дальнейших наших действий таким образом, чтобы, не подвергая наши войска непомерным потерям, прочно утвердиться в том крае, который постепенно занимаем, и тем оградить себя от возможных невыгод, даже опасных для нас оборотов дел».*)

Далее Милютин излагает свой план распределения войск и дальнейших операций. В заключение он еще раз подчеркивает необходимость «внушить начальникам войск бережливость на русскую кровь».**)

Эта записка, одобренная Александром II, встретила неприязненное отношение вел. кн. Николая Николаевича.

*) «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове», СПб. 1899, вып. 26, стр. 153.

**) Там же, стр. 156.

После третьей Плевны, 31 августа, Милютин принял снова участие в обсуждении дальнейшего хода военных действий, поставив вопрос о необходимости продолжения осады. В своем дневнике он следующим образом рассказывает об этом:

«Уже близко было к закату солнца, когда кто-то подошел ко мне и сказал, что государь спрашивает меня. Я встал и подошел к государю, который вполголоса, с грустным выражением сказал: «Приходится отказаться от Плевны, надо отступить». Пораженный, как громом, таким неожиданным решением, я горячо восстал против него, указав неисчислимые пагубные последствия подобного исхода дела. «Что же делать, — сказал государь, — надобно признать, что нынешняя кампания не удалась нам». — «Но ведь подходят уже подкрепления», — сказал я на это. Главнокомандующий возразил, что, пока эти подкрепления не прибыли, он не видит возможности удержаться пред Плевной, и с горячностью прибавил: «Если считаете это возможным, то и принимайте команду, а я прошу меня уволить». Однако, после этой бутады, благодаря благодушию государя, начали обсуждать дело спокойнее. «Кто знает, — заметил я, — в каком положении сами турки! Каковы будут наши досада и стыд, если мы потом узнаем, что отступили в то время, когда турки сами считали невозможным долее держаться в этом котле, обложенном со всех сторон нашими войсками». Кажется, этот аргумент подействовал более всех других. Решено было, чтобы войска оставались пока на взятых ими позициях, прикрылись укреплениями и не предпринимали новых наступательных действий. В таком смысле разосланы были приказания...»*)

После взятия Плевны Милютин был награжден орденом Георгия 2-й степени, причем Александр II напомнил ему о совещании 31 августа.

В начале декабря 1877 года Милютин, в связи с отъездом Александра II в Петербург, покинул театр военных действий и весь последний период войны находился в столице.

* * *

С 1878 года влияние Милютина значительно возросло — он стал одним из наиболее близко стоящих к царю министров.

Хорошо информированный о положении в правительственных сферах германский посол в Петербурге Швейниц в одном из своих донесений Бисмарку писал: „Immer in der Nähe Kaisers war nur

*) ф. Д. А. Милютина, М. 7854, стр. 227-228. В дневнике Милютин ошибочно датирует это событие тридцатым августа. Правильность рассказанного Милютиным события подтверждается рядом современников. Об этом говорит в одном из своих писем к Милютину П. А. Сабуров, об этом глухо упоминает и Д. А. Скалон в книге «Мои воспоминания, 1877-1878», СПб. 1913. Наконец, об этом же говорит и биограф Александра II С. С. Татищев.

general Miljutin sein Einfluß stieg namentlich seit dem dritten Plewna“. *)

Влияние Милютина было особенно велико в области внешней политики. Начиная с 1878 года Милютин, наряду с кн. Горчаковым и Гирсом, является неперменным участником совещаний во дворце по вопросам внешней политики. В период политических осложнений перед Берлинским конгрессом Александр II не предпринимает ни одного решительного шага без совета с Милютиным.

Позиция Милютина в тот период заключалась в стремлении во что бы то ни стало предотвратить возможность войны. «...Как бы ни были для нас невыгодны условия настоящего конгресса (Берлинского. — П. З.), они все-таки будут несравненно менее тяжелы и унизительны для России, чем то, что ожидает нас в случае войны...»**), — записывает он в своем дневнике 11 июня 1878 года. Вместе с тем Милютин полагал, что, несмотря на уступки, сделанные Россией на Берлинском конгрессе, все же совершен огромный шаг «в историческом ходе Восточного вопроса».

Вскоре после Берлинского конгресса Милютин был возведен в графское достоинство.

С начала 1879 года, точнее, с момента ухода в длительный отпуск канцлера кн. Горчакова, фактическим руководителем внешней политики становится Милютин. Управляющий Министерством иностранных дел Н. К. Гирс согласовывает с ним все вопросы, имеющие то или иное принципиальное значение.***)

Взгляды Милютина на важнейшие вопросы внешней политики в этот период характеризовались особой умеренностью. Будучи человеком трезвым, питавшим отвращение ко всякого рода авантюрным предприятиям, Милютин, руководствуясь состоянием России, считал крайне нежелательным какие-либо внешнеполитические осложнения. Для характеристики умеренности взглядов Милютина небезинтересно привести его точку зрения на Восточный вопрос, являвшийся краеугольным камнем внешней политики России. Эта точка зрения нашла свое выражение в записке, поданной Милютиным Александру II 5 октября 1880 года и озаглавленной «Мысль о возможном решении Восточного вопроса в случае окончательного распада Османской империи». «Одним из основных начал европейской политики долго признавалась необходимость поддержания целостности и неприкосновенности Османской империи, — говорит Милютин в начале этой записки. — ...Ныне нельзя уже не предвидеть в более или менее близком будущем окончательное распадение Турецкой империи... В настоящее время главной задачей европейской политики и должно быть — придумать

*) „Die Große Politik der Europäischen Kabinette“ 1871—1914, Dritter Band, S. 9. „Всегда вблизи царя находился генерал Милютин, его влияние возросло именно с третьей Плевны.“

**) ф. Д. А. Милютина. М. 7855, стр. 152.

***) Письма и записки Гирса, имеющиеся в архиве Милютина, иллюстрируют решающее влияние его на различные внешнеполитические вопросы.

такую комбинацию, которая, удовлетворив законные потребности населения Балканского полуострова, вместе с тем представляла бы достаточную гарантию для поддержания спокойствия и порядка в этой части Европы...»*)

Далее Милютин указывает, что «...вопреки вкоренившемуся в Европе убеждению о каких-то давнишних замыслах России на Константинополь, для нас желательно лишь одно — чтобы ни одна из европейских держав не присвоила себе преобладания на Балканском полуострове и в особенности не захватила бы в свои руки входа в Черное море».**)

Решение этого вопроса представляется Милютину в следующем виде: территория Турции ограничивается лишь азиатскими владениями, на европейском континенте она сохраняет Константинополь с прилегающим к нему районом, на территории Балканского полуострова создается «Балканская конфедерация», состоящая из ряда самостоятельных государств под общим покровительством Европы. Важно отметить, что внутреннюю организацию «Балканской конфедерации» Милютин предполагает основать на конституционных началах: во главе конфедерации должен стоять союзный сейм, избираемый народными собраниями. Что касается проливов, то этот вопрос решается также в крайне умеренной форме. «Мраморное море и проливы, — говорит Милютин, — признаются нейтральной территорией под непосредственным наблюдением Международной комиссии в Константинополе. Насильственное вступление в эту территорию всякого военного судна без особого пропускного билета от Международной комиссии считается нарушением общеевропейского права...»***)

Таким образом, никакой реальной гарантии для России в этом вопросе не предоставляется, не говоря уже о том, что черноморские государства никаких преимуществ по сравнению с другими государствами не получают.

Необходимо заметить, что Милютин, прекрасно понимая жизненное значение проливов для России, вместе с тем считал невозможным решать этот вопрос в данный период; эта точка зрения соответствовала политическому положению тогдашней России.

В области русско-германских отношений Милютин также стоял на точке зрения сохранения мира.

Однако Бисмарк и другие государственные деятели Германии попрежнему расценивали Милютина, как своего заклятого врага, усматривая во всех его действиях враждебный для себя характер. В одном из своих писем Вильгельму I в дни свидания императоров в Александрове Бисмарк писал: „Der Minister, welcher jetzt den entscheidenden Einfluß auf den Kaiser Alexander übt, ist Milju-

*) ф. Д. А. Милютина, М. 8104. Эта записка частично приводится проф. С. Д. Сказкиным в его работе «Конец русско-австро-германского союза», М. 1928.

**) Там же.

***) Там же.

tin. Dieser ist für den Haß bekannt, den er gegen die Deutschen im Herzen trägt..." *)

Летом 1879 года многие немецкие газеты прямо утверждали, что причиной охлаждения, наступившего в отношениях России и Германии, является влияние Милютина на Александра II.

Основной аргумент, выдвигавшийся против Милютина и характеризовавший, по мнению немцев, его враждебность, заключался в произведенной в 1879 году передислокации войск, в результате чего количество их вдоль германской границы несколько увеличилось. Вокруг этого был поднят большой шум, причем некоторые государственные деятели Германии пытались усмотреть в этом непосредственную угрозу войны.

В действительности же размещение нескольких кавалерийских дивизий вдоль русско-германской границы было связано с общей передислокацией войск в соответствии со стратегическими условиями. Нет сомнения, что Милютин, разрабатывая план дислокации войск, учитывал ту угрозу, какую представляла собою Германия, и, в соответствии с этим, усиливал западную границу. Однако эти мероприятия отнюдь не означали подготовки к агрессии, а носили бесспорно оборонительный характер, являясь ответом на военные приготовления Германии.

В своей записке, написанной в ноябре 1879 года и озаглавленной «По поводу упреков германского правительства в том, что Россия действует неприязненно», Милютин говорил: «...Разве мы спрашиваем, почему Пруссия затрачивает громадные суммы на укрепление Кенигсберга, Познани, Торна и сооружает новые специально стратегические линии железных дорог, ведущих параллельно к нашей границе и связанных между собою несколькими поясами поперечных рельсовых путей? Эти меры, конечно, должны бы озабочивать нас гораздо более потому, что в Германии, как всем известно, мобилизация армии может быть исполнена в половину времени против нашей мобилизации, а сосредоточение массы войск к границам потребует у нас вчетверо более времени, благодаря громадности расстояний...»**)

Таким образом, все нападки немцев на Милютина и обвинения его в агрессивности по отношению к Германии объяснялись тем, что он, не в пример многим государственным деятелям того времени, прекрасно видел опасность, которую таило в себе это государство, вследствие чего и уделял большое внимание укреплению обороны западной границы.

Милютин совершенно справедливо усматривал неискренность поведения Бисмарка, стремившегося заключить с Россией союз, а

*) „Die Große Politik der Europäischen Kabinette“, 1871 — 1914. Dritter Band, S. 17. «Министр, который теперь имеет решающее влияние на Александра, это Милютин. Он известен своей затаенной ненавистью к немцам».

**) ф. Д. А. Милютина, М. 8100.

вместе с тем беспокоившегося о передислокации русских войск. В одном из своих писем русскому послу в Берлине П. А. Сабурову он писал: «...Если германский канцлер серьезно намерен войти с нами в соглашение, близкое по своему характеру к союзу оборонительному и наступательному, то какое же значение может иметь для него та или другая дислокация наших войск близ германской границы. Право, мне сдается, что в заботах германского канцлера о нашей кавалерии одновременно с начатыми дружескими объяснениями есть какой-то диссонанс. Может ли быть искренность в том и другом?...»*)

С конца 1879 года Милютин принимает активное участие в переговорах о заключении так называемого Союза трех императоров, рассматривая его как некоторую гарантию сохранения *status quo* на Ближнем Востоке и возможности решить Восточный вопрос, в случае распада Турецкой империи, в духе указанной выше его записки от 5 октября 1880 года.

Позиция Милютина в среднеазиатском вопросе в этот период заключалась попрежнему в признании необходимости активных действий. Так, настаивая на завоевании Туркмении, Милютин писал: «Судя по фактам, Англия еще очень далека от мирных заявлений, напротив, до сих пор она систематически преследует наступательную против нас политику, которая с каждым годом получает все обширнейшее развитие. Подчинив себе Азиатскую Турцию, разрушив Афганистан, завязав тесные связи с туркменами и усиливаясь склонить также на свою сторону и Персию, она осязательно начинает угрожать Каспийской области. Поэтому оставаться с этой стороны в бездействии признается невозможным, тем более, что это бездействие пагубно отразилось бы на все соприкосновенные нам азиатские народы...»**)

Для полноты освещения взглядов Милютина по вопросам внешней политики необходимо остановиться на русско-болгарских отношениях.

В болгарском вопросе Милютин являлся противником «избрания» князем Александра Баттенберга, предпочитая ему черногорца Божидара Петровича. Наряду с этим он стоял на точке зрения всемерной поддержки конституции, утвержденной Тырновским народным собранием. Можно без преувеличения сказать, что все стремления болгарского князя Александра отменить конституцию парализовались усилиями Милютина. Проявляя большую заботу о болгарской армии, Милютин вместе с тем рассматривал ее и как силу, способную в нужный момент оказать существенную помощь России.

*) ЦГИАЛ, ф. Сабурова, д. № 14, письмо Д. А. Милютина от 1 марта 1880 г.

**) Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА № 6862, ч. II, л. 3. Всеподданнейший доклад военного министра от 29 февраля 1880 г. Копия этого доклада имеется в Архиве внешней политики России МИД СССР, в фонде Азиатского департамента, опись I-IX, д. № 11 за 1880 г.

Такова вкратце внешнеполитическая деятельность Милютина в конце 70-х годов.

Переходя к характеристике деятельности Милютина в области внутренней политики в 70-х годах, необходимо сказать, что в этот период, как и раньше, он продолжает оставаться на либеральных позициях, ведя попрежнему борьбу с реакционной кликой гр. Шувалова. В 1871 году Милютин принимает горячее участие в борьбе, развернувшейся в Государственном Совете по вопросу классического и реального образования. Он решительно выступает против проекта гр. Д. А. Толстого по реорганизации средней школы, справедливо усматривая «под наружной оболочкой педагогической системы» определенное политическое содержание полицейского характера, заключавшееся в стремлении превратить образование в сословную привилегию.

Проект гр. Толстого нашел горячую поддержку на страницах реакционных «Московских Ведомостей», обрушившихся в ряде статей как против реального образования вообще, так и против военных гимназий, пытаясь представить бесполезность их существования. Несмотря на то, что проект гр. Толстого в Государственном Совете получил меньшинство, он был все же проведен в жизнь на основе высочайшего решения; однако военные гимназии Милютину удалось отстоять, и в период 70-х годов они являлись лучшими среднеучебными заведениями в России.

Будучи противником усиления полицейских мер, способствующих, по мнению Милютина, лишь росту антиправительственных настроений, он в 1875 году выступает против проекта административно-полицейской реформы, разработанной министром внутренних дел А. Е. Тимашевым.

Проект Тимашева предусматривал значительное усиление власти губернаторов и подчинение им всех губернских учреждений, включая и судебные. Таким образом, вся система государственных учреждений должна была приобрести административно-полицейский характер, причем Министерство внутренних дел превратилось бы в своеобразное «государство в государстве».

По поводу этого проекта Милютин пишет пространное возражение, в которых доказывает нецелесообразность подобного предложения.

«Подобные чрезвычайные полномочия, — пишет он, — даются высшим и местным правительственным органам лишь при чрезвычайных обстоятельствах... Крайняя необходимость или грозящая государству опасность вынуждают правительство в таких исключительных обстоятельствах приостановить на более или менее продолжительное время действие суда, обыкновенной правительственной администрации и законов и соединить высшую административную власть, вместе с некоторой долей законодательной и

судебной, в руках местного правителя... Никаких поводов к таким исключительным мерам при теперешнем мирном и спокойном состоянии империи во всех ее частях не существует...»*)

Однако, выступая против подобного проекта, Милютин вместе с тем прекрасно понимал все несовершенство существовавшей системы государственных учреждений. В дневнике за 1879 год мы находим следующую запись, характеризующую его взгляд на этот вопрос:

«...Нельзя не признать, что все наше государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху. Как устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации, уездной и губернской, так и центральных и высших учреждений — все отжило свой век, все должно бы получить новые формы, согласованные с великими реформами, совершенными в 60-х годах. К крайнему прискорбию, такая колоссальная работа не по плечам теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицмейстера или даже городского. Высшее правительство запугано дерзкими проявлениями социалистической пропаганды за последние годы и думает только об охранительных, полицейских мерах, вместо того, чтобы действовать против самого корня зла. Появилась зараза — и правительство устраивает карантинное оцепление, не предпринимая ничего для самого лечения болезни. Высказывая эти грустные мысли, невольно задаешь себе самому вопрос: честно ли ты поступаешь, храня про себя эти убеждения, находясь в самом составе высшего правительства? Часто, почти постоянно гнетет меня этот вопрос, но что же делать? — Плетью обуха не перешибешь; я был бы Дон-Кихотом, если бы вздумал проводить взгляды, совершенно противоположные существующим в той сфере, среди которой вращаюсь; взгляды эти сделали бы невозможным мое официальное положение и не принесли бы ровно никакой пользы делу; я убежден, что теперешние люди не в силах не только разрешить предстоящую задачу, но даже и понять ее».**)

Эти сокровенные мысли Милютина являются яркой характеристикой слабости российских либералов, неспособных оказать какое-либо серьезное влияние на политику царского правительства.

А вместе с тем, Милютин в тот период находился в зените своего могущества, будучи одним из наиболее близких Александра II министров.

Александр II поручает ему разрешение различных вопросов: он председательствует в Комитете по делам Царства Польского, назначается председателем Особого совещания по урегулированию отношений России с Ватиканом. Коллеги Милютина обращаются

*) ф. Д. А. Милютина, М. 8050.

**) ф. Д. А. Милютина, М. 7825, л. 41. Важно отметить, что приведенные строки имеются лишь в первоначальном варианте дневника, на полях которого против этих рассуждений рукою Милютина написано: «выпустить».

к нему с различными просьбами о ходатайствах перед Александром II. Так, например, председатель Комитета министров П. А. Валуев в конце 1878 года просит Милютину ходатайствовать перед императором за Тимашева: об оставлении его членом Государственного Совета и пожаловании ему прощального рескрипта в связи с его увольнением в отставку. Министр государственных имуществ Зеленый, желая уйти в отставку, обращается также к Милютину с просьбой исходатайствовать согласие императора.

Осенью 1879 года, находясь с Александром II в Ливадии, Милютин разработал обширный проект государственных реформ, озаглавленный им: «Мысли о необходимых преобразованиях в управлении, в учебной части и в духовенстве».

Мы не располагаем материалами, которые давали бы нам ответ на вопрос, считал ли Милютин этот проект реальным, или это было просто изложением «мыслей на досуге», однако, для изучения политических взглядов Милютина он представляет большой интерес. Проект небезинтересен и для характеристики попыток преодолеть тот «кризис верхов», который возник в результате второй революционной ситуации конца 70-х годов.

В основе этого проекта лежала мысль привести к единообразию всю систему государственного управления, уничтожив целый ряд изживших себя учреждений. Вместе с тем он предусматривал также привлечение общественных элементов — представителей земств — к обсуждению государственных дел в высшем законосовещательном органе страны — Государственном Совете, а также расширение функций земств на местах.

«Государственный Совет, — писал Милютин, — мог бы обратиться в чисто законодательное собрание... Мне кажется, что без всякого опасения какого-либо переворота или ослабления власти можно было бы образовать Совет наполовину из членов по назначению и членов по выбору от губернских земств...»*) По этому проекту Государственный Совет приближался, таким образом, к типу буржуазных законодательных учреждений.

Говоря о высших исполнительных органах власти, Милютин считал нужным реорганизовать Комитет министров в Совет министров.

«Все министры, — писал он, — должны составлять одно целое; председатель Совета министров должен получить значение первого министра... Само собой разумеется, что предметом занятий Совета должны быть не награды и медали, не пенсии, не уставы всяких обществ, — а все дела исполнительной власти, по которым необходимо единство действий, общее направление и по которым ответственность лежит коллективно на всем Совете министров...»**)

Действительно, орган, координирующий деятельность всех ми-

*) ф. Д. А. Милютин, М. 8098, л. 1.

**) Там же, л. 2.

нистов, был крайне нужен. Комитет же министров как по своему составу, так и по роду занятий носил иной характер.

Вместе с тем Милютин считал необходимым уничтожение особых органов верховного управления для отдельных местностей империи: комитетов кавказского, остзейского, по делам Царства Польского, распределив их функции по различным правительственным учреждениям и установив тем самым единообразие системы верховного управления.

Кроме того, Милютин считал нужным коренным образом реорганизовать Собственную е. в. канцелярию, которая «сделалась совершенно аномалией».

Сенат также должен был быть реорганизован в чисто судебное учреждение.

Переходя к характеристике местных органов власти, Милютин подвергал их уничтожающей критике: «Устройство нашего губернского и уездного управлений представляется в виде мозаики или, лучше сказать, пестрых фигур калейдоскопа, образующихся из случайного совокупления большого числа разноцветных камушков, без всякой основной идеи какой-либо системы. Устройство это есть результат постепенных в течение долгого времени преобразований и изменений, совершенных по разным ведомствам без взаимного соглашения...»*)

Милютин полагал, что ограничиться какими бы то ни было исправлениями «существующего хаоса» невозможно, «нужно не перестраивать старое здание, а выстроить новое».

В проекте предполагалось уничтожить полицейский характер местных учреждений, поставив во главе губернии лицо, подчиненное не Министерству внутренних дел, а непосредственно верховной власти. Все губернские учреждения предполагалось слить в одну «областную палату», состоящую из отделений, соответственно разным ведомствам и министерствам.

«...Рядом с областной палатой, — пишет Милютин, — должны быть поставлены земские учреждения, не как что-то особое, враждующее с администрацией, а, напротив того, разделяющее с нею управление губернией. Мне кажется, что не следовало бы резко разделять хозяйственные интересы местного населения от интересов правительственных. Земскому собранию можно бы предоставить обсуждение всех вообще дел, касающихся экономических условий края и местных его нужд...»**)

В заключение Милютин считает нужным обратить внимание на организацию полицейских учреждений, указывая на необходимость унификации их. «Надобно иметь одну полицию, а не разные сорта полиции», — пишет он.

Анализируя этот проект Милютина, мы можем ясно проследить в нем две особенности российского либерализма: с одной стороны—

*) Там же, л. 7.

**) Там же, л. 8. Подчеркнуто автором.

ненависть к крепостническим пережиткам, а отсюда — стремление изжить феодальный характер государственных учреждений, с другой — боязнь революционного движения и заботы об усилении полиции.

Однако при всем этом проект Милютин значительно радикальнее всех иных планов государственных реформ, исходивших из правительственных кругов.

Переходя к вопросу о реорганизации системы учебных заведений и постановки преподавания в них, Милютин кладет в основу его стремление предотвратить возможность дальнейшего развития революционных идей среди молодежи. «...От верной постановки этого вопроса, — говорит он, — наиболее зависит будущее направление нашей молодежи, а следовательно, и общее нравственное настраивание всех слоев населения».*)

Пересмотр существующей учебной системы, по мнению Милютина, должен преследовать две цели: во-первых, расширить и улучшить начальное образование и, во-вторых, придать среднему и высшему образованию прикладной характер, т. е. специализировать его.

Выполнение первой задачи требует, по словам Милютина, прежде всего «приготовления массы надежных народных учителей, не зараженных софистическими учениями наших нигилистов и социалистов».**)

Для расширения сети начального образования проект предусматривает широкое привлечение общественных органов к созданию начальных школ.

В отношении же реформы средних и высших учебных заведений Милютин считает необходимым организацию наибольшего числа училищ, дающих молодежи не общее, «гуманитарное» образование, а специальное, подготавливающее ее к тому или иному роду деятельности. «Чем большая доля молодежи... будет отвлечена от гимназий и университетов и направлена на пути практические, дающие человеку насущный хлеб, тем меньшее число отсталых молодых людей будет потеряно для практической жизни, подобно бездомным бродягам, и тем успешнее пойдут и общеобразовательные заведения: гимназии и университеты, в которых будет получать полное законченное образование меньшее число избранных личностей, более даровитых и менее нуждающихся в куске хлеба...***)

В соответствии с этими соображениями Милютин и разрабатывает подробный план реорганизации средней и высшей школы, а также и систему преподавания. В основе этого проекта, как говорилось уже выше, лежит стремление предотвратить дальнейшее революционизирование общества; однако вместе с тем он содержит и ряд правильных положений — в области развития профессионального образования.

*) Там же. л. 9.

**) Там же.

***) Там же. лл. 9-10.

В заключительной части своего проекта Милютин ставит вопрос об улучшении состава духовенства, поднятии нравственного уровня священников и связи, которая должна существовать между церковью и народной школой. «Сельский священник, — говорит Милютин, — не только пастырь своего прихода, но он вместе с тем и педагог, руководитель школы».*)

Таким образом, в страхе перед нарастающим революционным движением, Милютин приходит к выводу о необходимости сделать гуманитарное образование достоянием лишь обеспеченных людей, а начальное передать духовенству, что сближает его в некоторой степени в этом вопросе с гр. Д. А. Толстым и К. П. Победоносцевым.

* * *

Событие 5 февраля 1880 года — взрыв в Зимнем дворце — поставило перед правительством Александра II задачу найти более действенные меры для борьбы с «крамолой».

8 февраля в Зимнем дворце, под председательством Александра II, было созвано совещание в составе наследника престола — будущего царя Александра III, председателя Комитета министров П. А. Валуева, министра внутренних дел Л. С. Макова, министра двора гр. А. В. Адлерберга, шефа жандармов А. Р. Дренгельна и Д. А. Милютина. На этом совещании был поставлен вопрос о мерах борьбы с революционным движением, причем наследник настаивал на создании Верховной следственной комиссии с диктаторскими полномочиями.

Как рассказывает в дневнике Милютин, он решительно выступил против этого предложения, отрицая пользу следственной комиссии и указывая на бесполезность всяких экстралегальных мер, которые не ведут к желанной цели, как достаточно убеждает опыт.**)

Выслушав мнение всех присутствовавших, Александр II отклонил мысль о создании Верховной следственной комиссии и закрыл заседание.

На другой день, 9 февраля, было снова созвано совещание со включением ряда новых лиц: с.-петербургского генерал-губернатора И. В. Гурко, министра юстиции Д. Н. Набокова, товарища министра внутренних дел П. А. Черевина. Милютин на это совещание приглашен не был. Как рассказывает в своем дневнике Валуев, Александр II неожиданно для всех объявил свое решение о создании Верховной распорядительной комиссии и назначении руководителем ее гр. М. Т. Лорис-Меликова. Такая быстрая перемена во взглядах Александра II произошла, «как догадывается граф Адлерберг, вследствие письма, вчера полученного от цесаревича»***)

*) Там же, л. 17.

**) ф. Д. А. Милютин. М. 7857, стр. 40.

***) П. А. Валуев. «Дневник 1877-1884», ПТГ. 1919, стр. 60.

Не был включен Милютин также и в состав Особого совещания, созданного в начале 1881 года для обсуждения всеподданнейшего доклада гр. Лорис-Меликова от 28 января 1881 года, в котором излагалась программа намеченных им мероприятий.

Таким образом, с 1880 года Милютин устраняется от решения вопросов внутренней политики, что, по нашему мнению, обусловливается определенным влиянием, исходившим из Аничкова дворца, от наследника престола. Во внешней же политике Милютин попрежнему продолжает играть решающую роль.

Несмотря на различие во взглядах по ряду вопросов, Милютин сохраняет хорошие отношения с гр. Лорис-Меликовым. Политическая линия, проводимая последним, рассчитанная, наряду с репрессиями, на известные уступки либеральным слоям общества, вызвала одобрение со стороны Милютина.

События 1 марта 1881 года — убийство Александра II и вступление на престол Александра III, относившегося крайне неприязненно к Милютину — поставили перед ним вопрос об уходе в отставку.

Уже 2 марта Милютин, после первого своего доклада новому императору, заявил о своем желании выйти в отставку, однако Александр III ответил, что признает его службу полезной и выражает уверенность в том, что он будет так же «усердно и честно служить, как почившему родителю». Милютин на сей раз не счел нужным настаивать, к тому же и перспективы дальнейшего правительственного курса были еще неясны.

8 марта в Зимнем дворце было созвано заседание Совета министров, или, точнее, совещание министров под председательством Александра III. На этом совещании должен был быть решен вопрос о проведении в жизнь обширной программы мероприятий, намеченных гр. Лорис-Меликовым, одобренных специальной секретной комиссией под председательством бывшего наследника, т. е. нового императора, и утвержденных Александром II утром 1 марта — за несколько часов до смерти.

От решений этого совещания зависел дальнейший правительственный курс: либо, в случае утверждения так называемой «конституции Лорис-Меликова», будут даны известные уступки либеральным слоям общества, либо последует усиление реакционного курса.

На совещании, помимо министров, присутствовали великие князья Константин и Михаил Николаевичи и Владимир Александрович, а также гр. Э. Т. Баранов и известный реакционер, престарелый гр. С. Г. Строганов. В ходе совещания ясно наметились две враждебные друг другу группировки: либеральная — гр. Лорис-Меликов, министр финансов А. А. Абaza, Д. А. Милютин, вел. кн. Константин Николаевич — и реакционная во главе с обер-проку-

роном Святейшего Синода К. П. Победоносцевым.*) Первые решительно выступали за осуществление намеченных мероприятий, вторые — против.

Особенно резко обрушился на проект гр. Лорис-Меликова Победоносцев. Как рассказывает в своем дневнике Милютин, «...все сказанное Строгановым, Маковым и Посыетом (выступавшими против проекта гр. Лорис-Меликова. — П. З.) было бледно и ничтожно сравнительно с длинной иезуитской речью, произнесенной Победоносцевым: это было уже не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое, огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование; он осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступной ошибкой! Речь Победоносцева, произнесенная с риторическим пафосом, казалась отголоском туманных теорий славянофильских; это было отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации. Многие из нас, — говорит Милютин, — не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика-реакционера».**)

Александр III, находившийся под большим влиянием Победоносцева, заявил о своем решении пересмотреть еще раз предложения гр. Лорис-Меликова, сперва в Особом совещании, а затем в Комитете министров. Таким образом, правительственный курс попрежнему оставался неясным, однако влияние представителей реакционного направления на нового императора обнаружилось с достаточной полнотой.

До выяснения дальнейших перспектив Милютин решает выждать, не предпринимая никаких шагов в отношении своей дальнейшей судьбы. К такому же решению приходят и другие представители либерального направления. «Утром... заехал ко мне гр. Лорис-Меликов, — записывает в своем дневнике Милютин 16 марта 1881 года, — чтобы потолковать глаз-на-глаз о настоящем положении дел... Обсудив совершенно келейно настоящую постановку дел, мы с Лорис-Меликовым пришли к тому заключению, что оба должны еще некоторое время оставаться в выжидательном положении, пока не выяснится, который из двух противоположных путей будет выбран императором. Сообразно с этим выбором должны быть подобраны и деятели для нового царствования. Ни я, ни Лорис-Меликов, конечно, не останемся на своих местах, если возьмет верх партия Победоносцева и комп... После нашей беседы отправились мы в Государственный Совет. Великий князь***) председатель... заговорил со мной вполголоса на ту же самую тему... Великий князь высказал прямо, что и он сам, если дело пойдет далее тем же путем, каким идет теперь, должен будет сойти со сцены»****)

*) Подробное описание этого совещания дается в статье академика Ю. В. Готье «Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 года», «Исторические записки» Института истории Академии наук СССР, т. II.

**) ф. Д. А. Милютин, М. 7858, стр. 53.

***) Константин Николаевич.

****) ф. Д. А. Милютин, М. 7858, стр. 63-65.

В первой половине апреля гр. Лорис-Меликов, решив внести ясность в отношении дальнейшего направления политического курса правительства, представил Александру III доклад, излагавший ряд конкретных мер, намеченных им на ближайшее время.

Этот доклад представлял собою, по существу, изложение той же программы, которая рассматривалась на заседании 8 марта. Александр III назначил для обсуждения этого доклада совещание на 21 апреля.

Накануне этого дня на квартире у Абазы произошла встреча гр. Лорис-Меликова и Милютина, и здесь была выработана общая линия поведения.

На совещании Милютин выступил в духе доклада гр. Лорис-Меликова, «указав при том, что в последние 14 лет застоя и реакции все строгости политические не только не подавили крамолу, но, напротив того, создали массу недовольных, среди которых злонамеренные люди набирают своих новобранцев».*)

Представители противоположного направления держали себя крайне миролюбиво, и даже Победоносцев выразил мысль о необходимости дальнейших улучшений государственного строя.

В заключение Александр III предложил, чтобы министры для выработки единства действий периодически проводили совещания по тем или иным государственным вопросам.

Хотя в результате совещания и не было принято какого-либо конкретного решения, однако создалась иллюзия возможности примирения враждующих направлений.

Для характеристики взглядов Милютина в этот период борьбы правительственных группировок большой интерес представляет записка, написанная им в виде кратких тезисов и озаглавленная «Мысли, набросанные на случай нового совещания».**)

Записка эта датирована апрелем 1881 года. Нам представляется, что она написана после 21 апреля в расчете на новое совещание, о котором говорил Александр III. В начале этой записки Милютин, характеризуя современное положение России, отмечает бесполезность предпринимаемых правительством мер для борьбы с революционным движением. «Главная злоба дня, — пишет он, — есть революционное подпольное движение — так называемый нигилизм. Борьба с этой опасной заразой составляет главную заботу правительства уже многие годы — почти 20 лет. В течение этого тяжелого времени принимались все меры, какие только можно было придумать для прекращения и искоренения заразы. Никак нельзя сказать, чтобы правительство чем-либо было стеснено в принятии самых энергических мер. Если в Западной Европе в подобные критические моменты поднимается вопрос об осадном положении, о ка-

*) Там же, стр. 98.

**) Эти тезисы опубликованы с некоторыми неточностями во втором выпуске «Записок отдела рукописей» Государственной библиотеки им. В. И. Ленина за 1939 г.

ком-нибудь прекращении *habeas corpus*“, то у нас все это не имеет значения: у нас постоянное осадное положение, правительству всегда развязаны руки... А между тем зараза не истреблялась — напротив того, она все росла и приняла размеры страшные».*)

Единственным средством, способным изменить существующее положение, по мнению Милютин, является решительное улучшение политического и экономического строя.

Прежде всего, Милютин считает необходимым разрешить крестьянский вопрос, так как положение крестьян после реформы не улучшилось настолько, насколько можно было предполагать, а в ряде районов даже ухудшилось.

Далее, он выдвигает необходимость реорганизации земских учреждений, призванных играть существенную роль как в политической, так и в административной областях.

И, наконец, он обращает внимание на состояние государственных учреждений как центральных, так и местных, утверждая, что нет ни одного ведомства, которое своей работой не вызывало бы недовольства населения.

Таким образом, Милютин приходит к мысли о необходимости серьезных государственных реформ, влекущих за собой большие изменения в системе управления. Вместе с тем он указывает, что эти реформы отнюдь не означают какого-либо ограничения самодержавной власти — «тут не может быть и речи о конституции», — говорит он.

В заключение Милютин подчеркивает, что его мысли совершенно совпадают с предположениями гр. Лорис-Меликова, одобренными Александром II.

Примирение, достигнутое на совещании 21 апреля, оказалось затишьем перед бурей. В действительности же Победоносцев и не думал идти на какие-либо уступки, рассматривая политику примирения лишь как наиболее удобную форму для того, чтобы усыпить внимание своих политических противников. Наоборот, тотчас же после совещания он пытается оказать давление на Александра III, чтобы добиться его согласия на установление реакционного курса.

28 апреля произошло очередное совещание министров, на котором гр. Лорис-Меликов и его политические единомышленники совершенно неожиданно узнали о том, что на другой день будет опубликован царский манифест, написанный Победоносцевым. Милютин в своем дневнике следующим образом пишет об этом событии:

«Как? — после бывшего ровно неделю тому назад совещания в Гатчине, после положительно заявленного государем желания, чтобы впредь между министрами было полное согласие и единство, чтобы по всем важным вопросам они входили в предварительное между собою соглашение, — и вдруг является совершенным сюрпризом для всех нас такой важный государственный акт, как ма-

*) Ф. Д. А. Милютин, М. 8109.

нифест царский! Гр. Лорис-Меликов и А. А. Абаза в сильных выражениях высказали свое негодование и прямо заявили, что не могут оставаться министрами. Я присоединился к их мнению...*)

Опубликованный на другой день, 29 апреля, манифест об укреплении самодержавия, знаменовавший установление нового правительственного курса, являвшегося, по образному выражению Милютина, «реакцией под маской народности и православия», естественно, сделал невозможным пребывание его на посту военного министра.

Таким образом, борьба правительственных группировок привела к поражению представителей либерального направления, «осторожные ходатайства» которых «оказались, разумеется, без революционной силы — нолем».**)

Уже 30 апреля гр. Лорис-Меликов и Абаза подали прошения об отставке, которая и была принята; Милютин же решил выждать некоторое время, чтобы его уход не носил характера враждебной демонстрации против опубликованного манифеста.

Однако через несколько дней представился удобный случай поставить вопрос об отставке: после одного из очередных докладов Александру III, последний предложил Милютину занять пост наместника и главнокомандующего войсками на Кавказе; Милютин, отказавшись, обратился с просьбой об увольнении в отставку. Уже в середине мая Александр III сообщил ему о назначении преемником его ген. П. С. Ванновского, а 21 мая был подписан рескрипт об отставке с оставлением в звании члена Государственного Совета.***)

* * *

Проследив 20-летнюю государственную деятельность Милютина, мы считаем возможным сделать следующие краткие выводы.

Человек большого ума и обширных знаний, Милютин значительно выделялся из окружавшей его среды министров и царских саванников, являясь не только реформатором русской армии, но и крупным государственным деятелем своего времени. Будучи по своим политическим взглядам человеком либерального образа мыслей, Милютин в известной мере выражал взгляды и чаяния русского либерализма в правительстве Александра II; в силу этого он более последовательно, нежели другие представители высшей

*) ф. Д. А. Милютина, М. 7858, стр. 109.

**) Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 137.

***) Отставка Милютина и назначение Ванновского с радостью были восприняты в Германии. Германский посол в Петербурге фон-Швейниц делает в своем дневнике следующую запись: „Der neue Kriegsminister Wannowski besuchte mich. Der general war ganz meiner Ansicht... Wannowski scheint ein wirklicher Soldat zu sein, was Miljutin nie gewesen ist...“ V. Schweinitz. „Denkwürdigkeiten“, zweite Band, Berlin 1927, S. 167—168. „Меня посетил новый военный министр Ванновский... Генерал совершенно разделяет мои взгляды... Ванновский представляется настоящим солдатом, каким никогда не был Милютин“.

власти, стремился к дальнейшему проведению буржуазных реформ.

В области внешней политики Милютин являлся решительным противником подчинения России интересам других государств, не в пример многим государственным деятелям того времени.

Военные реформы Милютина, коснувшиеся буквально всех областей военного управления и организации армии, имели бесспорно положительное значение. Создание стройной системы военного управления, установление буржуазного принципа комплектования войск, стремление возродить суворовские методы тактического обучения, перевооружение армии и, наконец, постоянное стремление повысить культурный уровень как офицеров, так и солдат, все это способствовало превращению вооруженных сил России в массовую армию буржуазного типа. Используя в известной мере образцы военного устройства западноевропейских армий, Милютин самостоятельно разработал такую систему военного управления, которая соответствовала государственным интересам страны.

Однако военные преобразования Милютина не могли все же в полном смысле слова обеспечить создания массовой буржуазной армии, не могли заложить прочных основ обороны государства. Являясь неразрывной частью буржуазных реформ 60-х годов, они также сохранили в себе в большей или меньшей степени черты феодально-крепостнического строя.

Коренное переустройство вооруженных сил России как и уничтожение феодально-крепостнических пережитков, не могли быть проведены в условиях существования царизма, что особенно ярко обнаружилось в конце XIX и начале XX вв. «Царизм, — говорит Ленин, — оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей организации военного дела...»*) Милютину, как умеренному либералу, представлялось возможным превращение России в современное буржуазное государство даже в условиях сохранения самодержавного строя. Задача же эта могла быть решена отнюдь не соглашением с царизмом, а революционным свержением его, ярким противником чего был Милютин.

* * *

Выйдя в отставку, Милютин поселился в Крыму, в своем имении, в Симеизе.

Решив более не возвращаться к государственной деятельности, Милютин тем не менее проявлял большой интерес к тому, что происходило в Петербурге. Частые встречи с великим князем Константином Николаевичем, поселившимся на положении опального не-вдалеке от Симеиза, в своем имении Ореанде, свидания с Гирсом, Сабуровым, Кони, Чичериным и другими государственными и общественными деятелями, подробная информация обо всем происшедшем в правительственных сферах, получавшаяся от его друга

Ленин. Собр. соч., т. VII, стр. 47.

А. В. Головнина, — все это вводило Милютина в курс как внешней, так и внутренней политики страны.

Будущее России представлялось ему довольно печальным. В одном из своих писем к К. Д. Кавелину в 1884 году он писал: «Я грешный человек, не верую ни в чудеса, ни в спиритизм. Из ничего и выйти ничего не может. Чтобы Россия могла снова выйти из той трущобы, о которой Вы говорили выше, или, по крайней мере, чтобы сдвинуть ее после временного застоя — нужна прежде всего мысль, а потом сила, энергия. Откуда может притти эта мысль — теперь никто не укажет; и, по моему мнению, пока не видно никаких признаков, чтобы эта желанная мысль озарила нас в близком будущем...»*)

Особенно неприязненно встретил Милютин контрреформы конца 80-х — начала 90-х годов.

Однако Милютин попрежнему сохраняет верноподданнические чувства, и со стороны царствующего дома ему продолжают выражать знаки внимания. Он принимает участие в коронациях Александра III и Николая II. В 1898 году, в связи с празднествами в Москве по поводу открытия памятника Александру II, Милютин получает звание генерал-фельдмаршала.

Несмотря на свой преклонный возраст, Милютин живо реагирует на революционные события 1905—1907 гг. К этому периоду относится ряд записок, излагающих его точку зрения на различные вопросы современной жизни. В 1907 году он пишет «Заметки по некоторым спорным вопросам современной злобы дня», в которых выражает свое отношение к революционным событиям и подвергает разбору думское законодательство. Эти заметки он начинает с изложения своей точки зрения на социализм, пытаясь доказать беспочвенность социалистических теорий.

Под влиянием революционных событий взгляды Милютина приобретают характер еще большей умеренности.

Разрешение аграрного вопроса Милютин видит в распределении свободных земель среди крестьян, т. е. в организации переселения. «Спешу оговориться, — пишет он, — что я вовсе не являюсь защитником крупного землевладения... но это зло историческое, следствие старых грехов наших предков и наших давно минувших диких нравов. Исторические корни зла, конечно, не служат ему оправданием, но и насильственное истребление его одним ударом, с нарушением современных бесспорных прав и установившихся нравственных начал общественной жизни было бы еще большим злом, чем то, которое желали бы отвратить».**)

Выступая противником всеобщего избирательного права, которое, по его мнению, обеспечивает интересы большинства населения

*) Архив Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), ф. К. Д. Кавелина, 20586/схб 13, письмо Д. А. Милютина к К. Д. Кавелину от 3 мая 1884 г.

**) ф. Д. А. Милютина, М. 7871/7, л. 28.

в ущерб состоятельному меньшинству, Милютин считает, что «основой группировки избирателей и избираемых должны быть экономические условия...»*), а не какие либо сословные привилегии. С этой точки зрения он критикует избирательный закон 3 июня 1907 года, по которому будущая дума должна получить чисто дворянский состав. «Мое стремление, — говорит он, — состояло в том, чтобы уравновесить интересы меньшинства с интересами большинства народа; по новому же закону дается подавляющий перевес меньшинству...»**)

Таким образом, и в этот период своей жизни Милютин продолжает оставаться на либеральных позициях.

В последние годы жизни, находясь в возрасте свыше 90 лет и почти потеряв зрение, Милютин все же сохраняет удивительную работоспособность.

В эти годы он пишет ряд записок по различным вопросам. В одной из них, озаглавленной «Старческие размышления о современном положении военного дела в России»***), он подвергает подробному анализу состояние русской армии и причины неудач русско-японской войны. В конце этой статьи, говоря о дальнейшем развитии вооружений, он пишет: «Машина все более и более будет брать верх над мускульной силой человека. Есть ли что-либо невозможное, например, в том, что автомобили не только вполне заменят повозки в обозах, но проберутся даже в полевую артиллерию: вместо полевых орудий с конской упряжью войдут в состязание на поле сражения подвижные бронированные батареи и битва сухопутная уподобится битве морской. В теперешнее время такой фантазии не верится, но потомки наши, быть может, взглянут иначе».****)

В период 1909 — 1911 годов перу Милютина принадлежит следующие записки: «О постановке в нас учебного дела», «К женскому вопросу», «О специализации учебного дела», «По книжному делу». В записке «Мимолетная заметка по поводу вновь сооружаемых монументов», датированной декабрем 1911 года, он возмущается постановкой памятника генералу Скобелеву и попытками сравнивать его с Суворовым.

25 января 1912 года Милютин скончался, пережив на три дня свою жену. Похоронен он в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря.

* * *

Наследие Милютина, хранящееся в Отделе рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР имени В. И. Ленина,

*) Там же, л. 10.

**) Там же, л. 46. Подчеркнуто автором.

***) Эта статья опубликована в «Известиях Императорской николаевской военной академии», 1912 г., № 30.

****) ф. Д. А. Милютин, М. 10499/13, стр. 57.

представляет собой обширный архив, насчитывающий свыше 500 единиц хранения (около 50 тысяч листов).

Весь архив можно подразделить на следующие части:

1) Служебные материалы, касающиеся как военных вопросов, так и других сторон деятельности Милютина. Сюда же относятся и разнообразные проекты переустройства правительственных и административных органов, различные записки по вопросам народного образования и т. д.

2) Эпистолярное наследие, состоящее из многочисленных писем к Д. А. Милютину различных государственных и общественных деятелей, в том числе гр. Киселева, Валуева, гр. Лорис-Меликова, кн. Горчакова, Гирса, Сабурова, Головинина, Чичерина, Кавелина, лиц царской фамилии, а также семейной переписки. Количество писем самого Милютина невелико и состоит преимущественно из черновых набросков.

3) Разнообразные хозяйственные и личные документы, в том числе принадлежащие и его отцу. И, наконец,

4) «Дневник» и «Воспоминания» Милютина.

Не ставя перед собой задачи раскрыть в настоящем очерке содержание всего архива,*) мы считаем необходимым остановиться лишь на характеристике «Дневника» и «Воспоминаний».

Свой «Дневник» Милютин начал вести с апреля 1873 года, т. е. с момента секретных совещаний, на которых ему пришлось вынести тяжелую борьбу, защищая проводимые им реформы.

Охватывая собою период с 1873 по 1899 г., «Дневник» представляет огромный научный интерес. Милютин сообщает чрезвычайно много интереснейших фактов, касающихся всех областей государственной жизни. В нем дается подробное изложение внутривнутриполитических событий, раскрывающих закулисную сторону жизни придворных и правительственных сфер. Сохраняя верно подданническое благоговение перед императором, Милютин вместе с тем дает ряд убийственных характеристик Александру II, изобличающих посредственность его ума и слабование.

Много внимания уделяется в «Дневнике» внешнеполитическим событиям: балканскому кризису 1875—1876 гг., русско-турецкой войне, Берлинскому конгрессу, а также русско-германским отношениям. Все это вводит в научный оборот ряд неизвестных доселе фактов и деталей, характеризующих международные отношения в Европе в 70-х годах. Большое место отведено в «Дневнике» «кризису верхов» конца 70-х годов, возникшему в период второй революционной ситуации, а также борьбе правительственных группировок в начале 1881 года — в первые месяцы вступления на престол Александра III.

С выходом Милютина в отставку, «Дневник» не теряет своего

*) См. нашу статью «Архив Д. А. Милютина», «Вопросы истории» за 1946 год, № 5-6.

интереса. Встречи в Крыму с виднейшими государственными и общественными деятелями, подробная информация обо всем происходившем в правительственных сферах, получаемая регулярно из Петербурга, — все это держит Милютина в курсе как внутренней, так и внешней политики. Лишь с 1885—1886 годов, когда большинство друзей Милютина частью умерло, а частью ушло в отставку, «Дневник» теряет свой общественный интерес и приобретает личный характер.

Свои «Воспоминания» Милютин начал писать в Симеизе в 1882 году. В течение пяти лет (1882—1887) он описывает свою жизнь и деятельность с 1861 по 1873 год. В 1887 году приступает к работе над «Воспоминаниями» за период с детства по 1861 год, которую и заканчивает во второй половине 1892 года.

Несмотря на то, что «Воспоминания» писались в апологетических целях, они представляют большую ценность не только для изучения биографии Д. А. Милютина, но и для освещения целого ряда вопросов истории России XIX века. Они составляют 17 папок, общей сложностью 6319 листов формата 4°. Есть основания полагать, что хранящийся в архиве экземпляр не является первоначальным, так как он написан набело, почти без поправок. Имеющиеся же поправки и вставки сделаны значительно позднее — в первые годы XX в., когда они переписывались набело в связи с подготовкой к печати. Изменения эти заключаются, главным образом, в поправках стилистического характера, либо в пропусках некоторых несущественных подробностей.

«Воспоминания», переписанные так же, как «Дневник», дочерьми Милютина, составили 20 переплетенных книг. Одна из книг (шестая) утеряна, и таким образом в наличии имеется 19 книг общим количеством 2769 листов.

«Воспоминания» по своему характеру, вполне естественно, отличаются от «Дневника». Автор, описывая события, рассматривает их сквозь призму десятилетий, что налагает на них определенный отпечаток. Отдельные вопросы вовсе опускаются, некоторые освещаются лишь с фактической стороны, без какой-либо оценки автора. Так, в них крайне слабо отражаются общественные и политические настроения автора в период 30-х — 50-х годов. Ничего не говорится о тех общественных вопросах, которые волновали юношу Милютина во время его пребывания в университетском пансионе. Очень бегло сообщает автор о своих встречах с Грановским, совершенно не касаясь тех бесед, которые они вели между собою. Ничего не рассказывает он также о своих встречах с Панаевым, Некрасовым, Чернышевским*), о дружбе с Чичериным и Кавелиным.

Первая часть «Воспоминаний» (1816—1861) заслуживает внимания

*) А. Я. Панаева в своих воспоминаниях рассказывает о том, что Милютин был постоянным гостем кружка литераторов, группировавшихся вокруг «Современника», причем часто вел беседы с Чернышевским о предстоящих реформах.

не только изложением биографии автора, представленной здесь довольно подробно, но и освещением ряда других событий, в первую очередь, кавказских войн. Милютин подробно рассказывает о своем первом и втором пребывании на Кавказе в конце 30-х и первой половине 40-годов, а также о своей деятельности в качестве начальника Главного штаба кавказской армии с 1857 по 1861 год. Он сообщает ряд интересных подробностей, касающихся разработки плана военных операций, хода военных действий против Шамиля и на Западном Кавказе.

Не лишены интереса страницы, касающиеся Восточной войны, когда Милютин, состоя для особых поручений при военном министре, был привлечен к работе по составлению обзора военных действий, редактированию известий с театра войны (для опубликования их в печати), а также для выполнения ряда особых заданий, связанных с военными действиями.

В «Воспоминаниях» подробно освещается состояние армии в предреформенный период и положение дел в Военном министерстве.

Необходимо отметить, что первые три книги «Воспоминаний» (1816—1843) были изданы в качестве первого тома в 1918 году в Томске, когда руководство Академии генерального штаба перешло на сторону белых и находилось на территории колчаковского правительства. Этот том, изданный крайне ограниченным тиражом, представляет собою в буквальном смысле слова библиографическую редкость.

Большой интерес представляет вторая часть «Воспоминаний» (1861—1873), относящаяся к периоду, когда Милютин, заняв пост военного министра, становится одним из активных деятелей преобразований 60-х годов. Значительная часть их посвящена состоянию армии и Военного министерства и проводимым в этой области преобразованиям. Наряду с военными вопросами Милютин уделяет большое внимание общему политическому курсу правительства и реформам в других ведомствах. Много места отводится также польскому восстанию 1863 г. и остзейскому вопросу. Подробное отражение получает борьба против военной реформы, развернувшаяся в конце 60-х годов и возглавляемая кн. Барятинским, Фадеевым и Черняевым. Наконец, большое место автор отводит и вопросам внешней политики: завоеванию Средней Азии, русско-английским и русско-германским отношениям.

В заключение небезинтересно сопоставить «Дневник» Милютина с мемуарами других государственных деятелей того же времени — дневниками П. А. Валueva и Е. А. Перетца. Милютин освещает внутреннюю и внешнюю политику Александра II с совершенно иных позиций, чем это делает в своем дневнике П. А. Валувев. В мемуарах же Перетца, не принадлежавшего к числу политических противников Милютина, многие события передаются со слов третьих лиц, так как сам Перетц не всегда являлся непосредственным свидетелем описываемых им событий. Это обстоятельство,

естественно, снижает научную ценность его дневника. Ниже приведем случай, когда Милютин указывает на недостоверность освещаемого Перетцом исторического события, несмотря на то, что последний даже являлся участником его. В 1908 году Милютину был прислан отрывок из воспоминаний неизвестного лица, опубликованный в журнале «Былое» № 1 за 1906 год, содержащий в себе рассказ о заседании 8 марта 1881 года. Сопоставляя этот отрывок с дневником Перетца, можно легко установить, что он является сокращенным воспроизведением записи Перетца об этом событии. Прочтя этот отрывок, Милютин пишет:

«Такое обстоятельное изложение важного исторического факта может соблазнить будущих историков, а потому ставлю себе в обязанность предостеречь их от излишнего доверия к свидетельству, несогласному с действительностью. Автор рассказа, очевидно, не принадлежит к числу участников в совещании, а пишет понаслышке, на основании догадок и предположений в публике. К нему можно вполне применить поговорку: «слышал звон, не ведая, откуда он». В рассказе верно лишь распределение участвовавших в совещании лиц на две противоположные стороны: на сторонников и противников доклада Комиссии Лорис-Меликова. Одни высказывались за пользу и даже необходимость предположенных законодательных работ, как продолжение и завершение предпринятых успешным государем реформ; другие — пугали воображаемыми от тех же предположений опасностями для основ русского государственного строя; но прямо о представительном правлении, о конституции не было произнесено ни слова.

Для желающих найти более достоверную справку о совещании 8 марта 1881-го года могу сослаться на мой краткий, но достоверный «Дневник».*)

Таково вкратце содержание «Дневника» и «Воспоминаний» Милютина. Являясь единственными мемуарами, принадлежащими перу крупного государственного деятеля, стоявшего на либеральных позициях, они вводят в научный оборот ряд новых исторических фактов и отдельных интересных деталей.

Таким образом, «Воспоминания» и «Дневник» Милютина являются ценным источником для изучения истории России второй половины XIX века.

*) ф. Д. А. Милютин, М. 10499/12.

От редакции

«Дневник» Д. А. Милютина, охватывающий период с 1873 по 1900 год, состоит из шести папок общей сложностью 2151 лист in folio, исписанных с обеих сторон.

Приступая к изданию «Дневника», Отдел рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР им. В. И. Ленина предполагает опубликовать его по 1886 год, так как позднее он приобретает исключительно личный характер и почти утрачивает общественный интерес.

Материалы «Дневника» при издании предполагается распределить следующим образом:

т. I — 1873-1875 гг.

т. II — 1876-1877 гг.

т. III — 1878-1880 гг.

т. IV — 1881-1886 гг.

Имеющийся в архиве оригинал «Дневника» не является первоначальным, так как сохранились отрывки более раннего варианта, написанные карандашом. Повидимому, автор первоначально набрасывал свои мысли вчерне, а затем заносил их в свой дневник.

Этот экземпляр «Дневника» подвергался неоднократной авторской переработке, причем Милютин руководствовался соображениями подготовки его к печати. В целях этого после окончательной правки «Дневник» в 1900 году был переписан набело дочерью Милютина по его непосредственным указаниям. Естественно, эта авторизованная копия не совсем тождественна с выправленным автором оригиналом; наряду с небольшими стилистическими расхождениями, есть и более серьезное различие: автор при переписке оригинала не включил некоторые строки, оставшиеся в нем незачеркнутыми. Так, например, выпущена большая часть записи за 20 апреля 1879 года, где Милютин дает характеристику государственного устройства России. Против этих строк в оригинале «Дневника» рукой автора написано «выпустить».

Настоящая публикация «Дневника» производится по выправленному автором оригиналу. Однако, учитывая значимость первоначальных вариантов, зачеркнутых автором, мы сочли необходи-

мым восстановить их в подстрочных примечаниях, поставив перед собой задачу воспроизвести первоначальный текст полностью.

Правка в основном сводится к следующему: 1) автор вычеркивает написанное, считая неудобным публиковать его, т. е. просто опускает части текста; 2) зачеркивая первоначальный текст, автор заменяет его другим, при этом он или полностью зачеркивает ранее написанный текст, или правит прежний, сохраняя некоторые части его.

Опущенный автором текст воспроизводится нами без пояснений, сноски дается после слова, за которым он следовал. В том же случае, когда автор заменяет зачеркнутый текст новым, мы восстанавливаем первоначальный текст, поясняя, вариантом какого отрывка он является, и сноску даем в конце этого отрывка. (Если автор зачеркивает одно или несколько слов, заменяя их другими, они воспроизводятся без пояснений).

Если определенная часть текста подвергалась неоднократной авторской правке, в подстрочных примечаниях дается первоначальный вариант; в отдельных случаях, для воспроизведения промежуточных вариантов зачеркнутые слова заключаются в угловые скобки.

Авторская правка, имеющая стилистический характер, не воспроизводится.

Текст «Дневника» печатается по новой орфографии; знаки препинания, в случае ошибочной расстановки или отсутствия их, ставятся в соответствии с синтаксическими правилами. Абзацы даются по оригиналу. Подчеркивания, сделанные автором и кавычки сохраняются. (Подчеркивания передаются разрядкой).

Сохраняются присущие эпохе и лично автору особенности написания отдельных слов (противуположный, панфлет, воксал, Кокан, Симеис, фашьенабельный и др.), а также грамматических форм (в роле, на poste, на бале, коллегов).

Недописанные автором слова дописываются нами в прямых скобках; общепринятые же и часто повторяющиеся сокращения слов, обозначающих титулы, чины, род войск (вел. кн., бар., ген.-ад., тайн. сов. л.-гв. и др.), в тексте не раскрываются. Пропуск отдельных букв, слогов и явные описки исправляются без оговорок.

Примечания, перевод иностранного текста и указатель имен даются в конце книги.

Отдел рукописей выражает глубокую благодарность члену-корреспонденту Академии наук СССР профессору Николаю Михайловичу Дружинину за помощь и весьма ценные указания по подготовке настоящего издания.

ДНЕВНИК Д. А. МИЛЮТИНА

1873-й год

8-го апреля. Воскресенье. Петербург. — Принимаюсь вести свой дневник только теперь, на 57-м году жизни, побуждаемый к тому пережитыми в первые три месяца текущего года непрерывными неприятностями и душевными волнениями. Все происходившее в этот тяжелый для меня период постараюсь при первой возможности рассказать подробно, в особой записке, совершенно объективно, ничего не скрывая, никого не щадя, на основании сохранившихся у меня заметок и официальных документов. Исполнить эту работу я должен для ограждения собственной своей нравственной ответственности пред судом истории. В тех же видах буду и впредь заносить в свой дневник все последующие факты, могущие со временем пригодиться будущему историку для разъяснения закулисной стороны нашей общественной жизни.*)

Злополучные совещания¹, мною же задуманные для обсуждения основных вопросов будущего нашего военного устройства, обратились в арену личной против меня интриги**), а потому и не могли привести к предполагавшейся цели. Не решили они тех серьезных задач, которые имелось в виду решить с помощью самых крупных наших авторитетов в делах государственных и военных; не открыли они нам пути к широкому развитию нашей военной силы, соответственно грозному напряжению сил наших соседей. И несмотря на такой отрицательный результат бывших печальных совещаний, все-таки я должен радоваться тому, что удалось, по крайней мере, отстоять нашу военную организацию от угрожавшей ей бессмысленной ломки. И то хорошо, что окончательные решения государя, устранив разные нелепые затеи, открывают возможность хотя в некоторой мере расширить и упрочить наши военные силы. Теперь

*) Первоначальный текст после слов «8-го апреля. Воскресенье»: «После целых трех месяцев непрерывных волнений, препирательств, козней, повидимому, наступило затишье. Последние мои доклады государю успокоили меня; отдыхаю от долгого и постоянного напряжения душевных сил».

**) и борьбы

Военное министерство может со спокойным духом снова приняться за работу.

Черная туча миновала; повидимому, наступило затишье. Последние доклады мои государю успокоили меня. Однакож я далек от иллюзий. Знаю, что поднятая против меня интрига не так легко уgomонится; после понесенной неудачи она не положит оружия, а будет выжидать новых удобных случаев, чтобы возобновить агитацию, гласную и закулисную. Комиссия князя Барятинского² остается зловещим*) призраком, напоминающим, что опасность не совсем еще миновала. Очень быть может, что ветер опять переменится, снова возьмут верх какие-нибудь нелепые фантазии, которые окончательно вынудят меня устраниваться от дальнейшего ведения дела — развития и устройства наших военных сил.**)

10-го апреля. Вторник. — Почти ежедневно приходится мне замечать признаки продолжающихся против меня и Военного министерства враждебных влияний. Сегодня, по окончании моего доклада, государь показал мне в «Мемории» Государственного совета статью об ассигновании интендантству около 860 т. р. на покрытие сверхсметного в прошлом 1872-м году расхода по статье: «наготовление и шитье вещей», и при этом выразил с некоторым неудовольствием удивление, что такие крупные расходы не предусматриваются при составлении сметы. Я просил позволения представить при следующем докладе письменное объяснение.

После заседания Комитета министров было у меня совещание с гр. Гейденом, Непокойчицким, Мордвиновым, Обручевым и Величко по предмету составления всепод[даннейшего] доклада о последовательности тех распоряжений, которые предстоят для приведения в исполнение проектированных изменений в организации войск. Остановились на том, что было мною набросано в особой записке несколько дней тому назад.

11-го апреля. Среда. — Третье заседание Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности³. Горячие споры по статье о льготах по семейному положению. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский отстаивал принцип «сохранения дво-

*) пугалом

**) Дабы вперед оградить свою нравственную ответственность за могущий произойти прискорбный оборот в нашей военной организации, постараюсь в первые минуты досуга заняться составлением записки, в которой подробно изложу весь ход бывших неудачных совещаний со всеми их перипетиями, ничего не скрывая и не прикрашивая; а вместе с тем начну с настоящего же времени вести свой дневник, чтобы сохранить в памяти и последующие факты, могущие со временем послужить будущему историку разъяснением закулисной стороны происходящих на моих глазах действий и событий.

рянских родов», требуя безусловного освобождения от военной службы единственных сыновей.

12-го апреля. Четверг. — Представил государю объяснение по вопросу о требовании интендантством сверхсметной суммы в 860 т. руб. на произведенные в прошлом 1872 году расходы по заготовлению и шитью вещей. Объяснения очень категоричные; однакож государь все-таки повторил, что желательно избегать подобных непредвиденных расходов. Кроме того, его величество прочел мне выписку из «перлюстрированного» письма из Казани, в котором возбуждается сомнение в правильности действий Военного совета и лично ген. Мордвинова по утверждению некоторых интендантских подрядов и поставок. Еще новый повод к подозрению и недоверию.

14-го апреля. Суббота. — Представил государю объяснение по делу, о котором упоминалось в письме из Казани. Дело простое и ясное; я мог наглядно выказать, до какой степени бывают неосновательны наветы и подозрения, возбуждаемые людьми легкомысленными, не знающими дела, готовыми все порицать, во всем искать дурного.

Доложил государю, какое тяжелое впечатление произвело на весь стрелковый батальон императорской фамилии предположение о соединении его с л.-гв. гарнизонным батальоном под именем л.-гв. резервного пехотного батальона.

Четвертое заседание Особого присутствия по делу о воинской повинности: продолжительный спор у меня с министром народного просвещения гр. Толстым, доказавшим еще раз*) свой узкий взгляд и упрямство.

15-го апреля. Воскресенье. — Приезд императора германского⁴; торжественная встреча на станции Варшавской железной дороги; на всем пути от станции до Зимнего дворца расставлены войска без ружей.

17-го апреля. Вторник. — Торжество по случаю дня рождения государя. Утром — выход в Зимнем дворце и развод на площадке пред дворцом; обед парадный в том же дворце и вечером на площадке парадная «заря» с 2 т. музыкантов. На всех этих торжествах не мог я присутствовать по случаю простуды, хотя утром ездил во дворец с докладом. В городе нет других разговоров, как только о пруссаках и происходящих по поводу их приезда торжествах.

18-го апреля. Среда. — Пятое заседание Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности. Гр. Толстой с обычным своим упорством настаивает на своих своеобразных и странных идеях относительно распределения учебных заведений в отношении льгот по воинской повинности. Сильно простуженный, я с трудом мог возражать; но за меня говорил горячо сам председатель вел. кн. Константин Николаевич. Та же причина — простуда —

*) свое тупоумное упрямство.

позволила мне отказаться от парадного обеда во дворце и бала в Эрмитаже.

19-го апреля. Четверг. — Здоровье мое настолько поправилось, что я мог присутствовать при посещении Инженерного замка обоими императорами. Главной целью этого посещения был осмотр модели Севастополя. Ген. Тотлебен прочел целую лекцию, которую император Вильгельм и вся его многочисленная свита выслушали с напряженным вниманием. Пруссаки поражают своей любознательностью. Менее всех, кажется, интересовался кн. Бисмарк.

20-го апреля. Пятница. — Парад в честь императора Вильгельма. Погода на время разгулялась, но грязь страшная, несмотря на все старания полиции высушить плац. Старания эти доходили до комизма: целые сутки на всем Марсовом поле горели костры; говорят, что поливали даже керосином те места, где ледяной слой запоздал растаять.

Вечером парадный спектакль в Большом театре.

21-го апреля. Суббота. — Шестое заседание в Государственном совете по проекту о воинской повинности. Идет туго; много споров; но большей частью все статьи проходят. Заметно, что оппоненты не довольно вникли в дело; оно слишком для них ново и сложно. Сегодня более всех ораторствовал гр. Петр Андреевич Шувалов.

22-го апреля. Воскресенье. — Торжественный обед в честь императора Вильгельма в Николаевском зале на 600 приглашенных. Спичи обоих императоров в том смысле, что дружба их обеспечивает мир Европы.

23-го апреля. Понедельник. — Бал у наследника цесаревича⁵ в Аничковском дворце в честь пруссаков.

24-го апреля. Вторник. — Учение на Марсовом поле в присутствии обоих императоров батальону л.-гв. Семеновского полка в составе 54-х рядов во взводе и Орденскому драгунскому полку, приведенному в Петербург собственно для представления своему царственному шефу. Несмотря на страшную грязь на плацу, учение шло превосходно. После учения император Вильгельм удостоил меня своим посещением; разумеется, я счел неучтивым принять такого высокого гостя. Вообще старый император очень любезен со всеми. Фельдмаршал Мольтке, по своему обыкновению, больше молчит. Кн. Бисмарк заметно желает показывать себя русской публике. В народе даны им обоим прозвища: первому — «меняла», второму — «удушливый генерал» (бог весть, почему)!

25-го апреля. Среда. — Император Вильгельм дал мне знать чрез принца Рейсс, что желает поговорить со мной. В назначенный час, утром, явился я к нему в полной форме и поблагодарил за вчерашний его любезный визит. Император начал расспрашивать меня о предполагаемых изменениях в организации наших войск и об основаниях нового закона о воинской повинности. С живым вниманием слушал он мои объяснения и делал вопросы; но я не успел

удовлетворить его любопытство: разговор был прерван входом нашего государя. Оба императора пошли вместе посмотреть с балкона дворцового на собравшиеся на площади пожарные команды, а потом поехали на учение, происходившее на Марсовом поле, двух пехотных полков, которых король прусский⁶ считается шефом. Учение шло очень хорошо, но погода опять не благоприятствовала этому последнему угощению нашего гостя.

Вечером — бал у германского посла принца Рёйсс.

26-го апреля. Четверг. — Пред докладом своим зашел я к императору Вильгельму, чтобы проститься с ним и представить ему, вследствие изъявленного им желания, новый план Петербурга. У него находился наш государь; оба императора пробыли вместе довольно долго. Когда же государь вышел, император Вильгельм принял меня и говорил со мной несколько минут стоя. «Я доволен, — сказал он, — что побывал в Петербурге и мог собственными глазами убедиться, как несправедливы были доходявшие до меня слухи, будто русские войска *sont negligées*,⁷ будто они уже не в таком блестящем состоянии, как прежде. При этом император сделал несколько замечаний о том, насколько наши войска в строевом отношении сходятся с прусскими и в чем различаются. Вообще он выезжает из Петербурга с самыми благоприятными впечатлениями. Со мной он был любезен; но заметно по всем разговорам, что он имел предубеждение против меня. В городе говорят даже, будто принц Рёйсс принимал сильное участие в интригах против меня и выражал открыто свое сожаление, что интриги эти остались без результата. — Я распрощался с императором Вильгельмом, потому что не мог присутствовать в проводах его на станции железной дороги по случаю происходившего сегодня заседания Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности.

В этом заседании (седьмом) не могли присутствовать великие князья⁸ по случаю провода императора германского до Гатчины, за исключением, однакоже, нашего председателя Константина Николаевича. Не были также и фельдмаршалы: гр. Берг уезжал с императором Вильгельмом, а кн. Барятинский уже давно перестал присутствовать в этих заседаниях. Говорят, он опять болен и несколько уже дней в постели. Сегодня дело о воинской повинности подвинулось значительно: рассматривались статьи о самом порядке призыва на службу (участки, приписка и проч.) — предмет слишком сухой для наших страстных ораторов!

Виделся утром с кн. С. В. Кочубеем, приехавшим из Полтавы; говорили о покупке его имения в Симеисе, на Южном берегу Крыма. Был он у нас и вечером, но переговоры наши остались пока без положительного результата.

Государь, проводив императора Вильгельма до Гатчины, прямо оттуда переселился в Царское Село, куда и придется мне отныне ездить с докладом.

28-го апреля. Суббота. — Восьмое заседание в Государственном совете по делу о воинской повинности. Прошло довольно много статей, в том числе весь отдел о вольноопределяющихся. Спорили много; опять гр. Толстой выступил со своими своеобразными, односторонними идеями. Гр. Пален опять явился охранителем интересов маменькиных сынков. Ген.-ад. П. Н. Игнатьев желает допускать в вольноопределяющиеся исключительно только кончивших курс в университетах и гимназиях; к нему присоединился и принц Ольденбургский. Кроме этих лиц, все прочее собрание принимает статьи проекта одобрительно.

Сегодня — первая моя поездка в Царское Село с докладом. Представлено мною государю предположение о постепенности исполнения предначертанных изменений в организации войск. О Комиссии кн. Барятинского уже нет разговоров; а если кто и вспомнит об ее существовании, то не иначе, как с улыбкой и насмешкой. Таковы люди! Сам кн. Барятинский лежит в подагре.

1-го мая. Вторник. — Государь одобрил представленные мною соображения о постепенном выполнении предначертанных изменений в организации войск и повторил несколько раз, что не видит причины торопиться этим делом, что надобно сообразоваться с денежными средствами. Пользуясь этим благоприятным настроением государя, я выпросил награды вне правил главным труженикам, которые вынесли на своих плечах тяжелую работу обеих комиссий (т. е. по организации войск и по воинской повинности), именно: ген.-м. Обручеву, полковникам Шнитникову и Величко и самому гр. Гейдену, которому государь предназначает Владимира 1-й [степени] при рескрипте. Это радует меня; но вместе с тем снова имел я неприятность выслушать от государя упреки, будто бы в Военном министерстве нет бережливости в расходах. Очевидно, государь повторял чьи-то чужие слова; он прямо высказывал, что таково мнение многих лиц, даже из числа таких, которые хорошо ко мне расположены и отдают мне справедливость в других сторонах моей деятельности. Мне ясно, что государь, ездивший вчера в город и ночевавший и Зимнем дворце, виделся, конечно, с кн. Барятинским. Снова слышал я упреки и в том, что в войсках увеличилась переписка, что они замучены формами и отчетностями и т. д... Все это слышу в сотый раз; видно, все мои объяснения и опровержения — как об стену горох. Тем не менее, я снова возражал и объяснял, как неосновательны эти нарекания; спрашивал: почему же те мудрецы, которые так легко критикуют, никогда не укажут, в чем именно заключаются излишние по их мнению расходы? на чем полагали бы они сделать экономию? какую переписку признают они излишнею после сделанных уже в последнее время сокращений в формах и отчетности?.. зачем же повторять голословные упреки?.. и т. д. Объяснения мои были прерваны входом наследника цесаревича.

По возвращении из Царского Села в Петербург заехал я в от-

дел патронного завода на Литейной; давно уже не видел его и вообще в последнее время никуда не ездил: не до того было. Показывали мне приспособление скорострельных пушек к перевозке на выюках.

Великий князь Михаил Николаевич приезжал ко мне проститься: уезжает завтра на Кавказ.

2-го мая. Среда. — Девятое заседание в Государственном совете по делу о воинской повинности. Прошло довольно много статей, несмотря на горячие прения. Всего более было спора по вопросу о евреях, для которых в проекте Комиссии предполагались особые, исключительные правила. Мною предложено совсем исключить эти правила из положения, а взамен их сделать оговорку в журнале присутствия. Еще одно заседание — и, вероятно, кончим рассмотрение проекта в Особом присутствии. В Общее же собрание Государственного совета внесется уже осенью.

Пред заседанием в Государственном совете происходил высочайший смотр трем полкам, приведенным в Петербург на время пребывания их шефа — императора германского. Полки эти выступили завтра в свои места расположения.

3-го мая. Четверг. — Сегодня при докладе государю опять должен был иметь объяснение относительно наград за работы по комиссиям (о воинской повинности и об организации войск). Странная система давать награды не за оказанные заслуги, не за известные исполненные работы, а только за прослужение требуемого срока. Некоторым из лиц, наиболее трудившимся по этим комиссиям, отказывается в заслуженной награде потому только, что они случайно в прошлом году получили очередную награду за выслугу предшествующих узаконенных лет! В числе их и сам председатель обеих комиссий — гр. Гейден, который действительно вынес на своих плечах обширную и сложную работу, исполнил вполне успешно возложенное на него трудное дело!..

5-го мая. Суббота. — Ген. Тотлебен признал настоящее время удобным, чтобы помимо меня провести давнишнюю свою мысль об отделении казарменной части от Главного инженерного управления. Зная, что я не разделяю его мнения, подал он записку прямо государю, чрез великого князя Николая Николаевича. Я должен был сегодня объяснять государю несообразность представленного предположения.*) Вторично пробовал заговорить о награждении гр. Гейдена, но безуспешно.

8-го мая. Вторник. — После доклада в Царском Селе и бригадного учения на Марсовом поле был я в заседании Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности. Это десятое и последнее заседание заключалось преимущественно в продолжительных спорах о взысканиях за нарушения правил нового

*) доказывающего только бездарность и мелочность ген. Тотлебена в деле администрации...

закона, т. е. за уклонения от исполнения воинской повинности. Председатель наш вел. кн. Константин Николаевич заметно торопился покончить дело, так как решен уже на 14-е число отъезд его в Николаев. Поэтому и рассмотрение дополнительного положения об ополчении отложено до осени; а между тем на канцелярию Государственного совета возложено приготовление всех редакционных работ. В заключение прочитано было сегодня же мое представление о том, чтобы в будущем 1874-м году произвести два набора: в начале года — обыкновенный, по прежнему рекрутскому уставу, а в конце года — призыв уже по новому положению. Предположение это присутствием одобрено.

9-го мая. Среда. — Праздновали юбилей Николаевского кавалерийского училища. После молебствия в церкви государь обошел залы, в которых собрались представители всех 50 поколений выпущенных из училища питомцев. По отъезде его величества начался «акт», заключающийся только в прочтении составленного полковником Потто краткого очерка истории училища. Значительная часть этой речи была посвящена восхвалению кн. Барятинского, как самого замечательного из произведений училища. Вероятно, автор предполагал, что пред ним в зале в числе слушателей будет и сам герой Гуниба⁹. Но он, как слышно, все еще лежит больной под дагрой.

10-го мая. Четверг. — Приезд шаха персидского¹⁰, сперва встреча на железнодорожной станции; по всему пути до Зимнего дворца, по Невскому проспекту и Малой Миллионной — толпы народа. В Зимнем дворце шах прошел чрез залы, набитые битком генералитетом и офицерством.

Я должен был отказаться от юбилейного обеда Николаевского кавалерийского училища, чтобы проводить на Николаевскую жел. дорогу дочь Надю,¹¹ которая отправилась с Марией Николаевной Вельяминовой и княжной Вяземской в тамбовскую их деревню. Уклонился также от парадного спектакля в Большом театре в честь шаха.

11-го мая. Пятница. — Большой парад для шаха на Марсовом поле, а потом *déjeuner dinatoire*¹² у принца Ольденбургского. Оказывается, что властелин Персии вовсе еще чужд европейских нравов; нам приходится начинать его воспитание и даже учить, как сидеть за европейским столом. Вечером он был на бале Дворянского собрания.

12-го мая. Суббота. — Доклад в Зимнем дворце; потом бригадное учение на Марсовом поле. Шах отказался присутствовать под предлогом болезни; но болезнь эта не помешала ему явиться на парадный обед, данный в честь его в Николаевском зале на 140 приглашенных.

Сегодня уехала в Тамбовскую губернию дочь Ольга¹³ с младшими сестрами¹⁴. В Петербурге остались мы только вдвоем с женой.

14-го мая. Понедельник. — В полдень представлял я государю членов обеих комиссий: по воинской повинности и по организации войск, по случаю закрытия этих комиссий. Многие из них получили награды, прочие — именные благоволения. Мне приятно, что удалось выпросить главным работникам в этих комиссиях (Обручеву, Шнитникову и Величко) по две награды, которыми они остались довольны; но прискорбно, что государь окончательно отказал в награде самому графу Гейден потому только, что он получил награду в прошлом году (алмазные знаки Александра Невского). Взамен награды получил он рескрипт*). Если б я был на его месте, то подобный лестный рескрипт доставил бы мне больше удовольствия, чем всякий орден. Не знаю, как он смотрит.

После представления происходило на Семеновском плаце учение 1-й бригаде гвардейской кирасирской дивизии и конвою в присутствии шаха. Вероятно, ему пришлось в первый раз быть верхом под дождем и обрызганным грязью.

Вечером — бал во дворце. Шах уже совсем развернулся; тем не менее, ему трудно еще отстать от своих азиатских привычек: он чуть было не растянулся на диване в гостиной, полной дам.

15-го мая. Вторник. — Доклад в Зимнем дворце; потом учение 1-й бригаде 2-й гвардейской пехотной дивизии. Шах не присутствовал, а ездил в Кронштадт; вечером же его угостили фейерверком на островах, несмотря на светлый летний вечер и очень свежую погоду.

После обеда проводил я на станцию Николаевской железной дороги мою невестку, Марию Аггеевну Милютину; потом был у гр. Строганова в железнодорожном комитете. Решался вопрос о дорогах Фастово-Знаменской и Ромно-Лозовой. Пробовал я снова настаивать, чтобы жел. дороги не составлялись из мелких клочков, из которых выходят ломаные линии, однакож и на этот раз безуспешно. Большинство членов комитета, повидимому, судит иначе: дается предпочтение отдельным, коротким линиям для удовлетворения частных, местных интересов; от этого наша железнодорожная сеть составила почти случайно из соединения отдельных ветвей. В таком смысле решен и вопрос о новой линии от Фастова к Знаменке, которая будет изогнута и изломана для того, чтобы прошла по возможности ближе к главным сахарным заводам. Другая линия — от Ромен чрез Полтаву в Лозовую — хотя и не отвергнута в принципе, однакоже отодвинута на задний план под тем предлогом, что эта линия сделалась теперь менее нужной с тех пор, как решено провести линию от Ворожбы (к зап[аду] от Харькова) к станции Мерефа. А, спрашивается: зачем же было решать подобную дорогу, имеющую только частную, местную цель, прежде главной, большой линии?..

*) которым должен быть доволен.

После заседания комитета заехал я к новому турецкому послу Киамиль-паше на официальный его прием.

16-го мая. Среда. — Утром был на экзаменах в Пажемском корпусе. Вечером не поехал в Царское Село на придворный спектакль; оставался дома за работой.

17-го мая. Четверг. — Доклад на железной дороге: государь ехал из Царского Села в Петербург, в парадной форме по случаю отъезда шаха. Я избавил себя от проводов.

Получено странное известие по телеграфу, что Красноводский отряд (полк. Маркозова) должен был от невыносимого жара в степи вернуться к Красноводску¹⁵. Отступление его может иметь невыгодное для нас нравственное влияние на кочевников. Кавказское начальство теперь увидит, что оно напрасно домогалось с такой самоуверенностью принять на себя главную роль в Хивинской экспедиции.

18-го мая. Пятница. — Вчера не успел я докончить свой доклад на жел. дороге, а потому должен был сегодня опять ехать в Царское Село. После доклада распростился я с государем, который в 4 часа пополудни выехал за границу. Прощание наше было холоднее, чем бывало в прежние времена; при этом не было даже вопроса о том, что намерен я делать в отсутствие его величества и где моя семья. Среди доклада моего вошли в кабинет наследник и цесаревна¹⁶ с детьми своими¹⁷; они сегодня же отправляются также за границу, морем. Юная чета давно уже держит себя в отношении ко мне более чем холодно. По всему видно, что интрига против меня имела полный успех и оставила следы неизгладимые. При всем моем философском воззрении на придворные отношения невозможно, однакоже, совсем отрешиться от чувства досады и негодования на несправедливость и неблагодарность.

13-го июня. Среда. — Почти целый месяц ничего не заносил я в свой дневник; ничего не было, заслуживающего быть записанным. В Петербурге — время затишья; город опустел; все дела в застое. Только изредка телеграммы и донесения из отрядов, направленных на Хиву, пробуждали внимание публики. Я же лично был занят не одними делами служебными, но также и домашними — переменой квартиры (с Дворцовой набережной на Фонтанку, у Цепного моста, в дом гр. Олсуфьева), устройством будущего казенного дома военного министра, перепиской с кн. Кочубеем о покупке маленького имения его на Южном берегу Крыма и проч... В то же время озабочивало меня положение моего сына¹⁸: после неудачного исхода движения Красноводского отряда из Вены дано было государем повеление отправить его в Туркестанский отряд, чрез Оренбург. Переезд нелегкий, особенно в июне месяце, и притом бесцельный, так как, по всем вероятностям, он прибудет туда, когда все действия военные будут закончены. Не знаю, как смотреть на это высочайшее повеление: просто ли как на одно из тех приказаний, которые даются без всякой преднамеренной цели, или же как

на новое проявление незаслуженной немилости к молодым офицерам гвардейской конной артиллерии, имена которых связаны с жалкой историей Квитницкого¹⁹. Как бы то ни было, но бедный мой юноша, поспешивший уже из Баку отослать в Петербург своего слугу с вещами, скачет теперь один на перекладной в Оренбург, где должен быть 15-го числа. Как поедет далее и как попадет в отряд под Хивой — не ведаю.

Среди мелочей домашней жизни я совсем и забыл о существовании Комиссии кн. Барятинского. Почти все назначенные в состав ее лица разъехались; сам председатель лежал в сильных страданиях подагры и только недавно собрался с силами, чтобы переехать в Царское Село. Прежние требования его разных сведений и справок из министерства давно уже прекратились... Я уже думал, что все это злополучное дело кануло в вечность и что могущественный мой противник, не видя цели предпринятой им против меня козни, бросил свою затею. Однакож выходит иначе: на днях узнал я (от Ал. Аг. Абазы), что сочинен, наконец, панфлет на Военное министерство и передан на рассмотрение К. В. Чевкину; что в прошлый понедельник, 11-го июня, съезжались к председателю Комиссии в Царское Село Чевкин, Пав. Ник. Игнатьев и гр. Баранов (единственные члены, еще не покинувшие Петербурга); что на другой день, т. е. вчера, подписан ими обвинительный акт. Это было первое и последнее заседание Комиссии, следовательно, приговор составлен единолично кн. Барятинским (чьими руками — не знаю); Чевкин и Игнатьев явились послушными ассистентами. Не говорю о гр. Баранове, потому что он был в отсутствии и приехал только пред самым заседанием 11-го числа, притом же голос его и не мог иметь веса в таком авторитетном трио, какой составляли кн. Барятинский, Чевкин и Игнатьев... Через несколько времени, вероятно, узнаю, в чем заключаются обвинения; но сколько можно догадываться по немногим словам, сказанным Чевкиным Александру Аггеевичу Абазе, главная тема обвинительного акта состоит по-прежнему в том, что в Военном министерстве нет надлежащей «хозяйственности» (узнаю в этом выражении самого Чевкина), что потому издерживаются лишние деньги; обстановкой же этой голословной темы служат мелкие факты, подобные тому, что были где-то отпущены из интендантских мастерских плохо сшитые сапоги, что оружейные заводы мало еще изготовили малокалиберных ружей... и т. п. Сущность дела заключается, конечно, не в том, что настроили эти мудрецы, копавшиеся несколько месяцев в делах и сметах Военного министерства, а в том, какая резолюция будет положена на подписанном ими акте. От этой резолюции, по всем вероятностям, будет зависеть окончательное мое решение — как мне поступить. Вся поднятая против меня буря должна иметь развязку с возвращением государя из-за границы, т. е. около половины будущего июля: или посланная к его величеству в Эмс записка останется под сукном, или я должен буду окончательно просить об

избавлении меня от такой должности, которую не дают мне возможности выполнять с спокойным духом.

Вчера, когда собирался я ехать в Комитет министров, удивлен был визитом К. В. Чевкина: он приехал будто бы проститься, уезжая сегодня же за границу. Посещение это показалось мне предзнаменованием недобрым, тем более, что он не сказал ни слова о подписанном докладе Комиссии. Потом, в Комитете министров, Игнатьев также держал себя со мною как-то странно, приторно-учтиво; видно было, что ему неловко.

14-го июня. Четверг. — Приходится дополнить и исправить записанные вчера сведения о Комиссии кн. Барятинского. Оказывается, что в прошлый понедельник в совещании участвовало еще несколько лиц, кроме тех, о которых слышал я прежде, между прочим, Грейг и Якобсон. Последний из них сам во вчерашнем заседании Военного совета объявил мне о своем участии в заседании. Он отзывался с пренебрежением о записке, составленной под руководством кн. Барятинского с поправками Чевкина. По словам Якобсона, записка эта не заключает в себе ничего важного: на каких-нибудь семи листах писарского письма высказываются мнения о невыгодности некоторых распоряжений по Военному министерству, а более всего трактуется об увеличении переписки в военном ведомстве. Стало быть, это все прежняя пошлая дребедень. По всем вероятностям, я не ошибся, предсказав государю, что учреждаемая им Комиссия не приведет ни к какому другому результату, кроме сочинения еще одного панфлета на Военное министерство, и вызовет еще новую полемику.

16-го июня. Суббота. — Сегодня, наконец, получено по телеграфу от ген. Кауфмана известие о занятии Хивы нашими войсками. Кажется, дело обошлось без боя; но успех неполный: хан²⁰, решившийся было сдаться, не устоял на этом намерении и бежал прежде прихода наших войск. Судя по телеграмме, он скрывается между томудами. Придется или гоняться за ним по степи или держать долго наши войска в Хиве. Не знаю, как ген. Кауфман выйдет из этого затруднения.

Сегодня же получено с Кавказа подробное описание бедствий, вынесенных в степи Красноводским отрядом. Что Маркозов не продолжал движения вперед, а возвратился вспять — в том обвинять его нельзя: действительно, представилась физическая невозможность идти вперед; но виноват он, разве, в том, что избрал самый невыгодный путь к Хиве и первоначальными своими действиями испортил свое положение в крае. Если б он не возбудил против себя текинцев и не увлекся движением за Атрек, то не затруднился бы собрать нужное число верблюдов и, выступив ранее прямо из Красноводска (а не из Чикишляра), мог бы подойти к Хиве другой, лучшей и уже знакомой ему дорогой — чрез Сары-Камыш.

1-го июля. Воскресенье. — Опять большой перерыв в моем

дневнике. Две недели прошли совершенно тихо и спокойно. В продолжение этого времени получались дополнительные известия из отрядов, занявших Хиву, о возвращении хана хивинского с повинною; а вчера телеграмма ген. Кауфмана возвестила об отмене «на вечные времена» рабства в хивинских владениях!.. Хотя мы еще не знаем, чем именно будет гарантировано действительное исполнение этого торжественного «манифеста» ханского, однакоже известие это произведет, несомненно, хорошее впечатление в Европе.

Успехи наши в Средней Азии приняты в Эмсе, повидимому, довольно равнодушно. Фельдъегеря привозят оттуда обратно доклады большей частью самого неважного содержания, с утвердительными резолюциями, — и ни одного теплого слова для наших бедных войск, натерпевшихся среди раскаленных песков Средней Азии.

В продолжение двухнедельного промежутка домашние мои дела мало подвинулись вперед. В ожидании решения дела покупки именина на Южном берегу Крыма мы вдвоем с женой²¹ сочиняли проекты для постройки будущего нашего жилья. 29-го числа ездили в Выборг, чтобы навестить там сестру Мордвинову, которая на летнее время поселилась на даче профессора Юнге, вместе с его семьей (жена его²² — дочь известного гр. Фед. Петр. Толстого, бывшего вице-президента Академии художеств, недавно только умершего). Вчера осматривал я выборгские укрепления. К вечеру возвратились мы в Петербург по жел. дороге.

6-го июля. Пятница. — От ген. Кауфмана приехал сегодня курьером адъютант его кап. Фан-дер-Флит с письменной реляцией о занятии Хивы и донесением о сделанных распоряжениях после прибытия хана с повинной. Словесные рассказы адъютанта открывают некоторые закулисные подробности, довольно при- скорбные. Оказывается, что ген.-лейт. Веревкину хотелось увенчаться лаврами победы, и потому он повел на город атаку в то время, когда ген. Кауфман собирался вступить в него с другой стороны церемониальным маршем. Недовольный чем-то, ген. Веревкин немедленно уехал из отряда под предлогом полученной им совершенно незначительной раны.

Ген. Кауфман прислал, между прочим, всеподданнейшую докладную записку, в которой просит высочайшего разрешения на некоторые предположенные им меры, с одной стороны — для сбора контрибуции с кочевых туркмен, с другой — для занятия некоторых новых пунктов во владениях хивинских с той целью, чтобы стать в отношении к Хиве в угрожающее положение и не быть поставленным рано или поздно в необходимость снова предпринимать такие трудные и дорогостоящие экспедиции, как в нынешнем году. В этих видах он полагает удержать за собой один пункт в устьях Аму-Дарьи, а другой — несколько выше по течению этой реки, около Шурохан; в каждом из этих пунктов оставить гарнизон

не менее 5 рот с 2 сотнями. Вместе с тем объявить, что вся правая сторона Аму-Дарьи переходит под власть России, частью же уступается бухарскому хану²¹.

Насколько я разделяю мнение ген. Кауфмана о пользе занятия устья Аму-Дарьи в том предположении, что мы, наконец, добьемся устройства удобного водного сообщения с этим новым пунктом, настолько же не могу одобрить занятие Шурохан. В таком смысле пишу я графу Ал. Вл. Адлербергу для доклада его величеству. Завтра кап. Фан-дер-Флит отправится с привезенными бумагами в Юенгейм.

9-го июля. Понедельник. — Время мое течет так же тихо и спокойно, как и прежде. С нынешнего дня, с отъездом жены в Тамбовскую губернию, откуда дней чрез десять она отправится далее в Крым, я опять остаюсь в полном одиночестве.*) Впрочем, эта спокойная одинокая жизнь продолжится недолго: к 18-му числу ожидается прибытие государя.

В минуты досуга от дел служебных занимаюсь изучением строительного искусства. Предмет этот всегда интересовал меня; а теперь я связываю это занятие с предположениями о покупке земли в Крыму и постройке там дома. Однакож дело это, почти уже решенное, не подвинулось до сих пор ни на шаг за невысылкой князем Кочубеем нужных для совершения купчей документов.

13-го июля. Пятница. — Провел весь день в разъездах. В 9 часов утра отправился по жел. дороге в Сестрорецк, где осмотрел оружейный завод и намеревался немедленно отправиться к пристани, у которой ожидал меня пароход Кронштадтского инженерного управления. Но меня задержали до второго часа: сначала — завтрак у начальника завода ген.-м. Лилиенфельда, а потом явилась ко мне депутация от обывателей (бывших поселян) Сестрорецка с адресом, в котором выражалось желание освятить в моем присутствии икону, сооруженную для новой церкви во имя св. Димитрия в знак благодарности за мои заботы о нуждах сестрорецкого поселения. Отказать в этом, конечно, я не мог и должен был выстоять молебствие, после которого поблагодарил общество за выраженное мне сочувствие. И в самом деле, мне было утешительно увидеть Сестрорецк пять лет спустя после большого пожара, истребившего всю слободу. Теперь дома отстроились заново, лучше прежнего; возведена (хотя пока вчерне) новая прекрасная церковь на месте прежней сгоревшей; обыватели уже освоились с новым своим положением людей свободных, т. е. независимых от завода и его начальства.

Из Сестрорецка отправился я осматривать морские батареи Кронштадта, сперва на северном фарватере, а потом — на южном. До сих пор все еще не можем довести до конца работ как инже-

*) К сожалению, эта спокойная жизнь продолжится недолго:

нерных, так и артиллерийских. Много еще остается дела. В настоящее время самые любопытные работы производятся на форте «Константин», где устраивается на два орудия 11-дюймового калибра подвижная установка по проекту ген.-м. Паукера, и на батарее № 3 (южного фарватера), где орудия будут поставлены во вращающихся башнях. Установка Паукера уже в таком виде, что можно было в моем присутствии сделать испытание подъема и опускания платформы; но самое орудие втаскивали на эту платформу только сегодня. Для вращающихся башен возведены каменные основания; самые же башни (железные) только-что устанавливаются.

Возвратился я в Петербург в 9 ч. вечера на пароходе артиллерийского ведомства.

16-го июля. Понедельник. — Сегодня в канцелярии Военного министерства принимал я кашгарского посланца²⁴ *).

19-го июля. Четверг. — Каникулы мои окончились: вчера вечером государь с императрицей возвратились из-за границы. Я встретил их на железнодорожной станции в Царском Селе и остался там ночевать. Сегодня утром имел первый доклад. Государь был разговорчив, с восторгом вспоминал, в каком блестящем состоянии представлялись ему войска в Варшаве, Гродне, Вильне и Динабурге; много говорил о Хивинской экспедиции. Вообще не было заметно никаких следов прежних неудовольствий.

После доклада возвратился я в город с дочерью Елизаветой⁵ приехавшей также из-за границы после пятимесячного там пребывания при императрице²⁶ и великой княжне²⁷.

21-го июля. Суббота. — Вчера утром ездил в Красное Село, где назначен был лагерный развод и потом объезд лагеря. Во время этого объезда государь неожиданно приказал забить тревогу. Все войска собрались очень быстро, выстроились на Военном поле, и затем произведено общее учение в виде маневра на одну сторону. Возвратился я в Петербург только вечером.

Сегодня был в Царском Селе с докладом. Часть времени провел в разговорах с дочерью и возвратился в Петербург к 3 часам.

По случаю доклада о предположенном на 30-е августа производстве в генеральские чины государь приказал, чтобы к тому времени было объявлено о восстановлении должности бригадных командиров в пехотных и кавалерийских дивизиях, несмотря на то, что мера эта ведет к новому ежегодному расходу в 225 т. р.

29-го июля. Воскресенье. — Целую неделю не мог я открыть свой дневник. Большую часть недели провел в Красном Селе, только изредка приезжал в город, а в пятницу утром ездил в Царское Село по случаю дня рождения императрицы. Все время было по-

*) Ничего в нем замечательного: такой же, как все другие приезжавшие из Средней Азии, посвященный во все тонкости азиатской вежливости.

гложено учениями и смотрами, повторяющимися из года в год с неизменным единообразием. Впрочем, одно было новое в этом году: показано было государю учение сводной дивизии, составленной из всех почти пехотных полков Красносельского лагеря, в составе 16 батальонов по военному составу, с 8-ю батареями (64 орудиями), т. е. в том именно составе, какой предположен впредь для нашей армии. Сделанный опыт подтвердил, что такая дивизия составляет громоздкую массу, которую не легко будет ворочать одному начальнику.

Вчера при докладе в Красном Селе государь, наконец, передал мне пресловутую записку фельдм. кн. Барятинского, под которой не устыдились подписать свои имена Чевкин, Игнатьев, гр. Эд. Баранов, кн. Голицын (Влад. Дм.) и Грейг. Правда, подписались они непосредственно под «заключением», в котором прописано, что они, «выслушав все вышеизложенные факты и сведения...» (т. е. всю дребедень, сочиненную ген.-м. Яковлевым под руководством кн. Барятинского), признали за служившими в немания четыре пункта, изложенные далее в нескольких строках. Достаточно взглянуть на эти четыре пункта, чтобы убедиться в ничтожестве результата столь громко учрежденной Комиссии. По всем этим пунктам уже неоднократно были даваемы объяснения и возражения; содержание их уже избито до пошлости; и несмотря на то, государь все-таки, отдавая мне записку кн. Барятинского, выразился в таком смысле, как будто в самом деле заключается в ней что-то новое, чем министерство может воспользоваться. Опять приходится мне (в который уже раз) представить объяснения. Судя по просмотренному уже мною началу этого обвинительного акта, полагаю, что не трудно будет опровергнуть все обвинения. Сегодня займусь продолжением чтения записки и постараюсь не портить себе крови этим чтением. Напротив того, я должен даже радоваться тому, что целый ареопаг, собранный под председательством лица, открыто заявившего себя моим противником, и заведомо с той целью, чтобы нанести удар моему 12-летнему управлению, не мог отыскать никаких других обвинений, кроме тех пустых укоров, которые приводятся в записке кн. Барятинского на основании извращенных фактов, недобросовестно подобранных цифр и каких-то измышлений бездарного ген. Яковлева.

31-го июля. Вторник. — Вчера съездил в Красное Село совсем напрасно: учение по случаю дурной погоды было отменено. Сегодня утром был в Царском Селе для доклада, после которого отправился с государем в Кронштадт. Его величество осматривал некоторые суда, в том числе фрегат «Светлану», на котором плавал два года вел. кн. Алексей Александрович, и новую императорскую яхту «Держава», только-что выстроенную с роскошной отделкой. Государь посетил также Константиновскую батарею. Возвратились мы в Петербург в 7-м часу вечера.

15-го августа. Среда. — Две недели не открывал я своего днев-

ника. Решительно не было времени за непрерывными разъездами, маневрами и разными хлопотами. Теперь нужно мне некоторое напряжение памяти, чтобы записать происходившее в эти две недели. Постараюсь припомнить, что могу..

1-го августа, среда — Военный совет.

2-го, четверг — доклад в Царском Селе; остаюсь там к царскому обеду; прогулка с дочерью ²⁸ в Павловск.

3-го, пятница — опять в Царском Селе; после раннего обеда у дочери ²⁹ отправился на лошадях с адъютантом Пушиным чрез Красное Село и Ропшу в Лопухинку — сборный пункт императорской главной квартиры по случаю маневров.

Маневры в нынешнем году были довольно продолжительны (всего 11 дней), хотя и с промежутками для отдыха. Войска были разведены далеко, до самого Ямбурга и до морского берега. В первый день, 4-го августа (суббота), происходили только авангардные дела между Ворониным и Лопухинкой; мы были измочены проливным дождем. К обеду собрались в Ропше, куда приехала и государыня императрица. Все воскресенье прошло в прогулках и беседах, а вечером — детские игры.

6-го августа, понедельник — после доклада в Ропше поехал я вслед за государем обратно в Лопухинку. Тут справляли полковой праздник Преображенского полка и гвардейской артиллерии.

7-го и 8-го, вторник и среда — маневры от Воронина к Бегуницам и Каскову. Все страшно устали, но маневры были довольно интересны.

К вечеру 8-го числа возвратился я в город и нашел на своем письменном столе два весьма приятных для меня известия: одно — письмо из Крыма от жены, которая сообщает самые утешительные сведения о будущем нашем поместье близ сел. Симеис; она описывает его с восхищением, так что не остается уже никаких сомнений, никаких колебаний относительно приобретения этого имени. Рядом с письмом жены нахожу извещение от г. Кондрашева, поверенного князя Кочубея, что, наконец, получены документы, нужные для совершения купчей. В радости скачу я к Кондрашеву, сговариваюсь с ним, заезжаю к услужливому Александру Степановичу Гуро и успокоенный насчет этого дела, отправляюсь на другой день в Царское Село с обычным своим докладом.

9-го августа, четверг — опять ранний обед у дочери и опять еду прямо из Царского на маневры, на сей раз только до Ропши.

10-го августа, пятница — генеральное сражение на позиции у Переярова; упорные атаки вел. кн. Николая Николаевича признаны отбитыми, а барон Бистром — победителем. Тут же, к общей радости, объявлен конец маневра, днем ранее, чем предполагалось. Почти мгновенно все разъезжаются; я возвращаюсь в Царское Село, где должен быть на другой день с докладом.

11-го августа, в субботу, после доклада, возвратившись в Петербург, поспешил я заняться делом симейским. Надобно было торопиться решением этого дела с Кондрашевым, так как в распоряжении моем оставались всего только одни сутки времени: предстояло на следующий день сопровождать государя на смотр флота в Транзунде, а затем, быть может, и поездка с его величеством в Москву и в Крым. Также и Кондрашеву предстоял в воскресенье отъезд из Петербурга. Поэтому сговорились мы с ним и с Ал. Ст. Гуро съехаться у меня вечером в субботу, пригласив и нотариуса. К крайнему моему прискорбию, в присланных кн. Кочубеем документах и в данной им Кондрашеву доверенности встретились какие-то недомолвки, затруднявшие совершение купчей. Однакож на следующий день, в воскресенье утром, когда съехались мы снова, придумано было средство обойти встреченное затруднение, и купчая была подписана, к большому моему удовольствию. Немедленно же телеграфировал я жене о приятной для нее развязке дела, так давно уже истощающего наше терпение.

Забыв упомянуть, что в субботу имел я продолжительный разговор с кашгарским посланцем, который непременно желал быть у меня неофициально. Я нашел в нем человека умного, с тонким азиатским тактом. Беседа наша от обычных учтивостей и комплиментов нечувствительно перешла на политические предметы. Посланец Якуб-бека вел себя настоящим дипломатом. Расстались мы, повидимому, довольные друг другом. Он выпросил у меня фотографический мой портрет.

В воскресенье, 12-го числа, после обеда отправился я на казенном пароходе «Онега» в Кронштадт на великолепную царскую яхту «Держава». Государь прибыл туда из Ораниенбаума к полуночи, а с рассветом 13-го числа отправились мы к Транзунду. В 8 часов утра мы были в виду всей эскадры; среди ее стоял пароход «Штандарт», на котором только что прибыли из Англии наследник и цесаревна. День был превосходный, даже жаркий; море — как зеркало; под вечер же, как будто по заказу, легкий ветерок дал возможность исполнить парусную гонку. Целый день, до совершенной темноты, прошел в морских упражнениях. Программа была выполнена совершенно успешно; все были в хорошем расположении духа и, утомленные, разошлись поздно вечером по каютам. Утром 14-го числа проснулись в виду Кронштадта, где пересели на малый пароход, и прибыли в Петербург около 10 час. утра.

Здесь, в своей квартире, нашел я сестру Мордвинову и дочь Лизу, приехавшую на этот день из Царского Села. Большую часть дня провели мы вместе.

Поездка в Транзунд была для меня приятной прогулкой; но в особенности было мне приятно то, что там, в море, получил я первое телеграфное известие из Ташкента о благополучном прибытии моего сына в Хиву. В эти два дня как будто мне было суждено.

успокоиться душевно от разных волновавших меня забот. Не имея давно известий от сына, с того времени, как выехал он из Самарканды с двумя туземцами (джигитами) чрез Бухару, я начинал беспокоиться за него; притом государь не говорил мне ни слова о возвращении моего бедного странствователя. Полученная теперь телеграмма дала мне повод прямо спросить об этом. Его величество отвечал мне, что по возвращении войск из Хивы и сын мой может вернуться, и, улыбнувшись, прибавил: «в Ливадию». Приезд его туда будет великой радостью для всей семьи.

Во все время маневров и потом государь вообще был внимателен ко мне, как бывало в старину. Императрица также была любезна. Но я напрасно ожидал предложения сопровождать государя в предстоящую поездку его в Крым. Я вынужден был испросить себе отпуск туда же на два месяца. Казалось бы вполне естественным, чтобы военный министр находился при государе во время предстоящих на пути смотров войскам... Но, видно, есть какие-нибудь неведомые мне соображения.

Сегодня поехал я с докладом в Царское Село и явился в полной форме, чтобы откланяться их величествам. «Так мы скоро увидимся в Ливадии?» — сказал государь. — «Если получу на это приказание», — ответил я. «Стало быть ты сам не желаешь этого?» — «Нет, государь; но я не считаю себя вправе явиться без приказания». — Государь улыбнулся: «Ну, так я приказываю...» — и затем, при прощании опять повторил: «Так до Ливадии.»*)

В заключение доклада я должен был возобновить тяжелые и для меня и для государя объяснения по поводу бывшей под председательством кн. Барятинского комиссии. Представил я свою объяснительную записку: почти ни одна строка журнала Комиссии не осталась без опровержения. Вместе с тем представлены мною и возражения на отчет Государственного контролера³⁰, подавший повод к крайне обидной для Военного министерства отметке государя. (Отметка эта была положена еще во время самого разгара поднятой против меня интриги). Присутствие вел. кн. Владимира Александровича не помешало мне высказать без всякого стеснения мое мнение как об извращении фактов в записке кн. Барятинского, так и о принятой в Государственном контроле системе изложения ежегодных всеподданнейших отчетов.

Государь уехал сегодня вечером с Колпинской станции; императрица выедет дней чрез пять. С ее величеством едет и старшая моя дочь. Свой отъезд из Петербурга полагаю отложить недели на две, чтобы привести некоторые дела к окончанию, а вместе с

*) Как согласовать это любезное приглашение с нежеланием иметь меня в свите во время смотров? Я должен отложить свой выезд из Петербурга недели на две для того только, чтобы не ехать по следам государя и не подать повода к толкам о моем странном положении.

тем и с той целью, чтобы не ехать по следам государя во время высочайших смотров в нескольких лежащих на пути пунктах.

19-го августа. Воскресенье. — Сегодня утром ездил в Царское Село откланяться императрице. Ее величество выезжает завтра; любезно приглашала меня в Ливадию.

23-го августа. Четверг. — В числе бумаг, присланных от государя из Батурина, возвращена и поданная мною 15-го числа объяснительная записка по поводу отчета государственного контролера. На записке нет никакой собственноручной пометки, а приложена только записка гр. Адлерберга, в которой он сообщает, что государь не изволит находить нужным давать этому делу дальнейший ход, потому что отчеты государственного контролера имеют именно ту цель, чтобы вызывать подобные со стороны министров объяснения.

Таким образом, его величество, прочитав настоящее объяснение Военного министерства, признает дело законченным... Вот и результат всей многолетней полемики! Стало быть государственно-му контролеру предоставлено взводить в его всеподданнейших отчетах всякие напраслины на любое министерство, не отвечая за то, что подносит на высочайшее усмотрение; нарекания эти на министерство дают повод к обидной для него высочайшей резолюции; затем министерство это представляет объяснение — и тем дело кончается. Можно бы заключить из этого, что слишком много досуга и у госуд[арственного] контролера, пишущего напраслину, и у министров, обязанных сочинять длинные возражения, и у самого императора, читающего оба сочинения!.. Какое же значение может иметь положенная первоначально на отчете госуд[арственного] контролера высочайшая резолюция?..

25-го августа. Суббота. — Вчера ездил я в Выборг, чтобы проститься с сестрой до отъезда моего в Крым. Возвратился оттуда сегодня утром. Погода стоит превосходная.

Сегодня прибыл из Хивы курьер с подробными донесениями о последних горячих стычках с туркменами 13-го, 15-го и 17-го июля. Воинственные эти кочевники, непривычные ни к какой над собою власти, попробовали еще раз отбиться от русских войск — и поплатились дорого за эту попытку. Странные бывают перестановки ролей в человечестве: хан хивинский прислал поздравление ген. Кауфману с новой победой и выразил свою радость тому, что он проучил этих нахалов!.. Кауфман озабочен окончанием дел с этим подвижным и коварным населением степи. Настало время выводить войска из хивинских владений. Полагаю, что в настоящее время все распоряжения к тому уже сделаны, и что войска начали обратное движение, за исключением отряда, оставляемого на р. Аму.

Сегодня же отправлен отсюда курьер в Ташкент; с ним послал письма к ген. Кауфману и к моему сыну.

28-го августа. Вторник. — Ген. Трепов уже не раз предлагал

мне посмотреть устроенную им больницу для душевнобольных в строениях прежнего Земледельческого училища, за Черной речкой. Сегодня мы с ним поехали туда в 1 ч. пополудни и возвратились к обеду. Кроме больницы для умалишенных, там же поблизости устроены и бараки для обыкновенных больных, но недостаточности мест в городских больницах. Оба заведения нашел я в прекрасном виде: строения деревянные, но удобные, содержатся чисто, в порядке. Заведениями этими Трепов может похвастаться. Надобно отдать ему справедливость, что он делает много хорошего для населения петербургского, особенно для бедного люда и страждущего человечества. Деятельность этого человека изумительна.

Вечером заехал я к баронессе Раден проститься по случаю отъезда. Умная и доброжелательная женщина.

30-го августа. Четверг. — Утром по случаю царского дня был в Александро-Невской лавре; вечером выезжаю с курьерским поездом на Москву, Харьков, Одессу.

4-го сентября. Вторник. Мелас (на Южном берегу Крыма). — Проездом чрез Полтаву, в субботу, виделся я на железнодорожной станции с кн. Кочубеем, от которого получил планы купленного у него имения в Крыму и некоторые по тому же имени документы; но переговорить с ним о деле не успел.

2-го сентября, в воскресенье вечером, приехал в Одессу, остановился в гостинице «Лондон». В тот же вечер и в течение утра следующего дня успел уладить все свои частные дела: переговорил с кап. Мордвиновым, который вызвался собрать нужные мне сведения касательно предстоящих строительных работ в Симеисе; ездил с ним в некоторые мастерские и склады материалов; потом виделся с моим шурином, Евгением Михайловичем Понсэ, с помощью которого уладил денежные дела с Одесским коммерческим банком и купил экипаж для Крыма. Все это было кончено до отхода парохода «Коцебу», т. е. до 2 час. дня.

Переход из Одессы в Севастополь был очень приятный; море совершенно гладкое, погода чудесная. *)

Сегодня, в 11-м часу утра, при входе в гостиницу Киста встречаю ген.-ад. Попова, который предлагает мне осмотреть его первую «Поповку», названную «Новгород». Странное это судно, похожее на плавающий круглый островок, с 6-ю паровыми двигателями и с 2 орудиями. Не верится, что эта круглая машина — действительно морское судно. Работы на Поповке еще не совсем окончены, пока все вчерне. После осмотра Поповки, исполнив кое-какие свои дела, выехал из Севастополя в час пополудни на лошадях и к 5-ти часам уже спускался к Меласу — тихому приюту моей семьи. К вечеру приехала туда старшая дочь из Ливадии. Таким

*) В числе пассажиров нашлось несколько знакомых (полк. Спицаков, двое прусских саперных офицеров, бывших летом в Красном Селе, и другие).

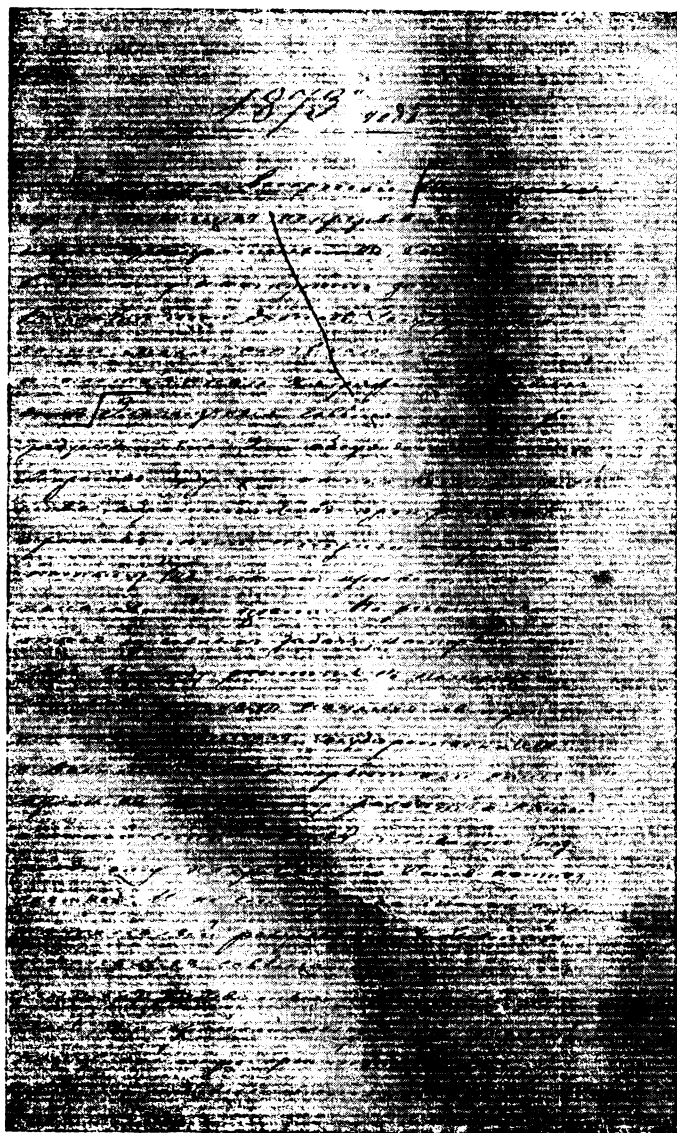
образом, собралась, наконец, вся семья, за исключением лишь сына, ожидаемого еще из дальних стран восточных.

5-го сентября. Среда. — Именины старшей дочери Лизы и рождение Маруси. Утро провел у нас сосед наш, Ник. Яковл. Данилевский, приехавший вместе с доктором Пясецким. Получили приятную телеграмму от сына, извещающего из Орска, что едет в Крым и будет 7-го числа в Саратове.

6-го сентября. Четверг. — Фельдъегерь Федоров прискакал из Ливадии с конвертом от гр. Адлерберга, который, по высочайшему повелению, препровождает мне представленную государю управляющим Министерством народного просвещения ст. секр. Деляновым записку о том, чтобы впредь не допускался прием в Медико-хирургическую академию молодых людей, не окончивших полного курса классической гимназии с аттестатом «зрелости». Допущение в Академию гимназистов, окончивших курс только VII-го класса, было испрашиваемо мною два года сряду в виде временной меры, которую считал я необходимой для того, чтобы не остаться вовсе без врачей. Нынешние классические гимназии доведены до того, что выпускают с аттестатом «зрелости» по одному или по два ученика в год, а потому трудно надеяться, чтобы из такого малого числа выпущенных учеников могли исключительно пополняться все факультеты университетов и Медико-хирургическая академия. Однакож я предвидел, что рано или поздно Министерство народного просвещения поднимет вопрос о прекращении временно допущенного отступления от общего положения; но я полагал, что вопрос этот все-таки будет подвергнут обсуждению или в Комитете министров или в особой комиссии, и что во всяком случае не будет решен без моего участия. Вместо того, на означенной записке Делянова прямо положена карандашом высочайшая резолюция: немедленно прекратить ныне же допущенную временную меру.*)

7-го сентября. Пятница. — В 8 часов утра выехал я из Меласа с женой, дочерью Надей и племянницей Аней Понсэ, чтобы осмотреть новоприобретенное поместье в Симеисе. Там назначено было свидание с поверенным князя Кочубея Ничем, заведывавшим до сих пор его имением. Вместе с ним обошли мы наше новое владение.

*) Препровождая ко мне для прочтения такую неприятную для меня резолюцию, гр. Адлерберг вместе с тем извещает меня, что 11-го и 12-го сентября будут произведены государем смотры в Севастополе и что его величеству угодно, чтобы я там находился вследствие того, что гр. Адлерберг должен остаться в Ливадии при императрице. Возвратив ему немедленно записку Делянова, не скрыл я от гр. Александра Владимировича, что высочайшая резолюция огорчила меня, и прибавил, что приеду прямо в Севастополь, а не в Ливадию, как приглашали меня. В действительности же думаю вовсе не ехать, сказавшись больным, не желая служить заместителем гр. Адлерберга.

Первая страница дневника.

ние во всех направлениях, в иных местах побывали по несколько раз, выбирая пункт для будущего нашего жилища. День был жаркий, сильно утомились, но приобретением своим остались вполне довольны. Опасаюсь только, чтобы желание хорошо здесь устроиться не повело к большим затратам нашего маленького капитала, собранного в течение многих лет самой строгой бережливости и скромного образа жизни.

В Мелас возвратились мы уже поздно вечером.

9-го сентября. Воскресенье. — Безмятежная тишина нашего уединенного Меласа была нарушена сегодня несколькими неожиданными посетителями. Утром получено приглашение на завтрашний бал в Орианде, но мы не намерены воспользоваться этой честью и не имеем даже к тому возможности по многим причинам, в числе которых главная — нездоровье жены и одной из дочерей. Затем приезжал флиг.-ад. Фан-дер-Флит, возвратившийся из Хивы; он сообщил нам некоторые сведения о моем сыне. После обеда явился подполковник Раевский, владелец Партенита и Корасана; он пробыл у нас до позднего вечера и крайне наскучил своей болтовней. Наконец, фельдъегерь из Ливадии привез несколько конвертов; в том числе от гр. Адлерберга доставлен мне для прочтения присланный ген. Кауфманом подлинный трактат, заключенный им с ханом хивинским.

13-го сентября. Четверг. — Несмотря на страшную погоду, дождь, ветер, холод, опять колокольчик: приехал ген.-м. Кармалин, назначенный недавно начальником Кубанской области и атаманом Кубанского казачьего войска. Это давнишний мой знакомый как ученик в Военной академии и как офицер Гвардейского генерального штаба, — человек умный, образованный, слышавший в свое время*) «красным». Он провел у нас большую часть дня.

14-го сентября. Пятница. — Вторично ездил в Симеис на свидание с агентами строительного общества, предложившего нам свои услуги для постройки дома. Место для этой постройки выбрано окончательно.

Слышал, что вчера приехал в Ялту английский принц Альфред, жених великой княжны Марии Александровны. Государь встретил его на пристани, под проливным дождем.

17-го сентября. Понедельник. — Покупка Симеиса окончательно утверждена; Нич привез мне купчую и получил условленную уплату.

Сегодня же приехал, наконец, мой сын; свидание с ним после продолжительных, дальних, трудных и не безопасных странствований его было, конечно, большой радостью для всей семьи.

Дочь Надя поехала вместе со старшей своей сестрой Лизой в Ливадию, куда мы были приглашены на вечер.

*) опасным либералом.

20-го сентября. Четверг. — Во вторник, 18-го числа, решился я, наконец, явиться в Ливадию. Поехал туда вместе с сыном; посидев вечером у дочери, отправились мы переночевать в Ялту, а на другой день утром представились государю, императрице и прочим наличным членам императорской фамилии, а также принцу Альфреду Эдинбургскому; затем проехал в Мисхор к вел. кн. Михаилу Николаевичу.

Свидание с государем было для меня тяжело; предстояло иметь объяснение по трем неприятным делам. Сперва сам государь заговорил о своей резолюции на записке Делянова относительно приема в Медико-хирургическую академию. Его величество сказал, что не мог принять иного решения, хотя и знал, что я был постоянно в числе противников принятой ныне Министерством народного просвещения учебной системы. Я высказал снова свое мнение, что безусловное применение этой системы к Медико-хирургической академии и к медицинским факультетам университетов может иметь последствием еще большее уменьшение числа врачей, в которых уже и прежде оказывался недостаток; а так как на моей обязанности лежит забота о пополнении личного состава военно-медицинского ведомства, то я и не могу не заявить моих опасений. Продолжительные мои объяснения и доводы, как и следовало ожидать, остались без последствий. Затем государь возвратил мне представленные мною возражения на журнал бывшей Комиссии кн. Барятинского, и при этом опять не удалось мне вызвать со стороны его величества какое-либо определенное заключение. Государь видимо желал предать забвению все это несчастное дело. Я не настаивал и перешел к пререканиям моим с государственным контролером. Но и тут никакого положительного решения. Государь повторил, что гос[ударственный] контролер исполняет прямую свою обязанность, излагая без утайки в своих всеподданнейших отчетах все то, что замечено в контрольном отношении в действиях всех ведомств, и что я напрасно принимаю к сердцу указания его, касающиеся Военного министерства. «Ты сам, конечно, не станешь утверждать, что во всем военном ведомстве не бывает упущений или злоупотреблений со стороны кого-либо из служащих; случаи эти не ставятся в обвинение самому министру». На это я заметил, что вовсе и не претендую на то, что государственный контролер, по возложенной на него обязанности, указывает в своих отчетах замеченные ошибки, упущения или даже злоупотребления служащих лиц и управлений; но упрекаю его лишь в том, что замечания эти излагаются в такой неопределенной форме, в таких общих выражениях, что неизбежно подают государю повод предполагать общий по всему военному ведомству беспорядок или злоупотребление, чему служит доказательством положенная на последнем отчете государственного контролера высочайшая резолюция, так огорчившая и меня и еще более главного интенданта³¹. На эти слова государь возразил, что означенная резолюция относилась отнюдь не к высшим на-

чальникам и не к целому управлению, а к тем исполнительным лицам, за которых ни я, ни главный интендант поручиться не могут. Приходилось удовлетворяться таким разъяснением и перейти к другим, менее щекотливым предметам: хивинским делам, завтрашнему маневру двух рот в Ливадии и подобным. Вообще государь желал быть любезным. Еще более была внимательна ко мне государыня императрица как утром при представлении, так и вечером за обедом. Великий князь Михаил Николаевич и великая княгиня Ольга Федоровна (занимающие дом гр. Шувалова в Мисхоре) также были очень любезны и продержали меня у себя до 4-х часов, так что я не мог уже, как предполагал, заехать на возвратном пути в Орианду к великой княгине Александре Иосифовне.

Сегодня утром, покончив свои дела в Ялте (с архитектором) и заехав в Ливадию за дочерью Надей, возвратился к обеду в Мелас.

26-го сентября. Среда. — В понедельник сделали мы приятную поездку в Магарач и Никитский сад; познакомились там с главными лицами: директором Цабелем, главным садоводом Клаузенем, химиком Саломоном и главным виноделом Сербуленко. Последний предложил нам очень любезно свои услуги для совместного осмотра нового нашего имения и его виноградников. Переночевав в Ялте, во вторник заехали вместе с Сербуленко в Симеис и к вечеру возвратились в Мелас.

Сегодня вся семья моя здесь в сборе.

7-го октября. Воскресенье. — Давно не открывал своего дневника. Время текло совершенно однообразно; я наслаждался полным спокойствием. Эта тихая, безмятежная жизнь среди семьи, в уединенной местности благотворно действует и на телесное и на душевное состояние. Более чем когда-либо мечтаю с любовью о будущем нашем приюте в Симеисе. И теперь мысли мои почти исключительно заняты устройством там нашего жилья и хозяйства. В течение последнего времени мы с женой продолжали вести переговоры с архитектором Поповым и с агентом строительного общества Поплавским о предполагаемой постройке, собирали данные, делали изыскания для устройства водопроводов, наняли садовника и винодела, рекомендованного главным виноделом Магарача Сербуленко, составляли финансовые расчеты и проч., и проч.

Однакож необходимо было побывать вторично в Ливадии, во-первых, чтобы представиться приехавшему на днях наследнику цесаревичу, а во-вторых, по случаю дня рождения вел. княжны Марии Александровны. Вся семья моя получила на вечер этого дня приглашение. Приехав 4-го числа под вечер в Ялту и переночевав там, я провел весь следующий день, 5-го октября, в Ливадии. Какая противоположность с нашим спокойным Меласом!.. Целый день суетлока, беготня; говорят вполголоса, ежеминутно поглядывают на часы, чтобы не опоздать куда следует, чтобы в свое время и в своем месте поклониться, показаться... и т. д.

Возвратившись вчера в Мелас, еще более чувствую цену здешнего спокойствия.*)

25-го октября. Четверг. — Во вторник, 23-го числа, ездил я в Ливадию, чтобы откланяться пред отъездом из Крыма. Приехав туда утром со старшей дочерью (которая гостила у нас в Меласе дня три), явился я ко всем особам царской фамилии, присутствовал на пристани ялтинской в толпе провожавших вел. князя Михаила Николаевича и вел. княг. Ольгу Федоровну; потом обедал за царским столом и вечером выехал из Ливадии.

Переночевав на станции Кикинеис, вчера, 24-го числа, дождался там приезда жены и сына, чтобы вместе с ними в последний раз взглянуть на наш Сименс. Там съехались мы с Поплавским и еще раз на месте порешили некоторые вопросы по постройке дома. Возвратились в Мелас поздно вечером.

Сегодня в последний раз наслаждаюсь здешней тишиной. Погода стоит чудесная, днем жарко. Грустно покидать такой благословенный уголок. Но делать нечего: завтра еду в Севастополь, там окончательно подпишу условия с Поплавским и сяду на пароход, который, увы, унесет меня быстро к северу.

26-го октября. Пятница. Севастополь. — Рано утром выехал из Меласа в Севастополь, где подписал условие с Поплавским, агентом строительного общества, а в 3 часа отправился на пароходе «Михаил» в Одессу.

31-го октября. Среда. Москва. — После совершенно спокойного морского перехода прибыл в Одессу 27-го числа, около 10 час. утра; виделся с местными властями, посетил некоторые из военных учреждений, исполнил кое-какие поручения домашние и на другой день утром выехал по жел. дороге. 30-го числа, во вторник, около 11 часов утра, остановился в Туле, чтоб осмотреть вновь переустроенный оружейный завод. Новое помещение завода не только удобно, но даже роскошно. Еще не все станки получены из Англии (от фирмы Greenwood and Bettle); но обещают, что с марта будущего года весь завод будет в полном ходу. Отобедав у начальника завода ген.-м. Нотбека, выехал из Тулы в ночь, и сегодня, к 10 часам утра, прибыл в Москву.

На пути от Одессы до Москвы успел я прочесть присланные мне из Петербурга бумаги, в том числе журнал Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности. С приездом моим в Петербург возобновятся заседания этого присутствия, а потом и общего собрания Государственного совета. Надобно ожидать опять горячих споров, преимущественно с гр. Толстым, который, наверное, будет с прежней желчью и упрямством отстаивать свои *idées fixes*²³. Вообще с идеей о всеобщей воинской повинности публика уже освоилась настолько, что новая эта мера по существу своему и не возбуждает ни в ком противудействия.

*) и независимости.

Только между крымскими татарами, да в некоторых колониях возникли толки и волнение о выселении из России. Надеюсь, что эта местная, одиночная оппозиция не испугает нас и не подаст повода к уступкам.

Возвращаясь к своим обычным занятиям после двухмесячного отдыха, с тяжелым чувством готовлюсь к ожидающей меня в Петербурге массе дел, приостановленных за время моего отсутствия, к бесчисленным вопросам, объяснениям, приемам, заседаниям, — а затем к новой борьбе, новым интригам, сплетням и проч. и проч. Постараюсь вести дело с прежней настойчивостью и энергией, перенося сколь возможно с философическим хладнокровием ежедневные неприятности и столкновения; но в какой мере окажется возможным*) продолжать эту непрерывную борьбу — выяснится только с возвращением государя.

2-го ноября. Пятница. Петербург. — Пробыв в Москве два дня и осмотрев тамошние военно-учебные заведения, приехал сегодня утром в Петербург. Совершенная зима. Какой резкий переход от прелестного Южного берега Крыма! — С первого же дня завалили меня горами бумаг и служебными делами.

3-го ноября. Суббота. — Представлялся великим князьям. С Константином Николаевичем имел продолжительный разговор как по делу о воинской повинности, так и вообще о настоящем положении Военного министерства и личном моем.

5-го ноября. Понедельник. — После заседания Общего собрания Государственного совета долго продолжалось заседание Особого присутствия по делу о воинской повинности; занимались пересмотром составленного журнала прежних заседаний. Всего кончить не успели, отложено до четверга.

8-го ноября. Четверг. — Второе заседание Особого присутствия о воинской повинности. На сцену снова является гр. Д. А. Толстой, и снова раздражительные, желчные, упорные препирательства. Однакож сегодня он был поставлен в необходимость уступить на всех пунктах спора, воспользовавшись только случаем излить свою желчь на военные гимназии, которые особенно ему не по нутру.

Неделя протекает обычным порядком: в определенные дни и часы заседания комитетов и советов, не представляющие ничего замечательного.

10-го ноября. Суббота. — Совещание в помещении Государственного совета по последней главе проекта положения о воинской повинности (карательные законы).

12-го ноября. Понедельник. — Последнее заседание Особого присутствия по воинской повинности. Положено в будущую субботу собраться для подписания журнала.

13-го ноября. Вторник. — Бурное заседание в Комитете мини-

*) выдержать

стров по поводу внесенного Военным министерством представления о пополнении запаса селитры до определенной нормы посредством беспощинного ввоза 400 т. пудов из-за границы. Я должен был войти в резкие прения с министром финансов³³), взявшим на себя роль покровителя петербургских химических заводов. Наговорено было много неприятного друг другу, но Комитет вынужден был, в сущности, согласиться на представление Военного министерства.

16-го ноября. Пятница. — Подписан журнал Особого присутствия по воинской повинности.

Всю эту неделю хлопотал по домашним делам: надобно приготовить помещение для семьи, которая на-днях соберется в полном составе.

20-го ноября. Вторник. — Приехала из Крыма часть семьи — сын и две дочери.

В Комитете министров обсуждалось представление министра внутренних дел³⁴ о выдаче одного миллиона рублей в пособие голодающим крестьянам Самарской губернии. Присутствовал и губернатор самарский Климов, против которого сильно возбуждено общественное мнение. Его обвиняют в том, что, желая выслужиться, он принимал безмилосердно крайние меры для взыскания недоимок в самое рабочее летнее время, когда уже предвиделся полный неурожай в некоторых уездах губернии. Господин этот хотел было и в Комитете министров свалить всю беду на пьянство и безнравственность крестьян. Министры внутренних дел и государственных имуществ³⁵, а с ними и шеф жандармов³⁶, видимо, рассчитывали на эффект, который произведут в Комитете рассказы очевидца-губернатора. Но вышло несколько иначе: мне удалось свести дело на вопрос о взыскании недоимок и распоряжениях самого губернатора. Тут заговорил министр финансов Рейтерн, который стал честно и прямо обвинителем Климова. После жарких прений Комитетом положено предоставить двум министрам разъяснить дело.

21-го ноября. Среда. — Вечером ездил я на станцию Варшавской железной дороги встречать их величества. Приехала с ними и старшая моя дочь.

22-го ноября. Четверг. — Первый доклад у государя. Никаких не было разговоров, ни объяснений.

23-го ноября. Пятница. — Заседание соединенных департаментов Государственного совета: обсуждалось представление Военного министерства о вольной продаже пороха. Прения были продолжительные; и здесь, как всегда, партия ретроградов пытается противодействовать предположенному нововведению; однакож проект проходит только с некоторыми редакционными изменениями.

24-го ноября. Суббота. — После доклада своего отправился на церемонию открытия памятника Екатерины II-й. Государь объехал сначала войска, выстроенные вдоль Невского проспекта и Малой Миллионной, от Аничковского моста до Зимнего дворца, откуда

начался торжественный царский поезд до памятника. Императрица подъехала к Публичной библиотеке и вошла в одну из зал, откуда смотрела на церемонию. Отслужено молебствие с коленопреклонением; затем завтрак в помещении Публичной библиотеки и, наконец, прохождение войск пред памятником. Погода довольно благоприятная.

Обедал я у германского посла пр(инца) Рейсс. Обед дан в честь приехавших на Георгиевский праздник прусских генералов: фельд-маршала гр. Мантейфеля, ген. Кирхбах, Тресков, Штилле и Кнепп. Тут же познакомился я с бывшим саксонским военным министром генералом Фабрици.

26-го ноября. Понедельник. — Георгиевский праздник справили обычным порядком, повторяющимся из года в год. Ныне он был ознаменован присутствием нескольких прусских героев.

27-го ноября. Вторник. — Горячие прения в Комитете министров по двум делам; сначала — опять по поводу пособия голодающим обывателям Самарской губернии, а потом — по докладу ст. секр. Валуева о результатах выдуманной им комиссии для исследования состояния сельского хозяйства в России. Мне пришлось быть главным оппонентом гр. Шувалова; к удивлению, на этот раз большинство поддержало меня. По обоим делам главным союзником моим был — Рейтерн! — случай редкий.

28-го ноября. Среда. — С приездом жены из Крыма собралась, наконец, вся семья на зимние квартиры. По тесноте нашего помещения в доме гр. Олсуфьева нанята для сына и старшей дочери особая квартира близ Литейного моста.

Сегодня в Государственном совете читался предварительно проект манифеста, при котором будет обнародован новый закон о воинской повинности. Государственный канцлер кн. Горчаков горячился, требуя изменения нескольких выражений, которые казалось ему щекотливыми для русского дворянства. Надобно было уступить причуде Рюрикова потомка.

3-го декабря. Понедельник. — Сегодня был мне назначен доклад, взамен завтрашнего дня по случаю предположенной завтра охоты. В кабинете государя застал я великого князя Константина Николаевича, а вместе со мною вошли адм. Краббе и государственный секретарь Сольский. Присутствовал также и наследник цесаревич. Собрали нас для прочтения проекта манифеста относительно нового закона о воинской повинности. Государь одобрил проект, но по поводу заключительной фразы, в которой сказано, что новый закон соответствует благим намерениям его величества и пользам государства, вырвалось у государя восклицание: «дай бог, чтобы так было!» ...Такое выражение сомнения нас всех озадачило. Заметив наше недоумение, государь прибавил: «вот увидите сами; сегодня же вам покажется, что не все так думают, как вы...» Затем, отпустив Краббе и Сольского и удержав только великих князей и меня, государь продолжал: «Есть сильная оппозиция новому зако-

ну; многие пугаются, видят в нем демократизацию армии». Когда мы стали выпрашивать, от кого и на каких основаниях идут такие толки, государь сказал: «Вы сами знаете, кто ваши противники; а более всех кричат бабы...» Великий князь и я воспользовались удобным случаем, чтобы разъяснить нашу точку зрения и предостеречь его величество от влияния тех кривотолков, о которых сам он заявлял. С своей стороны я высказал прямо и откровенно, что гр. Д. А. Толстой, главный наш оппонент в Государственном совете, действует под влиянием двух побуждений: с одной стороны — влияние редакции «Московских Ведомостей», поддерживающей горячую агитацию в пользу классических гимназий и исключительности права одного привилегированного сословия на высшее образование; с другой стороны — под влиянием петербургской аристократической партии, мечтающей о том, чтобы офицерское звание было исключительным достоянием дворянских родов. Государь не только выслушивал внимательно наши откровенные объяснения, но даже по временам поддакивал нам, так что можно было полагать, что он не поддается влиянию*) аристократической партии.

После этого интересного разговора начался мой обыкновенный доклад. К концу его вошел в кабинет великий князь Николай Николаевич. Государь объявил ему о предстоящей ему поездке в Берлин по случаю кончины вдовствующей королевы прусской.³⁷ Тут же было нам объявлено повеление, чтобы вся гвардия опять надела каски. Давно уже мы были готовы к этому странному возвращению к прежнему головному убору, испытанному и признанному негодным.

Заседание Государственного совета было весьма оживленное и продолжительное. Это был только приступ к прениям о воинской повинности. Как надобно было ожидать, главным оппонентом явился опять гр. Толстой. За несколько дней до заседания он разослал членам Госуд(арственного) совета длиннейшую записку, в которой развивает новые свои затеи по вопросу о льготах по образованию. Записка эта переполнена самыми натянутыми справками, извращенными цитатами, подтасованными цифрами и невозможными предположениями. Говорят, что она составлена и привезена из Москвы Катковым. В заседании сегодня гр. Толстой оказался крайне слабым; как будто с самого начала он чувствовал нетвердую под собою почву. Поддерживали его немногие, и, к удивлению, он заметно искал благовидного пути к отступлению. Вел. кн. Константин Николаевич хорошо повел дело; он разделил спорные вопросы так, что одна половина их (именно о льготах для поступающих по жребию) решилась без разногласия, и гр. Толстой уступил безусловно. Мы же сделали ему самые неважные уступки. Казалось, что он сам был доволен, что высвободился из хаоса, в который затесался. Многие из членов громко подсмеива-

*) интриги и тупоумия домогательств нашей.

лись над тем, что два министра обменялись ролями: министр народного просвещения³⁸ как будто только и заботился о лучшем составе армии и в особенности корпуса офицеров, жертвуя с самоотвержением всеми выгодами просвещения и другими интересами государственным; военный же министр защищал народное просвещение и высшее образование. Мало того: шеф жандармов, стоящий во главе аристократической партии,*) клонил к тому, чтобы вся высшая и образованная молодежь поголовно была привлечена к военной службе и чтобы в случае войны легла целиком на поле битвы; представитель же военного ведомства защищал эту бедную молодежь и желал сохранить ее для разных поприщ гражданской деятельности. Такая перестановка ролей могла бы показаться непостижимой загадкой для всякого, не посвященного в закулисную игру и замаскированные замыслы наших торьев.

6-го декабря. Четверг. — При докладе моем государю его величество опять заговорил о последнем заседании Государственного совета по делу воинской повинности. Видно, кто-то возбуждает государя против этой новой реформы. Также зашел разговор по поводу поступившего от вел. кн. Михаила Николаевича представления об определении снова в военную службу бывшего полковника Генерального штаба Комарова, того самого, который в качестве редактора газеты «Русский Мир» вел такую дерзкую и неприличную полемику против Военного министерства. Государь отказал, сказав, что, вероятно, великий князь не знал, что это за Комаров. Но в действительности не мог он не знать, кто был редактором «Русского Мира» в то злополучное время, когда вел. кн. Михаил Николаевич принимал такое деятельное участие в происходившей интриге против Военного министерства.**)

8-го декабря. Суббота. — Сегодня, по поводу представленной мною государю записки о приеме в Медико-хирургическую академию в нынешнем году, опять шла речь вообще о той системе, которую проводит с такой настойчивостью гр. Д. А. Толстой. Государь выразил требование, чтобы все ведомства в своих распоряжениях по учебной части сообразовались с общей установленной учебной системой; но я позволил себе возразить, что специальные заведения невозможно подводить под одни правила с университетами и гимназиями. Государь, согласившись, что вопрос этот подлежит еще внимательному обсуждению, заявил намерение собрать особое совещание из тех министров, в ведении которых состоят учебные заведения, прибавив крйтом, что отлагает это до более удобного времени, когда будет менее озабочен.

В чем же именно заключаются эти заботы? — семейные ли, или государственные?... Ужели могут озабочивать государя вздорные затеи нескольких безбородых революционеров-пропаганди-

*) горячился о том.

**) После доклада выстоял я обедню в Аничковском дворце.

стов, схваченных мужиками где-то под Москвой с глупыми прокламациями и бессмысленными книжками? Конечно, III Отделение, как всегда, раздувает эти пустые истории; но еще более производят тяжелое впечатление на государя доходящие до него выписки из частных писем. Систематически подносимый ежедневно на прочтение государю подбор всяких клевет и хулы на все и вся, конечно, не может не влиять на его настроение. Он смотрит на всех с подозрительностью и недоверием; везде видит злоумышление, обман, подлог. «Всего же более огорчает меня, — говорит он, — видеть в числе арестованных — военных офицеров...» Все эти офицеры исключительно отставные; но, к сожалению, многие из них выпущены из военно-учебных заведений только в недавнее время. Жаль эту молодежь, одушевленную добрыми побуждениями, но легкомысленно увлекаемую несбыточными фантазиями. Сегодня должен я был представить государю справку о нескольких таких молодых людях, выпущенных из Артиллерийского училища не более двух-трех лет назад и уже бросивших службу, чтобы свободно производить пропаганду между крестьянами и фабричными.

11-го декабря. Вторник. — Еще горячее заседание в Государственном совете по делу о воинской повинности. Большая часть заседания была посвящена вопросу о вольноопределяющихся. Вопрос этот более всех других взволновал страсти в так называемой аристократической клике. Мне говорили, что за несколько дней пред сим собирались у гр. Шувалова некоторые из принадлежащих к этой партии министров и членов Государственного совета (гр. Пален, Валуев, Тимашев и др.). В совещание это был также приглашен — и Катков! ...Был также и Победоносцев. Что за странное соединение! и почему Катков является каким-то авторитетом в подобном деле? Вчера в Комитете министров слышал я кое-что об этом совещании. Сегодня Валуев принял на себя роль посредника и примирителя. Благодаря ему удалось мне войти в некоторый компромисс с противниками проекта: они охотно поддались на уступки, и я, со своей стороны, не видел никакой важности в их условиях. Вообще нахожу, что они поднимают бурю в стакане воды. Заручившись заранее соглашением с Валуевым и гр. Шуваловым, я шел спокойно в заседание и не ожидал больших прений. И, действительно, главные матадоры гр. Толстой и гр. Шувалов открыли заседание явно в примирительном настроении. Мы сошлись на первых же словах относительно допущения в число вольноопределяющихся и таких молодых людей, которые не дошли до 6-го класса гимназии (с отнесением их к 3-му разряду). Гр. Толстой удовольствовался сделанной с нашей стороны уступкой в том, что из этой категории молодых людей будут допускаемы в вольноопределяющиеся не все, а только выдержавшие некоторый экзамен, уровень которого будет постепенно повышаться, смотря по общему уровню образования в массе нашего юношест-

ва. Казалось, чего бы лучше? Но вот выступает гр. С. Гр. Строганов с обычной своей угловатой логикой; он безусловно не допускает в число вольноопределяющихся никого, не подходящего к 1-му и 2-му разрядам. Тут начинается баталия; выходит наш ученый оратор — Победоносцев и произносит длинную речь, в которой, к общему удивлению, возбуждает щекотливый вопрос о правах сословных. Можно ли было ожидать, что наша аристократия выставит такого адвоката? — Победоносцев поднимает знамя дворянских привилегий! К какому же приходит он заключению? — что из молодых людей, отнесенных к вольноопределяющимся 3-го разряда, допускать в офицеры одних только дворян!... Итак, вопрос решает уже не уровень образования, а дворянская порода... К счастью, такое чудовищное предложение никем не было поддержано. Многие, без сомнения, тайно сочувствовали принципам, развитым в риторической речи Победоносцева; но все деятельные члены этой партии, с большим тактом, чем ее адвокат, поняли, что он зашел слишком далеко и что на избранной им почве трудно вести борьбу. Председатель наш³⁹ вел прения так же искусно, как и в предыдущее заседание; он ловко возразил на общий тезис Победоносцева. Мне пришлось говорить много. Результат получился вполне для нас успешный. Сам Победоносцев не настаивал на своем предложении; поднятый вопрос о сословных правах устранен единогласно. Гр. Шувалов выговорил еще одну уступку, совершенно незначительную, на которую он уже имел заблаговременно мое согласие: что вольноопределяющийся 3-го разряда, в случае производства в офицеры, может воспользоваться в отставке сопряженными с этим званием правами личного дворянства не иначе, как только в случае выслуги в офицерском чине не менее трех лет. Условие это, не бесполезное и для военных интересов, устранило опасение слишком легкого перехода простолюдинов и привилегированные сословия; а в этом, собственно, и заключался, как видно, повод ко всей поднявшейся буре.

Заседание закончилось довольно упорным прением еще по одному странному вопросу: может ли военное ведомство для производства вольноопределяющихся в офицеры подвергать их испытанию в тех общих предметах образования, в которых они уже были прежде аттестованы учебным заведением? Казалось, что вопрос этот имел значение совершенно второстепенное и даже выходил из рамки такого важного дела, каково новое положение о воинской повинности. Однакож и этот маловажный вопрос подал повод к горячим спорам. Более всех горячился уже не министр народного просвещения, а — гр. Пален! — Почему именно он принимает так к сердцу вопрос об экзаменах — для меня непонятно. Уж нет ли у него сына, который боится переэкзаменовки?

Сегодня, к общему удивлению, мы с гр. Толстым не только не перебранивались в заседании, но даже имели вне залы собрания миролюбивый *a-partie*⁴⁰. Мне нужно было передать ему полу-

ченное мною сегодня же приказание государя о совещании, назначенном в пятницу у его величества по вопросам, касающимся учебной части. Мне поручено пригласить к этому совещанию всех министров, в ведении которых состоят какие-либо учебные заведения. Мне сдается, однакоже, что в этом совещании главной темой будет Медико-хирургическая академия и все будет вертеться опять на военном ведомстве.

Забыл я упомянуть о вчерашнем разговоре с Ал. Аг. Абазой. Он сообщил мне, что в прошлую пятницу при его докладе государь заговорил с ним о бывшем пререкании нашем по поводу отчетов государственного контролера. По словам Абазы, государь говорил в таком смысле, чтобы не осталось никаких неприятных впечатлений ни с той ни с другой стороны. И овцы целы, и волки сыты.

13-го декабря. Четверг. — Заседание Государственного совета по делу о воинской повинности продолжалось до 7-го часа. Много было споров, много новых мнений и предложений, зато удалось пройти по статьям все положение до самого конца, так что на будущий понедельник остается только обсудить «приложения». В целом проект никаких важных изменений не сделан; спорили более о словах и мелочах, чем о существе дела, и все решено без разногласия. Такого успешного исхода трудно было ожидать. Нельзя не отдать справедливости искусству и уму нашего председателя. Зато ораторы этого заседания большей частью оказались очень слабыми. Надобно, однакож, ожидать, что в будущий понедельник не обойдется без разногласия, именно — при рассмотрении распределения учебных заведений по разрядам в отношении льгот по отбыванию воинской повинности. Гр. Толстой, наверное, будет опять упорно отстаивать свою тему.

14-го декабря. Пятница. — Сегодня в 11 часов утра назначено было у государя совещание, в котором приняли участие все министры, имеющие в своем ведении какие-либо учебные заведения (именно: народного просвещения, военный, морской⁴¹, финансов, внутренних дел, государственных имуществ и путей сообщения⁴²), а также присутствовали наследник цесаревич, вел. кн. Константин Николаевич, принц Ольденбургский, гр. Шувалов, Делянов, д[окто]р Козлов и ген.-ад. Исаков. Последние двое — как главные представители учебных заведений военного ведомства. В начале заседания, по приказанию государя, Ник. Ил. Козлов прочел доклад, в котором выказано было цифрами, как велик недостаток врачей не только собственно в военно-медицинском ведомстве, но и вообще в России, как недостаточны средства для пополнения ежегодно открывающихся вакансий, как ограничено число врачей, выпускаемых из медицинских факультетов пяти университетов, и затем разобран состав последнего приема в Медико-хирургическую академию. Из приведенных цифр видно, что в числе 470 молодых людей, принятых в Академию в нынешнем году, было всего 95 с

аттестатом зрелости классических гимназий; очевидно, что одним этим контингентом не было бы возможности пополнять академические курсы. Несмотря на приведенные красноречивые цифры, дело было поведено так, что государь, по своему обыкновению, не дав времени вполне выяснить дело, под влиянием иезуитских инсинуаций гр. Толстого, гр. Шувалова и Валуева, произнес резким тоном окончательный приговор: не только подтверждено, чтобы впредь Медико-хирургическая академия в приеме руководствовалась во всей точности одинаковыми правилами с университетами, но еще принято совершенно неожиданное решение — передать Медико-хирургическую академию в Министерство народного просвещения!.. Первое из этих решений было совершенно излишнее после высочайшей резолюции, объявленной уже в августе месяце и принятой к исполнению; следовательно, какая была надобность собирать нас и совещаться. Второе же решение было принято экспромтом, без обсуждения, тогда как вопрос о передаче Медико-хирургической академии в министерство народного просвещения поднимался уже и в прежнее время, обсуждался специально и подробно. Правда, что решению этому придана была мягкая форма: вменялось мне в обязанность войти по этому предмету в соглашение с министром народного просвещения. Но соглашение это может, разве, только касаться подробностей исполнения; в существе же вопрос, повидимому, решен.

Итак, сегодняшнее совещание есть новая засада Военному министерству, напоминающая несчастное заседание Совета министров, бывшее в 1868 году и кончившееся прекращением на время издания «Русского Инвалида».⁴³⁾ И сегодня, как тогда, разыграна со всей сценической обстановкой проделка гр. Шувалова. Хотя после совещания он и уверял, что сам не сочувствует передаче академии в Министерство народного просвещения, однакож во все продолжение совещания можно было явно видеть на его лице злорадство. Быть может, виною такого оборота дела был отчасти сам представитель академии доктор Козлов. Он держал себя с привычной своей самоуверенностью и наговорил много лишнего. Совершенно неуместно поднял он общий вопрос о классическом и реальном образовании, и тем затронул без нужды больное место. Исакову не дано было вымолвить ни одного слова; он видел в первый раз Совет министров — и вышел из него удивленный. Великий князь Константин Николаевич и сегодня держал себя умно: он попробовал было остановить слишком поспешное решение и поставить вопрос на настоящую*) логическую почву; но ему не удалось это, ловкие интриганы не замедлили сейчас же свести вопрос с прямого пути в сторону — в ту глушь, где логика становится безгласной.

Вот как решаются у нас самые серьезные дела: созывается

*) законную почву.

Совет министров будто бы для обсуждения вопроса, заранее уже предпрешенного, а решение провозглашается экспромтом под влиянием какой-нибудь предвзятой личной цели.*)

15-го декабря. Суббота. — Сегодня во время моего доклада, в присутствии вел. кн. Владимира Александровича, государь сам завел речь о вчерашнем совещании и видимо желал смягчить впечатление, произведенное на меня поспешным его решением относительно Медико-хирургической академии. Едва только начал я объяснять затруднения, представляемые передачей этого обширного заведения в другое ведомство, государь поспешил высказать, что вовсе не настаивает на этой передаче, а желает только, чтобы поставленный им вопрос был обсужден в подробности; если окажется, что неудобства превышают выгоды предположенной передачи, то, конечно, должно все остаться попрежнему. За тем государь опять перешел к необходимости единства в направлении учебной части и совершенного подчинения Медико-хирургической академии одинаковым положениям и правилам с медицинскими факультетами университетов. Принципа этого, конечно, я не отрицал, но напомнил о том, как вчера поставлен был вопрос великим князем Константином Николаевичем. Приняв за основание, что Медико-хирургическая академия действительно должна быть поставлена в одинаковые условия с медицинскими факультетами университетов, великий князь сделал вопрос: следует ли и медицинские факультеты подчинять одинаковым условиям с другими факультетами университетов? Иначе говоря, специальное медицинское образование, где бы оно ни давалось, в университете или в Академии, не есть ли одна из специальностей образования реального? — Еще раз решился я высказать государю свое мнение об односторонности, с которой нынешний министр народного просвещения проводит свою систему, и о тех невыгодных последствиях, которые будет иметь безусловное применение такой системы.

Хотя объяснения эти не имели**) никакого практического результата, однакож, я вышел из государственного кабинета с более спокойным духом, чем вошел в него. Как нарочно, сегодня же назначен был мною осмотр новых построек Медико-хирургической академии и ветеринарного ее отделения. Я рад был, что мог при встрече с Ник. Ил. Козловым и прочим академическим персоналом сказать им несколько успокоительных слов.

После того заехал я в Артиллерийское училище. В училищном манеже показали мне проектированную для полевой артиллерии новую конскую сбрую.

16-го декабря. Воскресенье. — В честь приехавшего в Петербург

*) Чем долее вижу такой порядок дел, тем более сильнее чувствую желание сойти со сцены.

**) конечно

ген. Кауфмана дан был сегодня большой обед по подписке. Собралось до 300 участников. Как обыкновенно, говорились речи, возглагошались тосты, и выражено было, как кажется, чистосердечное сочувствие замечательному подвигу русских войск, с которым связано имя Константина Петровича Кауфмана.

17-го декабря. Понедельник. — Сегодня в Государственном совете закончено дело о воинской повинности. Возбуждено было несколько вопросов второстепенных (как-то: о евреях, о меннонитах, о некоторых учебных заведениях); было несколько неуместных речей, но все окончилось благополучно и, к общему удивлению, без всякого разногласия. Председатель наш вел. кн. Константин Николаевич вел мастерски все это обширное дело и умел согласовать мнения, казавшиеся первоначально непримиримыми. Ген. Веригин вздумал было произнести заключительную речь и наговорил много пустяков. Великий князь, возразив ему несколькими словами, достойным образом закончил это великое государственное дело.

21-го декабря. Пятница. — Сегодня в Совете министров происходило совещание об усилении надзора за народными школами. Государь открыл заседание объяснением цели его: он указал на обнаруженные в последнее время прискорбные факты, показывающие, что злонамеренные люди занимаются пропагандой среди простого народа и в народных школах самых губительных и преступных учений, подрывая все основы государственного, общественного и семейного союза. Затем гр. Шувалов говорил добрый час на эту тему, читал справки и выборки из нескольких следственных и судебных дел; представил в самых мрачных красках картину растления народа злоумышленниками-пропагандистами и закончил предложением некоторых неотложных мер к установлению надзора за народными школами. Главнейшей мерой предлагалось обратиться к русскому дворянству и возложить на него, в лице его предводителей губернских и уездных, наблюдение за школами. Прочитан был уже готовый проект высокопарного рескрипта на имя министра народного просвещения...*) Заявленную мысль, разумеется, поддерживали гр. Толстой, гр. Пален и Валуев. Очевидно, между ними и гр. Шуваловым состоялось заранее соглашение. Тимашев не присутствовал по болезни. Из прочих же. присутствовавших в Совете, все говорили против предполагаемой меры. Гр. С. Г. Строганов, поддерживавший прежде гр. Толстого, теперь явился главным оппонентом его; он объяснил, что предполагаемая мера идет вразрез и с учреждением училищных советов и с положением о земских учреждениях. Даже кн. Горчаков, кн. Урусов. П. Н. Игнатьев высказались против предложения, каждый со своей точки зрения. Но сильнее и дельнее всех говорил вел. кн. Константин Николаевич: он ясно доказывал, как мало обдуманная предложенная мера, что громкие фразы рескрипта останутся без всякого практического применения; „с'est

*, Дикую эту мысль

un coup d'épée dans l'eau“⁴⁴ — повторил он несколько раз. В особенности странно объявлять теперь в рескрипте о том, что не облечено еще в положительную законодательную форму и не согласовано с другим, находящимся еще на рассмотрении Государственного совета, представлением министра народного просвещения о преобразовании училищных советов. Эти объяснения великого князя весьма убедительно выказывали, что новая шуваловская затея есть незрелая, необдуманная выходка дворянской партии. Но все сказанное несколько не повлияло на решение вопроса. Государь, дав закончить великому князю, обернулся к наследнику цесаревичу и строгим тоном спросил его: «А ты — сочувствуешь ли предлагаемой мере?» Наследник вовсе не был готов к такому вопросу; никогда еще не случалось в прежних заседаниях Совета, чтобы государь спрашивал его мнение. С некоторым смущением, но довольно решительно, наследник ответил: «Нет, не сочувствую...» Тогда государь грозно сказал ему: «А я одобряю предложенную меру и считаю ее необходимой. Я делаю это не столько для себя, сколько для тебя и для твоего сына, для будущего вашего спокойствия и безопасности...» Объявив затем свое окончательное решение, государь встал, а мы все вышли из Совета молча, в грустном раздумье.

Если все сказанное против предложенной меры не могло повлиять на высочайшую волю, если после разумного и энергичного протеста председателя Государственного совета и заявления наследника престола все-таки взяла верх всесильная шуваловская шайка, то можно ли после того бороться с нею такому одиночному противнику, каков я теперь в среде враждебного мне состава правительственных властей!

Мысль эта, как мне казалось, выражалась на многих лицах, когда мы вышли из государева кабинета. Князь Горчаков не скрывал своего негодования; даже боязливый, осторожный кн. С. Н. Урусов, надевая шубу в сенях дворца, решил произнести: „C'est une sottise, une bêtise qu'ils font“⁴⁵ Великий князь Константин Николаевич в коридоре дворца имел горячую стычку с гр. Шуваловым, которому он прямо сказал, что образ действий его недобросовестный...*)

22-го декабря. Суббота. — После доклада в Зимнем дворце заехал я к вел. кн. Константину Николаевичу, чтобы переговорить с ним о предстоящих распоряжениях по обнародованию нового положения о воинской повинности. Невольно разговор перешел на вчерашнее совещание; мы передали друг другу вынесенные нами тяжелые впечатления. Великий князь вполне разделяет мой взгляд на нынешнее прискорбное положение дел и не менее меня обескуражен (не нахожу другого подходящего русского выражения). Я заговорил о пользе учреждения, под его председательством, особого выс-

*) Страшно становится, когда подумаешь, в чьих руках теперь власть и сила над судьбами целой России!

шего комитета по делам, касающимся предстоящего введения всеобщей воинской повинности, наподобие Главного комитета по крестьянским делам. Со всей искренностью выразил я, что желал бы учреждения такого комитета не иначе, как под его председательством, и что, кроме других соображений, считаю это необходимым для обеспечения правильного ведения дела, и потому, что, по всем вероятностям, я недолго останусь в своей должности, и неизвестно, в какие руки придется мне передать Военное министерство. Великий князь убеждал меня не покидать места; но разговор этот был прерван входом П. Н. Игнатьева.

От великого князя заехал я к Ал. Ал. Зеленому, чтобы в дружеской беседе облегчить сердце, переполненное досадой*).

Пред обедом я был удивлен неожиданным посещением шефа жандармов. Он приехал, чтоб объяснить мне непредвиденный исход истории с юнкером Михайловского артиллерийского училища Циммербергом, исключенным несколько недель тому назад из училища и арестованным в III Отделении по поводу найденных у него бумаг и книг преступного содержания (разные прокламации, возмутительные песни и т. п.). Его заподозрили в участии в открытой недавно шайке пропагандистов; но по расследованию оказалось, что юноша был легкомысленной жертвой злоумышленников. Сегодня, по докладе об этом гр. Шуваловым, государь приказал привезти во дворец несчастного юнкера, который со страхом и трепетом предстал пред царя. Расспросив его, государь объявил ему полное прощение, приказал идти обратно в училище, чтобы докончить образование; даже подал руку изумленному и смущенному юноше, сказав, что уверен в том, что подает руку честному человеку и верному слуге. Тот упал к ногам царя, и можно быть уверенным, что такое движение великодушия со стороны государя спасло молодого человека от увлечений на будущее время. Позвав к себе юнкера Циммерберга и поговорив с ним, я отправил его к ген. Баранцову при письме, в котором просил зачислить его снова в училище и забыть все прошлое.

24-го декабря. Понедельник. — У великого князя Константина Николаевича происходило чтение журнала Государственного совета по делу о воинской повинности. При этом находились, кроме меня, гр. Толстой, адм. Краббе, государственный секретарь Сольский и помощник его Перетц, редактировавший журнал так же, как и весь проект закона. По окончании чтения, когда гр. Толстой вышел, великий князь завел снова речь о вопросе, затронутом мною в разговоре с его высочеством третьего дня, именно — об учреждении особого присутствия или комитета по делам о воинской повинности наподобие существующего Главного комитета по делам крестьянским. Я, с своей стороны, повторил прежние свои слова, что буду очень рад учреждению подобного комитета только при условии, чтобы пред-

*) и желчью.

седательство принял сам великий князь. Мне кажется, что подобный комитет обеспечит дальнейший ход дела в том же духе и том же направлении, которые даны ему Государственным советом. Сколько ни было поползновений к тому, чтобы пошатнуть крестьянское дело и провести тайком, под сурдинку, противоположные тенденции, Главный комитет, под председательством вел. кн. Константина Николаевича, держался стойко на страже крестьянского положения и не допустил искажения его. То же самое желательно сделать и в отношении к новому закону о воинской повинности. Великий князь сначала отклонял от себя новую обузу, но согласился с моими доводами; а чтобы не возбудить тревоги в лагере всесильной шуваловской партии, мы пришли к тому заключению, что вместо учреждения какого-нибудь нового комитета, лучше испросить высочайшее соизволение на сохранение при Государственном совете временно прежнего Особого присутствия по делу воинской повинности с некоторым лишь изменением его состава. Этим путем цель будет достигнута вполне, не возбудив никаких толков.

25-го декабря. Вторник. — Несмотря на схваченную мною простуду, я все-таки поехал во дворец; необходимо было мне иметь доклад до четверга — дня, назначенного для торжественного открытия клиники Вилье. Государь был разговорчивее, чем обыкновенно; прочел мне письмо, написанное им собственноручно к императору австрийскому⁴⁶, по случаю 25-летнего юбилея со времени назначения его шефом гренадерского Кексгольмского полка. После доклада представился я принцу Альфреду Эдинбургскому, жениху вел. княжны Марии Александровны; потом поклонился императрице и прочим членам императорской фамилии. Во время же прохождения их в церковь поспешил уехать из дворца домой.

27-го декабря. Четверг. — Вчера просидел весь день дома и сегодня чувствую себя лучше. Утром ездил во дворец с докладом, а потом был на открытии Вильевской клиники. Государь, наследник цесаревич, несколько других особ императорской фамилии и небольшое число приглашенных лиц после обычного молебствия осматривали строение. Все обошлось благополучно и прилично. Когда же все разъехались, я объявил о наградах, пожалованных душеприказчикам баронета Вилье и всем, участвовавшим в постройке и устройстве клиники. Как самое здание, так и внутреннее его устройство, в самом деле прекрасны. Заведение это останется прочным памятником покойного лейб-медика императора Александра I.

Сегодня опубликован высочайший рескрипт на имя министра народного просвещения, читанный в прошлую пятницу в Совете министров. Хотя редакция рескрипта значительно изменена против прежней, однакож сущность осталась та же. Это жалкая мистификация, которая, впрочем, может обольщать, разве, самых наивных приверженцев аристократизма. Уже сегодня некоторые лица, прочитав рескрипт в газетах, издевались над ребяческой затеей. В числе их был даже наш градоначальник ген. Трепов.

31-го декабря. Понедельник. — В последний день года невольно мысли обращаются назад и быстро пробегают чрез целый ряд сохранившихся в памяти впечатлений. Для меня 1873 год прошел в виде темной полосы; от него остались только грустные впечатления. Ни в один из предшествующих годов не выносил я столько неприятностей, досад и неудач. Давно уже начатая против меня интрига созрела вполне и разразилась во всей своей гнусности. Врагам моим не удалось вполне достигнуть своей цели; они не могут считать себя победителями, но все-таки успели повредить мне в глазах государя и сделать почти невозможным мое положение в составе правительства. Видя на каждом шагу нерасположение и недоверие со стороны того, чья воля окончательно, безапелляционно решает все дела, я парализован в своей деятельности. После печального исхода бывшего в начале года секретного совещания по военным делам и с установлением нормального бюджета Военного министерства мне уже невозможно вести дело военного устройства с той самостоятельностью и энергией, с которыми вел до сих пор в течение более 12 лет. Что же касается до общих дел государственных, выходящих из круга военного ведомства, то в этом отношении я совершенно устранен. Все делается под исключительным влиянием гр. Шувалова, который запугал государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергаются и государство и лично сам государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало. Под предлогом охранения личности государя и монархии гр. Шувалов вмешивается во все дела, и по его наущничеству решаются все вопросы. Он окружил государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указаниям. Таким образом, уже теперь в Комитете министров большинство членов действует всегда заодно с гр. Шуваловым, как оркестр по знаку капельмейстера. Тимашев, гр. Толстой, гр. Пален, Валуев — послушные орудия гр. Шувалова. Эта клика собирается для предварительного соглашения во всяком предпринимаемом деле. В заговорах ее участвуют Грейг и гр. Бобринский. Министр финансов Рейтерн хотя и стоит более независимо, избегает, однакоже, столкновений с всесильной шайкой и часто делает ей уступки, не совсем честные. Еще менее осмеливаются перечить Набоков и кн. Урусов: у этих людей нет и капли того мужества, которое называется *courage civique*⁴⁷. Абаза искусно лавирует, пользуясь своим нейтральным положением. Более всех мог бы держаться самостоятельно кн. Горчаков по своему положению в свете, пред государем и по значению, приобретенному его именем в Европе; но он вовсе устраняется от дел внутренней политики, а подчас его аристократические инстинкты сближают его с ратоборцами обскурантизма и помещичьего режима. Наконец, для полноты счета, надобно добавить гр. Александра Влад. Адлерберга и адм. Н. К. Краббе. Первый вполне сочувствует аристократической партии и быть может, готов бы был пойти гораздо далее шуваловских идеалов; но он прежде всего человек придворный, притом апатичен и лично не любит Шувалова, а потому не станет в ряды его шайки,

хотя часто помогает ей, пользуясь своим исключительным положением в семейном кругу царского дома. Что же касается адм. Крабе, то его едва ли можно и считать в числе министров: принятая им на себя шутовская роль и эротические его разговоры ставят его вне всякого участия в серьезных делах государственных.

Вот та среда, в которой обречен я действовать. Есть ли возможность одному бороться против целой могущественной шайки? Какое поразительное и прискорбное сравнение с той обстановкой, при которой вступил я в состав высшего правительства 13 лет тому назад! Тогда все стремилось вперед; теперь все тянет назад. Тогда государь сочувствовал прогрессу,*) сам двигал вперед; теперь он потерял доверие ко всему, им же созданному, ко всему, окружающему его, даже к себе самому. При таком положении дел возможно ли мне одному устоять на обломках кораблекрушения и не будет ли извинительно, если я решусь сложить с себя оружие?.. Один в поле не воин.

Под влиянием этих грустных размышлений заканчиваю год с тоской в сердце. Невесело встречаю и наступающий 1874-й год.

*) желал

1874-й год

1-го января. Вторник. — По заведенному порядку, отправляясь в 10 ч. утра к докладу в Зимний дворец, я взял с собою целый чемодан с подробным отчетом по Военному министерству за 1872 год и с планами крепостей. Краткого же отчета или обзора деятельности министерства за истекший год, обыкновенно представляемого мною в первый же день каждого года, не было на этот раз. Хотя государь и заметил это, однакоже не спросил, почему нет означенного отчета, который двенадцать лет сряду представляем был мною аккуратно и на который всегда обращалось особенное внимание его величества. Признаться, я доволен, что государь не вызвал меня на объяснения по этому предмету. При настоящем моем настроении я мог бы высказать много лишнего, неуместного. Пришлось бы объяснять, что до сих пор представляемые мною ежегодно «всеподданнейшие доклады» о ходе дел вверенного мне министерства имели значение не столько отчетов за прошлое время, сколько программ дальнейшей деятельности министерства; что в этом ряде программ, удаиваемых каждый год высочайшего одобрения, и заключался общий план произведенных в течение последних двенадцати лет обширных преобразований и улучшений по военной части; что постепенный, правильно соображенный ход этих преобразований разом обрывается с 1873-м годом: военный министр лишается собственной инициативы, ему навязывают чужую программу, ему связывают руки нормальной сметой и, что всего важнее, он лишается мощной поддержки свыше. Какую же программу может он представить на наступивший 1874 год?... Вот в каком смысле могли быть мои объяснения. Хорошо, что я воздержался от них. Государь сегодня еще более, чем во все последнее время, озабочен и невесел: его встревожило нездоровье императрицы, которая со вчерашнего вечера слегла в постель. Его величество поздоровался со мною так же, как обыкновенно в новый год: обнял меня, пожелал счастливого года, но*) сейчас же затоворил о болезни императрицы; а затем объявил, что подписал и поместил нынешним числом манифест о новом законе воинской повинности и

*) приветствие его было особенно холодно и натянуто

рескрипт на имя его высочества председателя Государственного совета. Мне же — ни одного даже доброго слова! При всей моей философии, есть ли возможность оставаться равнодушным к такой явной несправедливости*). Новый закон о воинской повинности **) — дело великое, мало уступающее другим главнейшим реформам ***) настоящего царствования. Оно велось три года под непосредственным моим руководством; продолжительные прения, происходившие в Особом присутствии Государственного совета и в Общем собрании, положительно вынесены на моих плечах. И что же? — Все члены бывшей Комиссии⁴⁸ получили щедрые награды, председателю Комиссии дан великолепный рескрипт (правда, по моему же ****) настоянию), теперь дается рескрипт председателю Государственного совета, объявляется высочайшая благодарность некоторым лицам, которые приглашались в заседания только в качестве экспертов... Один я позабыл, как будто дело вовсе до меня и не касается! Даже не сказано короткого «спасибо».

С стесненным сердцем вышел я из кабинета императора и в приемной комнате нашел целую толпу раззолоченных сановников, приехавших благодарить за разные милости: кто по случаю назначения, кто — за полученные награды. В числе первых был Александр Аггеевич Абаза, назначенный председателем Департамента экономии и произведенный в действительные тайные советники. Александр Аггеевич *****) умный, даровитый человек и умеет жить в свете *****). С небольшим год тому назад он был частным лицом и, кажется, не имел даже генеральского чина (действит. статск. советника), который получил только по званию гофмаршала при дворе великой княгини Елены Павловны. И вот уже занимает он такой пост, на котором привыкли видеть старых, заслуженных сановников. Таким чрезвычайно быстрым повышением он обязан великому князю Константину Николаевичу и поддержке Рейтерна. Впрочем, он такой человек, какой приятен для всех партий, не исключая и шуваловской: он умеет говорить спокойно, всегда в примирительном смысле; никогда ничего резкого; «с'est un homme comme il faut»⁴⁹ — говорят наши салонные государственные мужи.

Кроме Абазы, сиял радостью юродивый Делянов, назначенный членом Государственного совета. На место его товарищем министра народн[ого] просв[ещения] назначен кн. Ширинский-Шихматов.

Сходя с лестницы дворца, встретил я великого князя Константи-

*) и неблагодарности

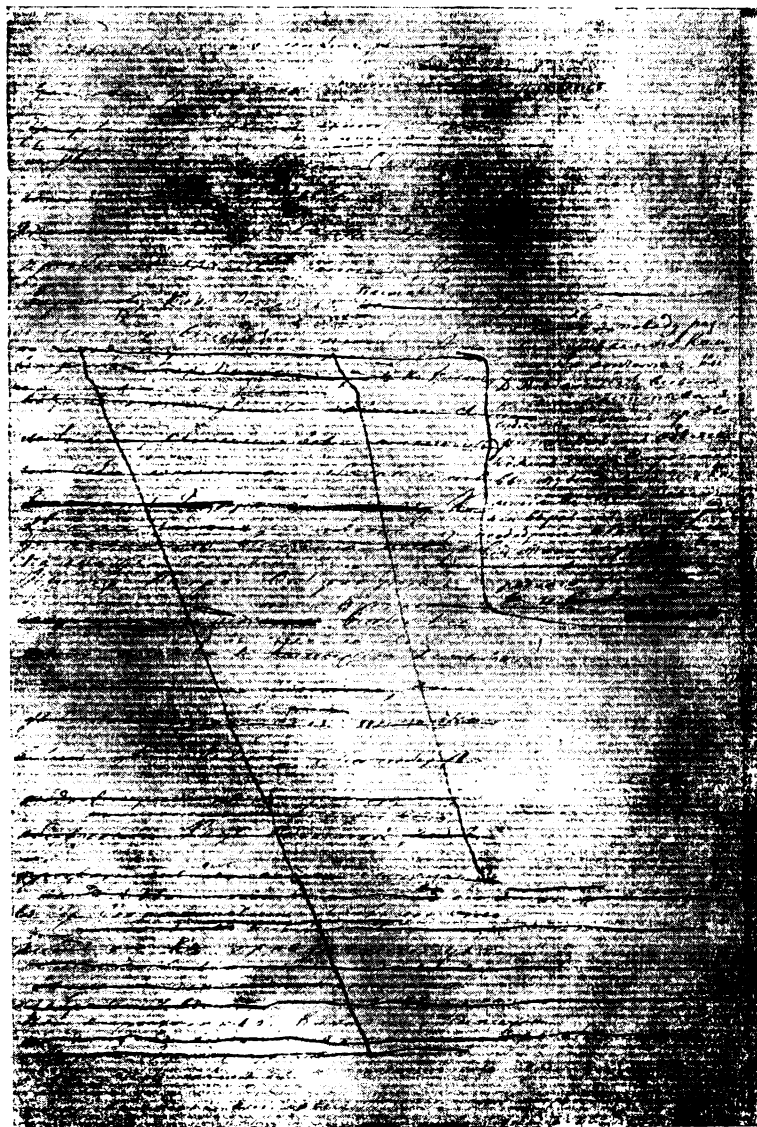
**) есть новая замечательная страница в истории настоящего царствования: это

***) прославившим Александра II.

****) только

*****) хороший человек

*****) вот единственные его достоинства, конечно, недостаточные для того, чтобы оправдать такое быстрое повышение.

Запись 17 января 1874 г.

на Николаевича Он был очень доволен рескриптом, которым объявлен Сольскому. Без инициативы последнего может быть не было бы сказано спасибо и нашему председателю, который поистине заслужил его вполне. Он председательствовал отлично во всех отношениях; благодаря его умению вести дела коллегиально, закон о воинской повинности прошел необыкновенно удачно. Сколько ни было попыток испортить дело — проект Комиссии сохранил вполне свои существенные черты.

После обычных в новый год поздравлений я провел остальной день*) спокойно дома.

3-го января. Четверг. — Сегодня в заключение обычного моего доклада государю я прочел целиком записку о финансовом положении Военного министерства на 1874-й год. Сущность записки заключается в том, что при установленном с нынешнего года нормальном бюджете и при тех цифрах расходов, которые доселе уже выяснились, нет никакой возможности приступить в этом году к**) исполнению каких-либо новых предположений об усилении наших вооруженных сил и обороны государства; что единственная мера, которую необходимо во всяком случае принять неотлагательно, есть преобразование местного военного управления в губерниях и уездах, так как она вызывается введением нового закона о воинской повинности. Государь выслушал доклад со вниманием; не только не было заметно неудовольствия или удивления, но, напротив того, он отзывался одобрительно, подтвердив, что следует действовать осторожно и не прежде предпринимать что-либо новое, пока не выяснится в течение года действительное положение финансовых средств Военного министерства.

Опять перемена в форме обмундирования: возвращение генералам прежних неуклюжих шарфов с кистями, и эксельбанты особого вида полковым адъютантам.***)

Встреча на вокале железной дороги принца и принцессы Валийских⁵⁰ и принца Артура.

Сегодня в газетах напечатаны манифест, указ и часть положения о воинской повинности, а также рескрипт на имя великого князя Константина Николаевича.

4-го января. Пятница. — Совет министров по поводу предположенного великим князем Константином Николаевичем оставления при Государственном совете Особого присутствия по делу о воинской повинности для рассмотрения дальнейших дополнительных работ по этому предмету и для согласования действий разных министерств по введению в действие нового закона. Предположение это было уже заранее одобрено государем и стало быть не о чем было

*) в семье и, сознаюсь, в самом грустном настроении духа.

**) каким-либо значительным новым

***) Какими соображениями можно оправдать подобную новую прихоть!

и говорить в Совете. Тем не менее, заседание продолжалось **около** часа; переливали из пустого в порожнее; но, слава богу, на сей раз кончилось все благополучно, без всякой неожиданной за-
сады.

5-го января. Суббота. — По окончании доклада подал я государю записку, в которой объяснены все неудобства передачи Медико-хирургической академии из военного ведомства в какое-либо другое. Государь оставил записку у себя, не сказав ни слова.

Обедал у Конст. Карл. Грота, в приятельском кружке.

6-го января. Воскресенье. — Сегодня утром скончался фельд-маршал гр. Берг после кратковременной болезни, продолжавшейся всего 4 дня. Старик до нового года все еще был необыкновенно бодр, сохранял обычную свою живость, и в самый день нового года был утром в церкви во дворце. Но вечером того же дня почувствовал себя нехорошо. Я видел его 3-го числа; застал его хотя в халате, но сидящим в кресле за чашкой чая; говорил он со мной о делах совершенно так, как обыкновенно, только заметил я в его руке несколько усиленную температуру. Он жаловался, что доктора имеют привычку преувеличивать болезнь пациентов и что без надобности послали за Боткиным. После этого я уже не видел его. Слышал, что болезнь приняла серьезный оборот, а сегодня утром он уже был в бессознательном состоянии. Государь приехал к нему (в гостиницу Демут, с Канавы) и присутствовал при его агонии.

Неожиданная эта смерть не помешала совершению обычным порядком всей церемонии крещенской. Нынешний выход, хотя без дам, получил особенный колорит ради присутствия английских принцев и свиты их. Погода была теплая, градуса 2 выше нуля. После церемонии государь позвал меня в кабинет и заговорил о кончине фельдмаршала. «У него были свои недостатки, — сказал он, — *) мы смеялись над его слабостями, но, тем не менее, мне жаль его, я огорчен его смертью». Затем государь сказал, что желал посоветоваться со мной насчет замещения открывшегося важного поста. Такое внимание меня удивило, потому что я уже**) от-
вык от него. Однакоже оказалось, что государь желал не столько узнать мое мнение, сколько объявить готовое уже решение: выбор пал на ген.-ад. Хрущева, о котором государь выразился с большими похвалами. Мнения этого я не оспаривал, согласился вполне, что Хрущов пользуется общим уважением в армии; но не мог не прибавить, что при всех его достоинствах он едва ли подготовлен к управлению Царством Польским по части гражданской и политической; притом это человек простой, без того образования, которое требуется на предназначенном ему poste в Варшаве, где он

*) много

**) давно

будет поставлен лицом к лицу пред Европой.*) На это государь сказал, что**) желает низвести пост в Варшаве до уровня обыкновенного генерал-губернатора, что полагает присвоить Хрущову просто титул генерал-губернатора Привислянского края и командующего войсками Варшавского округа так, чтобы самые наименования Царства Польского и наместника теперь же упразднить.***) Получив от государя еще некоторые приказания, я поспешил домой, чтобы сделать необходимые распоряжения.

Сейчас после обеда я должен был покинуть своих воскресных гостей, чтобы ехать на панихиду покойного гр. Берга. К удивлению моему, служба совершалась по православному обряду, русским духовенством. Мне сказали, что так желали родственники и приближенные покойника. Незаметно, чтобы кто-нибудь печалился о смерти гр. Берга. Напротив того, все говорят о покойном фельдмаршале с какой-то усмешкой и припоминают смешные стороны его. Действительно, странная была личность: нельзя отказать ему в уме, способностях, необыкновенной деятельности; но все эти хорошие качества принимали отрицательное значение при его****)гибкости характера, изворотливости,*****) неправдивости и необыкновенной живости в движениях. Эту живость и неутомимость сохранил он до конца жизни, хотя ему было уже 85 лет.

Возвратившись с панихиды домой, я застал у себя многочисленное общество. Много говорено было о покойном фельдмаршале, общались разные слухи о замещении его, толковали о новых затеях и интригах шуваловской шайки и т. д. и т. д.

7-го января. Понедельник. — Большой парадный обед во дворце для английских принцев.

8-го января. Вторник. — Утром отпевание покойного фельдмаршала гр. Берга в протестантской церкви св. Петра, откуда погребальная процессия направилась по Невскому проспекту и Большой Садовой к станции Варшавской железной дороги. Государь с наследным принцем Валийским и прочими принцами провожал процессию верхом до Пажеского корпуса.

Прямо с похорон я поехал во дворец к докладу. Представив го-

*) Притом он едва ли обладает достаточными способностями для гражданской администрации. Впрочем, — прибавил я, — если государю неужгодно назначить в Варшаву кого-либо из особ императорской фамилии, то едва ли и найдется генерал, который мог бы вполне удовлетворить всем условиям как по гражданской, так и по военной части.

**) он решительно не хочет назначить кого-нибудь из великих князей, что

***) Всеми этому я вполне сочувствую, и потому разговор наш был непродолжителен.

****) привычке ко лжи

*****) легкости в суждениях

сударю опечатанные бумаги, найденные в кабинете покойного фельдмаршала, я доложил о полученных сведениях из Царства Польского касательно беспорядков, происходивших на днях в униятском населении Седлецкой губернии по поводу вводимых изменений в церковной службе. Для умирения крестьян употреблены войска, были раненые с обеих сторон и один или два убитых из крестьян; тем беспорядки и прекратились. Но при этом снова встретились недоразумения в применении установленных правил об употреблении войск при умирении беспорядков и возмущении. Гражданское и военное начальства различно понимают существующие правила. Случай этот подошел очень кстати — в подтверждение необходимости единства власти в том крае.

Однакож, когда разговор обратился снова к вопросу о замещении покойного гр. Берга, оказалось, что прежнее мнение государя, так положительно высказанное в воскресенье, уже поколебалось. Я предвидел это, вследствие разговора, который имел вчера утром с гр. Шуваловым в Государственном совете. Он мне доказывал выгоды отделения гражданской власти от военной и указывал на ст. секр. Набокова для занятия должности генерал-губернатора в Привислянском крае. Сегодня точно то же услышал я и от государя. Я*) возражал и отстаивал прежнее предположение его величества. Позвали Набокова, который произнес целый спич в пользу означенной шуваловской идеи,**) причем, конечно, прикинулся вовсе не подозревающим, что вопрос касается лично его самого. Государь объявил нам, что завтра будет по этому предмету совещание. Мы вышли с Набоковым в другую комнату и там еще долго спорили. Тот же разговор возобновился потом и в Комитете министров с гр. Шуваловым и Тимашевым; я попробовал отклонить их от злополучной мысли разделения власти в Варшаве. Узнал я, что великие князья, присутствовавшие утром при докладе, вполне разделяют мое мнение.

По окончании доклада государь возвратил мне мою записку о Медико-хирургической академии, сказав, что все изложенное в ней ему известно и что он все-таки желает, чтобы мы (министры внут[ренних] дел, народн[ого] просв[ещения] и военный) обсудили вопрос; в случае, если не придем мы к соглашению, его величество решит по своему усмотрению. По всему видно, что дело уже проиграно; однакож попробую еще раз вступить в переговоры с моими противниками, хотя и знаю вперед, что все будет напрасно.***) В Ко-

*) осмелился отстаивать

**) хотя и показывал вид, будто вовсе не себя имеет в виду.

***) Первоначальный текст после слов «...решит по своему усмотрению.» (строка 3 сл.): «Отзыв был не успокоителен для меня. Кажется, дело проиграно окончательно; но я ни слова тут не сказал и намерен попробовать переговоры, хотя знаю вперед всю бесплодность их».

мните обменяться я несколькими словами с Тимашевым, а вечером послал ему мою записку для прочтения. С ним все-таки приятнее вести дело, чем с желчным и угловатым гр. Толстым.

В Комитете министров обсуждалось предположение гр. Шувалова о новой амнистии полякам по случаю предстоящей свадьбы в царском семействе⁵¹. Странно, что при всяком подобном торжественном событии оказываются новые милости и льготы одним только преступникам и *) полякам. Эту мысль заявляют многие, но, тем не менее, в Комитете почти не было возражений на шуваловский проект.

Заседание Комитета дало мне предлог, чтобы избежать дальней поездки на станцию Варшавской железной дороги для встречи германского наследного принца и принцессы⁵². Та же причина помешала мне ехать с поздравлением к ген.-ад. Лутковскому, который сегодня празднует 50-летний юбилей службы. Однако же я должен был участвовать на обеде, данном ему в ресторане Бореля членами Военного совета и некоторыми другими сослуживцами. Прямо с обеда отправился я на станцию Варшавской железной дороги еще для встречи наследного принца датского⁵³, приехавшего в 8 ч. вечера с пр[инцем] Кобургским⁵⁴. Тяжелый выдался денек. К тому же слякоть, ухабы, сверху и снизу мокро!

9-го января. Среда. — В 11 часу утра государь собрал у себя нас троих: гр. Шувалова, Набокова и меня, чтобы снова посоветоваться относительно назначения нового начальства в Варшаву. И гр. Шувалов и Набоков попрежнему настаивали на разделении властей, имея в виду назначить ген. Хрущова исключительно военным начальником, а самого Набокова — гражданским генерал-губернатором. Мне казалось, что вначале государь был в колебании; но после моих довольно пространных объяснений он заявил, что вполне разделяет мое мнение о невыгодах разделения власти в таком крае, какова Польша. При всем том, нельзя было не согласиться, что личность ген. Хрущова во многом не соответствует условиям предназначаемого ему поста. Он не имеет ни тех способностей административных, **) ни ***) тех внешних качеств, какие требуются от представителя русской высшей власти в передовом пограничном крае; так, между прочим, он не знает ни одного иностранного языка. — Государь намеревался было сегодня же вытребовать сюда ген. Хрущова, чтобы лично переговорить с ним о будущем устройстве управления в Привислянском крае; но потом разговор свернулся на другую личность — на ген. Коцебу, который соединяет в себе качества, недостающие ген. Хрущову, хотя в военном отношении пользуется менее завидной репутацией. Насколько назначение Хрущова было бы приятно для армии и на-

*) почти исключительно

**) ни твердой воли

***) даже внешних качеств

сколько он оказался бы слабым в гражданской администрации, настолько же Коцебу был бы более подготовлен к этой последней роле и мало симпатичен для войск. В заключение разговора государь сказал, что пошлет за генералом Коцебу и переговорит с ним лично, причем, однакоже, выразил сомнение в том, позволит ли ему здоровье принять на себя новое тяжелое бремя.

При выходе из государева кабинета нашел я в приемной всю свиту прибывших вчера иностранных принцев; мы друг другу отрекомендовались, а потом я заехал расписаться у обоих наследных принцев: германского и датского. Первый помещен в Эрмитаже, а последний — в Аничковском дворце.

Сегодня же был я на панихиде по вел. княгине Елене Павловне по случаю годовщины ее кончины.

10-го января. Четверг. — Решено окончательно назначение ген. Коцебу в Варшаву с званием генерал-губернатора и командующего войсками. В Одессе остается ген. Семека в звании командующего войсками округа; генерал-губернаторство же там упраздняется. По этому предмету было совещание у государя: после моего обыкновенного доклада позваны были в кабинет гр. Шувалов, Тимашев и Набоков, а потом и гр. Адлерберг как министр двора (по случаю некоторых сокращений, предположенных в Варшаве в придворном штате тамошних дворцов). О новых назначениях приказано мне внести в завтрашний приказ.

Итак вопрос о замещении должности, оставшейся вакантной за смертью гр. Берга, разрешился проще, чем сначала предполагалось. Хотя личность генерала Коцебу и не вполне удовлетворяет желанным условиям, однакоже решение это я все-таки предпочитаю всем другим обсуждавшимся предположениям. Боюсь только, что вопрос решен не надолго: поборники разделения властей не считают себя побитыми; они прямо говорят, что назначение ген. Коцебу есть только переходное положение, которое впоследствии облегчит исполнение поддерживаемой ими комбинации.

Прибывшее в Петербург бухарское посольство представлялось мне в канцелярии Военного министерства; после того оно имело аудиенцию в Зимнем дворце.

11-го января. Пятница. — День начался для меня двумя сюрпризами (впрочем, не совсем неожиданными): получил извещение, что старшая дочь моя остается фрейлиной при императрице, а, во-вторых, рескрипт, данный на мое имя по случаю нового закона о воинской повинности. Назначение дочери моей можно было предвидеть, но едва ли благоразумно было бы желать его. Тяжелая жизнь при дворе расстроила ее здоровье и оторвала ее от семьи. Она долго колебалась — принять или отклонить предложенное назначение, и дала министру двора уклончивый ответ. Тем не менее назначение состоялось; надеемся, что ей дадут некоторое время для отдыха и поправления пошатнувшегося здоровья.

Что касается рескрипта, то можно к нему вполне при-

менить поговорку: *il vaut mieux tard que jamais*⁵⁵. Получением рескрипта я обязан великому князю · Константину Николаевичу, который напомнил государю; еще более адмиралу Краббе, который напомнил великому князю. Нет сомнения в том, что без этих напоминаний позабыли бы, кто был инициатором и главным работником в этом деле. Рескрипт сочинен в Государственной канцелярии несколько тяжеловатым слогом; но я мог бы вполне быть доволен им, если б редакция рескриптов имела действительно ценность царского слова. Однакож слышал я в течение дня, что многие отзываются с негодованием о данном мне рескрипте, находят его бесцветным, риторическим и вдобавок сопоставляют с пожалованием сегодня же графу Ал. Вл. Адлербергу Андреевской ленты по случаю свадьбы в царской семье. Такое сопоставление нахожу я совершенно неуместным. На всем своем долгом пути служебном никогда я не гонялся за наградами, никогда не придавал им значения. Скажу даже, что мне приятнее, чтобы в общественном мнении признавали мои труды недостаточно оцененными, чем считали бы меня награжденным свыше заслуг. Предпочитаю быть кредитором, чем должником.*)

Почти весь день прошел в торжествах: в 12^{1/2} — съезд во дворец для брачного обряда⁵⁶, сперва в русской церкви, потом по англиканскому исповеданию в Александровском зале Зимнего дворца. В половине 5-го часа назначено снова съезжаться к обеду; не стоило уезжать домой на короткое время; я остался во дворце. Но когда в назначенный час вошел в громадную Николаевскую залу, то нашел все места за столом уже занятыми. В таком же положении очу-

*) Первоначальный текст после слов «...кто был инициатором и главным работником в этом деле.» (строка 5 св.): «Рескрипт написан в Государственной канцелярии несколько тяжеловатым слогом; но если б все, что пишется в рескриптах, вообще всегда принималось в буквальном значении, а не за набор фраз > имело ценность царского слова, а не простого канцелярского сочинения, то я мог бы вполне быть доволен полученным рескриптом. Напротив того, я слышал в течение дня от многих выражения негодования на то, что мне дали как бы нехотя только риторический рескрипт, тогда как гр. Адлерберг по случаю свадьбы в царской семье получил Андреевскую ленту. Забывают, что я вовсе не ставлюсь в один ряд с фаворитами и придворными лакеями. Конечно, мне приятнее, если думают, что мои труды недостаточно оценены, чем чувствовать, что считают меня не заслужившим оказанных милостей. Лучше быть кредитором, чем должником».

тился и кн. Суворов. Мы оба сочли за лучшее удалиться и отобедать дома.*)

13-го января. Воскресенье. — Вчера государь был на охоте с гостями своими, и потому не было у меня доклада. Вместо субботы доклад назначен был сегодня. Я пришел в полной форме, чтобы поблагодарить государя за рескрипт. Несмотря на холодную и сухую мою благодарность, государь (хотя также довольно сухо) сказал: «*И тебя благодарю как за это дело, так и за все прочее. Теперь дай бог нам успешно привести в исполнение*». Он дал мне руку и даже поцеловал, но так, что все-таки не могли мы оба и взаимно скрыть от себя, что отношения наши далеко уже не те, какие были в старые годы. После доклада я дождался прохода императрицы в церковь; она любезно подала мне руку и сказала: „*J'ai dit à Lise que j'espérais qu'elle me sera tout aussi fidèle qu'elle l'a été pour ma fille*“^{57**})

На разводе сегодня было общее представление всем трем наследным принцам: германскому, английскому и датскому. Бесчисленная свита и гвардейское начальство нескончаемой вереницей проходили мимо принцев, кланялись по три раза, и государь называл каждого.

14-го января. Понедельник. — Парад всем войскам на площади пред Зимним дворцом в присутствии всех трех наследных принцев. Погода довольно мягкая, но гололедица. Все обошлось благополучно. Иностранцы, как водится, расхваливали.

15-го января. Вторник. — Доклад у государя; затем заседание Комитета министров с участием обоих генерал-губернаторов Западного края⁵⁹. Продолжительный спор о том, как понимать высочайшее повеление 11 мая 1873 г. о прекращении конфискации имений. Обед у государственного канцлера для съехавшихся в Петербург иностранцев. Вечером — раут у английского посла^{60 ***})

*) Первоначальный текст после слов «...потом по англиканскому исповеданию» (стр. 131, строка 6 сл.): «Церемония была торжественна; но как во всех у нас церемониях — не было порядка и приличия в публичке. В 4½ ч. назначено было съезжаться снова к обеду; в числе многих я остался во дворце ожидать обеда и просидел, сложив руки, более 1½ часа; и что же — придя в залу, нашел все места уже занятыми. Таков ныне порядок при дворе! Вместе с кн. Суворовым я уехал и обедал дома. Вечером я уже и не поехал на бал и от усталости и от досады. Притом съезды ко двору в подобных случаях так многочисленны, что почти и нет надобности показываться: просто потеря времени».

**) Во дворце встретился с Тимашевым и гр. Толстым; заговорил с ними о Медико-хирургической академии, но убедился, что никакие мои доводы не действуют на них; *c'est un parti pris*⁵⁸. Кажется, < борьбы > разрыва нельзя избежать.

***) но я не был уже в силах туда собраться

16-го января. Среда. — Поздравление новобрачных (baise-main⁶¹). Вечером парадный спектакль, в который я не поехал.

17-го января. Четверг. — После обычного доклада у государя — совещание, в котором принимали участие, кроме меня, министры финансов и внутр[енних] дел и Набоков. Шла речь о том, какое содержание должно быть назначено ген.-ад[ъютан]ту Коцебу и какие суммы оставить в его распоряжении.

Затем заехал я к князю Дмитрию Александровичу Оболенскому, который желал показать мне некоторые места в годичном отчете гр. Толстого по Министерству народн[ого] просвещения. Кн. Оболенский назначен в комиссию, назначенную для рассмотрения этого отчета. Председателем комиссии был назначен, по примеру прежних лет, гр. Сергей Григорьевич Строганов; но *) он **) отказался от председательства под предлогом расстройства здоровья и просил государя освободить его вообще от всяких занятий, в том числе и от председательства в комитете железных дорог. Хотя гр. Строганов ***) отличается крайне узким, угловатым соображением, однакож это человек характера независимого и честного, а потому жаль, что он устранился от рассмотрения отчета Министерства народного просвещения. Прежде гр. Строганов поддерживал гр. Толстого, но в последнее время заметно переменял свое мнение, прямо порицает излишнее увлечение классицизмом и, как человек честный, прямой, не мог бы не высказаться в таком же смысле по поводу рассматриваемого комиссией отчета. Кн. Д. А. Оболенский весьма на это рассчитывал, судя по своим предварительным объяснениям с гр. Строгановым; надеялся, что комиссия в своем заключении выразит чистосердечно неодобрение образа действий Министерства народного просвещения и вместе с тем не оставит без порицания неуместных выходов, которые министр позволяет себе во всеподданнейшем отчете против «других ведомств», будто бы противодействующих введению в действие предначертанной учебной реформы. ****) Под этими другими ведомствами, конечно, подразумевается Военное министерство. Кн. Оболенский показал мне в отчете гр. Толстого те места, в которых выражается его злоба на военно-учебные заведения. Если он решился так резко писать в официальном своем всеподданнейшем отчете, то можно представить себе, что говорится при личных докладах государю глаз-на-глаз. Наговоры эти на Военное министерство, будто бы системати-

*) на днях

**) вдруг

***) не отличается обширным умом, всегда имеет понятия крайне узкие, угловатые

****) Первоначальный текст после слов «...но в последнее время» (строка 18 сл.): «он заметно переменял свое мнение об его образе действий. Гр. Строганов прямо высказывает, что гр. Толстой пошел слишком далеко и увлекся своею системой. Очень может быть, что, рассмотрев отчет гр. Толстого и найдя в нём про-

чески подрывающее доверие публики к классической системе, освященной высочайшим утверждением, конечно не проходят бесследно.*) В подкрепление им государю подсовывают дерзкие и нахальные статьи, печатаемые против меня в некоторых газетах, и, без сомнения, не показывают тех газет, которые опровергают клеветы и вранье каких-нибудь «Московских Ведомостей», «Русского Мира», «Гражданина».

У князя Оболенского были уже подготовлены некоторые заметки для включения в доклад комиссии; но с отказом гр. С. Г. Строганова от председательства и назначением вместо него председателем принца Петра Георгиевича Ольденбургского, а в помощь ему Делянова, только-что оставившего место товарища гр. Толстого, сомнительно, чтобы кн. Оболенскому удалось провести дело в предположенном им направлении. Почти наверное можно предвидеть, что комиссия расхвалит все, что делается в Министерстве народного просвещения, и даже, чего доброго, еще подчеркнет жалобы на Военное министерство**).

явление крайнего увлечения, гр. Строганов, как человек честный, не мог бы не высказаться против Министерства нар[одного] просвещения, но, не желая быть в противоречии с прежними своими мнениями, решил все отклонить от себя неприятную обязанность высказать государю всю правду. Кого же назначили вместо него? Принца Петра Ольденбургского — совершенного идиота. Вместе с тем посадили в комиссию Делянова, вполне причастного всем действиям министерства, подлежащим ныне разбору и обсуждению. Князь Оболенский в предварительных своих совещаниях с гр. Строгановым надеялся склонить его к правдивому указанию в докладе комиссии на неуместные выходки министра народн[ого] просвещения против «других ведомств», будто бы противодействующих ему в введении в действие той учебной реформы, в которой, по его мнению, и заключается ключ спасения России и ее юности».

*) Первоначальный текст после слов «...при личных докладах государю глаз-наглаз.» (стр. 133 строка 2 сл.): «Не в этих ли жалобах его на Военное министерство, будто бы систематически подрывающее доверие публики к классической системе, освященной высочайшим утверждением, заключается разгадка того неудовольствия, которое давно уже замечаю к себе со стороны государя? *Il me boude*⁶². это очевидно. Впрочем, быть может ему наговорили и многое другое против меня».

**) Первоначальный текст после слов «...«Русского мира», «Гражданина» (строка 6 сл.): «Князь Оболенский прочел мне свои заметки, подготовленные им как материал для доклада комиссии; но теперь, с переменной состава комиссии, он мало надеется на то, что удастся ему провести подобное правдивое разъяснение дела. Почти наверное можно предвидеть, что гр. Толстой окажется правым и, пожалуй, еще поддакнут ему в жалобах на Военное министерство».

Вечером — большой бал в Зимнем дворце. Густая толпа, душно и скучно. Уехал я, не дождавшись ужина.

18-го января. Пятница. — Бал у наследника цесаревича.

20-го января. Воскресенье. — Большой обед при дворе, в Концертном зале. Возвратившись с обеда домой, нашел у себя многочисленное общество.

21-го января. Понедельник. — На подъезде Государственного совета посланный от пр[инца] Рейсс вручил мне записку, которой он сообщает мне приглашение наследного принца германского быть у него в 4½ часа. Принц был очень любезен, продержал с полчасика; разговор переходил с одного предмета на другой; кажется, приглашение не имело никакой особенной цели, кроме простой любезности и желания видеть меня у себя пред отъездом. После меня также приглашен был Валуев. Принц с принцессой сегодня же в ночь, после бала у английского посла, выезжают в Москву, т. е. сутками ранее всех прочих царственных особ. Говорят, причиной тому — желание принцессы побывать у Троицы.

Вечером пробыл с полчаса на бале у английского посла Лофтуса.

22-го января. Вторник. — Доклад у государя; в расположении духа его замечаю перемену к лучшему. Продолжительное заседание в Комитете министров: мне пришлось выдержать упорное прение по двум делам: одно — по несогласию Министерства внутренних дел на вознаграждение из земских сумм полков 1-й кавалерийской дивизии за пастбищные места (дело по существу неважное, но подавшее повод к резким выходкам со стороны Грейга); другое — о прекращении конфискации имений в Западном крае. Вторичное это прение привело к тому, что с обеих сторон сделаны уступки, и по крайней мере устранены практические неудобства того решения, на котором настаивала шуваловская партия.

Вечером — бал у великого князя Николая Николаевича. Прямо с бала государь и его царственные гости отправились на Николаевскую железную дорогу; рано утром поезд двинется к Москве. Там празднества будут продолжаться четыре дня; возвращение назначено в будущий понедельник.

27-го января. Воскресенье. — Пятидневным отсутствием государя из Петербурга воспользовался я, чтобы посетить некоторые из дальних военно-учебных заведений, а сегодня присутствовал на годичном акте в Медико-хирургической академии. Все обошлось чинно, обычным порядком, и я рад, что не послушался Козлова (главного военно-медицинского инспектора), полагавшего, не знаю, по какой причине, вовсе отменить акт в нынешнем году.

Вчера, во вторую годовщину кончины брата Николая⁶³, отслужили по нем панихиду.

29-го января. Вторник. — Вчера государь, великие князья, новобрачные и прочие гости возвратились из Москвы; все в восхищении от первопрестольной. Сегодня явился я с докладом к государю, на-

шел его в хорошем расположении духа. Пред заседанием Комитета министров имел разговор с гр. Толстым о Медико-хирургической академии; он упорно стоит на своем.

Вечером — бал у пр[инца] Ольденбургского.

30-го января. Среда. — Смотрел на площади пред Инженерным замком привезенную из Италии любопытную лестницу, которая складывается и возится на повозке парой лошадей; а когда нужно, в несколько минут раздвигается до 17 сажень в длину и поднимается почти до вертикального направления. Лестница эта может быть весьма полезна как для пожарных команд, так и для военных действий в разных случаях. Поэтому назначена мною комиссия для испытания этого полезного изобретения и для определения условий, на которых можно было бы войти в сделку с бароном Фитингофом, заявившим права на это изобретение.

31-го января. Четверг. — Бал у гр. Воронцова-Дашкова (командира л.-гв. гусарского полка) в честь новобрачных. В первый раз я был в его доме с двумя старшими дочерьми. Бал самый фашьенабельный, присутствовала почти вся царская фамилия, за исключением самого государя, сильно простуженного.

1-го февраля. Пятница. — Приезд императора австрийского⁶⁴. Государь, несмотря на свою простуду, все-таки ездил навстречу до Гатчины. Встреча была совершенно сходна со всеми другими встречами царственных особ: почетный караул, гимн, бесчисленная свита, затем толкотня и разъезд. Император Франц-Иосиф, проходя мимо меня, узнал и подал руку. Андраш также подошел и сказал любезную фразу: „Je suis très heureux de pouvoir vous serrer la main ici, sur ce terrain“⁶⁵.

Большой обед у французского посла: приглашение было к 7 часам, а сели около 8 и разъехались в 9½ ч. Приехавший из Парижа кн. Орлов говорил в шутку, что Ле-Фло развернулся для того, чтобы он, Орлов, рассказывал в Париже о блестящих приемах французского посла.*)

2-го февраля. Суббота. — Император австрийский рано утром поехал в крепость и в Петропавловском соборе возложил венок на гробницу императора Николая. При этом он сказал ген. Трепову, что считает Николая I своим благодетелем. Так, по крайней мере, рассказывал мне Трепов, которого я встретил во дворце, выходя после доклада из государственного кабинета.

3-го февраля. Воскресенье. — На разводе представление императору австрийскому. Парадный обед в Концертном зале Зимнего дворца: император Франц-Иосиф отвечал на тост нашего государя

*) Несмотря на весь блеск обстановки и изысканность обеда, все-таки видно было, что и сам хозяин, и хозяйка, и дочка чувствуют себя не на месте. Это добрые и простые люди; в них нет ничего, что требуется от блестящего дипломата.

довольно неудачно, закончив свой спич словами: „Que Dieu Vous bénisse“⁶⁶.

4-го февраля. Понедельник. — Утром в 10 ч. император австрийский приехал в Инженерный замок; я встретил его в сенях вместе с ген. Тотлебенom и начальством училища; после уже приехал вел. кн. Николай Николаевич. Мы провели Франца-Иосифа по всему зданию; но более всего времени употреблено было на осмотр модели Севастополя, причем Тотлебен прочел целую лекцию. Император и его свита, в том числе Андраши, были очень любезны и так деликатны, что мимо моделей Бреста, Ивангорода и Киева прошли почти не останавливаясь.

Вечером — бал в Аничковском дворце.

5-го февраля. Вторник. — После доклада пробыл я только короткое время в Кавказском комитете и поспешил во втором часу полудни в Кронверк, в Артиллерийский музей, куда ожидали австрийского императора. Однакоже он отложил посещение музея, так же как и Главного штаба, куда предполагал приехать к 3-м часам. Таким образом, я один осмотрел и музей и Военно-топографический отдел Главного штаба. Вечером император Франц-Иосиф выехал на охоту.

Сегодня я докладывал государю о новых основаниях разрабатываемого ныне положения о военной службе в Донском каз[ачьем] войске. Все изменения в прежних предположениях, предварительно уже высочайше утвержденных, ныне одобрены; в том числе и отмена прежнего предположения о формировании третьего гвардейского полка. Государь сам поднял вопрос о том, следует ли конную артиллерию переформировывать в 6-орудийные батареи. Я не возражал, а, напротив того, сказал, что и с своей стороны не вижу особенной пользы в этом изменении; вследствие того последовало экспромтом новое повеление: оставить конную артиллерию в прежнем составе. Таким образом, мало-помалу и само собою рушится все то, что в прошлогodних злополучных совещаниях было постановлено сгоряча, без зрелого и спокойного обсуждения.

7-го февраля. Четверг. — Докладывал государю предположения об изменениях в основных началах нашего военно-уголовного кодекса, вызываемых новым уставом о воинской повинности. Сокращение сроков службы и всесословность обязательной службы должны неизбежно повлиять на всю нашу систему наказаний, так что предстоит переделать весь устав. Предположенные основания высочайше одобрены.

Во время моего доклада вошел в государев кабинет император Франц-Иосиф. Разговор был преимущественно о вчерашней охоте, на которой государь не мог присутствовать, так как все еще не совсем избавился от простуды. Однакож эта простуда не помешала ему быть сегодня верхом на общем смотре войск в честь императора австро-венгерского. Правда, что погода была очень благо-

приятная, почти оттепель. Смотр удался вполне; иностранцы расхваливали, искренно ли — не знаю.

Вечером — бал в Концертном зале Зимнего дворца. Пред балом австрийский военный агент Бехтольсгейм привез мне от имени императора знаки ордена св. Стефана. Во время бала я благодарил Франца-Иосифа, который очень любезно отвечал мне похвалами всему, что видел в Петербурге. Вообще австрийцы держат себя очень*) любезно и, кажется, довольны приемом.

Во время бала приехал принц Вильгельм-Евгений Виртембергский, жених вел. княжны Веры Константиновны.

8-го февраля. Пятница. — Император австрийский ездил в Кронштадт; его сопровождал ген.-ад. Тотлебен; я же**) воспользовался свободным утром, чтобы переговорить с ген.-ад. Игнатьевым (Павлом Николаевичем) по одному делу Кавказского комитета, а потом провел часа два у Андрея Парфеновича Заблоцкого. Много говорили о покойном гр. Киселеве и об оставшихся им бумагах, которые теперь разбирает Заблоцкий, приступая к составлению биографии моего дяди.

9-го февраля. Суббота. — Император австрийский осматривал Военно-топографический отдел Главного штаба; был очень любезен, интересовался всем, что ему показывали. Кстати, были тут налицо кап. Пржевальский, только-что возвратившийся из смелого путешествия в Тибет, полк. барон Каульбарс, изучавший низовья Аму-Дарьи, и некоторые другие специалисты наши. Работы их имеют, действительно, значение научное. Пржевальский собрал огромную зоологическую коллекцию: целая зала была занята бесчисленными чучелами птиц и зверей. Император Франц-Иосиф, как страстный охотник, осматривал всю эту коллекцию с большим вниманием.

Слышно, что было сегодня большое катание с гор, в котором участвовали особы императорской фамилии и гости иностранные.

10-го февраля. Воскресенье. — Бал у великой княгини Марии Николаевны; дворец необыкновенно изящный. Император австрийский говорил со мною довольно долго; он сам и вся свита его (в том числе Андраши) говорят, что уезжают из Петербурга с самыми приятными впечатлениями. В час ночи они выехали по жел. дороге в Москву, где пробудут всего одни сутки.

12-го февраля. Вторник. — Сегодня в числе докладов моих было предположение о переформировании гвардейских пехотных полков в 4-батальонный состав.***) По представленной справке выходит, что для приведения в исполнение****) этого предположения по-

*) прилично

**) не счел нужным ехать и

***) Я должен был представить государю финансовую сторону этого предположения.

****) этой фантазии

требуется единовременно около 450 т. р., а ежегодные расходы увеличатся на 125 т. р. Я объяснил, что не ручаюсь, чтобы можно было покрыть такой значительный расход сметными ассигнованиями текущего года, и напомнил государю представленное мною в первых числах января и вполне одобренное его величеством соображение, чтобы отнюдь не предпринимать ничего нового, пока не разъяснятся финансовые средства Военного министерства. При этом я позволил себе коснуться вообще предположений о 4-батальонных полках и, между прочим, о невыгодах отделения стрелковых рот в состав особого, четвертого в полку батальона. Все это заметно было неприятно государю; с видимым неудовольствием он вынужден был отказаться от намерения сформировать четвертые батальоны в гвардейских полках к лету текущего года. Того же желал и наследник цесаревич. Какие побуждения к тому — мне неизвестно. Очень может быть, что все дело сводится к тому, чтобы увеличить в гвардии штатное число офицеров и открыть больше вакансий для производства.

После доклада заезжал я к Валуеву навестить больного, а потом присутствовал на панихиде по ген.-ад. Назимове, скончавшемуся вчера после продолжительной болезни. Это был*) человек простой, но хороший, честный и правдивый.

В Комитете министров рассматривалось представление министра путей сообщения об уставе общества для постройки Сызрано-Оренбургской жел. дороги. Это первая попытка устроить**) дело совершенно на новых основаниях — без предварительной выдачи концессии, с выпуском акций прямо от Министерства финансов и с абсолютной гарантией «держателям» акций. Я должен был сознаться, что подобная новая комбинация для меня совершенно непонятна; но не счел***) уместным возбуждать прения в Комитете министров, так как сущность дела уже предreshена в Главном финансовом комитете. Нам же предоставлялось только рассмотрение редакции самого устава.****)

*) хороший человек, хотя ограниченной интеллигенции и слабого образования, но честный и правдивый.

**) компанию на основании придуманной новой системы

**) однакоже

****) Первоначальный текст после слов «...с абсолютной гарантией «держателям» акций.» (строка 6 сл.): «Сомневаюсь в успешном результате такой системы: не знаю, кого тут морочат. Мысль эту я высказал в Комитете, но, конечно, не развивал и не настаивал на своем мнении, так как сущность дела уже предreshена в Главном финансовом комитете. Нам сегодня предстояло только рассмотреть редакционную работу». Приводим отдельные фразы дальнейшей переработки текста автором: «Эта новая комбинация показалась мне темной». «Какая-то новая — странная и непонятная комбинация, похожая на мистификацию».

14-го февраля. Четверг. — Похороны ген.-ад. Назимова.

16-го февраля. Суббота. — Перед докладом я был в малой церкви Зимнего дворца, чтобы поздравить императрицу по случаю ее причащения и чтобы откланяться принцу и принцессе Эдинбургским, которые сегодня же вечером выехали из Петербурга.

19-го февраля. Вторник. — После доклада и обедни в малой церкви Зимнего дворца просидел я в Комитете министров. В заседании этом принял участие великий князь Константин Николаевич по случаю окончательных прений о дальнейшем направлении возбужденного Валуевым дела по исследованию состояния сельского хозяйства в России. Дело это до сих пор кажется мне каким-то бесплодным толчением воды. Вот уже несколько недель, что в каждое заседание Комитета министров уделяется по целому часу и более на слушание чтения П. А. Валуева, который своим гробовым басом излагает бесконечный перечень общеизвестных истин, выведенных им из объемистых работ существовавшей под его председательством комиссии. По каждому из прочитанных Валуевым 70 или 80 пунктов завязывается более или менее продолжительная беседа, попросту говоря — переливание из пустого в порожнее. Канцелярия Комитета умудрилась, однакоже, составить из этой болтовни журнал в палец толщиной, заключающий в себе разные неоспоримые истины: так, признается небесполезным и сберегать леса, и разводить новые, и осушать болота, и обводнять степи, и поощрять коннозаводство... и проч., и проч...*) Да кто же сомневался когда-нибудь в том, что все это полезно и желательно. Задача — как достигнуть желанных целей? Казалось бы, почему не вести дело обычным порядком — постепенно разрабатывать один вопрос за другим чрез людей, специально изучивших каждое дело. Нет, тут не было бы эффекта... и вот выступает на сцену гр. Шувалов со своими подручными, раздувают дело, затевают созвать представителей от всех губерний! Тут встрепенулся председатель Комитета: ведь, пожалуй, затевается конституция! Начинается горячий спор, в котором никто не высказывает прямо своей заветной

*)) Первоначальный текст после слов «...просидел я в Комитете министров.» (строка 7 св.): «В заседании этом принял участие великий князь Константин Николаевич по случаю окончательных прений о дальнейшем направлении дела, возбужденного Валуевым под предлогом исследований о сельском хозяйстве и производительности России. Дело это до сих пор кажется мне какой-то загадочной мистификацией. Вот уже несколько недель каждое заседание Комитета министров заканчивается тем, что в продолжение часа или более Валуев своим гробовым басом вещает нам об «афоризмах», выведенных им из объемистых работ существовавшей под его председательством комиссии. Казалось, что же рассуждать в Комитете об «афоризмах»? Однакоже по каждому из 70 или 80 заключительных пунктов доклада комиссии судили и ря-

мысли. Великий князь Константин Николаевич, поверив чистосердечию шуваловских речей в предварительных домашних совещаниях, явился в заседание Комитета, чтобы поддержать идею, повидимому, столь либеральную.*) Спорим до 6-го часа, и только тогда, когда все уже истомлено спором, открывается, что мы играли в жмурки. Великий князь вообразил себе, что гр. Шувалов в самом деле задумал по поводу возбужденных Валуевым чисто экономических вопросов обратиться к «представителям земства»; казалось, чего же лучше; как не сочувствовать такой идее? Но вдруг оказывается, что хотят собирать в Петербург не представителей земства, а предводителей дворянства; всплывает вопрос дворянский! Вот и ключ шуваловского либерализма! *Coup de théâtre!*⁶⁷ Заседание закрывается; окончание прений отлагается до следующего вторника.

Вчера я позабыл записать, что после заседания Государственного совета состоялось, наконец, совещание между мною и министрами внутренних дел и народного просвещения по вопросу о Медико-хирургической академии. Разумеется, мы остались при своих мнениях: оба противника мои попрежнему твердили, что нет ничего проще, как передать Академию в Министерство народного просвещения, оставив Клинический госпиталь в Военном министерстве; а я сохранил свое убеждение в совершенной невозможности этой смелой хирургической операции. Мы условились составить записку, в которой изложить оба противных мнения для представления на высочайшее решение.

22-го февраля. Пятница. — Первое заседание Особого присутствия, учрежденного при Государственном совете для обсуждения вопросов, возникающих в применении нового устава о воинской

дили; суждения эти, конечно, имели характер переливания из пустого в порожнее, толчения воды. Тем не менее, канцелярия Комитета умудрилась составить журнал в палец толщиной, в котором очень глубокомысленно признавалось небесполезным и сберегать леса, и разводить новые, и осушать болота, и обводнять степи, и поощрять коннозаводство, и проч., и проч....

*) Первоначальный текст после слов «...через людей, специально изучивших каждое дело.» (стр. 140, строка 6 сл.): «Нет, тут не было бы желаемого эффекта... и вот является на сцену гр. Шувалов со своими подручниками: Тимашевым, Валуевым и другими; раздувают дело, возбуждают вопрос о созыве представителей от всех губерний! Председатель Комитета встревожился: ведь, пожалуй, затевают конституцию! Начинается горячий спор, в котором никто не высказывает прямо своей заветной мысли. Великий князь Константин Николаевич, поверив чистосердечию и либеральным речам Шувалова, вдается в засаду. После нескольких домашних совещаний с ним и его партией он является в Комитет, чтобы поддержать идею, повидимому, столь либеральную».

повинности. Заседание происходило у великого князя Константина Николаевича, запросто, в сюртуках. В числе обсуждавшихся дел было представление мое об установлении программы экзаменов для желающих воспользоваться правами вольноопределяющихся 3-го разряда. И в этом пустом деле опять разногласие с министром народного просвещения, который выказал снова свое ослиное упрямство и фанатическое, доходящее до мономании, пристрастие к древним языкам. Из всех присутствующих один гр. Шувалов попробовал поддержать своего*) послушного клиента; но**) весьма неудачно. Председатель попрежнему вел дело умно и логично; решено во всем согласно с моим личным мнением. Говорю личным, потому что в этом деле я расходился в мнении и со своими сотрудниками, т. е. с комиссией, предварительно обсуждавшей вопрос, под председательством гр. Гейдена, который со***) свойственным ему благодушием поддался ****) назойливому представителю Министерства народного просвещения — Георгиевскому. Мне пришлось собственноручно редактировать самое представление в Особое присутствие Государственного совета. Гр. Толстой мог сегодня вывести из терпения самого флегматического противника. *****.

26-го февраля. Вторник. — После доклада ездил в Аничковский дворец поздравить наследника, а затем сидел в Комитете министров, где окончательно решен вопрос по так называемому делу о сельском хозяйстве. Конец был миролюбивее, чем можно было ожидать; гора родила мышь: наши государственные мужи, испугавшиеся было председателя воображаемыми замыслами на конституцию, формулировали, наконец, письменно свое предложение, и тут только оказалось, что не стоило так горячиться и терять так много времени на бесплодные препирательства. Великий князь Константин Николаевич, повидимому, предваренный об этом результате, вовсе и не приехал в заседание Комитета. Говорят, однако, что дело это не кончено и что оно будет еще обсуждаться в Совете министров.

4-го марта. Понедельник. — Утром, во время обычного моего

*) верного и

**) сам, плохо понимая дело, запутался и заврался.

***) своим непомерным благодушием

****) тупоумному представителю

*****) Первоначальный текст после слов «...представителю Министерства народного просвещения — Георгиевскому.» (строка 15 св.): «Я должен был спорить с гр. Гейденом, и так как он до конца отстаивал односторонние требования упрямого классика, сам не подозревая в них скрытых тенденциозных целей, то я был даже вынужден редактировать собственноручно представление в Особое присутствие Государственного совета. Гр. Толстой сегодня превзошел сам себя, он мог вывести из терпения самого флегматического человека».

приема в канцелярии Военного министерства, принимал я бухарское посольство по случаю отъезда его обратно во-
своих.

В Государственном совете было продолжительное и интересное заседание: обсуждался новый проект об узаконении браков у раскольников и признании детей их законнорожденными. Дело это весьма важно; Победоносцев*) выступил с своим**) семинарским витийством, конечно, в смысле ретроградном; напротив того, гр. Шувалов проводил мысли либеральные!!—Спорили до 6-го часа и не кончили ничем; продолжение будет в следующий понедельник.

Обедал в Зимнем дворце (Кауфман, Головачев, Троцкий, кн. Эмиль Витгенштейн).

5-го марта. Вторник. — Пред началом моего доклада, в присутствии обоих великих князей, государь решился, наконец, высказать прямо свое неудовольствие на то, что из предположенных в прошлогодних совещаниях разных мер по переформированию и усилению войск до сих пор не приводится в исполнение ничего, кроме только упразднения резервных батальонов и учреждения бригадных управлений. То же самое было высказано его величеством несколько дней тому назад графу Гейдену при представлении его по случаю отъезда в отпуск. Я должен был напомнить государю прежние доклады мои, по которым последовали высочайшие одобрения и разрешения; необходимо было повторить многое, что уже высказывалось не раз: что прежде желаемого формирования новых частей войск необходимо предварительно заготовить потребные для них вещевые запасы, что Военное министерство в своих хозяйственных распоряжениях не может выходить из пределов, ограниченных установленным ныне нормальным бюджетом, и т. д., и т. д. — Убедился ли государь моими объяснениями — осталось мне неизвестным. ***)

Большой и скучный обед у австрийского посла бар. Лангенау.

8-го марта. Пятница. — Совещание у великого князя Констан-

*) опять

**) многоглагольствованием в смысле истери [ческом?]

***) Первоначальный текст после слов «...что уже высказывалось не раз» (строка 10 сн.): «и как бы осталось забытым. Объяснение это кончилось ничем; не знаю, убедился ли государь в том, что было бы безрассудно приступить к желаемому им формированию новых частей войск, когда нет еще уверенности, что мы окончим год без дефицита, и в том, что следует сперва заготовить материальную часть для предположенных новых частей войск, а после уже формировать самые части. Тем не менее, я почти доволен, что государь высказался: может быть, мне удастся по поводу этого разговора еще раз возобновить мои объяснения и довести государя до убеждения в том, что армию нельзя переформировывать урывками, под влиянием минутных прихотей».

тина Николаевича по вопросу о гидротехнических работах в устьях Волги.

Вечером был на публичном чтении капитана Генерального штаба Пржевальского (в Соляном городке) об его путешествии в Монголию и Тибет. В публике петербургской заметно развивается потребность в умственной пище; ежедневно на нескольких лекциях толпятся слушатели. Женщины особенно стремятся в эти собрания с истинной жаждой знаний. Пржевальский более всякого другого может привлечь слушателей и еще более слушательниц: во всей его фигуре, во всяком слове видна натура энергичная. После лекции я пригласил его к нам на чашку чая, чтобы познакомить его с моею семьей.

9-го марта. Суббота. — Сегодня при докладе моем не присутствовали великие князья. Не знаю, этому ли случайному обстоятельству или же другой причине можно приписать заметное изменение в тоне государя: он говорил*) с прежней своей мягкостью и добродушием, несмотря на то, что с самого начала доклада завел я речь о Медико-хирургической академии. Я воспользовался удобным случаем, чтобы высказать откровенно государю всю суть дела, не скрывая закулисной грязи, из-за которой выходят все толки и сплетни, распространенные в последнее время в публике. Государь выслушивал со вниманием, и не замечалось, чтобы в мыслях его вопрос о передаче Академии в Министерство народного просвещения был предreshен. Между прочим, он сказал, что сами профессора имеют по этому вопросу мнения различные: так, например, Красовский говорит против передачи, а Боткин — в пользу этой меры. Таким образом, подтверждается то, что поклонники Боткина считают выдумкой и клеветой; выходит, что он, несмотря на дружественные свои отношения ко мне и ко всей моей семье, действительно поддерживает замыслы гр. Толстого и Тимашева. Как ни прискорбно было для меня убедиться в этом, однакоже, чтобы не подавать повода с моей стороны к нарушению этих давнишних**) отношений, я поехал к Боткину под тем предлогом, чтобы осведомиться о его болезни; но оказалось, что он уже поправился и выехал. Опять не удалось мне откровенно объясниться с ним.

10-го марта. Воскресенье. — Сегодня после развода собрал я у себя некоторых профессоров Медико-хирургической академии с тайн. сов. Козловым во главе для обсуждения записки гр. Толстого о передаче этого учреждения в Министерство народного просвещения. Все без исключения восставали против этой меры и доказывали невозможность ее исполнения.***) Решено составить общими силами подробно, по пунктам, опровержение всех аргументов гр. Толстого.

*) мягче и благосклоннее, чем я привык обычно[венно]

**) дружественных

***) Не знаю, все ли были искренни в своих заявлениях; как бы то ни было, мы постановили составить...

Большой парадный обед во дворце по случаю дня рождения императора Вильгельма.

11-го марта. Понедельник. — Большой дипломатический обед у кн. Герцакова.

12-го марта. Вторник. — При докладе моем государь заговорил об униатских делах, подавших недавно повод к волнению в некоторых местностях Седлецкой и Люблинской губерний. К крайнему прискорбию, дело не обошлось без кровопролития, благодаря мудрым распоряжениям того же графа Дм. Андр. Толстого, который и в делах церковных проявляет такую же узкость и такое же упорство, как по ведомству учебному. Дела униатские до того обострились, что признано необходимым обсудить их в особом совещании, назначенном в будущее воскресенье в квартире государственного канцлера⁶⁸. Государю угодно, чтоб в этом совещании и я принял участие, вероятно, как председательствующий в настоящее время в Комитете по делам Царства Польского.

По тому же Комитету представлены мною сегодня его величеству объяснения по поводу пререканий, возникших между управляющим собственной е[го] в[еличества] канцелярией по делам Царства Польского статс-секретарем Набоковым и министром юстиции гр. Паленом. С упразднением звания наместника в Царстве Польском предполагено изъять из ведения нового начальника края (генерал-губернатора) судебную часть в Царстве и передать ее в ведение собственной е[го] в[еличества] канцелярии. Но против этого предположения восстал гр. Пален, признавший более правильным судебную часть в Царстве подчинить министру юстиции. Поэтому надобно ожидать препирательств между ними в одном из ближайших заседаний Польского Комитета*).

*) Первоначальный текст после слов «...в некоторых местностях Седлецкой и Люблинской губерний.» (строка 6 св.): «К крайнему прискорбию, дело не обошлось без кровопролития, благодаря премудрым распоряжениям того же графа Дм. Андр. Толстого, от односторонности, узкости и желчности которого вопит вся Россия. Ему все прощается свыше, благодаря патронату гр. Шувалова; однакоже эти дела униатские не могут быть приятны государю, который сегодня выразил желание, чтобы я принял участие в предстоящем новом совещании по этому предмету, назначенном в будущее воскресенье у государственного канцлера. Давно уже государь избегает всякого разговора со мною о делах общих государственных, выходящих из специальности Военного министерства. Впрочем, и нынешнему разговору я не приписываю особенного значения. Вероятно, поводом к тому было только то, что я председательствую в Комитете по делам Царства Польского в качестве старшего из членов его. По тому же поводу я должен был сегодня представить государю некоторые объяснения по другому делу, внесенному в Комитет ст. секр. Набоковым и возбудившему»

У государя опять*) новые проекты по части обмундирования войск: барону Штейнгию (ген.-лейт., управляющему Интендантским музеем) указано новое распределение мундирных отличек для разных родов и частей войск. Как обыкновенно, в проектируемых нововведениях нет никакого рационального основания, а потому предвижу только новые усложнения и затруднения для интендантских складов.

13-го марта. Среда. — Присутствовал я при замечательной операции переливания крови из одного человека в другого, произведенной в больнице городской тюрьмы доктором Руселем, которого Военное министерство вызвало из Женевы для научения наших врачей**). Сегодня произведена им уже 18-я операция, и все исполнены благополучно; только один из оперированных больных не пережил, вследствие крайнего истощения жизненных сил.

14-го марта. Четверг. — Доклад мой сегодня был продолжительнее обыкновенного. Независимо от большого числа текущих дел, много времени потрачено на разгосоры о задуманных самим государем переменах в обмундировании (в цветах погонов и воротников), а затем о другой давнишней мысли его величества: заменить наши русские штыки прусскими тесаками (*sabre bayonette*). Уже три раза вопрос этот обсуждался лицами компетентными; все единогласно отдавали преимущество нашему штыку и восставали против примыкания штыков к ружьям лишь в момент действия холодным оружием.***) И несмотря на все прежние доклады в таком смысле, вопрос снова поднимается в четвертый раз. С большой вероятностью можно тут предполагать настояния герцога

пререкания между ним и министром юстиции гр. Паленом. С упразднением звания наместника предположено устранить нового начальника края (генерал-губернатора) от высшего заведывания судебной частью в Царстве Польском и передать эту часть всецело в канцелярию по делам Царства (т. е. в ведение Набокова). С своей же стороны гр. Пален желает взять дело в свои руки, и так как он имеет сильную поддержку, то надобно ожидать новой борьбы в одном из ближайших заседаний Польского Комитета.

*) зародились

**) этой операции.

***) Первоначальный текст после слов «...много времени потрачено» (строка 10 сл.): «на пустые предметы: опять перемены в мундирах и опять новые комбинации цветов на погонах и воротниках, столь же нелогичных, как и прежде. Затем снова возбужден вопрос о замене штыков тесаками (*sabre-bayonette*) по примеру пруссаков. Три раза уже был обсуждаем этот вопрос лицами компетентными; все единогласно отдавали преимущество нашим штыкам и опровергали предположение государя, чтобы штыки примыкались к ружьям только в то время, когда представится надобность действовать холодным оружием».

Георга Мекленбург-Стрелицкого, который не может допустить, чтобы у нас что-либо было лучше, чем в прусской армии.

После доклада пробыл я некоторое время в Академии генерального штаба на лекции одного из офицеров дополнительного курса, а затем снова возвратился во дворец, где в час пополудни назначено было представление государю разных предметов солдатского снаряжения, не окончательно еще утвержденных. Между прочим, показано на людях все неудобство нынешнего способа пригонки шанцевого инструмента, тесака, сухарного мешка, шинели (чрез плечо) и всего остального груза, обременяющего плечи и спину бедного солдата. Давно уже мы домогаемся окончательной отмены тесаков и возвращения к прежнему способу носки свернутой шинели на ранце; но государь, несмотря на очевидные неудобства теперешнего снаряжения солдата,*) оставляет все попрежнему, не приводя другой причины, как ту, что «так носили прежде» или что «так у пруссаков...» В подобных случаях всякие логические доводы бесполезны.**)

Иная великая государственная реформа проводится легче, чем какое-нибудь изменение цвета погона или отмена тесака у барабанщика!

В одной из зал Зимнего дворца государь занимался распределением рекрут по гвардейским полкам. Это уже четвертая или пятая смена приводимых во дворец рекрут, представляемых его величеству по мере прибытия их в Петербург из разных округов. Я стараюсь по возможности уклоняться от присутствия при этой операции: мне тяжело видеть самодержца***) 80 миллионов подданных, занятого таким ничтожным делом. Сегодня я имел уважительный к тому предлог: совещание, назначенное у министра финансов по поводу нескольких сомнительных вопросов, возникших при определении на нынешний год предельной цифры нормального бюджета Военного министерства.****) На этот раз дело улажено совершенно по-любовно.

15-го марта. Пятница. — Утром смотрел в оружейной мастерской (на Литейной) изобретенное механиком Барановским скорострельное орудие 2-дюймового калибра, а также крепостные ружья полковников Гана и Снесорева; потом в манеже Артиллерийского училища показывали мне некоторые новые приспособления в полевой артиллерии: сидения для прислуги на оси, конской упряжи, четырехколесного ящика и проч. В заключение присутствовал на экзамене в Артилл[ерийском] училище.

*) все-таки с упрямством

***) Первоначальный текст после слов «...В подобных случаях» «никакие логические доводы не могут превозмочь безотчетное упрямство или каприз».

****) владыку

*****) Мы поспорили довольно миролюбиво и разошлись, как кажется, довольные друг другом.

17-го марта. Воскресенье. — Совещание у государственного канцлера по вопросу о положении дел и дальнейших распоряжениях в униатской епархии Царства Польского. Участвовали, кроме кн. Горчакова, гр. Шувалов, Тимашев, гр. Толстой, Набоков и бар. Фредрихс (бывший начальник Варшавского жандармского округа). Из всех рассуждений и объяснений одно не подлежит сомнению, что гр. Толстой плохой администратор, а гр. Шувалов — легкомысленный и самонадеянный человек. Они не сумели вести такое щекотливое дело, какое задумал заведывающий Холмской епархией Попель, желавший, повидимому, разыграть роль Семашки; но роль эта оказалась не по силам ему.*) Затеяли разом очистить обряды униатского богослужения от всех латинских примесей, ничего не подготовив к тому. В Седлецкой губернии дело положительно испорчено, поправить его будет не легко. Все заключения нынешнего совещания состоят из одних фраз и общих мест; серьезных мер — никаких.

21-го марта. Четверг. — Сегодня, в заключение весьма продолжительного доклада, опять я должен был противуречить государю и тем вызвать снова**) его неудовольствие. Дело шло опять о замене наших штыков тесаками (*sabre-bayonette*) и о мундирах.

Осмотрев картографические работы, приготовленные в залах дворца к завтрашнему высочайшему осмотру, я потом был в Михайловском манеже, где представляли государю разные новые образцы по артиллерийской части. Вечером присутствовал на музыкальном собрании во 2-й военной гимназии. Посещение этого заведения всегда доставляет мне истинное утешение.

22-го марта. Пятница. — Утром государь осматривал картографические работы в залах Зимнего дворца. К обеду я был приглашен во дворец вместе с несколькими другими лицами, в числе которых были ген. Баранцов и Вердер. После обеда, расположившись у камина, государь завел речь о штыках как будто для того, чтобы поставить Баранцова и меня на очную ставку с Вердером. Его величество предложил последнему высказать мнение по спорному вопросу; Баранцов возражал смело и дельно, повторив те же доводы, которые уже не раз были мною представляемы государю против введения у нас прусских тесаков-штыков и против примыкания штыков лишь в ту минуту, когда приходится действовать холодным оружием. Пруссаки, быть может, и могли безнаказанно держаться такого правила, воюя с датчанами, австрийцами, даже и с французами (впрочем, в франко-прусской войне ген. Вердер не уча-

*) Первоначальный текст после слов «...Они не сумели вести»: «такого щекотливого дела и были введены в заблуждение заведывающим Холмской епархией Попелем, который, повидимому, затеял разыграть роль Семашки, но неудачно. Роль оказалась не по силам ему».

**) заметное

ствовал), но для нас, русских, было бы стыдно брать уроки от немцев в деле употребления штыка. Разве мы сами не лучшие судьи в вопросе о том, какое оружие пригоднее для русского солдата? Достаточно было побывать хотя в нескольких экспедициях на Кавказе или даже в Средней Азии, чтобы вполне убедиться, как необходимо солдату всегда иметь в руках оружие, пригодное для рукопашной схватки. Какое заключение окончательно вынес государь из сегодняшнего состязания — узнаю, вероятно, при завтрашнем докладе.*)

Прямо с обеда отправился я на музыкальный вечер в 1-ю военную гимназию.

23-го марта. Суббота. — *La nuit porte conseil* — говорят французы, утро вечера мудренее — говорят русские. Сегодня, в самом начале доклада моего, государь объявил свое решение по вопросу о штыках**): во всей армии остаются прежние наши штыки, тесаки же взамен штыков предполагается дать только гвардии, гренадерам и стрелковым батальонам. Это, конечно, полумера, ни то ни се; но, по крайней мере, мы избегаем пертурбации в заготовлении нового вооружения на целую армию и не останавливаем работ на наших оружейных заводах***). Не отменяется и сделанное уже распоряжение о вооружении ныне же 1-й гвардейской

*) Первоначальный текст после слов «...на очную ставку с Вердером.» (стр. 148, строка 9 сл.): «Он прямо вызвал последнего высказать свое мнение по спорному вопросу так, как бы решение его зависело от приговора судьи. Авторитет пруссаков не остановил Баранцова, который смело высказывал те же возражения, которые и прежде мы не раз делали против намерения государя ввести у нас прусские тесаки вместо штыков и принять за правило примыкать их к стволу только в ту минуту, когда приходится уже действовать холодным оружием. Быть может, пруссаки и могли притти к такому выводу, воюя против датчан и австрийцев, даже, быть может, и с французами могли они сражаться без штыков (хотя, впрочем, ген. Вердер не участвовал в прусско-французской войне); но для нас, русских, было бы стыдно брать уроки от немцев, когда речь идет об употреблении штыка. Разве мы сами не можем быть лучшими судьями о том, какое оружие пригоднее для нашего русского солдата. Достаточно было сделать хоть несколько экспедиций на Кавказе, или даже в Средней Азии, чтобы получить полное убеждение в том, как необходимо, чтобы в руках солдата было всегда оружие и огнестрельное и вместе холодное. Мне было как-то неловко, стыдно выходить на арену с Вердером в деле, касающемся вооружения русского войска; поэтому во время всего разговора я не разинул рта».

**) он сделал важную уступку

***) пока будем вести переговоры с Златоустовским заводом и соображать меры к устройству нзвой фабрикации тесаков-штыков.

дивизии малокалиберными ружьями с прежним штыком. Что будет в будущем — увидим в свое время. Время — есть лучший советник.

Вообще сегодня государь был в лучшем, чем прежде, расположении духа. Я уже и не прекословил ни в вопросе о штыках ни в новых затеях относительно обмундирования. *)

Сегодня еще раз (в третий) был я на практических занятиях офицеров дополнительного курса Академии генерального штаба. Присутствовал также и великий князь Николай Николаевич старший.

2-го апреля. Вторник. — Давно не раскрывал своего дневника: вся страстная неделя прошла в полном спокойствии, исполнение религиозных обрядов не мешало обычному течению дел, теперь же наступило светливое время Пасхи.

На прошлой неделе было у меня совещание по поводу возникшего предположения о международной конвенции касательно прав и обязанностей воюющих сторон. Не помню, упоминал ли я прежде, что первая мысль об этом новом предположении дана была еще в прошлом году нашим молодым ученым Ф. Ф. Мартенсом, который в поданной мне записке изложил свои соображения по этому предмету; тогда мне было не до того, теперь же в этом вопросе принял участие барон Жомини, с которым и вошел я в соглашение. Ф. Ф. Мартенс взялся проектировать первоначальную канву предполагаемой международной конвенции. По докладу барона Жомини и князь Горчаков принял сочувственно наше предположение, доложил о нем государю, — и мы принялись общими силами за разработку проекта. Но совсем неожиданно на днях получаем из Парижа предложение от общества, которого мы не подозревали и существования, оно называет себя „Société pour l'amélioration du sort des prisonniers de guerre“⁶⁹ и приглашает все правительства прислать делегатов в Париж к 4-му мая нового стиля для обсуждения составленного уже проекта. Таким образом, нам перебили дорогу и не дали сделать первый шаг в этом человеколюбивом предприятии. Но присланный из Парижа проект менее обширен, чем наш; мы задумали более широкую задачу. Сегодня при докладе моем, а потом и кн. Горчакова, государь изъявил согласие на наше предположение не только принять предложение парижского общества, но даже взять это дело в наши руки. Государственный канцлер обратится циркулярно ко всем кабинетам с предложением собрать конференцию в Брюсселе для совместного обсуждения как составленного парижским обществом проекта, так и н а ш и х дополнительных к нему статей. После доклада государю я имел совещание с бароном Жомини.

*) Первоначальный текст после слов «...в лучшем, чем прежде, расположении духа.»: «Я уже и не прекословил ему не только в вопросе о штыках, но и в фантазиях его о новых формах обмундирования».

ни; мы сговорились насчет редакции циркулярного нашего предложения и вообще всего направления дела.

17-го апреля. Среда. — Опять большой промежуток в моем дневнике, в протекшие две недели я был завален работой. Ввиду скорого отъезда государя за границу, надобно было торопиться докладом множества скопившихся дел. В числе их были довольно серьезные: проект новой нормальной дислокации армии, переформирование кавказских войск, предположение об особом порядке отбывания воинской повинности башкирами и крымскими татарами, о вольноопределяющихся и много других. Кроме того, пришлось мне приложить не мало личного труда по двум делам: по проекту международной конвенции о правилах и законах войны и по вопросу о Медико-хирургической академии (возражения на записку министров народного просвещения и внутренних дел*). Проект конвенции окончательно выработан соединенными силами нескольких собиравшихся у меня лиц; завтра я представлю эту работу на высочайшее одобрение. Что же касается Медико-хирургической академии, то вопрос этот принимает новое направление: в последнее время сам государь уже не вспоминал об этом деле, но когда противники мои подали свою записку, на которую и я с своей стороны представил возражения, то его величество решил, чтобы спорный вопрос был обсужден в Комитете министров. Таким образом, решение отсрочивается, вероятно, на продолжительное время. В Комитете министров едва ли найду я союзников, хотя председатель его ген.-ад. Игнатьев (который сам был некогда попечителем Академии по званию дежурного генерала) обещает подать голос за Военное министерство.

В одном из последних заседаний Комитета министров председатель объявил нам высочайшее повеление, чтобы впредь все министры соблюдали в точности статью Свода законов, вменяющую им в обязанность представлять ежегодно, кроме отчета о действиях министерства за прошлое время, и план дальнейшей деятельности его. При этом поставлено было в пример Военное министерство, которое одно исполняло эту обязанность в точности, начиная с 1862-го и до 1873-го года. Объявление председателя**) озадачило Комитет; некоторые из министров прямо доказывали бесполезность и даже невозможность исполнения объявленного поведения. Шеф жандармов молчал и саркастически улыбался. Впоследствии я слышал, что государь был весьма недоволен, узнав, как высочайшее повеление было встречено в Комитете министров.***)

*) по вопросу о передаче Медико-хирургической академии в Мин[истерст]во народн[ого] просвещения.

**) подняло в Комитете министров чуть не бурю

***). Первоначальный текст после слов «...саркастически улыбался.» (строка 3 сл.): «Очевидно было, что повеление было вызва-

Еще пред заседанием Комитета, при докладе моем, государь сам объявил мне о данном им ген. Игнатьеву приказании, и при этом, улыбнувшись, заметил: «один ты исполнял это до сих пор, кроме только нынешнего года». Я не нашелся и ничего не ответил, впрочем, и неловко было бы*) затронуть щекотливые вопросы в присутствии великих князей; но, по крайней мере, теперь я знаю, что государь не пропустил без внимания моей демонстрации и, повидимому, даже понял смысл ее. В последнее время, как мне кажется, обращение его со мной сделалось несколько менее натянутым; но вообще он имеет вид озабоченный и**) грустный. Говорят, есть причины семейные. Между прочим, ***) на днях государь был глубоко огорчен неожиданным, почти невероятным открытием вора среди самой семьи царской! Случались не раз пропажи и в кабинете императрицы и в Мраморном дворце; строго приказано было полиции разыскать украденные вещи, и что же открылось? — Похитителем их был великий князь Николай Константинович! Я не поверил бы такому чудовищному открытию, если б слышал не от самого Трепова и если б не видел сам подтверждения тому: мне случилось два раза быть у государя после продолжительных объяснений его по этому прискорбному вопросу с вел. кн. Константином Николаевичем; оба раза я видел на лице государя явные признаки возбужденного состояния и даже следы слез, а вчера, при докладе моем о предположенной ученой экспедиции на Аму-Дарью, государь с досадой и гневным голосом сказал: «Николай Константинович не поедет в экспедицию; я не хочу, не пущу его». Но затем сейчас же прибавил: «впрочем, пока не говори об этом; я переговорю с отцом его». И вслед за моим докладом было опять объяснение между братьями.

Сегодня был малый выход в Зимнем дворце: высшие чины двора и свита собрались в ротонде для принесения поздравления государю со днем его рождения.****)

18-го апреля. Четверг. — Сегодня утром государь растрогал меня своим глубоким огорчением; он не мог говорить без слез о позоре, брошенном на всю семью гнусным поведением Николая Константиновича. Государь рассказал мне все, как было; подро-

но председателем, ген. Игнатьевым, который ищет предлога, чтобы иметь личный доклад и доступ в кабинет императора: Впоследствии мне говорили, что государь узнал об оппозиции, встретившей высочайшее повеление в Комитете министров, и был недоволен».

*) говорить правду в присутствии великих князей;

**) мрачный.

***) я узнал по секрету, что

****) Все было исполнено обычным порядком, как ни в чем не бывало. Николая Константиновича не было.

ности эти возмутительны. Оказывается, что Николай Константинович после разных грязных проделок, продолжавшихся уже несколько лет, дошел, наконец, до того, что ободрал золотой оклад с обрза у постели своей матери и похищал несколько раз мелкие вещи со стола императрицы. Все краденое шло на содержание какой-то американки, которая обирала юношу немилосердно. Всего хуже то, что он не только упорно отпирался от всех обвинений, но даже сваливал вину на*) других, на состоящих при нем лиц. Государь довольно долго говорил об этом тяжелом для него семейном горе, несколько раз возвращался к нему в продолжение моего доклада, высказывал свое намерение исключить Николая Константиновича из службы, посадить в крепость, даже спрашивал мнения моего — не следует ли предать его суду. Я советовал не торопиться решением и преждевременно не оглашать дела. Была речь о том, чтоб освидетельствовать умственные способности преступника: поступки его так чрезвычайны, так чудовищны, что почти невероятны при нормальном состоянии рассудка. Может быть единственным средством к ограждению чести целой семьи царской было бы признание преступника помешанным (клептомания**).

Сегодня был парад на Марсовом поле. Погода серая и холодная; войска были в походной форме (в шинелях).

19-го апреля. Пятница. — По случаю предстоящего отъезда государя за границу имел я доклады два дня сряду. Сегодня государь опять говорил мне о Николае Константиновиче, уже несколько с большим спокойствием, чем вчера. Три врача (Балинский, Карель и Здекауер) освидетельствовали преступного великого князя и доложили государю, что в речах и поступках Николая Константиновича нашли что-то странное; он не только не опечален всем случившимся, но шутит и кажется совершенно равнодушным. Ему объявлено было, что он лишен чинов и орденов и будет в заточении без срока. И это принял он совершенно равнодушно. Государь в семейном совете решил признать Николая Константиновича психически больным. Некоторые рассказанные государем случаи действительно очень странны.***) Женщина, с которой он связался, была арестована, но, говорят, сегодня освобождена и будет выслана из России с выдачей значительной суммы ****).

*) капитана Варпаховского, состоящего при нем за адъютанта.

**) и поступить с ним, как с сумасшедшим.

***) Первоначальный текст после слов «...не опечален всем случившимся,» (строка 9 сл.): «но отвечает с усмешкой и принял совершенно равнодушно объявленную ему высочайшую волю о разжаловании его. Государь в семейном совете решил признать Николая Константиновича не в нормальном положении рассудка. Некоторые случаи, рассказанные государем, показывают, что на Николая Константиновича давно уже были подозрения».

****) чтобы только выпроводить ее отсюда.

В 8 часов вечера государь выехал за границу с великими князьями Константином Николаевичем и Алексеем Александровичем. Великий же князь Владимир Александрович уехал еще вчера в Мекленбург к своей невесте.

9-го мая. Четверг. — Три недели я не заглядывал в свой дневник; в течение этого времени нечего было записывать. Текущие служебные занятия, почти ежедневные посещения экзаменов в военно-учебных заведениях, а затем домашние заботы по случаю предстоящего перемещения в казенный дом, — все это не оставляет никаких впечатлений. Не было ничего выдающегося и в заседаниях Государственного совета и Комитета министров.

Сегодня присутствовал я при церемонии освящения новых знамен, пожалованных Новочеркасскому пехотному полку. Церемония происходила пред казармами полка (так называемыми Аракчеевскими, близ Таврического дворца). Погода была холодная, и я сильно продрог. После церковной и военной церемоний, выпив чарку водки у солдатских столов, я должен был потом выдержать длинный завтрак в помещении офицерского собрания. Хотя я вообще не охотник до всяких подобных торжеств, тостов, спичей, однакож сегодняшнее торжество Новочеркасского полка оставило во мне приятное впечатление. Начальники частей 37-й пехотной дивизии и офицеры полка сделали все, что могли, чтобы выказать мне свое сочувствие. Спичи кончились тем, что, несмотря на все мои протесты и просьбы, начали немилосердно меня подбрасывать. Насилу мог я отбиться от этих диких оваций и рад был, когда добрался до своего экипажа. В полках 37-й пех. дивизии состав офицеров весьма молодой; старики большей частью вышли, вследствие перемещения полков из Пензенской губернии в Петербург, где дороговизна жизни и требования службы оказались им не по силам, из полковых командиров двое — офицеры Генерального штаба: полк. Бутенко — Новочеркасского полка и Тиллю — Каспийского. Впрочем, в настоящее время вообще в армейских полках уровень интеллектуальный заметно повысился. Учреждение офицерских собраний произведет благотворное действие в этом отношении. Армейские офицеры понимают то, что сделано и что делается для облегчения их тяжкого положения; они ценят это и выражают свою признательность с трогательной наивностью.

13-го мая. Понедельник. — Три дня не выходил по причине простуды, схваченной на празднике Новочеркасского полка. И сегодня едва был в силах выехать в Государственный совет. Это последнее пред летним вакантом заседание, оно всегда бывает очень полновесно и продолжительно. Сегодня мы разъехали почти в 6 часов, и для меня было мучительно высидеть 5 часов с моими ревматическими болями во всех членах и в лихорадочном состоянии. Но, по крайней мере, сидели не напрасно: в числе решенных дел

особенно интересовало меня новое положение о-военной постоянной повинности. Вопрос этот тянулся около 70 лет, и, наконец, удалось довести его до развязки. Отныне постой натурой для войск отменяется в мирное время, за исключением немногих исключительных случаев. Можно надеяться, что на отпускаемые деньги для на й-м а помещений мало-помалу перейдем окончательно к казарменному расположению всей армии, а это — одно из важнейших условий для всей будущности нашей военной организации.

Другое решенное сегодня дело — упразднение в Царстве Польском мировых посредников и устройство гминных судов.

В нашем министерском кружке шепчутся и толкуют о предстоящем завтра в заседании Комитета министров щекотливом обсуждении вопроса о передаче Медико-хирургической академии из Министерства военного в Мин[истерст]во нар[одного] просвещения. Гр. Толстой*) волнуется и заранее извергает желчь. Валуев подходил ко мне с примирительными предложениями,**) но при всем его ораторском и дипломатическом искусстве сомневаюсь, чтоб удалось ему уладить предстоящее, крайне неприятное столкновение. Я положительно объявил Валуеву, что смотрю на это дело, как на свое личное, так что от решения его зависит непосредственно и мое решение — оставаться ли на своем poste или удалиться. Валуев отвечал, что вполне понимает мой взгляд.

Из Государственного совета возвратился я совсем больным. Не могу скрыть, что и толки о завтрашнем заседании Комитета министров не мало способствовали усилению моего лихорадочного и нервного состояния.

14-го мая. Вторник. — Не спал почти всю ночь от боли в членах и волнения. Встал поздно и с трудом собрался в роковое заседание. Пока докладывались пустые текущие дела, многие из министров вышли из залы заседания: в соседней комнате слышны были горячие и громкие споры и рассуждения, гр. Толстой горячился, готовясь к битве. Я сидел на своем месте неподвижно, совсем больной. Рейтерн, не участвующий обыкновенно в закулисных соглашениях известной партии и вообще относящийся к делам несколько флегматично, на сей раз принял на себя посредничество. Вызвав меня в другую комнату, он высказал мне свое опасение, чтобы предстоящее прение между мною и гр. Толстым не приняло характера слишком резкого, что все члены Комитета поставлены в крайнее затруднение и желали бы под каким бы то ни было предлогом отложить решение вопроса. Я повторил ему то же, что отвечал вчера Валуеву; тогда Рейтерн сказал, что, в случае моего согласия, будет сделано предложение отсрочить решение вопроса и предварительно рассмотреть его в особой комиссии. Среди разговора нашего мы были прерваны приглашением в залу заседания, чтобы при-

*) сильно

**) которых, конечно, я не отверг;

ступить к роковому делу. Валуев, как, повидимому, было уже условлено, заговорил первый: с обычным своим красноречием, пересыпая комплиментами и мне и моему противнику, оратор высказал то, о чем, в сущности, говорено было и вчера и сегодня, т. е. закончил предложением передать дело в особую комиссию под председательством одного из членов Комитета, стоящих совершенно нейтрально(?) и беспристрастно(?). Затем, переглянувшись с некоторыми из присутствующих, назвал, наконец, этого беспристрастного судью — Грейга, прибавив, что он согласен принять на себя председательство. Тут, разумеется, все в один голос одобрили выбор и признали, что такое со стороны Грейга самопожертвование заслуживает общей благодарности. После нескольких еще слов некоторых из членов и какого-то нескладного предложения принца Ольденбургского председатель обратился к обоим противникам: гр. Толстому и ко мне. Гр. Толстой и тут не мог удержать своей желчи, высказал досаду, что предлагаемая отсрочка может надолго замедлить решение, и требовал определения срока. Что касается до меня, то мне ничего другого не оставалось, как согласиться на предложение, хотя и для меня не совсем приятно продление того неопределенного положения, которое уже так давно тяготит меня. Личность Грейга не внушает мне доверия к его беспристрастию. Несмотря на то, было бы крайне неловко пред моими коллегами отклонить придуманное ими посредничество и отвергнуть доброе намерение их устранить резкую постановку вопроса, а может быть даже и скандал в самом заседании. После нескольких еще толков о составе комиссии, о предстоящей ей задаче и т. п. постановлено: ничего не предрешать и положиться на соглашение Грейга с обеими противными сторонами. Таким образом, дело на сей раз кончилось ничем. Туча отдалилась, но гроза еще впереди.

Если спорный вопрос неизбежно должен быть решен против меня, то в настоящее время года было бы мне всего удобнее сделать решительный шаг — оставить место военного министра; однакож я не сетую на моих товарищей, напротив того, их образ действий в настоящем случае несколько примиряет меня с ними. Зато гр. Толстой, как слышу*), кипит еще более, чем прежде, уверяет, что пришел в заседание Комитета до такой степени вооруженный, что победа была для него несомненна. Да, судя по тому, что передавали мне из разговоров в соседней комнате, оружие его было все то же, какое он всегда имеет привычку употреблять, — ложь и искажение фактов.**)

15-го мая. Среда. — Эту ночь я провел лучше предшествующих; утром чувствовал себя гораздо бодрее, так что без труда выехал из дому в Мраморный дворец в заседание Особого присут-

*) злится более, чем прежде,

**) И мы пропустили случай увидеть на сцене этого православного иезуита.

ствия по воинской повинности. Дел важных не было, и, вероятно, это последнее наше собрание до вакантного времени. Вел. кн. Константин Николаевич переезжает в Павловск, а вскоре потом едет в Вену. О Николае Константиновиче как-то перестали говорить.

18-го мая. Суббота. — Последние дни прошли преимущественно в хлопотах по случаю переезда на другую квартиру, в казенный вновь выстроенный дом; переселились туда 16-го мая, в четверг, но далеко еще не устроились на новоселье.

1-го июня. Суббота. — Опять большой пропуск в моем дневнике — ровно две недели. Большая часть этого времени прошла в заботах домашних; с трудом удалось уладить разные недоразумения и, наконец, выпроводить всю семью из Петербурга: две старшие дочери уехали на Кавказские минеральные воды, вследствие внезапного решения врачей; прочие члены съедутся в Одессе, откуда отправятся в Крым и там встретят сына, который прибудет туда из Поти. Со вчерашнего вечера я остаюсь совершенно одиноким в новом обширном жилище.*)

30-го июня. Воскресенье. — Ровно месяц не заглядывал в свой дневник; во все это время нечего было записывать. Кроме обычных своих служебных занятий, все остающиеся свободные часы

*) Первоначальный текст после слов «...прошла в заботах домашних;» (строка 11 св.); «с трудом удалось уладить разные мелкие столкновения среди самой семьи и, наконец, отправить всех из Петербурга: 2 старшие дочери уехали на Кавказские минеральные воды, вследствие внезапного решения врачей; с ними выехали самая младшая дочь Елена и племянница, чтобы на пути провести несколько дней в тамбовском имении Вяземских и Вельяминовых и потом, вместе с третьей дочерью Надей, которая уже там находилась дней 10 ранее, ехать в Одессу; здесь они должны съехаться с матерью своей, которая выехала только вчера с дочерью Марусей. В Крыму они встретят сына, который прибудет туда из Поти. Таким образом, вся многочисленная семья разъехалась по разным путям и съедется впоследствии в Симеисе. Я же поочередно провожал один эшелон за другим на станцию Николаевской железной дороги и, кроме того, еще невестку Марию Аггеевну Милютину, которая со старшей своей дочерью приехала из-за границы, провела несколько дней в Петербурге и затем уехала в Москву. Со вчерашнего дня я остаюсь опять совершенно один в огромном доме. Если будет много свободного времени (так как теперь в делах государственных время застоя), то займусь приведением в порядок моей библиотеки, остающейся до сих пор в кладовой, а сверх того и работами по дому».

проводил в своем кабинете за разборкой библиотеки; только сегодня окончил эту нелегкую работу и то еще не совсем*).

Однако ж время это не совсем прошло без забот: из Крыма получал от жены весьма неутешительные известия о небрежной постройке дома в Симеисе; работы приостановлены, и хотя строительное общество обещает принять надлежащие меры, тем не менее, нельзя уже и помышлять о том, чтобы дом был готов к назначенному сроку, то есть к осени текущего года.

Около 20-го числа возвратился в Петербург мой сын из командировки на Волгу и на Кавказ, так что с этого времени я уже не совсем один. Приезжала также сестра Мордвинова на несколько дней. Сегодня уже кончилось мое вакантное время: вечером ездил в Царское Село встретить государя на станции железной дороги. С его величеством приехал австрийский эрцгерцог Альбрехт, носящий звание фельдмаршала австрийской и русской армий и пользующийся в Австрии репутацией человека военного. Он пробудет здесь, как говорят, до конца лагерного сбора под Красным Селом.

Государь, которого я видел только одно мгновение, имел вид здоровый; проходя мимо меня, подал мне руку и сказал, что был о ч е н ь доволен войсками в Варшаве. Тут узнали мы самые свежие новости: ген. Коцебу получил графский титул, гр. Петр Шувалов назначается послом в Лондон, на его место — Потапов, на место последнего в Вильну — Альбединский. Перемещениям этим, о которых говорили уже в городе, можно только порадоваться.**)

Потапов, при всех своих недостатках, будет, разумеется, несравненно менее зловредным, чем гр. Петр Шувалов, уже по самому ничтожеству своему. Вся***) шайка, которой главным****) вожаком был Шувалов, распадется. Едва верится такому счастливому перевороту в нашей внутренней политике .*****)

*) остались неразобранными три ящика с картами и картинами, принадлежавшими покойному дяде, графу Киселеву. Я воспользовался случаем (может быть, единственным), чтобы привести в порядок и прежнюю собственную библиотеку, для которой не было до сих пор каталога.

**) Первоначальный текст после слов «...на место последнего в Вильну — Альбединский.» (строка 8 сл.): «Об этих перемещениях говорили в городе уже давно; видно, высшие назначения подготавливаются снизу. Лично в отношении ко мне эти перемены благоприятны».

***) эта зловредная

****) < запевалом > < атаманом > < вождем >

*****) Предусмотрительные же люди подозревают и в этом перемещении гр. Шувалова хитрый расчет: попасть в министры иностранных дел, в государственные канцлеры и сделаться открыто, официально первым министром, к чему он давно стремится. Il gele pour mieux sauter⁷⁰.

8-го июля. Понедельник. — Всю протекшую неделю провел я в непрерывных переездах: вторник — доклад в Петергофе, откуда переехал прямо в Красное Село; вечером объезд лагеря и парадная «заря»; среда — большой парад на военном поле; четверг — доклад в Царском Селе, потом заседание Особого присутствия Государственного совета по воинской повинности в Петербурге, в Мраморном дворце; пятница — Военный совет; суббота — весь день в Царском Селе, обед со всеми приехавшими пруссаками; наконец, воскресенье — в Красном Селе, церковный парад и лагерьный развод. Сколько убито времени!

При первом же докладе государь объявил мне о предполагаемых перемещениях гр. Шувалова, Потапова и Альбединского; объявление об этих назначениях в приказе отложено на 22-е июля. Кроме того, решено еще увольнение гр. Бобринского (Алексея Павловича) от должности министра путей сообщения и назначение на его место адмирала Посыета. В городе только и разговоров об этих новостях; все недоумевают, как объяснить назначение гр. Шувалова: одни видят в этом*) хитрый расчет с его стороны, шаг в министры иностранных дел; в подтверждение такого толкования приводят факт, что жена гр. Шувалова не едет с ним, а ищет новой квартиры в Петербурге. Другие думают, что назначение в Лондон — есть почетное удаление, опала, что государь уже тяготится опекой гр. Шувалова, его нахальством, его интригами. Некоторые же приписывают удаление гр. Шувалова тому, что он открыто отзывался о государе крайне непочтительно и неприлично, о чем дошло до сведения его величества чрез дам. По мнению Трепова, государь решил избавиться от слишком уже усилившегося влияния временщика и, как будто сбросив камень с плеч, заметно сделался веселее и спокойнее. Трепов думает, что не удержатся и некоторые другие из министров, посаженные Шуваловым, из числа их гр. Бобринский уже уволен, дойдет очередь и до гр. Толстого. В последние дни мне случалось несколько раз быть наедине с гр. Шуваловым, в вагоне; он говорил с насмешкой о назначении Посыета министром путей сообщения; рассказывал иронически, будто бы государь, объявляя гр. Бобринскому об увольнении его, мотивировал необходимостью назначения на его место моряка, дабы заняться преимущественно водными путями сообщения. Такой предлог, конечно, довольно странен; действительная причина удаления гр. Бобринского, по словам того же Шувалова, заключается в разрыве его с Рейтерном, который будто бы заявил, что одному из них двоих надобно удалиться, так как железнодорожное дело не может идти успешно при постоянном разладе между двумя министрами.

Другие сторонники гр. Бобринского намекают на какие-то особые поводы к личному против него неудовольствию государя. Что гр. Бобринский вообще не пользовался царским расположением —

*) новую хитрость

это всем известно, но причиной тому может быть не что иное, как одна слабая черта его характера, признаваемая даже друзьями его, — привычка говорить часто наобум, так что на слова его никто не полагается. Черта эта, по всем вероятностям, была замечена и государем. Гр. Бобринский держался, пока был в силе Шувалов, как один из самых ретивых сподвижников последнего. Говорят даже, что в шуваловской группе гр. Бобринский играл роль нимфы Эгерии, поднимая разные политические вопросы и внушая все новые затеи.*)

*) Первоначальный текст после слов «...В городе только и разговоров об этих новостях;» (стр. 159, строка 16 св.): «все недоумевают, какое значение имеет назначение гр. Шувалова: есть ли это с его стороны рассчитанный шаг в министры иностранных дел и новый прыжок вверх? Этому толкованию приводят в подтверждение тот факт, что жена гр. Шувалова не едет с ним, а ищет новой квартиры. Другие же уверяют, что назначение в Лондон есть почетное удаление, падение, что государь начал уже тяготиться опекой гр. Шувалова, его нахальством, его интригами. Сегодня Трепов даже рассказывал мне, будто ему положительно известно, что Шувалова свергнула клевета, взведенная на него некоторыми дамами, которые сговорились с разных сторон уверить государя, что гр. Шувалов открыто говорит о нем, как об идиоте, сделавшемся совершенно неспособным к делам государственным. По мнению Трепова, государь решился избавиться от слишком уже усилившегося влияния на него временщика и заметно сделался веселее, как будто сбросил с плеч камень. Трепов думает, что не удержатся и некоторые другие из министров, посаженные Шуваловым, начиная с гр. Толстого. Да и гр. Бобринский был его креатурой. В последние дни мне приходилось несколько раз быть с гр. Шуваловым наедине, в вагоне; он много говорил с насмешкой о назначении Посыета; рассказывал иронически, как государь объявил гр. Бобринскому, что удаление его необходимо, собственно потому, что будто бы теперь всего важнее для России привести в устройство водные сообщения и что по этому самому и нужен теперь моряк. Такой предлог, конечно, довольно странен. Но из рассказов самого Шувалова видно, что настоящей причиной удаления гр. Бобринского был полный разрыв его с Рейтерном, который будто бы объявил, что одному из них двоих надобно удалиться. И действительно, мы видели, что железнодорожное дело не может далее идти при полном разладе между двумя министрами, в руках которых это дело. Гр. Бобринского поддерживал сильно гр. Шувалов; говорят даже, что Бобринский в шуваловской клике играл роль нимфы Эгерии, он поднимал разные политические вопросы и внушал государственные идеи. Правда, что все эти идеи оказывались нелепыми; все политические затеи этих государственных мужей оказывались несостоятельными и разлетались в прах при малейшем анализе. Притом гр. Бобринский в обществен-

Со времени возвращения государя из-за границы обращение его со мною, как мне кажется, сделалось менее холодно и натянуто. Однакож я*) сохраняю свое сдержанное и строго официальное положение. По всем вероятиям, и не придется мне иметь частые сношения вне срочных докладов: теперь государь вполне занят своими иностранными гостями, с будущей недели начнутся ежедневные смотры и учения, потом большие маневры, а, наконец, свадебные торжества и отъезд в Крым. Сегодня государь ездил с пруссаками в Кронштадт; я не был приглашен на эту поездку,**) чему, впрочем, очень доволен; желал бы и впредь оставаться несколько поодаль.

Эрцгерцог Альбрехт со свитой своей после красносельского парада уехал в Москву, возвращается завтра; а в среду ждем наследного принца Мекленбург-Шверинского⁷². Эрцгерцог держит себя очень любезно.

11-го июля. Четверг. — Сегодня имел доклад в вагоне, на пути от Царского Села (Александровской станции) до Михайловского, куда государь ездил с эрцгерцогом для поздравления великой княгини Ольги Федоровны с именинами.***) В Михайловском собралось многочисленное общество; нас угостили завтраком и отпустили.

14-го июля. Воскресенье. — В пятницу утром эрцгерцог Альбрехт прислал спросить у меня, застанет ли он меня дома вечером, по возвращении из Кронштадта. Само собою разумеется, я ответил, что приеду к нему, и в десятом часу вечера явился в Зимний дворец. Эрцгерцог принял необыкновенно любезно, продержал часа два, и тут мы перебрали всевозможные вопросы по военной части. Я мог убедиться по его дельным замечаниям, что он основательно знаком с современными вопросами нашей военной администрации****); вообще он отзывался очень лестно об успехах, замечаемых в нашей армии сравнительно с прежним временем, когда он был в первый раз в России (в 1839 г.). Расстались мы очень дружелюбно.

ном мнении пользуется весьма невыгодной репутацией; даже в дружеском его кругу не могут не сознаться, что он на каждом слове врет и надувает. Сам государь не скрывал своего нерасположения к нему. Тем не менее, гр. Бобринский держался несколько лет, пока был в силе гр. Шувалов, так что можно, пожалуй, и в самом удалении гр. Бобринского видеть признак падения гр. Шувалова. Но все это только догадки, толжи, сплетни. *Qui vivat verget*⁷¹.

*) не намерен поддаваться

**) как бывало в прежние годы,

***) Государь и сегодня продолжает быть со мною довольно любезным.

****) не только в Австрии, но и у нас; он делал весьма дельные замечания;

Вчера, в субботу, на Александровской станции встречали императрицу, возвратившуюся из-за границы. После того я имел доклад у государя и, между прочим, представил записку по вопросу о дозволении военным носить бороду. Поводом к возбуждению этого вопроса послужил недавний случай с одним матросом из раскольников, который воспротивился бритью бороды. Подобные случаи неизбежно будут повторяться чаще прежнего при новом законе о воинской повинности, так как раскольники не будут уже иметь возможности откупаться от военной службы. Государь оставил записку у себя; любопытно знать, как взглянет он на этот вопрос!

На пути в Царское Село мне пришлось быть опять вдвоем с гр. Шуваловым, и опять зашел разговор о смене гр. Бобринского и назначении Посыета министром путей сообщения. По своему обыкновению, гр. Шувалов говорил, не стесняясь, о государе, рассказывал разные случаи, вследствие которых гр. Бобринский впал в немилость, приписывал его смену уже не раздору и разномыслию с министром финансов, а тому, что гр. Бобринский будто бы не хотел быть беспрекословным исполнителем желаний*) государя по выдаче некоторых железнодорожных концессий. Таких наслушался я сплетен на эту тему, что было бы невыносимо грустно, если б в них заключалась какая-либо доля правды. В рассказах гр. Шувалова гр. Бобринский выставляется жертвой неподкупной честности и гражданской доблести, между тем как сам же гр. Шувалов признает, что друг его много вредит себе недостатком правдивости и основательности в речах, что не раз он был прямо уличаем в неверных ложных показаниях.**)

*) требований

**) Первоначальный текст после слов «...по выдаче некоторых железнодорожных концессий.» (строка 9 сн.): «Еще в прошлом году был подобный случай по поводу концессии на Ландварово-Роменскую линию, а потом на Муромскую, которую государь обещал княгине Гагариной... Гр. Шувалов подробно рассказывал этот последний случай так вероподобно, что нельзя усомниться в верности рассказа и остается только дивиться, как самодержавный повелитель 80 миллионов людей может до такой степени быть чуждым обыкновенным, самым элементарным началам честности и бескорыстия. В то время как, с одной стороны, заботятся об установлении строжайшего контроля за каждой копейкой, когда с негодованием указывают на какого-нибудь бедного чиновника, обвиняемого или подозреваемого в обращении в свою пользу нескольких сотен или десятков казенных или чужих рублей, с другой стороны, с ведома высших властей и даже по высочайшей воле раздаются концессии на железные дороги фаворитам и фавориткам прямо для поправления их финансового положения, для того именно, чтобы несколько миллионов досталось в виде барыша тем или другим личностям. (Например, гр. Бобринскому приказано бы-

Отъезд ген. Грейга в отпуск прервал на несколько месяцев занятия комиссии, назначенной для обсуждения вопроса о Медико-хирургической академии. Хотя я не имел случая видаться с Грейгом наедине, однакоже полагаю, что он докладывал государю об истинном положении дела, и если оно отложено на долгое время, то одно это уже дает повод думать, что сам государь не особенно интересуется им; со мною же его величество вовсе о нем не говорит.

Семейные письма, получаемые из Крыма и с Кавказа (Железноводска), успокоительны. Затруднения, возникшие при постройке дома в Симеисе, кажется, улаживаются; делу этому дано новое направление, но, во всяком случае, уже нет и речи об окончании постройки к осени нынешнего года.

21-го июля. Воскресенье. — Неделя прошла с последней заметки в моем дневнике; ничего замечательного не было. Несколько дней провел я в Красном Селе, присутствовал на учениях и обедах с австрийцами и пруссаками; при обычных моих докладах государю не было никаких особенных объяснений. Вчера, в субботу, был обед для пруссаков в Царском Селе, так как некоторые из них должны уехать домой. Эрцгерцог Альбрехт со своею свитой уже уехал в пятницу.*)

27-го июля. Суббота. — Большую часть недели государь провел

ло сделать очень крупный заказ подвижного состава заводам Мальцова, но с тем, чтобы последний обязался подпиской выдавать ежегодно по столько-то тысяч р[ублей] своей жене, приятельнице императрицы, неразлучной с нею и не живущей с мужем.) По словам гр. Шувалова, немилость государя к гр. Бобринскому именно произошла оттого, что последний находился в невозможности исполнять подобные требования государя, который прямо выражался, что Бобринский делает ему оппозицию. Подобное объяснение смены его, разумеется, выставляет гр. Бобринского жертвой его честности и гражданского мужества; однакоже даже и гр. Шувалов сознает, что гр. Бобринский много вредит себе недостатком правдивости и основательности в речах; Шувалов рассказал несколько случаев, особенно повредивших гр. Бобринскому <когда он был пойман>, уличенному в неверных и ложных показаниях при обсуждении некоторых дел. Все это так, но я, с своей стороны, не могу уверить себя в том, что и в Министерстве финансов железнодорожные дела ведутся вполне законно и честно. В последнее время было много таких случаев, что невольно рождается подозрение относительно не только второстепенных чинов этого министерства, но и самого министра, который в прежнее время слыл совершенно надежным и честным. Все это крайне грустно».

*) Гр. Шувалов и Потапов продолжают любезничать со мной. По многим признакам мне кажется, что действительно гр. Шувалов уже далеко не в прежних отношениях к государю.

в Красном Селе, занимаясь смотрами и учениями. Я же ездил туда преимущественно в дни моих докладов. Ничего любопытного не произошло. Вчера гр. Шувалов уехал за границу; еще факт, имеющий значение в придворной сфере: уехал накануне дня рождения императрицы. Сегодня был я в Царском Селе для принесения ее величеству поздравления, а потом участвовал в совещании, происходившем у великого князя Михаила Николаевича по делам Закаспийского края. В совещании участвовали великий князь Константин Николаевич, товарищ министра иностранных дел Вестман, бар. Остен-Сакен (за отсутствием директора Азиатского департамента Стремоухова), адмирал Лесовский, ген.-м. Франкини и полк. Проценко. Мне пришлось опровергать предположения кавказского начальства и поддерживать взгляды Министерства иностранных дел. Затем Франкини и Ломакина могут опять завести нас гораздо далее, чем мы сами ожидаем. В заключение пришли к соглашению и положили составить протокол за общей подписью; но не думаю, чтобы великий князь Михаил Николаевич остался совершенно доволен результатом совещания⁷³.

1-го августа. Четверг. — С понедельника был на маневрах под Ижорой и Царским Селом, очень утомился; а сегодня участвовал в торжественной встрече в Царском Селе принцессы Марии Мекленбург-Шверинской, невесты великого князя Владимира Александровича. Церемониал был тот же, как и при встрече цесаревны.

8-го августа. Четверг. — Большие маневры окончились вчера, 7-го числа, после празднеств 5 и 6-го августа в Ропше, куда прибыл весь двор. На маневрах двумя противными сторонами командовали великие князья Николай и Михаил Николаевичи. Оба брата отнеслись вполне серьезно к роле главнокомандующих в этой мнимой войне, а Михаил Николаевич, принужденный (в силу самого предположения) все отступать перед превосходными силами старшего брата, не мог скрывать своей досады, как будто в самом деле он терпел поражения. Только в последний день предназначалось ему перейти в наступление и движением от Ропши к Красному покончить маневр генеральным боем на военном поле. Тут только он несколько повеселел.*) На маневрах присутствовало много иностранных офицеров; не раз приходилось пред ними краснеть за наших генералов и командиров частей. Несмотря на то, маневры кончились к общему удовольствию: всем объявлена похвала и благодарность.

Моя роль на маневрах бывает довольно неловкая: каждый раз

*) Никто, конечно, не выскажет ему откровенно, что даже и в этих ребяческих подражаниях настоящей войне выказались вполне неспособность и непривычка его к командованию войсками. Николай Николаевич, при всей ограниченности ума, имеет гораздо более военных свойств и приобрел, очевидно, некоторую опытность в искусстве ведения войск.

государь назначает меня в число посредников, несмотря на все старания мои уклониться от этой обязанности, несовместимой с мас-сой лежащих на мне более серьезных занятий и забот. Во все продолжение маневров езжу я безучастно позади государя в несмет-ной его свите, с белой повязкой на рукаве. Два дня я даже вовсе не присутствовал на маневрах по разным поводам.*)

Сегодня докладывал я государю предположенное разделение империи на участки для комплектования войск в мирное время и для приведения на военное положение. Несмотря на весьма поверх-ностные объяснения мои**), по краткости времени, государь, од-накоже, оценил сложность этой работы Главного штаба. Я воспользо-вался случаем, чтобы выставить труды одного из лучших работ-ников в Главном штабе — ген.-м. Величко.

9-го августа. Пятница. — Утром получил по телеграфу из Цар-ского Села приглашение к обеду в честь депутации от Австрийско-го уланского полка, прибывшей по случаю 25-летнего юбилея со времени назначения его величества шефом этого полка. Я должен был уклониться от этого приглашения по случаю назначенного се-годня заседания Военного совета для рассмотрения важного дела о преобразовании местных военных управлений и местных войск. Дело это необходимо решить неотлагательно, до предстоящего отъ-езда государя в Крым.

10-го августа. Суббота. — Сегодня докладывал государю со-ставленные вновь положения об управлениях корпусном и дивизи-онном. Нужно было провести это дело теперь же, так как имеется в виду на 30-ое августа назначение наследника цесаревича коман-диром гвардейского корпуса. Это будет первым приступом к фор-мированию корпусов. Государь, зная, что мера эта противна моим

*) Первоначальный текст после слов «...всем объявлена по-хвала и благодарность.» (стр. 164, строка 3 сл.): «Моя роль на этих маневрах бывает довольно неловкая: каждый раз меня назначают в число посредников, несмотря на то, что я всячески уклоняюсь от этой обязанности и не принимаю никакого участия в ходе манев-ра; я езжу в толпе позади государя с белой повязкой на рукаве. Два дня я даже вовсе не присутствовал, и, кажется, государь дует за это на меня. Но я показываю вид, что не замечаю. Хотя иногда бывает досадно это более чем нелюбезное обращение государя, особенно в присутствии других, однакоже, с другой стороны, я считал бы для себя унизительным серьезно огорчаться такой несправедливостью и неблагодарностью. Я не ищу ни мило-стей ни любезностей, и совесть моя спокойна. Но искренне был бы рад, если б мог совсем сбросить с себя этот ненавистный для меня гнет и сделаться совершенно независимым граж-данином».

**) и краткость времени, обыкновенно уделяемого государем на подобные дела,

убеждениям, видимо, был доволен моим докладом и утвердил проект положения беспрекословно.

Сегодня же государь ездил на Кронштадтский рейд для осмотра флота; с ним были иностранные гости, в том числе приехавшие на днях принц Нидерландский⁷⁴ и пр[инц] Павел Мекленбург-Шверинский.*)

15-го августа. Четверг. — В прошлый вторник поехал я в Царское Село совсем больной. В конце моего доклада государь спросил, не желаю ли я ехать на смотр флота, назначенный в тот день (в субботу он не состоялся по случаю поднявшейся свежей погоды), но я должен был отказаться по болезни.

Сегодня представил государю всю работу по преобразованию местных войск и местных военных управлений. Он оставил ее у себя, чтобы прочесть в пути. Я намеревался сегодня проситься в отпуск, но государь сам заговорил об этом, сказав, что мне нужно отдохнуть. Я воспользовался случаем и испросил дозволение уехать даже днем ранее отъезда самого государя.

Сегодня был торжественный въезд в Петербург невесты великого князя Владимира Александровича. Церемония была блестящая; погода благоприятствовала.

17-го августа. Суббота. — Крайне утомительные дни. Вчера в 9½ ч. утра я был уже у вел. кн. Михаила Николаевича, который желал переговорить со мной о некоторых кавказских делах.**) В первом часу пополудни — съезд в Зимний дворец: продолжительный обряд свадьбы со всеми обычными церемониями; в пятом часу — парадный обед, а в 8 ч. вечера — так называемый по-старинному «куртаг», переименованный ныне в «бал».

Сегодня утром доклад очень продолжительный. Государь был любезен и под конец, когда я напомнил, что имею последний доклад, сказал, улыбаясь: «Надеюсь, что иногда будем видеться в Ливадии***). После доклада надобно было заехать в Главный штаб, затем едва успел переодеться — на полковой праздник д.-гв. егерского полка; затем до 6-го часа принимал всех начальников главных управлений министерства, а вечером, до поздней ночи,

*) В прежние годы удостоивался и я приглашения на морские смотры; даже в прошлом году ездил я в Транзунд; ныне же не было и слова, — о чем, впрочем, я не сетую. И без того нехватает времени на свое дело.

**) Первоначальный текст после слов «...у вел. кн. Михаила Николаевича,»: «который предварил меня о своем намерении приехать ко мне, чтобы переговорить со мной о некоторых кавказских делах. Я поспешил предупредить его и сам поехал к нему».

***) на что, разумеется, я счел долгом ответить неправдой: «Очень рад всегда, когда в[ашему] в[еличеству] угодно».

подписывал бумаги, указы и грамоты (по случаю наград на 30-е августа).*)

18-го августа. Воскресенье. — Сегодня утром участвовал я в совещании у великого князя Михаила Николаевича по делу о фамилии Шервашидзе, которая домогается капитализации назначенной всем членам ее пенсии. Кавказский комитет уже прежде два раза постановлял заключение в отрицательном смысле, но великий князь снова возбудил тот же вопрос в надежде подействовать лично на членов Комитета. Однакож мы все остались при прежнем мнении (П. Н. Игнатьев, товарищ мин[ист]ра финансов⁷⁶ и я), что, видимо, было для великого князя неприятно. Он подчинился нашему единогласному заключению — предложить князьям Шервашидзе, если желают получить капитал, просить об установлении над ними опеки.

После совещания откланивался их величествам и их высочествам, а затем занялся приготовлениями к завтрашнему отъезду. Вырываясь из Петербурга, как школьник на каникулы, чувствую недолимую потребность отдыха на свежем воздухе, среди семьи. Выезжаю завтра в 8 часов утра с курьерским поездом чрез Белосток, Брест в Одессу.

24-го августа. Суббота. Симеис. — Вчера вечером прибыл на пароходе «Михаил» из Одессы в Ялту и оттуда на лошадях в Симеис. Всю семью свою нашел в сборе, за исключением сына, которого ожидаем сюда чрез неделю. Сегодня в первый раз осматривал постройку дома вместе с архитектором Голиковым и агентом строительного общества Поплавским.

30-го августа. Пятница. — Почти неделю провел совершенно спокойно, вполне наслаждаясь деревенской свободой. Для помещения моей семьи нанят на все лето отдельный, уютный домик (известный под названием Потоцкого) в имении Ив. Серг. Мальцова, соседнем с купленным нами участком. Отсюда менее версты до того места, где строится наш будущий дом. Ежедневно по утрам хожу смотреть постройку и занимаюсь съемкой плана своего участка; вечера провоожим в семейном кружке, читаем вслух или просто болтаем. Но вчера я должен был отлучиться из своего тихого гнезда, чтобы посетить невестку свою Марию Аггеевну Милютину в Урзуфе, где она поселилась на осенние месяцы в доме владельца этого прелестного имения — Ив. Ив. Фундуклея. Пробыв целый день в Урзуфе с невесткой и племянницами⁷⁶, возвратился вечером в Ялту, чтобы там переночевать и на следующее утро (т. е. сегодня) ехать в Ливадию для принесения поздравления государю. Каково было мое удивление, когда вдруг явился ко мне в гостиницу фельдъегерь из Ливадии с грамотой и знаками ордена св. Андрея. Сегодня утром, разумеется, я надел на себя новое украшение и отправился в Ли-

*) Как нарочно, в предпоследний день завалили меня бумагами.

вадию, немедленно же был принят государем чрезвычайно милостиво. Его величество, радушно обняв меня, сказал, что пожалованием мне Андреевского ордена желал показать пред всеми, как ценит мои заслуги и как мало действуют на него наговоры и нарекания моих врагов.*) Государь рассказывал с удовольствием, в каком превосходном виде нашел он все войска, осмотренные на пути в Крым; говорил просто, непринужденно; видна полная перемена в отношении его ко мне. Отпуская меня, повторил еще выражения благодарности и расположения.

После обедни и завтрака во дворце я сделал несколько визитов как в Ливадии, так и в Ялте, а вечером возвратился в свой отрядный симеисский уголок.

31-го августа. Суббота. — Неожиданный гость — ген.-ад. гр. Осген-Сакен. На смотре в Елизаветграде он напросился проводить государя в Крым. Не знаю, чему я обязан особенным расположением ко мне почтенного старика; при всех наших встречах он всегда чрезвычайно любезен, а вчера при свидании нашем в Ливадии заявил намерение посетить меня в Симеисе, несмотря на все мои старания отклонить его от этой поездки. У гр. Дмитрия Ерофеевича всегда замечались некоторые странности и мании, теперь же, достигнув глубокой старости, он впал почти в детство.

Поздно вечером приехал сюда и сын мой.**)

*) Первоначальный текст после слов «...читаем вслух или просто болтаем.» (стр. 167, строка 11 сл.): «Вчера я должен был выйти из этого тихого круга и провел целый день в Урзуфе, в доме Фундуклея, где поселилась на осенние месяца невестка моя Мария Аггеевна Милютина. Возвратившись вечером в Ялту, я был удивлен появлением фельдъегеря из Ливадии с грамотой и знаками ордена св. Андрея. В первые минуты этот сюрприз навел на меня какое-то грустное настроение; мне было почти неприятно получить эту высокую награду после всех нанесенных мне в последние годы огорчений и оскорблений. Сегодня утром, разумеется, я надел на себя это украшение и отправился в Ливадию для принесения поздравления высокому имениннику. Еще более я был удивлен весьма любезной и радушной встречей государя, который, обняв меня, высказал с чувством и благодушием, что пожалованием мне ордена св. Андрея желал показать пред всеми, как ценит мои заслуги и как мало действуют на него все наговоры и нарекания, расточаемые моими врагами».

**) Первоначальный текст записи за 31-е августа: «Мы имели сегодня в Симеисе неожиданного гостя — ген.-ад. гр. Осген-Сакена. Этот старый чудака напросился приехать с государем из Елизаветграда в Крым, я виделся с ним в Ливадии и Ялте. Не знаю, почему он особенно ко мне благоволит и непременно хотел посетить меня в Симеисе, несмотря на все мои попытки отклонить его от дальнего пути. Он и всегда был чудаком и маниаком, а теперь по старости впал почти в детство.

Поздно вечером приехал сюда и сын мой».

24-го октября. Четверг. Москва. — Два месяца не заглядывал я в свой дневник. Время протекло незаметно: ежедневно с 8 ч. утра я отправлялся из мальцовского Симеиса в свой участок для съемки, для присмотра за строительными работами и проложения дорог. Так проводил я все утро до 2 ч. и усталый, буквально «в поте лица» возвращался домой к обеду. В Ливадию ездил три раза: в первый раз — чтобы откланяться императрице, уехавшей в Англию, другой раз — по случаю приглашения на бал с дочерью Ольгой и, наконец, в третий, 16-го октября, — чтобы откланяться государю перед своим отъездом из Крыма. Кроме того, сделал я поездку в горы верхом с молодежью: двумя дочерьми, графиней Александрой Федоровной Гейден, сыном и племянником Вертёль⁷⁷; проехали мы чрез Кокос на Бахчисарай, откуда чрез Каралез на Байдары. Вся эта приятная прогулка исполнена была в три дня. Наконец, еще раз ездил я верхом с П. П. Черепановым в Мшатку, к почтенному ученому Н. Я. Данилевскому.

После двухмесячного приятного отдыха в Крыму надобно было возвратиться к обычным служебным делам. В этот раз особенно было мне тяжело выехать из Крыма: я оставил дома четырех дочерей больными, в сильной лихорадке; в работах по постройке дома произошла опять остановка, ожидали приезда уполномоченного от строительного общества, так что присутствие мое при подобном кризисе было бы почти необходимо. Но делать нечего, отлагать отъезд нельзя, и 20-го числа вечером покинул я наш милый Симеис. Переночевав в Ялте, на другой день, 21-го числа, сделал на пароходе «Митридат» весьма спокойный переход в Севастополь, откуда отправился по новой железной дороге. До Симферополя провозили меня в экстренном поезде, так как езда для публики открыта пока только от Симферополя. Проездом чрез Харьков виделся на станции со старым своим товарищем и другом Александром Петровичем Карцовым (командующим войсками Харьковского округа), а сегодня рано утром остановился в Туле и осмотрел оружейный завод. Хотя я видел его и в прошлом году, однакоже с тех пор завод получил окончательное устройство, и только в текущем году началось валовое производство новых ружей. Позавтракав у начальника завода ген.-л. Нотбека, я поспел к курьерскому поезду, с которым и прибыл в Москву в шестом часу вечера.

Здесь, на станции железной дороги, встретил меня командующий войсками Московского округа генерал Гильденштуббе с целым синклитом и проводил меня до гостиницы «Дрезден». В тот же вечер посетил меня здешний генерал-губернатор кн. Владимир Андреевич Долгорукий.

27-го октября. Воскресенье. — Вот третий день, что я в Москве: по утрам объезжал военно-учебные и другие заведения военного ведомства, был на двух больших парадных обедах — у ген. Гильденштуббе и кн. Долгорукого, а вчера вечером в опере, в генерал-губернаторской ложе.

Вчера виделся с сыном, проехавшим чрез Москву в Оренбург,

куда он командирован по случаю рекрутского набора. Получил телеграмму из Симеиса, успокоившую меня насчет оставленных там больных дочерей. Зато из Петербурга известия крайне для меня неприятные — о беспорядках, бывших в Медико-хирургической академии. Не знаю еще подробностей дела, но имею предчувствие, что в этой новой студенческой истории скрывается опять интрига: по всем вероятностям, студенты были легкомысленным орудием скрытых вожаков из той профессорской партии, которая недовольна существующим в Академии порядком и домогается передачи ее в Министерство народного просвещения. Они не могли выбрать для этого лучшего момента, когда прерванная летними каникулами административная деятельность возобновляется, когда должны начаться снова заседания комиссии Грейга, притом в мое отсутствие и пред приездом государя в Петербург. Важно первое впечатление: какой-нибудь дерзости, оказанной несколькими студентами пред профессором, уже достаточно, чтобы раздули подобный пустой случай в целую историю. *)⁷⁸

29-го октября. Вторник. Петербург. — Вчера опять все утро употребил на осмотр московских учебных заведений, а вечером выехал из Москвы и сегодня прибыл в Петербург. Здесь с первой же минуты и до восьмого часа вечера принимал начальников разных частей министерства. Одним из главных предметов совещаний были, разумеется, последние происшествия в Медико-хирургической академии. Заведение это пришло в такое расстроенное состояние благодаря раздорам между профессорами, так же как между начальником академии (тайн. сов. Чистовичем) и главным военно-медицинским инспектором (тайн. сов. Козловым), что трудно и придумать, как поправить дело. Когда все начальники ушли, я принял депутацию от студентов Академии, состоявшую из 5 человек, по одному от каждого курса. Они говорили со мной очень спокойно, излагали откровенно свои жалобы на академическое начальство, и я нашел в них настроение более спокойное и примирительное, чем в начальстве их. Конечно, взгляды и суждения их отзываются юношеской неопытностью, но жалобы их нельзя не признать в некоторой степени основательными. Ген. Трепов, встретивший меня на воксале железной дороги, сказал мне, что брожение существует также между студентами университета и Технологического института.

3-го ноября. Воскресенье. — В течение мунувшей недели я объезжал военно-учебные заведения, делал визиты и ежедневно имел совещания с начальниками главных управлений Военного министер-

*) Первоначальный текст после слов «...пред приездом государя в Петербург.» (строка 13 св.): «Важно первое впечатление: какой-нибудь дерзости, оказанной несколькими студентами пред профессором, уже достаточно для того, чтобы из этого ничтожного случая сделать целую историю, прокричать, пропечатать в газетах и дать новый толчок делу, которое было почти уже забыто».

ства. В особенности много было толков о делах Медико-хирургической академии, хотя и водворился в ней наружный порядок. Пришлось иметь весьма щекотливые объяснения с главным военно-медицинским инспектором Козловым, с начальником Академии Чистовичем и некоторыми профессорами: Ционом и Грубером. Все эти совещания и объяснения окончательно убедили меня в необходимости коренного переворота в Академии, и в особенности приостановки, хотя на время, действия конференции. Образовавшиеся между профессорами две партии до того уже дошли в своей вражде, что с обеих сторон прибегают к самым непозволительным средствам: ругательствам, лжи, клевете. Я перестал верить и тем и другим.

Впрочем, в настоящее время о Медико-хирургической академии уже перестали говорить; гораздо серьезнее волнения в других высших учебных заведениях, особенно в Технологическом и Горном институтах. Сегодня утром приехал ко мне министр внутренних дел Тимашев с известием, что, по секретным сведениям полиции, готовится большая уличная демонстрация, в которой хотя и принять участие студенты в с е х учебных заведений разных ведомств. Тимашев предложил мне назначить у меня сегодня же совещание между всеми министрами, в ведении которых состоят учебные заведения. К часу пополудни съехались ко мне Рейтерн, гр. Толстой, Тимашев, Валуев, Мезенцов (заступающий место Потапова), Селифонтов (товарищ мин[ист]ра путей сообщения), градоначальник Трепов, и неожиданно приехали также великие князья Константин и Николай Николаевичи. Каждый из министров рассказал, что делается в подведомственных ему заведениях; один гр. Толстой*) лицемерил, выгораживая университет так, как будто в нем все обстоит благополучно и в полном порядке. Затем начались горячие споры о том, как следует действовать в случае демонстраций или беспорядков в котором-либо из заведений. Более всех яркими и**) суровыми против студентов явились Валуев и гр. Толстой; напротив того, вел. кн. Константин Николаевич поддерживал меня в том, что правительству надобно прежде всего действовать хладнокровно, спокойно и, главное, справедливо, что к молодежи следует оказывать некоторое снисхождение и что прибегать к закрытию курсов и целых заведений можно только в крайних случаях. Мы разъехались, не сговорившись и ничего не решив положительно.

Вечером у меня был обычный воскресный кружок знакомых.

4-го ноября. Понедельник. — В Государственном совете узнал, что Горный институт сегодня закрыт и что высылают из Петербурга всех иногородних студентов этого заведения. Технологи продолжают волюноваться.

Обедал я сегодня у пр[инца] Ольденбургского.

С 1-го ноября началась повсеместно операция призыва к воин-

*) как подобает иезуиту

**) жестокими против студентов

ской повинности по новому положению. В Петербурге дело ведется в большом порядке и подобающей обстановке. Всех поражает резкая противоположность со стародавними варварскими порядками рекрутских наборов.

Возвращение государя в Петербург отложено до 13-го числа. Императрица останется на некоторое время на юге Европы.

19-го ноября. Вторник. — Возвращение государя еще отложено на неделю — до 20-го числа; императрица, по совету доктора Боткина, после крестин в Лондоне отправилась чрез Париж в С.-Ремо. Неизвестно, долго ли она там останется.

Протекшие две недели я провел довольно спокойно. Студенческие волнения подавлены, но едва ли совсем прекращены, ибо неудовольствие осталось в массе. В городе опять распространяются разные нелепые толки против меня, как будто я потворствую молодежи и чуть ли не я виновен во всех возникавших и возникающих смутах. Низкие эти козни я презираю и продолжаю действовать по своим убеждениям. Считаю вопиющей несправедливостью и жестокостью выгонять студентов массами только для того, чтобы показать пример строгости, когда расследование дела не указало ни одного из них более виновного, чем все прочие. Но знаю вперед, что государю опять наговорят против меня, и придется мне снова бороться с зловредными*) наговорами. В записке, посланной мною в Ливадию, было изложено мое мнение о существовании бывших в Медико-хирургической академии беспорядков; я указал, что корень зла заключается в раздорах между профессорами, в их**) бестактных выходках, и потому предложил приняться за пересмотр самого устава Академии с тем, чтобы возложить это дело на особую комиссию, которая временно приняла бы на себя и самое заведывание Академией. Чрез это я имею в виду временно устранить в необидной форме главного военно-медицинского инспектора, тайн. сов. Козлова, против которого существует в Академии какое-то личное***) озлобление. Предположенная мною комиссия, составленная из разнообразных элементов под председательством ген.-ад. Непокойчицкого, человека дельного и спокойного, будет гораздо более удобным для меня орудием, чем тайн. сов. Козлов, для переделки укоренившихся в Академии порядков и для постепенного очищения личного ее состава. Не знаю, как это предложение мое будет принято государем; без сомнения, он вспомнит, что остается еще нерешенным вопрос о передаче Мед[ико]-хир[ургической] академии в Министерство народного просвещения. Рассмотрение этого вопроса в комиссии Грейга затянулось непомерно, благодаря****) назойливости Георгиевского — делегата от гр. Толстого. Ходят

*) влияниями на него

**) неприличных и

***) ожесточение.

****) нахальной

слухи, будто положение самого гр. Толстого поколеблено; но в городе толкуют так много вздоров, что никакому слуху нельзя придавать значение.

20-го ноября. Среда. — Рано утром ездил в Колпино встречать государя и цесаревну. Прибывший с ними д[окто]р Карель привез мне не очень утешительные известия из Симеиса о моих больных дочерях.

21-го ноября. Четверг. — Ездил с докладом в Царское Село. Государь был любезен и в хорошем расположении духа; но по вопросу о Медико-хирургической академии не дал разрешения на мое предположение, находя неудобным принимать теперь же радикальные меры, пока еще не решен окончательно вопрос о предполагавшейся передаче Академии в другое ведомство.*) Поэтому государь находит нужным, чтобы подлежащие министры собрались для обсуждения общего вопроса об образе действий в отношении к учащейся молодежи. После доклада я поехал вместе с государем в город, прямо на парад л.-гв. Семеновского полка по случаю полкового праздника. Между парадом и обедом в Зимнем дворце заехал ко мне Потапов и передал мне приказание государя, чтобы означенное выше совещание было под председательством Валуева и с приглашением Грейга. Видимо, что дело коснется и щекотливого вопроса об отторжении Медико-хирургической академии от военного ведомства.

23-го ноября. Суббота. — Доклад в Царском Селе. Переезд государя в Петербург. Принц Альбрехт прусский. Большой парад на Марсовом поле. Оттепель и слякоть.

24-го ноября. Воскресенье. — В манеже Инженерного замка (или Михайловском) государь смотрел команды, приготовленные для парада во дворце в день праздника св. Георгия. Эти так называемые «репетиции» делаются каждый год, так что выходит двойной парад.

В 6 ч. большой обед в Зимнем дворце в честь принца Альбрехта.

В промежуток времени между парадом и обедом происходило в помещении Комитета министров совещание под председательством Валуева о причинах бывших беспорядков между учащейся молодежью и мерах к предотвращению их на будущее время. На сей раз мы ограничились только тем, что каждый из министров, имеющих в своем ведении высшие учебные заведения, высказал свое мнение о том, что подало повод к означенным беспорядкам, и при этом, разумеется, затронули и некоторые щекотливые вопросы о недостатках в существующих порядках; но к средствам исправления их не успели приступить. Грейг, однакоже, заявил, что, собственно, относительно Медико-хирургической академии нельзя откладывать решение вопроса даже на несколько дней и что необходимо теперь же дать мне возможность привести в ис-

*) Стало быть ясно, что мысль эта не вышла еще из головы.

полнение предположенную мною меру, т. е. закрытие академической конференции; когда же я возразил, что мое предположение заключается не в том, чтобы только закрыть конференцию, но вместе с тем, чтобы взамен ее учредить особую временную комиссию; которой и подчинить Академию, тогда Грейг и Валуев высказали мнение, что учреждение этой комиссии также может быть приведено в исполнение, но лишь бы при этом не возлагалась на комиссию переделка устава Академии, так как подобное направление дела было бы предрешением вопроса, еще обсуждаемого в особой комиссии. В таком смысле Валуев намеревается доложить завтра государю, дабы дать мне возможность во вторник при моем докладе испросить окончательное разрешение на приведение в исполнение предположенных мною мер. Такое направление дела развяжет мне руки, чтобы сделать что-нибудь решительное в Академии для прекращения в ней теперешней неурядицы; но впереди все-таки остается попрежнему злобещий вопрос о передаче Мед[ико]-хир[ургической] академии*) и, таким образом, над моей головой продолжает висеть этот дамоклов меч. Грейг тянет дело; думаю, что надобно теперь подтолкнуть его к решению так или иначе — лишь бы вывести Академию из того неудобного, неопределенного положения, в котором она находится уже целый год.

Сегодняшнее совещание происходило в самых приличных формах и в примирительном духе.**)

26-го ноября. Вторник. — Вчера целый день я был озабочен приискыванием приличной формы для объявления о новой комиссии, на которую предположено возложить заведывание Медико-хирургической академией. Только уже вечером, пред самым сном, внезапно напал я на искомую формулу и немедленно же набросал новую редакцию, которую сегодня утром прочел государю. Он одобрил ее так же, как и самый состав комиссии, и сегодня же я объявил уже об этом решении тайн. сов. Козлову. Я предполагал, что решение это несколько оскорбит его, так как учреждением комиссии устраняется влияние главного военно-медицинского инспектора на Академию; вместо того, Козлов принял это известие не только очень хладнокровно, но даже с одобрением. Видно было, что ему всего более пришлось по сердцу закрытие конференции. Но

*) Первоначальный текст после слов «...для прекращения в ней теперешней неурядицы;» (строка 15 св.): «однакоже с другой стороны, затрудняет меня; так как мне приходится придумывать опять новую форму для моего распоряжения. Притом я вижу, что мысль о передаче Мед[ико]-хир[ургической] академии остается всецело в головах, задумавших эту меру»

**) Валуев разыграл роль председателя со свойственным ему величием и велеречием. Мне пришло на мысль — не готовят ли его в председатели Комитета министров?

как принята будет такая строгая мера в среде самой конференции? Не сомневаюсь, что поднимутся снова крики и появятся злобные газетные статьи, благоразумные же люди одобряют принятую меру.*)

Нынешний день был утомителен. Утром доклад, потом георгиевский парад в залах дворца и, наконец, большой парадный обед.

28-го ноября. Четверг. — После доклада у государя я открыл комиссию, вновь учрежденную для временного заведывания Медико-хирургической академией⁷⁹. В зале Военного совета я объяснил членам комиссии предстоящую ей задачу и указал на главные вопросы, которые подлежат ее обсуждению. После того было второе совещание у Валуева по общему вопросу о высших учебных заведениях. Говорили очень много, и, между прочим, министром внутренних дел возбужден вопрос о том, не следует ли снять запрещение газетам печатать что-либо по поводу бывших между учащимися волнений. Решено дать печати свободу, и надобно ожидать, что немедленно поднимется снова газетная война со всевозможными сплетнями и скандалами. Другой, более существенный вопрос был поставлен нашим председателем: следует ли оставить в высших учебных заведениях нынешнюю систему полной автономии в руках учебного персонала или нужно придать более силы административной власти? Хотя по этому вопросу пошли бесконечные толки, но, в сущности, все были за утвердительное разрешение вопроса; все соглашались в том, что ученое сословие мало способно к администрации. Разошлись мы в 6-м часу.**)

1-го декабря. Воскресенье. — После развода был в совещании у Валуева. Говорилось очень много, слишком много, но толку мало. Гр. Толстой, по своему обыкновению, занимал нас очень долго***) многоречивыми рассказами напоминающими сказки старой нянюшки; Валуев высокопарно****) сводил вопрос на отвлеченные принципы и общие, высшие взгляды*****). Затронули предметы очень щекотливые: где корни современного настроения русской молодежи? Отыскивая эти корни, коснулись и духовенства, и семейного быта, и школьной дисциплины, и проч., и проч. Но к положительному выводу все-таки не пришли. Одно только выразилось довольно ясно: затаенное желание некоторых из министров

*) Первоначальный текст после слов «...Не сомневаюсь, что»: «это будет поводом к новым крикам, ругательствам и статьям; пусть себе беснуются, безобразиям нынешней конференции пора положить конец, и все благоразумные люди, конечно, одобряют принятую меру».

**) Сегодня, наконец, получил я телеграмму от жены о благополучном переезде семьи из Ялты в Одессу.

***) своей словоохотливой размазней,

****) и величественно

*****) некоторые из членов напрасно пытались вклеить и свои речи, *placer leur mot*⁸⁰.

воспользоваться случаем, чтобы поднять заветный вопрос об ограничении «массы» учащейся молодежи, о предоставлении высшего образования только привилегированным сословиям. Мужик должен оставаться мужиком; зачем ему тянуться за господами? — Досадно и грустно слушать.

5-го декабря. Четверг. — Сегодня опять совещание у Валуева. После долгих рассуждений о стипендиях затронули самый трудный вопрос о том, какие отношения должны быть установлены между учащейся молодежью и заведениями, в которых они получают высшее образование. Я предложил на обсуждение основной вопрос: как следует смотреть на студентов — единично ли, как на посетителей лекций в открытых для них аудиториях, или коллективно, как на совокупность юношей, которых не только образование умственное, но и воспитание нравственное возложены на попечение и ответственность заведения? От решения этого вопроса должно зависеть и разрешение другого, как последствия: следует ли преследовать всякий признак какой-либо корпоративной связи между посетителями лекций или, напротив того, следует сплотить массу учащихся такой организацией, какая необходима для поддержания авторитета и нравственного влияния начальства и преподавателей? Суждения по этим вопросам за поздним временем отложены до следующего заседания.

Наконец, семья моя приехала из Крыма. Одна дочь Ольга не избавилась еще от лихорадки и снова слегла в постель.

Обедал сегодня у великой княгини Екатерины Михайловны.

9-го декабря. Понедельник. — Обедал в Зимнем дворце с ген. Баранцовым и адм. Лесовским.

11-го декабря. Среда. — Вчера и сегодня присутствовал в Академии генерального штаба на чтениях офицеров дополнительного курса.

Сегодня же было совещание под председательством государственного канцлера из министров финансов и путей сообщения⁸¹, ген.-ад. кн. Мирского⁸² (как уполномоченного от е. и. в. наместника кавказского) и меня — по вопросу о сооружении русским инженером Фалькенгагеном железной дороги в Тавриз. Финансовые соображения Рейтерна взяли верх, и так как персидское правительство выключило из представленного Фалькенгагеном проекта концессии главное условие — гарантию с обеспечением таможенными доходами, то постановлено объявить тегеранскому двору, что без этого условия русское правительство не может поддерживать предположение о постройке дороги. Такое решение, хотя может быть и весьма благоразумное, будет все-таки неудачей для нашей дипломатии и без сомнения обрадует англичан.

12-го декабря. Четверг. — Сегодня полковой праздник гвардейского Финляндского полка и 50-летний юбилей генеральства графа Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена. По этому случаю я был целый день в полной форме: в 10-м часу ездил поздравить юбиляра, по-

том доклад у государя, в час пополудни церковный парад, с 2 до 5 час. — совещание у Валуева, а в 6 — обед в Зимнем дворце. Старик Остен-Сакен совсем впал в детство: считает себя обиженным тем, что получил алмазные знаки св. Андрея; говорят, ожидал фельдмаршальского чина; пристаёт ко мне о разрешении ему носить кавказский казачий мундир.

Совещание у Валуева было последнее; соберемся еще раз только для прочтения протокола. Опять говорили много, и, как всегда, благодаря искусству председателя, все споры и разногласия приведены к нулю. Ровно никакого положительного результата, одни фразы и общие места.

13-го декабря. Пятница. — По заведенному порядку, государь распределял сегодня в одной из зал Зимнего дворца новобранцев по гвардейским полкам, но нынешнее распределение имело несколько новый характер: в первый раз в массе новобранцев среди тулупов и кафтанов стояли молодые люди во фраках и пиджаках. В числе их был только один, кончивший курс по 1-му разряду, именно, в училище правоведения, состоявший уже в гражданской службе; затем было до сотни молодых людей, кончивших курс в заведениях 2-го и 3-го разрядов. Только на немногих физиономиях выражалось некоторое смущение, неловкое положение, вообще же эта молодежь смиренно и простодушно подчинялась непривычной обстановке солдатской.

Опыт первого призыва по новому уставу о воинской повинности так удался, как трудно было даже ожидать. Самые закоренелые консерваторы, противники реформ, с боязнью относившиеся к нововведению, грозившему, в их глазах,*) распространением в целой армии заразы нигилизма, теперь замолчали и с улыбкой смотрят на этих мнимых революционеров в шеренгах между тулупами**).

20-го декабря. Пятница. — Сегодня вторично государь распределял новобранцев по гвардейским полкам; было свыше 900 чел. Опять были фрачники.

Телеграмма из Мадрида заключает в себе совершенно неожиданное известие о падении республиканского правительства и провозглашении Альфонса XII королем Испании. Надолго ли?

25-го декабря. Среда. — Сегодня не мог явиться во дворец для обычного поздравления с праздником по весьма неожиданному обстоятельству: оказалось, что у меня украдены знаки Андреевского ордена (цепь). Такое открытие неприятно вдвойне: кроме чувствительного ущерба материального, покража эта из комода во внутренней комнате производит тяжелое нравственное впечатление, бросая подозрение на всю домашнюю прислугу. Полиция принялась усердно за розыски.

27-го декабря. Пятница. — Целое утро прошло в совещаниях с

*) демократизированием

**) и сибирскими

моими ближайшими сотрудниками о предстоящей Военному министерству обширной работе — составлении плана мобилизации армии. Для этого собрались у меня начальники главных управлений, до которых этот вопрос преимущественно относится, и некоторые другие лица, прикосновенные к делу. Толковали более пяти часов, и чем более входили в подробности, тем более убеждались в огромности предстоящей задачи, в неудобствах настоящего переходного положения нашей военной организации, вследствие прошлогодних злополучных совещаний. Не имея возможности в короткое время осуществить все наши затеи при ограниченном нормальном бюджете, мы осудили себя на долгое бессилие: по всем частям готовятся новые положения, перерабатываются штаты, придумываются решения новых сложных вопросов военной администрации; нет ни одной части в законченном виде. При таком положении дела мы лишены прочного основания, на котором могли бы построить полный план мобилизации, сколько-нибудь похожий на прусский «Mobilmachung». Тем не менее, необходимо во что бы то ни стало предпринять работу, хотя бы приближающуюся к немецкому образцу. Поэтому пришли мы к тому заключению, что следует ныне же образовать в составе Главного штаба особый отдел, который специально занялся бы разработкой нашего плана мобилизации армии, насколько окажется это возможным при настоящих условиях.

Затем было у меня другое довольно продолжительное совещание с ген. Мордвиновым и д[окторо]м Козловым по вопросу о Медико-хирургической академии.

28-го декабря. Суббота. — После доклада отдал визит киевскому митрополиту Арсению: умный старик, с которым беседа может быть весьма разносторонняя.*)

Чрезвычайное заседание Государственного совета для утверждения финансовой росписи и сметы земских расходов на 1875 год. Продолжительные и оживленные прения возникли по поводу годичного отчета государственного контролера за 1873 год. Грейг с обычной своей самонадеянностью и развязностью позволил себе обвинить в с е х министров поголовно в расточительности, основывая свой приговор на том лишь факте, что остатки от сметных ассигнований с каждым годом уменьшаются.**)

*) Первоначальный текст после слов «...умный старик»: «с ограниченной семинарской культурой».

**) Первоначальный текст после слов «...земских расходов на 1875 год.» (строка 7 сл.): «Неожиданно для всех возбуждены были, по милости нашего друга Константина Карловича Грота, продолжительные и довольно оживленные прения, не имевшие, впрочем, практического результата; но когда начал говорить Грейг по поводу отчета Госуд[арственного] контроля за 1873 год, поднялась настоящая буря. С обычной своей самонадеянностью и нахальством Грейг позволил себе в самых развязных выражениях обвинять в с е х

вательное*) обвинение вызвало энергические протесты со стороны министров юстиции⁸³, народного просвещения, внутренних дел и других. Я также вынужден был сказать несколько слов. Председатель (в кн. Константин Николаевич) положил конец этой буре, угрожавшей обратиться в скандал.

Сегодня я должен был обедать у турецкого посла⁸⁴, но вместо того получил пред самым обедом приглашение в Зимний дворец.

При всех встречах мне надоедают расспросами о случившейся у меня покраже. Известие о ней появилось уже в газетах.

министров поголовно в расточительности, основывая свой приговор только на том факте, что остатки от сметных ассигнований с каждым годом не увеличиваются, а уменьшаются».

*) голословное обвинение

1875-й год

1-го января. Среда. — Наступивший новый год встречаю если и не радостно, то, по крайней мере, спокойнее духом, чем встретил год минувший. Если б не болезнь дочерей, из которых одна (Ольга) и до сих пор не поправилась после вынесенной в Крыму лихорадки, то я мог бы сказать, что домашняя обстановка улучшилась против прежнего. Положение служебное*) также изменилось к лучшему. С удалением гр. Шувалова в Лондон враждебная мне партия укротилась, интрига заглохла; в Зимний дворец вступаю со спокойным настроением.

Сегодня представил я государю, по примеру прежних лет, кроме обширного официального отчета за 1873 год, и краткие отчеты или «всеподданнейшие доклады» за два последних года: 1873-й и 1874-й. Доклад за 1873-й год, хотя и составленный в свое время, не был мною представлен, как объяснено было в моем дневнике. Не знаю, прочтет ли теперь государь оба доклада подряд, но они в тесной связи между собой. В новом докладе объясняется снова, что Военное министерство так ограничено теперь нормальной сметой на пятилетие 1874—1878, что не имеет возможности покрыть самую даже незначительную часть тех расходов, которые требуются для приведения в исполнение утвержденных в начале 1873-го года**) предположений, в видах усиления боевой нашей силы и местной обороны. Небольшой остаток, который можно ожидать (впрочем, весьма гипотетически) по смете наступившего 1875-го года, может быть обращен только на одновременные расходы по заготовлению вещевых запасов, необходимых для формирования впоследствии новых частей войск или для усиления существующего состава. Мысль эта была уже заявлена в прошлом году в особом докладе и одобрена государем; но тем не менее приходится снова повторить ее, дабы предупредить возобновление требсваний неисполнимых. Вопрос о том, к каким именно из предположенных новых мероприятий следует прежде всего приступить,

*) совершенно изменилось

**) громадных

обсуждался вчера собранными у меня начальствующими лицами разных частей министерства, и вслед за сим будет представлен особый по этому предмету всеподданнейший доклад.*)

Государя я видел сегодня только во время большого выхода, и потому все необходимые объяснения по поводу представленных отчетов должен отложить на завтрашний доклад.

2-го января. Четверг. — При докладе государю не было особого разговора по поводу представленных мною отчетов. Его величество заметил только, что с каждым годом размер картон с отчетами увеличивается. После доклада прошел я к великому князю Алексею Александровичу, чтобы поздравить его по случаю дня его рождения; потом было заседание Военного совета, а затем большой парадный обед в Зимнем дворце по случаю 25-летнего юбилея назначения великого князя Алексея Александровича шефом л.-гв. Московского полка.

3-го января. Пятница. — Совещание у государственного канцлера по поводу предложенного Лесепсом химерического проекта соединения Индии с Европой железной дорогой чрез Гималайский хребет и среднеазиатские степи. Участвовали в совещании ген.-ад[ъютан]ты Чевкин, Посъет, Кауфман (Конст. Петр.), министр финансов, ген. Мельников и я. Все единогласно признали этот проект неосуществимым и самую мысль соединения Индии с европейской железнодорожной сетью более вредной, чем полезной для России. Один ген. Кауфман попытался поддержать предположение о соединении Туркестанского края с Европейской Россией, а ген. Мельников заговорил о несбыточных мечтах судоходства по старому руслу Аму-Дарьи, но оба эти вопроса были устранены, как выходящие из задачи совещания.

*) Первоначальный текст после слов «...(впрочем, весьма гипотетически)» (стр. 180, строка 9 сл.): «по смете будущего 1875-го года, можно употребить только на такие новые расходы, которые неудобно было бы откладывать; все же, что можно сберечь, следует преимущественно обратить на единовременные расходы, чтобы, по крайней мере, приступить к сформированию необходимых вещевых запасов, без которых немисливо формирование новых частей войск или усиление существующего состава. Мысль эта была уже заявлена и в прошлом году, даже одобрена государем, но, тем не менее, необходимо снова повторять заявление, чтобы предупредить возобновление требований, неисполнимых при наших финансовых средствах. Я счел нужным обсудить этот важный вопрос в особом совещании, которое собрал вчера у себя и в котором мы долго и тщательно обсуждали, к чему именно можно приступить в 1875-м году из предположенных новых мер, не рискуя выйти из пределов нормальной сметы в продолжение пятилетия. По этому предмету будет представлен особый доклад в непродолжительном времени».

23-го января. Четверг. — Три недели не открывал я своего дневника: ничего не было замечательного. При последнем моем докладе, во вторник, государь сказал мне, что окончил чтение моего краткого отчета за 1874-й год и приступил к чтению доклада о финансовом положении Военного министерства. В тот же день я обедал в Зимнем дворце. Сегодня же государь, возвратив мне этот доклад, одобрил изложенные в нем соображения относительно видов на наступивший 1875-й год, однакож снова заявил свое желание не отлагать образование корпусов, хотя бы только в западных пограничных округах, а также формирование в гвардии четвертых батальонов. Не возобновляя неприятных для государя возражений, я ограничился несколькими общими объяснениями и обещал представить дополнительные справки и соображения. Приведение в исполнение обеих указанных мер в наступившем году расстроило бы все расчеты Военного министерства и отозвалось бы невыгодно на последовательном ходе его деятельности, направленной преимущественно к тому, чтобы привести армию в большую готовность к войне.*) С установлением нормального бюджета министерству безусловно необходимо строго держаться предначертанного плана. В этих видах я представил сегодня же государю два доклада: один с расчетом комплектования войск в мирное и военное время, другой — об устройстве при Главном штабе особого комитета для сосредоточения всех работ по мобилизации армии. Государь остался доволен этими докладами и благодарил за них.

25-го марта. Вторник. — Совсем было забросил свой дневник: не раскрывал его два месяца! В продолжение этого долгого промежутка не произошло ничего, что выходило бы сколько-нибудь из обычного течения петербургской жизни. Затрудняюсь теперь и припомнить что-нибудь особенное, заслуживающее занесения в дневник задним числом. Но сегодня я должен отметить знаменательное событие: представление государю депутации от униатского населения Люблинской и Седлецкой губерний по случаю присоединения этого населения к православию. После обедни и молебствия (по случаю родившейся сегодня же утром дочери у цесаревича, названной Ксенией) государь принял депутацию в так называемой Арабской

*) Первоначальный текст после слов «...я ограничился несколькими общими объяснениями» (строка 11 св.): «обещав представить дополнительные справки и соображения. Во всяком случае, ни та ни другая мера не может быть приведена в исполнение в текущем году, а до будущего года еще много утечет воды. Тем не менее однакоже такие колебания в ведении дела преобразования армии чрезвычайно невыгодны для административных мер, принимаемых в видах приведения армии в большую готовность к войне. Военное мин[истерств]во не имеет под собой твердой почвы, на которой могло бы основывать свои расчеты».

комнате; тут было до 12 духовных лиц, и во главе их сам Попель, и человек 20 мирян. Попель произнес речь и подал адрес, а государь и императрица вручили депутатам несколько богатых икон для бывших униатских церквей. Такая развязка униатского дела тем замечательнее, что в последнее время можно было скорее ожидать совершенно противоположного, т. е. обращения униатов в католицизм. Они, действительно, близки были к тому, вследствие бестактных распоряжений гр. Толстого, имевших последствием открытое сопротивление, употребление войск и кровопролитие. После того в течение нескольких месяцев в большей части приходов униатских церкви были пусты, новорожденные дети оставались некрещенными, не было браков, — одним словом, несчастное это население было в самом безвыходном положении. Правительство со своей стороны стало втупик*). Тут помог нам сам Ватикан. Прошлогодняя безрассудно резкая энциклика папы⁸⁵, отлучение влиятельнейших лиц униатского духовенства, наглость иезуитских проделок заставили униатов окончательно отшатнуться от папизма и броситься в православие — в веру русского царя. Замечательно, что движению этому всячески препятствовал обер-прокурор Святейшего Синода (гр. Толстой), а орудовал им — протестант Коцебу**).

Сегодня же обычным порядком отпраздновали полковой праздник конной гвардии.

29-го марта. Суббота. — После поздравления двух юбиляров: ген.-ад. Веригина и ген. Назимова (Влад. Ник., члена Военного совета) сидел я в соединенных департаментах Государственного совета, где рассуждали о проекте образования новой губернии Таганрогской. Я должен был отстаивать донских казаков и опровергать предположение министра внутренних дел об отделении от Донской области Миусского округа с двумя станицами в гирлах Дона. Вопрос этот возбудил горячие споры.

Члены Военного совета собрались на обед в ресторане Борель в честь юбиляра Назимова.***)

1-го апреля. Вторник. — Вчера в Государственном совете рассматривалось положение о воинской повинности Донского казачьего войска; прошло без всяких споров.

Сегодня после моего доклада было у государя совещание по азиатским делам. Присутствовали наследник цесаревич, государственный канцлер кн. Горчаков, посол в Лондоне гр. Шувалов, ген.-ад[ъютан]ты Кауфман и кн. Мирский, тайн. сов. Стремоухов и я.

*) отступить было неудобно, настаивать — невозможно.

**) далекий от русского национального патриотизма.

***) На-днях, после долгих толков < и разных семейных сцен, > решено, что дочь моя Ольга опять отправится за границу со старшей сестрой, а в пути — с матерью. Собираются выехать чрез четыре дня. Удастся ли бедняжке скоро отделаться от проклятой лихорадки, совершенно изнурившей ее.

Поводом к этому совещанию был приезд гр. Шувалова, который просил положительных указаний по некоторым вопросам, наиболее*) озабочивающим англичан. После продолжительных объяснений относительно различия английской точки зрения от нашей на установленную по обоюдному соглашению «промежуточную зону», образуемую Афганистаном, и замеченной нашим послом чрезвычайной чуткости англичан ко всякому нашему шагу в Средней Азии, в особенности же к стороне Мерва, государь постановил такое заключение: послу нашему в Лондоне поручается успокоить подозрительность англичан объявлением положительной воли русского царя не подвигаться вперед в том крае, но вместе с тем не налагать на себя никаких обязательств на будущее время, в случае каких-либо новых обстоятельств.

После совещания я должен был прямо перейти в Комитет министров, где обсуждалось представление министра путей сообщения о новых железных дорогах, постройка которых предполагается на первую очередь. Долго спорили о так называемых каменноугольных дорогах Новороссийского края и Донской области и на этом остановились, отложив дальнейшие прения до экстренного заседания, предположенного в воскресенье.

Вечером был во 2-й военной гимназии на концерте, ежегодно посещаемом мною. Только в прошлом году я не был по особым причинам.

2-го апреля. Среда. — С 10 ч. утра был в Зимнем дворце по случаю осмотра государем топографических, картографических и гидрографических работ.

Две дочери мои (Надежда и Елена) и племянница⁸⁶ окончили свои экзамены на звание учительницы. В последнее время они были очень озабочены, и я рад за них, что все обошлось вполне удачно.

3-го апреля. Четверг. — После доклада у государя участвовал я в совещании у князя Горчакова опять по вопросу о железных дорогах на Кавказе. В совещании этом участвовали великие князья — наследник цесаревич и Константин Николаевич, Чевкин, гр. Шувалов, кн. Мирский, министры финансов и путей сообщения, бар. Жомини и Стремоухов. После продолжительных прений о том, вести ли дорогу в Персию чрез Джульфу или чрез Асландуз (т. е. с западной или восточной стороны от горной страны Малого Кавказа) и строить ли прежде дорогу к границе Персии или от Тифлиса к Баку, первый вопрос решен был единогласно в пользу Джульфы (т. е. в западном направлении), несмотря на то, что вначале очень горячо оспаривали это направление кн. Мирский и великие князья. Таким образом, с помощью гр. Шувалова, подробно объяснившего, какое впечатление произвело в Англии и в Берлине известие о намерении нашем вести дорогу на Таврис, нам удалось (кн. Горчакову и мне) убедить прочих членов в том, что соединение с Персией не иначе

*) затрагивающим слабую сторону англичан.

может быть, как чрез Джульфу. Решение это противоречит постановленному в предыдущем нашем совещании, в котором кн. Горчаков уступил пред настойчивостью кн. Мирского, поддержанной обоими великими князьями в угоду вел кн. Михаилу Николаевичу. Что же касается второго вопроса — которую линию строить прежде, то голоса разделились: пятеро высказались за Бакинскую дорогу, а четверо — за Джульф[ин]скую. В числе последних, кроме нас двоих (кн. Горчаков и я), были Чевкин и гр. Шувалов. За сим последнее слово будет зависеть уже от высочайшей воли.

Вечером опять должен был слушать музыку воспитанников 1-й военной гимназии, конечно, не для удовольствия своего, а для поощрения юных виртуозов.

4-го апреля. Пятница. — Сегодня утром проводил на вокзал жел. дороги жену и старших двух дочерей, уехавших за границу ради болезненного состояния дочери Ольги, которая с самого возвращения из Крыма не может отделаться от лихорадки*). Прежний наш план — провести лето в Симеисе — расстроился, к тому же и постройка дома все еще не окончена**).

6-го апреля. Воскресенье. — Вчера был я в заседании соединенных департаментов Государственного совета: рассматривалось представление мое о введении земских учреждений в Области Войска Донского. Я ожидал упорных прений по вопросу о том, должны ли новые эти учреждения оставаться в ведении Военного министерства или поступить в заведывание Министерства внутренних дел, как доказывали Тимашев и гр. Пален. Однакоже, к удивлению моему, вопрос этот совсем пройден молчанием. Позже узнал я, что пред самым заседанием Потапов доложил государю о предстоявшем споре и получил от его величества положительное заявление, что желает, чтобы земское дело в Области Войска Донского оставалось в руках Военного министерства. Таким образом, еще до начала заседания условлено было не поднимать спорного вопроса, заранее уже предпрешенного. Тем не менее, заседание продолжалось до 5 часов.

Сегодня утром представлял я государю разные интендантские образцы, и в том числе новое шинельное сукно темносерого цвета. После обедни представлялись его величеству офицеры, кончившие курс в Академии генерального штаба.

Сегодня же, несмотря на Вербное воскресенье, было экстренное

*) и во все это время не выходила из комнаты. Грустно видеть ее, и кто знает, поможет ли ей поездка за границу.

**) Первоначальный текст после слов «Прежний наш план—провести лето в Симеисе—расстроился»: «дом все еще не готов, и трудно сказать, когда можно будет войти в него. Прискорбнее же всего, что у некоторых из членов семьи поселилось с прошлой осени предубеждение против Крыма и опасение так называемой «крымской» лихорадки».

заседание Комитета министров для окончательного рассмотрения представления министра путей сообщения о новых линиях железных дорог. Опять пришлось мне выдержать жаркие прения. По одному из вопросов вышло разногласие: со мною подали голоса пятеро, все остальные 20 голосов — против меня. Впрочем, я уже привык к тому, что при суждениях о железных дорогах военные интересы не только не находят защитников, но вызывают прямое противодействие со стороны большинства моих коллег. Думаю, что ни в одном правительстве нет такой односторонности во взглядах на государственные нужды и интересы. В особенности возмутительны лицемерные речи тех ораторов, которые стараются мнимыми экономическими и финансовыми соображениями маскировать закулисные побуждения, частные корыстные интересы. Удастся ли кому-либо из влиятельных лиц выхлопотать, чтобы выдана была концессия на постройку железнодорожной линии, проходящей чрез его имение или его заводы, и вот эта линия провозглашается крайне необходимой для процветания целого края, для развития промышленности и т. д. Если при этом напомним о другой соседней линии, более необходимой не для местных только интересов, а для целей общегосударственных, то возражают, что речь о той линии еще впереди; а когда чрез несколько времени напомним снова о той же линии, тогда без зазрения совести объявляют, что она сделалась уже невозможной за проведением той, на которую только что пред тем выдана концессия.*) Такова в общих чертах история всей нашей железнодорожной сети. И досадно и прискорбно. Я вышел сегодня из заседания в 6-м часу, усталый и озлобленный.**)

*) Первоначальный текст после слов «...во взглядах на государственные нужды и интересы.» (строка 9 св.): «Кроме того, не могу равнодушно слышать разглагольствования некоторых из наших администраторов, прикрывающих мнимыми экономическими и финансовыми соображениями какие-нибудь закулисные побуждения ради частных корыстных интересов. Кому-нибудь обещана вперед такая-то дорога, она проходит чрез имения или фабрики такого-то влиятельного лица, акции обещаны такому-то фавориту, — и вот провозглашают крайнюю необходимость такой-то линии для процветания целого края, для развития промышленности и т. д. Когда при этом напоминаешь, что есть другая линия, более необходимая, удовлетворяющая общим государственным целям, а не каким-нибудь местным, даже частным интересам, тогда заглушают такое заявление, говорят, что не настало время рассуждать об этой линии, что до нее дойдет речь после, вслед за тем. Но когда чрез несколько времени напомним снова об этой линии — объявляют без зазрения совести, что она сделалась уже невозможной после проведения той, на которую только пред тем выдана концессия».

**) Вечер провел по обыкновению в приятельском кружке, на сей раз без хозяйки.

8-го апреля. Вторник. — В Комитете министров обсуждались два представления министра государственных имуществ о продаже в частные руки двух казенных горных заводов — Богословского и Луганского. Последний из этих заводов чуть было не подал повода к новому скандалу, которого мы избегли только благодаря случайности. Когда Комитет уже пришел к окончательному заключению и председатель готов был прекратить заседание, неожиданно приехал великий князь Константин Николаевич. Председатель⁸⁷ вышел к нему навстречу. Великий князь был крайне озадачен, узнав, что опоздал: он намеревался настаивать, чтобы в этом же заседании Комитет прямо порешил продажу Луганского завода адъютанту великого князя Семечкину, без всякой конкуренции.*) Не поспев к рассмотрению дела о Луганском заводе, великий князь все-таки желал, чтобы приезд его не был напрасным: он занялся другим делом, которое также**) затрагивает интересы***) некоторых высокопоставленных лиц, именно вопросом о кавказских железных дорогах. Недовольный результатом последнего нашего совещания у государственного канцлера, вел. князь ****) домогался изменения составленного Стремоуховым протокола. Подстрекаемый князем Мирским и*****) телеграммами из Тифлиса, Константин Николаевич настаивает, чтобы государю был поднесен на утверждение полный трактат о кавказских железных дорогах, разумеется, в том смысле, в каком*****) желает кавказское начальство. Князь Горчаков, оскорбленный резкими и бесцеремонными приемами великого князя, подстрекаемый, в свою очередь, Стремоуховым, объявил наотрез, что поднесет государю краткий протокол заседания в той форме, в какой он был составлен, — именно как простой перечень того, что действительно было высказано в совещании каждым из членов. *****)

*) К счастью, дело уже было решено в противном смысле. В городе давно уже говорили, что под именем Семечкина желает приобрести завод сам вел. кн. Константин Николаевич, что он же намерен приобрести и постройку Каменноугольной железной дороги, опираясь на тот аргумент, что будто бы выгоднее, чтобы эта жел[езная] дорога была в одних и тех же руках с Луганским заводом, так чтобы железная дорога подвозила к заводу топливо от каменноугольных копей и руду от Кривого Рога. Говорят, что Семечкин и другой адъютант великого князя Киреев уже имели наглость предлагать на бирже акции этой жел[езной] дороги и приискивать капитал на приобретение Луганского завода.

**) заживо

***) его и

****) требовал

*****) бесперывными

*****) желают вел. князь Михаил Николаевич и кн. Мирский.

*****) Не знаю, чем кончится это препирательство, но, во всяком случае, настойчивость и назойливость, выказываемые в этом деле

13-го апреля. Светлое воскресенье. — Последние дни страстной недели были отчасти заняты обрядами говения, отчасти обычными делами. Дело о кавказских дорогах чуть было не разыгралось открытой ссорой между вел. кн. Константином Николаевичем и государственным канцлером. У них, говорят, произошла горячая стычка из-за журнала нашего совещания; однакоже кончилось тем, что журнал дополнен аргументацией обеих сторон и в таком виде представлен вчера государю.

Эту ночь, по заведенному порядку, я был во дворце; после церковной службы и христосования разговлялся за царским столом в так называемой «Золотой гостиной» императрицы, которая по слабости здоровья не присутствовала в большой дворцовой церкви, но вышла разговляться.*)

14-го апреля. Понедельник. — Полковой праздник лейб-гренадерского полка справлялся обычным порядком; обед во дворце.

15-го апреля. Вторник. — Обед у французского посла Леффо.

17-го апреля. Четверг. — Выход во дворец и крестины вел. княжны Ксении Александровны.

18-го апреля. Пятница. — Сегодня утром государь собрал под личным своим председательством всех лиц, участвовавших в бывших у государственного канцлера совещаниях по вопросу о закавказских железных дорогах. К сожалению, Чевкин отсутствовал по болезни. Государь предложил каждому из нас высказать, что находит нужным в дополнение к изложенному в журнале совещания. Первым начал говорить кн. Горчаков о политической стороне вопроса; после него я объяснил сравнительное значение обеих линий, насколько

вел. кн. Константином Николаевичем, и отчасти поддержка, оказываемая наследником цесаревичем в пользу протектируемой Михаилом Николаевичем и князем Мирским Бакинской дороги, подтверждают слухи, прежде уже ходившие, о том, что в этом деле, к прискорбию, есть также своя корыстная подкладка: уверяют, что акции Бакинской дороги уже вперед разобраны и что в числе акционеров — члены царской семьи. Говорят, вел. кн. Михаил Николаевич бомбардирует великих князей Константина Николаевича и наследника цесаревича телеграммами, в которых убедительно упрасивает их, во имя дружбы, отстоять Бакинскую дорогу.

Крайне прискорбно и грустно, что дух спекуляции и жажда наживы до такой степени обуяли всех не только государственных людей, но даже членов царской фамилии. Об этом говорят громко в публике, так же как об их любовных проделках, которые всем известны. Скандальные эти сплетни окончательно <роняют> колеблют прежнее благоговение к царскому дому и то обаяние, которым он был окружен в представлении народном.

*) Вчера получил я первое письмо от жены из Висбадена.

ко это было нужно для суждения о том, которую из них следует строить прежде. Государь перебивал меня несколько раз; однакож нельзя было еще заметить, на которую сторону он клонит, ибо, когда после меня заговорил министр финансов, государь также перебивал и его аргументы. Затем говорили гр. Шувалов и Посьет, несколько слов сказали кн. Мирский и вел. кн. Константин Николаевич. Видно было, что государь колебался и затруднялся, на которую сторону склониться. К счастью, Посьет, говоривший, как всегда, очень нескладно*) попал случайно на такую мысль, которую**) я поспешил поддержать: зачем спорить о том, которая из двух дорог важнее, нужнее и выгоднее, почему не решить теперь же строить обе дороги; таким образом, политические наши цели относительно Персии и Англии будут достигнуты одним этим заявлением; для успокоения же министра финансов можем условиться, что приступим теперь к постройке Бакинской линии, а Джульфинскую будем изучать и подготавливать, так чтобы персидское правительство видело, что мы со своей стороны не оставляем предположенного дела и не уклоняемся от данного обещания идти навстречу будущим персидским дорогам. Такая мысль, видимо, понравилась***), она давала выход из трудного положения.****) Государь поспешил одобрить предложенный способ решения и тем прекратил прения. Министрам финансов, путей сообщения и иностранных дел поручено формулировать заключение в том смысле, что концессия будет дана общая на обе дороги, но капитал на первый раз будет определен, собственно, по размеру одной Бакинской линии, причем будет условлено приступить к постройке Джульфинской линии, когда правительство признает это возможным после надлежащих изысканий. Постановленное решение, видимо, успокоило и кн. Мирского и обоих великих князей, которые по окончании заседания очень любезно выразили мне свое удовольствие*****).

После совещания осматривал я в Соляном городке, в Педагогич-

*) можно сказать, даже вздорно,

**) я не решался высказать, но которую

***) всем

****) Министр финансов даже не возражал, и хотя кн. Горчаков начал было выражать противное мнение, однакоже

*****) у государя также камень с плеч свалился. Я и сам доволен этим решением, так как моя цель в том и заключалась, чтобы иметь рано или поздно обе дороги, и если я подавал голос против Бакинской линии, то единственно из опасения, чтобы она не убила совсем Джульфинскую. Если ж последняя и будет построена годом или двумя позже Бакинской, то в этом не вижу никакого неудобства; напротив того, в итоге мы выигрываем год времени, так как < по собственному моему сознанию, > к постройке Джульфинской линии ни в каком случае не было бы возможности приступить в текущем году. Нельзя притом не заметить, что сегодняшнее решение было

ческом музее, выставку учебных пособий по части географии. Большая часть выставленных предметов предназначена для отправления на Парижскую географическую выставку. В последние годы у нас сделано много вообще по части педагогики и учебных пособий, в особенности же по предмету географии. Можно сказать, что теперь в учебных пособиях по этой части у нас почти роскошь.*)

19-го апреля. Суббота. — При докладе моем государь с удовольствием показывал мне ответную телеграмму вел. кн. Михаила Николаевича по поводу вчерашнего решения вопроса о закавказских железных дорогах. Кавказское начальство в восторге. Но**) оказывается, что решение сформулировано министром финансов совсем не в том смысле, в каком вчера, по моему предложению, было постановлено в Совете министров. О Джульфинской дороге сказано***), что будет приступлено к изысканиям, тогда как

почти полной победой после первого заключения нашего же совещания, уже получившего было высочайшее утверждение и состоявшего в том, чтобы строить одну Бакинскую дорогу, «от которой впоследствии может быть проложена ветвь к персидской границе». Под этой ветвью разумелась дорога на Асландуз, против которой я постоянно возражал и которую горячо поддерживало кавказское начальство. Теперь об асландузском направлении нет и речи; Джульфинская линия признана окончательно. Засим останется следить за самым исполнением постановленного ныне решения, а именно — настаивать, чтобы Джульфинская линия не оставалась надолго величиной «мнимой», утвержденной только в теории, на бумаге; и, во-вторых, чтобы добиться отмены свободного транзита по жел[езной] дороге в Баку. Предвижу, что в этом вопросе встречу сильную оппозицию со стороны кавказского начальства и министра финансов, несмотря на то, что в бывших совещаниях наших ни Рейтерн ни кн. Мирский не опровергали моих опасений на этот счет и согласились включить в первоначальный наш протокол оговорку, что вопрос о прекращении транзита должен быть рассмотрен и разрешен особо, прежде чем может быть открыто движение по Бакинской железной дороге. Они, конечно, ни к чему не обязывались, соглашаясь отложить рассмотрение вопроса; не сомневаюсь, что будут употреблены все ухищрения для того, чтобы устранить возникновение его, особенно, если есть правда в толках о том, будто в деле Бакинской дороги главными акционерами будут лица очень высокопоставленные.

*) Полученные письма из Висбадена не совсем утешительны относительно здоровья бедной моей Ольги. Однакож жена уже на обратном пути, и мне кажется загадочным, как решилась она оставить больную в таком положении на попечение одной старшей ее сестры.

**) к крайнему прискорбию, я удостоверился

***) только

вчера говорилось, что на обе дороги разом будет дана концессия, с тем только, что к работам Бакинской линии будет приступлено неотлагательно, а к работам Джульфинской — по окончании изысканий. Таким образом, наша сторона, сделав вчера уступку, дала себя провести*). Кн. Горчаков сегодня повторил мне, что он недоволен решением.

В час пополудни происходила в Георгиевском зале Зимнего дворца церемония прибивки нового штандарта, данного л.-гв. казачьему полку по случаю завтрашнего торжества 100-летнего его юбилея. После того я высидал до 5 ч. в соединенных департаментах Государственного совета по делу об изменении штата областного правления Донского войска, а затем был на дипломатическом обеде у германского посла пр(инца) Рёйсс.

Прямо с обеда ездил на станцию Варшавской железной дороги встречать жену, которая возвратилась из-за границы, оставив большую дочь⁸⁸ в Висбадене на попечении старшей сестры ее.

20-го апреля. Воскресенье. — Большая часть дня прошла в торжестве казачьего юбилея: утром парад на площадке пред дворцом, а позже обед во дворце, в Гербовом зале. Казаки осыпаны милостями.

21-го апреля. Понедельник. — После общего собрания Государственного совета было продолжительное заседание соединенных департаментов вместе с Польским комитетом для обсуждения представления Набокова о введении в Царстве Польском судебной реформы. Спорили много, потому что реформе этой, видимо, не сочувствует Министерство юстиции. С тех пор, как тянется это дело, гр. Пален во все время старался тормозить и исказить его, предвидя, вероятно, что всякая мера, отождествляющая судебную часть в Царстве Польском с устройством ее в империи, будет шагом к такому же отождествлению и в прибалтийских губерниях.***) Однакож дело прошло, благодаря настойчивости и твердому направлению председательствовавшего в заседании К. В. Чевкина; решено ввести новый устав в Царстве Польском не позже как чрез год***).

После заседания я должен был ехать на большой обед, данный казаками атаману своему наследнику цесаревичу в доме графини

*) и, как говорится, мы остались в дураках.

**) Не видя возможности сопротивления реформе, он начал уклоняться от личного участия в деле и вместо себя прислал сегодня своего товарища Эссена, как кажется, такого же, как он сам, остзейца. Однакож ему не удалось ни в чем попортить дела.

***)) и без малейшего поползновения к поддержанию сепаратизма.

Елиз. Алексеевны Орловой-Денисовой. Обед был такой, как все обеды в подобных случаях: с музыкой, тостами*) и проч.**)

22-го апреля. Вторник. — Продолжительный доклад у государя. Утверждено предположение о переформировании кавалерии. Вновь возбужденный А. А. Баранцовым вопрос о переформировании конной артиллерии остался пока нерешенным.

В заседании Комитета министров читались выборки из доклада комиссии, рассматривавшей отчет министра народного просвещения за 1873 год. В среде самой комиссии возникла ожесточенная полемика по поводу отдельного мнения, поданного одним из членов, кн. Оболенским. По своему обычаю, гр. Толстой написал толстую тетрадь в опровержение замечаний кн. Оболенского на образ действий Министерства народного просвещения и, как всегда, наполнил свою записку***) искаженными фактами и неверными цифрами, чтобы оправдать себя и обвинить своего противника. И на этот раз он достиг своей цели: в резолюциях, положенных государем на обеих записках, обвинен кн. Оболенский, а гр. Толстой вышел с похвалой. Обе эти записки с резолюциями выслушали мы среди глубокого молчания; по окончании чтения безмолвно встали и только пожали плечами.****)

24-го апреля. Четверг. — Сегодня доклад мой был продолжителен и выходил из ряда обыкновенных. Между прочим, представлен был мною на высочайшее решение спорный вопрос о допущенных в практике Военного министерства долгосрочных подрядах провианта, против которых государственный контролер ежегодно восстает в своих всеподданнейших отчетах. Я прямо высказал, что не могу признать ген.-ад. Грейга или товарища его Островского более компетентными судьями в деле военного хозяйства, чем Военный совет в полном составе и лица, специально заведующие интендантской частью. Ныне, по случаю близкого окончания срока такого долгосрочного контракта, заключенного*****) на петербургскую провиантскую поставку, предполагается опять внести в Военный совет предположение об устройстве вновь подобной же долгосрочной поставки*****), открыв для того надлежащую конкуренцию между благонадежными торговцами или известными коммерческими фирмами. Но, прибавил я, прежде чем подвергнуть это предположение обсуждению Военного совета, считаю необходимым

*) приторными выражениями поддельных чувств.

**) До крайности утомленный, возвратился я поздно домой, чтобы приняться за работу.

***) бессовестным искажением фактов и цифр

****) Рассуждать нельзя после предъявленных высочайших резолюций, остается только в подобных случаях затаить в своем сердце вынесенное негодование.

*****) с Фейгиным и переданного им Овсянникову и Кокареву

*****) зерна с перемолом

заражее удостовериться, не противна ли личному мнению его величества означенная система долгосрочных договоров? После моих объяснений государь сказал, что хотя ему и кажется, что я прав, однакож не считает себя довольно близко знакомым с делом, чтобы сказать решительное слово, и потому желал бы для устранения всякого сомнения, чтобы вопрос был рассмотрен в финансовом комитете, с приглашением главного интенданта. Я должен был подчиниться такому решению, сказав только, что рассмотрение в финансовом комитете не должно иметь гласности и формальности, дабы не подать повода к нарушению прав и компетенции Военного совета.

По поводу того же дела я доложил государю о ложных слухах, распушенных в городе по поводу найденного при арестовании купца Овсянникова⁸⁹ списка интендантских чиновников, которые будто бы брали взятки от его приказчика. Действительно, в этом списке оказались почти все смотрители магазинов и даже 3 чиновника окружного интендантства; им уже предложено подать в отставку; но сплетники и злые языки выдумали, будто в этом списке оказались имена «высокопоставленных лиц», называли окружного интенданта Скворцова и ген.-ад. Мордвинова. Наглая эта ложь и клевета, разумеется, произвели сильное волнение в интендантской сфере и в канцелярии Военного министерства. Для прекращения этих слухов просили меня выхлопотать теперь же, не в урочное время, награды как Мордвинову, так и Скворцову, однакож государь не согласился на это, а разрешил только напечатать в Правительственном вестнике краткую заметку в опровержение распушенных ложных *) толков.

Кстати о толках: вчера, после разговора с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом I-м, государь приказал Потапову призвать к себе ген.-м. Черняева и намылить ему голову за его неприличные генеральскому званию выходки в печати против всего управления ген. Кауфмана. Сомневаюсь, чтоб это объяснение Потапова с Черняевым имело какой-нибудь практический результат: думаю, что Потапов разыграет роль повара в басне «Повар и кот».

Во время доклада государь говорил о странном слухе, будто Пруссия намеревается снова разгромить Францию и только ищет предлога к нападению. Кн. Орлов сообщает, что Дербн предварил об этом Деказа (французского министра иностр[анных] дел), **) в среде же французского правительства ходит слух, будто Пруссия намерена напасть на Австрию. Государь смущен этими слухами и, говоря об образе действий Бисмарка, сравнил его с Наполеоном I, который по окончании каждой войны сейчас же искал предлога к начатии новой. Странно слышать такое мнение из уст государя — друга и верного союзника императора Вильгельма. Цесаревич вме-

*) или преувеличенных

**) что Бисмарк затевает неожиданное нападение;

шался в разговор и заметил, что все дело заключается в католическом вопросе. Я воспользовался случаем, чтобы сказать, что за несколько дней пред сим ген. Обручев подал мне записку, в которой развивает ту же мысль — что затруднения, в которые Пруссия ныне поставлена борьбой с папизмом, должны повести к общей европейской войне, которая, по мнению Обручева, может быть ближе, чем мы думаем. Сначала я положил эту записку под спуд, думая, что Обручев*) фантазирует, но теперь решаюсь представить его записку для прочтения государю.**)

После доклада моего было у государя совещание, в которое приглашены были министры внутр[енних] дел, юстиции и шеф жандармов. Дело шло о том, судить ли военным судом или гражданским пойманных на днях в казармах л.-гв. Московского полка нескольких молодых людей, покушавшихся производить пропаганду между нижними чинами. Уже несколько дней ранее я объяснял государю, что при теперешнем устройстве судов гражданских и военных нет никакой цели отступать от общего установленного порядка подсудности. То же самое объяснил и гр. Пален. Решено вести дело законным порядком, но при этом были снова высказаны некоторые мысли относительно вредной пропаганды, производимой нашими нигилистами, о мерах к ограничению зла и т. д. Государь указал на необходимость скорейшего разрешения вопроса о том, как избежать рассеяния по всей России людей, высылаемых за вредный образ мыслей и противозаконные стремления. Поручено подлежащим министрам обсудить, нельзя ли образовать нечто вроде пенитенциарных колоний.

В час пополудни — большой парад на Царицыном лугу (Марсовом поле); погода прекрасная, и все обошлось вполне удачно.

Вечером мой сын уехал на Дон.

25-го апреля. Пятница. — Был на экзамене в Артиллерийском училище, потом на смотре молодых солдат последнего призыва.

26-го апреля. Суббота. — При докладе государь опять заговорил о слухах, будто Пруссия ищет предлога к новой войне с Францией, и опять заметил, что Бисмарк, подобно Наполеону I, придирается ко всякому пустому предлогу, чтобы только затеять войну.***) Государь приводил слова Мольтке, который находил, что

*) бредит

**) Кажется, Обручев прав, и дело оказывается серьезнее, чем до сих пор представлялось.

***) Первоначальный текст после слов «...ищет предлога к новой войне с Францией» (строка 4 сл.): «Он сравнивал Бисмарка с Наполеоном I в отношении образа действий: он также находит потребность в войне и придирается к пустому предлогу, чтобы только воевать».

для Пруссии выгоднейший операционный путь во Францию — чрез Бельгию. Не совсем понятно, почему германской армии нужно искать какого-нибудь нового пути чрез нейтральную страну, когда у нее теперь такой превосходный базис, как Рейн от самого Базеля до Кобленца с несколькими первоклассными крепостями и, кроме того, с передовым сильным пунктом — Мецом. Государь закончил этот разговор, сказав: «Вот узнаем завтра в Берлине».

Вечером ездил я на станцию Варшавской железной дороги проводить государя. Он едет в Эмс и полагает возвратиться 23-го июня.

5-го мая. Понедельник. — С отъезда государя не заглядывал в свой дневник. Дни текли в обычных занятиях, которые прерывались только хлопотами домашними. Оставшаяся еще в Петербурге часть моей семьи выехала по Николаевской железной дороге в прошлую среду, 30-го числа. Вчера же утром проводил я сестру Мордвинову за границу. Оставшись в совершенном одиночестве среди обширного пустого дома, не успеваю скучать за множеством разнообразных занятий. По утрам почти ежедневно бываю на экзаменах в учебных заведениях, затем в разных заседаниях и т. д.

Политические известия в последнее время успокоительнее, опасения войны, кажется, рассеялись. В значительной степени приписывают этот оборот свиданию нашего императора с германским. Посол наш в Париже, кн. Орлов, в одной из последних своих депеш в Мин[истерст]во иностр[анных] дел пишет, что во Франции серьезно озабочены войной, что маршал Мак-Магон в разговоре с ним, кн. Орловым, выражал ему надежду на заступничество нашего государя. „Je place la France sous la protection de l'Empereur“⁹⁰. Такая фраза со стороны президента французской республики выказывает *), в какое жалкое положение поставлено это государство, так недавно еще кичившееся своим первенством между всеми европейскими державами. В газетах французских, так же как в немецких и английских, прославляют Россию и императора Александра, выставляют его миротворцем Европы; даже враждебные России органы печати сделались до приторности любезны к нам. Давно Россия не была в такой выгодной роле. Воспользуется ли ею наша дипломатия и поддержит ли долго такое положение? Невольно родится сомнение, когда видишь, что государственный канцлер, доехав с государем до Берлина, оттуда отправился в Баден и в Швейцарию на все лето наслаждаться беззаботным *far niente*⁹¹, что при государе в Эмсе нет никого, кроме добродушного Амбургера⁹², которого вся служебная деятельность состоит только в писании под диктовку кн. Горчакова, здесь же во главе Министерства иностранных дел остается барон Жomini, не выучившийся даже говорить по-русски.

*) вполне

6-го мая. Вторник. — Сегодня в Комитете министров были продолжительные и горячие прения о направлении Северной железной дороги. Под этим названием разумелась предлагаемая Министерством путей сообщения линия от Ярославля чрез Вятку, Пермь на Тюмень, в отличие от южного направления чрез Казань или чрез Самару. В совещаниях участвовали и члены прежнего железнодорожного комитета, в том числе четыре инженера путей сообщения: ген. Мельников и Герстфельд, тайн. сов. Кербетц⁹³ и Шёрнваль; и несмотря на то, представление министра путей сообщения*) провалилось пред атакой почти всего Комитета. Посыет**) выказался и тут крайне слабым***); за его представление подали голоса только Мельников (который один, собственно, и говорил в пользу северного направления), Герстфельд и Шёрнваль. Даже Кербетц подал голос против северного направления. Абаза в длинной и превосходной речи совершенно уничтожил эту странную линию, так что прочим членам мало оставалось прибавить к его аргументам. Вел. кн. Константин Николаевич, принявший участие в заседании, также выказался весьма решительно за южное направление ****).

Сегодня же были еще два непродолжительные заседания: Польского комитета — в квартире Чевкина (который серьезно болен), и Кавказского.

Обедал я у А. А. Абазы.

7-го мая. Среда. — По официальным сведениям Министерства иностранных дел, император Вильгельм в разговоре с нашим государем положительно отрекся от всякого намерения начать снова войну с Францией. Бисмарк в беседе с кн. Горчаковым разразился негодованием на клеветы и сплетни, распускаемые газетами и самим правительством французским. „Il declara positivement que lui attribuer une agression contre la France équivalait à l'accuser d'idiotisme et de manque absolu d'intelligence“. — „Le maréchal Moltke (по выражению Бисмарка) avait pu s'exprimer comme homme de guerre sur une lutte prochaine avec la France, mais en politique c'est un jeune homme dénué de toute influence“⁹⁴. В официальной депеше наших дипломатов говорится далее: „Il résulte de l'ensemble de ces déclarations faites dans les termes les plus péremptaires que notre Auguste Maître a pleinement atteint le but de sa venue à Berlin et que sa présence et son langage ont raffermi les bases sur lesquelles repose le maintien de la paix. — Parmi les cabinets préoccupés des dangers dont la France serait menacée du côté de l'Alle-

*) ратовавшего горячо за северное направление чрез Пермь, Вятку и Ярославль,

**) был, как и всегда

***), чуть не до идиотизма;

****) т. е. на Казань и Нижний.

magne, celui de S[ain]t James s'est placé en première ligne. Contrairement à son langage habituellement modéré et même un peu obscur, cette fois l[or]d Derby a donné l'ordre à l[or]d Odo Russell de soutenir jusqu'aux dernières limites les efforts de l'Empereur pour le maintien de la paix et de mettre, le cas échéant, à la disposition de S. M. toute la puissance de l'Angleterre, si l'ambassadeur Britannique en était requis par nous. L'oeuvre entreprise par notre Auguste Maître était déjà accomplie lorsque cette offre a été faite et il n'y a pas eu lieu de s'en prévaloir⁹⁵.

8-го мая. Четверг. — Утром был я на экзаменах в Медико-хирургической академии и на Женских курсах. Нашел более порядка, чем бывало прежде.

Потом председательствовал в совещании, составленном из делегатов разных министерств и нескольких военных лиц для обсуждения основных начал военно-конской повинности. Самое деятельное участие в прениях приняли члены от Министерства внутренних дел: Беклемишев, Барыков и Семенов (Петр Петрович, статистик). Спорили почти до 6 часов; к счастью, совещание не осталось без результата.

Обедал у Елизаветы Павловны Эйлер с Грейгом и К. К. Гротом. Из рассказов Грейга о комиссии, обсуждающей под его председательством вопрос о передаче Медико-хирургической академии в Министерство народного просвещения, можно догадываться, что он клонит в пользу оставления Академии в военном ведомстве и что сам гр. Толстой уже охладел к этому делу, которое прежде так горячо принимал к сердцу.

20-го мая. Вторник. — С высочайшего разрешения собираясь в продолжительную поездку по некоторым округам для осмотра военных учреждений, предполагал выехать еще 14-го числа, но с 9-го занемог бронхитом и рожистым воспалением на лице, так что не мог и думать о выезде в назначенный день. Врачи приговорили меня к заточению, ежедневно утром и вечером навещали меня профессора Боткин и Тарновский.

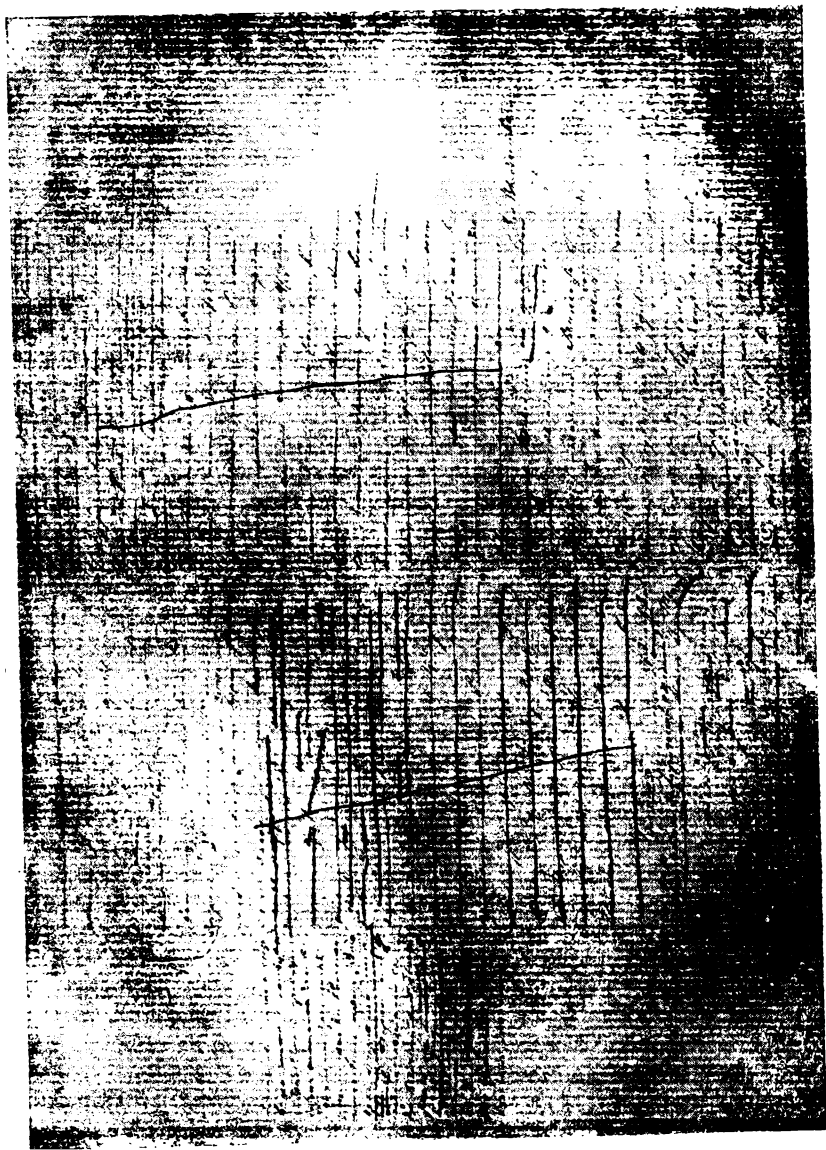
Выдержав 10-дневный карантин и не совсем еще оправившись, я решился, однакоже, выехать вчера, чтобы воспользоваться приездом в город великого князя Константина Николаевича и откланяться ему здесь, взамен поездки в Павловск. К тому же на нынешний день назначено было в Комитете министров обсуждение злополучного дела о Медико-хирургической академии. Дело это тянулось так долго, что, казалось, не было уже и повода торопиться решением его. Но в настоящее время года многие из членов Комитета министров, не исключая и самого Грейга, а также председателя ген.-ад. Игнатьева, готовятся покинуть столицу на все летнее время; да и я только ожидаю выздоровления, чтобы также уехать. Приходилось или отложить дело до осени или немедленно же порешить его в нынешнем заседании Комитета. Ген. Игнатьев и Грейг приезжали ко мне под предлогом навещенья

больного, но в действительности для того, чтобы предварить меня о предстоявшем заседании и получить мое согласие на немедленное внесение дела на обсуждение Комитета. Я изъявил на то согласие, хотя здоровье мое далеко еще не поправилось; но для меня слишком тягостна продолжительная неопределенность судьбы Академии, так же как и для нее самой.

Давно уже известно моим коллегам, что вопрос этот я считаю своим личным вопросом и что в случае передачи Академии в Министерство народного просвещения не останусь военным министром. Поэтому сегодняшнее заседание имело исключительное значение. Посетившие меня еще вчера Игнатьев и Грейг предупредили меня, что в заседании примет участие вел. кн. Константин Николаевич. Это крайне удивило меня, тем более, что при вчерашнем моем свидании с его высочеством была речь о назначенном сегодня заседании и ни малейшего с его стороны намека на его намерение участвовать в заседании. Да и какой для него интерес могло представлять дело о Медико-хирургической академии? Теперь припоминаю, что уже гораздо ранее доходили до меня слухи, будто великий князь поддался влиянию одного врача из академических профессоров, горячо ратовавшего за передачу Академии. Умалчиваю о том случайном поводе, которому сплетни приписывают это влияние ученого врача на великого князя.*) Как бы то ни было, появление в Комитете его высочества было невыгодным для меня предзнаменованием. Министр финансов Рейтерн, на которого я мог рассчитывать более, чем на других, не приехал в заседание, а прислал за себя Гирса

*) Первоначальный текст записи за 20-е мая:

«С 9-го числа я занемог рожей на лице и бронхитом, так что не мог и думать о выезде в предположенное путешествие по России. Врачи заключили меня в комнату; ежедневно утром и вечером д-р Тарновский приезжал распоряжаться моим носом, а проф. Боткин прописывал внутренние лекарства. Я выдержал 10-дневный карантин, и не совсем еще оправившись, должен был, однакоже, решиться выехать в понедельник, 20-го числа, чтобы воспользоваться приездом в Петербург великого князя Константина Николаевича и избежать поездки в Павловск. К тому же во вторник, 21-го числа, было назначено рассмотрение в Комитете министров несчастного дела о Медико-хирургической академии. Дело это тянулось так долго, что, казалось, не было уже и повода особенно торопиться внесением в Комитет министров доклада ген-ад. Грейга. Но последний почему-то пожелал скорее развязаться с делом; на этой неделе должен был уехать за границу председатель наш ген. Игнатьев, я также был на отъезде, другие министры намеревались в разное время покинуть столицу, и, таким образом, приходилось или отложить дело до осени или немедленно же разрешить его в нынешнем заседании Комитета. Только ночью с субботы на воскресенье разослан был доклад ген-ад. Грейга, названный, впрочем, журналом комис-

Запись 20 мая 1875 г.

(Александра Карловича). Также и представителями министерств внутренних дел и юстиции явились в заседание товарищи министров: кн. Лобанов-Ростовский и Эссен. Напротив того, А. А. Абаза приехал, несмотря на болезнь. Пред открытием заседания я заявил своим коллегам, что постараюсь воздержаться от всякого участия в прениях и ограничиться представлением Комитету тех объяснений или справок, какие могут понадобиться. Гр. Толстой, к удивлению моему, заявил то же самое в начале заседания. Комитет как

сии, состоявшей под его председательством. Пав. Ник. Игнатьев и Грейг несколько раз приезжали ко мне под тем предлогом, чтобы навестить больного, но, в сущности, для того, чтобы приготовить меня к предстоящему заседанию и спросить мое согласие на немедленное разрешение дела, так близко принимаемого мною к сердцу. Я изъявил согласие, хотя и чувствовал еще себя не совсем здоровым; мне надоело это долгое ожидание катастрофы; неопределенная будущность Академии была крайне тяжела для самой Академии, но она была тяжела и лично для меня. В моих мыслях уже было решено — в случае передачи Академии в Министерство народного просвещения не оставаться военным министром. Я заявил давно, что вопрос об Академии я считаю моим личным вопросом. Поэтому сегодняшнее заседание имело для всех более важное значение, чем какое-либо другое. Вчера откланивался великому князю Константину Николаевичу; хотя и была при этом речь о предстоявшем деле, однакож он ни слова не сказал мне о своем намерении принять сегодня участие в заседании; а вслед за свиданием со мною, в Государственном совете объявил, что намерен приехать в заседание Комитета министров, чтоб поддержать передачу Академии в Мин[истр]ство нар[одно]го просв[е]щения. Я узнал об этом вчера же от приезжавших ко мне Игнатьева и Грейга и не мог не подивиться такой двуличности великого князя. И какой интерес могло иметь для него это дело? Но я припомнил, что уже гораздо ранее доходили до меня слухи о том, что один из профессоров Академии Флоринский, поддерживавший все время агитацию в пользу передачи Академии, имел особенный случай повлиять на великого князя. История несколько скандальная: у любовницы Константина Николаевича (актрисы Кузнецовой) заболел ребенок; великий князь встревожился, рассылал ночью за докторами; двое отказались приехать, но третий, Флоринский, приехал, и хотя ребенок все-таки умер, однакоже случай этот сблизил Флоринского с великим князем, и раз, находясь с ним в среде незаконной его семьи, он усердно занялся внушением великому князю необходимости отделения Академии от Военного министерства. Константин Николаевич, легко увлекающийся посторонними влияниями и действующий всегда порывами, без сдержанности, исполнил обещание, данное Флоринскому, и совершенно неуместно явился в заседание Комитета министров».

будто готовился к сражению. Первым начал говорить Грейг, как председатель комиссии, на которую было возложено предварительное разъяснение обстоятельств спорного дела; он являлся в качестве следователя, которого голос имел особенное значение; он один из всего Комитета изучил дело, выслушав в течение почти целого года бесконечные толки, показания и справки обеих сторон. Можно было думать, что он будет клонить на сторону гр. Толстого, как давнишнего своего приятеля и товарища по морскому министерству. *) Каково же было общее удивление**), когда Грейг начал положительно вести речь в пользу оставления Академии в военном ведомстве. Длинная и дельная речь такого компетентного судьи***) дала делу решительный оборот; прочие члены Комитета — Валуев, Абаза, даже кн. Сергей Ник. Урусов — заговорили в том же смысле; даже сам гр. Толстой и союзник его — представитель Министерства внутренних дел кн. Лобанов-Ростовский ****) сделались *****) уступчивыми и, казалось, готовы уже были отступить от своего домогательства, как напоследок поднял голос великий князь Константин Николаевич в смысле диаметрально противоположном всему, что говорилось до него. Тогда и Грейг и я были вынуждены выйти из нашей сдержанной роли. Грейг выказал при этом много достоинства, вступив в живое, даже несколько резкое препирательство с великим князем, несмотря на свои близкие с ним отношения. Тем не менее, гр. Толстой и кн. Лобанов-Ростовский снова оперились и заявили, что не видят причины отказаться от своего прежнего мнения. Председатель пустил вопрос на голоса; на сторону гр. Толстого и кн. Лобанова-Ростовского стали только трое: великий князь, адм. Лесовский (тут же откровенно объявивший, что считает себя обязанным подать голос заодно со своим начальством) и Эссен; на моей же стороне оказались все прочие 20 голосов. Такой результат был для меня совершенно неожидан. После заседания многие из моих коллегов подходили ко мне с выражением своего удовольствия. Подошел и великий князь с вопросом: не сержусь ли я на него? *****) — «Сердиться не смею, — отвечал я, — но удивляюсь». — «Почему же? разве я мог говорить противно моему убеждению?» —

*) Первоначальный текст после слов «...показания и справки обеих сторон»: «Вообще предполагали, что Грейг, не высказывавший никогда никакого заключения, будет более клонить на сторону гр. Толстого, как давнишнего своего приятеля и товарища по морскому министерству».

**) и, не скрою — мое удовольствие

***) в настоящем деле

****) (за отсутствием Тимашева)

*****) весьма

*****) Первоначальный текст после слов «...После заседания многие из моих коллегов»: «подходили меня приветствовать, и видно было, что большинство осталось довольно таким исходом.

«Этого никто не может требовать; но для чего нужно было вашему высочеству внести в это дело ваши убеждения? Вы знали, что это вопрос личный для меня; приехав нарочно, чтобы подать голос против меня, вы, может быть, способствовали тем моему удалению из министерства...» Великий князь начал уверять меня в своем ко мне расположении и убеждал, чтобы я не связывал дело Академии с вопросом личным. Прощаясь со мной, великий князь сказал: «Надеюсь, что мы будем еще многие годы идти вместе, рука в руку», — на что я ответил, что теперь решение уже зависит не от нас.

Таким образом, сегодняшнее заседание прошло гораздо приятнее для меня, чем я мог ожидать; я доволен уже тем, что дело не было отложено; теперь буду с большим спокойствием ожидать из-за границы окончательного решения. Утвердит государство заключение большинства — в таком случае вся история с Академией скоро будет забыта, как лихорадочный бред; утвердит мнение меньшинства — я перестану быть министром и с удовольствием избавлюсь от всех забот и тревожений, не дававших мне в продолжение стольких лет ни отдыха ни покоя. Настоящее время самое удобное для меня в этом отношении: высочайшая резолюция будет получена в отсутствие мое из Петербурга; узнав о ней, я могу просто донести о своей болезни и просить увольнение за границу. В этих видах, готовясь к отъезду, привожу свои дела в такой порядок, чтобы всеми оставляемыми в петербургской квартире бумагами и вещами можно было в случае надобности распорядиться заочно.

22-го мая. Четверг. — Происходившее во вторник заседание Комитета министров, со всеми его перипетиями*), не оставило по себе следов на состоянии моего здоровья; на другой же день, то-есть вчера, я чувствовал себя настолько удовлетворительно, что ездил прощаться с близкими своими знакомыми, а сегодня — в Царское Село откланяться находящимся там членам царского семейства. По возвращении в Петербург заехал к вел. кн. Николаю Николаевичу, а потом на Каменный остров к герцогу Георгу Мекленбург-Стрелицкому. Чрез час отправляюсь на Николаевскую железную дорогу.

24-го мая. Суббота. Пароход на Волге. — Вчера, в пятницу, в Москве провел я все утро в военных гимназиях и юнкерском училище; потом сделал несколько визитов, заехал к своей невестке Марии Аггеевне Милутиной, отобедал запросто у ген. Гильден-

Мне же оно было более чем приятно, хотя я и не обольщался успехом в Комитете, зная, что окончательное решение вопроса не основывается на счете голосов. Великий князь не мог, конечно, не заметить моего неудовольствия на его неуместное вмешательство в дело, несколько до него не касавшееся; он подошел ко мне с вопросом: не сержусь ли я на него?»

*) и волнениями

штуббе и в 8 часов вечера был уже на станции Ярославской жел. дороги.

Сегодня в 7-м часу утра прибыл в Ярославль, остановился в военной прогимназии у директора ее полк. Боголюбова. До 2-го часа осматривал это заведение, потом сделал визиты архиерею, губернатору (адмиралу Унковскому) и городскому голове (Шубину) и, наконец, осмотрел казармы. Ни в одном городе квартирующие войска не имеют такого удовлетворительного помещения. В 8½ ч. вечера я был уже на пароходе общества «Самолет» и отчалил от ярославской пристани «вниз по матушке по Волге».

Еду я с адъютантом моим, полковником*) Араповым и поручиком фельдъегерского корпуса Даниловым. В Нижнем должен присоединиться еще инженер-полк[овник] Покотиллов, командированный от Главного управления военно-учебных заведений для объяснения мне некоторых вопросов по строительной части.

5-го июня. Четверг. Станция Лозовая. — В ожидании отхода железнодорожного поезда пользуюсь продолжительной остановкой на станции, чтобы внести в свой дневник отчет за целые двенадцать дней путешествия.

Плавание мое по Волге совершилось вполне удачно и быстрее, чем я рассчитывал. 26-го мая (понедельник), рано утром прибыв в Нижний, отправился прямо в военную гимназию, где директор ген.-м. Носович приготовил мне пристанище. Это одна из лучших военных гимназий; я любовался превосходными отношениями, установившимися между воспитанниками и директором: это почти отношения детей к отцу. В течение дня я успел осмотреть город, помещения войск, лазареты, офицерское собрание, сделать визиты вице-губернатору бар. Фредрихс (за отсутствием губернатора), городскому голове (Губину) и начальнику дивизии ген.-лейт. Ганецкому; затем выдержал**) парадный обед, данный в мою честь городским обществом. Тут, разумеется, не обошлось без тостов и спичей. Городской голова показал при этом много такта, взяв темой своей речи Сибирскую железную дорогу: вопрос этот, конечно, давал мне в глазах нижегородского купечества гораздо более права на его сочувствие, чем новый закон о воинской повинности, с которой Губин начал было свой спич. Вечер провел в среде воспитанников военной гимназии, которые угощали меня пением и музыкой.

27-го мая (вторник), в 8 часов утра распростился я с приветливыми юношами, с их начальством и педагогами и продолжал путь на пароходе. После суточного плавания, 28-го числа (в среду) в 7-м часу утра прибыл в Казань. Здесь пробыл я двое суток (28-го и 29-го мая), осматривал помещения войск, госпиталь, юнкерское училище, интендантский склад, пороховой завод, лагерь 2-й пехотной дивизии и проч. Всюду сопровождал меня командующий вой-

*) Иваном Андр[еевичем]

**) попытку парадного обеда

сками Казанского округа ген. Бруннер. Это личность мало симпатичная, много слышал жалоб на его резкость и грубость, но, с другой стороны, надо отдать ему справедливость, что он своей строгостью водворил между военными несколько более порядка и дисциплины, чем было до него. 29-го числа он дал большой обед, к которому были приглашены высшие военные начальники и губернатор Скарятин. В Казани, как и в других посещенных мною городах, старался я уладить дело постройки казарм для устранения крайних неудобств существующего ныне порядка размещения войск в частных домах по найму от города.

30 мая, в пятницу, выехав в 8 ч. утра из Казани опять на одном из маленьких пароходов «Самолета», я успел в тот же день осмотреть в Симбирске военную гимназию и помещения местной команды. Гимназия представляется пока только в зачаточном виде: она временно помещена в тесном частном доме и не имеет собственного интерната; только небольшое число воспитанников (преимущественно иногородних родителей) помещено в соседнем доме, в пансионе, содержимом одним из преподавателей. Директор новоучрежденной гимназий, полк. Альбедиль, к сожалению, человек болезненный. Возвращаясь под вечер на пароход, я осмотрел место, назначенное для постройки здания гимназии по проекту, составленному полк. Покотиловым.

31 мая, в субботу, к часу пополудни прибыл я в Вольск, где меня особенно интересовала военная прогимназия, устроенная в виде исправительного заведения для тех воспитанников военных гимназий и прогимназий, которые удаляются оттуда за какие-либо предосудительные наклонности или пороки. Заведение помещено в старинном ветхом доме, по возможности приспособленном к настоящему назначению; вся обстановка очень скудная, но местоположение прекрасное: большой сад, огород и все, что нужно для занятий воспитанников физическим трудом. Директор, полк. Остелецкий — отличный специалист по своей части, вполне преданный делу. Воспитанников нашел я гораздо лучшими, чем ожидал: все окончившие курс и только-что сдавшие экзамен были мне представлены с отличными отзывами начальника, двое из них даже удостоены поступления в Московскую военно-учительскую семинарию, приготовляющую учителей и воспитателей для военных прогимназий. Приписать ли такой успешный результат умению и стараниям начальства и воспитателей Вольской военной прогимназии или же тому, что заведения, из которых воспитанники переведены сюда для исправления, не совсем основательно выбрасывают из себя этих детей, — вопрос этот не мог я разъяснить в те немногие часы, которые провел в Вольске.

В ночь с 31-го мая на 1-е июня пароход тронулся далее, и часов в 7 утра в воскресенье я был в Саратове. На пристани встретили меня губернатор Галкин-Врасский — давнишний мой знакомый, начальник 40-й пехотной дивизии ген.-лейт. Шатилов, которого также я знал еще в Тифлисе, и прочее местное военное начальство. В чис-

ле встретивших меня лиц находился и зять мой Семен Александрович Мордвинов. Приходилось мне оставаться в Саратове до 4-го часа, в ожидании отхода железнодорожного поезда на Лозовую. День был праздничный (Троицын). В лагере под самым городом один из полков 40-й пехотной дивизии, Кутаисский, справлял свой полковой праздник. По приглашению генерала Шатилова, я обещал принять участие в этом празднестве; но так как час был еще ранний, то я успел вместе с губернатором объехать и осмотреть в городе помещения войск*), затем заехал на железнодорожную станцию, чтобы переодеться (в мундир), а в 11-м часу отправился в лагерь, прямо к церковному параду. После продолжительной службы в лагерной церкви пригласили меня к завтраку, приготовленному в бараче офицерской столовой. Завтрак, как водится, сопровождался оживленными тостами и речами; искреннее радушие было оказано мне всем обществом офицеров полка, особенно же молодежью. Возвратился я на железнодорожную станцию как раз к отходу поезда.

2-го июня (понедельник) приехал я в Воронеж в 3-м часу дня. На станции, по обыкновению, встретило меня все местное начальство; у здания же военной гимназии, где было приготовлено для меня помещение, выставлен почетный караул (вопреки сделанному общему распоряжению). Несмотря на праздничный день, я нашел воспитанников гимназии в сборе, так что имел возможность, кроме осмотра помещений, также видеть работы воспитанников — письменные и рисовальные, причем некоторых проэкзаменовать, затем послушать пение и музыку. В промежутке этих занятий успел я сделать визит вице-губернатору Левшину (за отсутствием губернатора), побывать с ним в военно-исправительной роте, осмотреть интендантский склад и переговорить с кем следовало по казарменному вопросу. Военную гимназию нашел я в полном порядке; директор ее ген.-м. Тыртов, как кажется, ведет дело хорошо, но, на мой взгляд, держит себя как-то важно и сухо. Тут уже совсем не те отношения, что в Нижегородской военной гимназии.

Из Воронежа выехал я 3-го июня (вторник) в 10 ч. утра по жел. дорогам на Грязи, Елец, Орел, Харьков, и сегодня, 5-го числа, рано утром добрался до Лозовой, где приходится сидеть

*) Первоначальный текст после слов «...зять мой Семен Александрович Мордвинов» (строка 1 св.): «с которым отношения мои очень щекотливые. Так как поезд железной дороги, с которым предстояло мне ехать из Саратова, отходит только в 4-м часу пополудни, а день был праздничный (Троицын), то я очень опасался, что буду поставлен в неловкое положение. Вышло, однакож, довольно удачно: ген. Шатилов пригласил меня на полковой праздник Кутаисского пех. полка, справляемый в этот день в лагере. В другое время такое приглашение было бы мне крайне не по вкусу, но тут я принял его с удовольствием. Немедленно по выходе с парохода на берег я сел в коляску с губернатором, вместе с ним объехал и осмотрел городские помещения войск»;

целых четыре часа.*) Воронежом закончилась официальная или служебная часть моего путешествия; оттуда отпустил я всю свою свиту и теперь еду уже частным человеком. Завтра утром рассчитываю быть на пароходе в Севастополе, а к вечеру — в Ялте или, может быть, в Симеисе.

18-го июня. Среда. Симеис. — С 6-го числа живу я здесь с женой и одной из дочерей — Надеждой. Старшие две за границей, а две меньшие и племянница с Ольгой Ивановной Винтер проводят лето в Бессарабии в имении моего шурина Евг. Мих. Понсэ. Здесь мы поместились кое-как в двух комнатках верхнего этажа не отделанного еще дома. Кругом нас идет работа: стукотня, пыль, мусор, грязь. За неимением еще кухни мы должны ежедневно ездить или ходить обедать за 3 версты — в гостиницу Алупки. Погода жаркая. Много забот с постройкой дома, с разведением сада и обзаведением новым хозяйством.**) Мечта наша — иметь с нынешнего же лета спокойное и уютное пристанище — не осуществилась, семье приходится оставаться еще разбросанной.

В продолжение моего здесь пребывания ожидал я с нетерпением известия о решении государя по делу Медико-хирургической академии. Я приготовился и к тому и другому исходу.***) Из Петербурга присылали ко мне двух фельдъегерей с маловажными бумагами, а рокового известия все еще не было.****) Только вчера пришла, наконец, телеграмма от гр. Гейдена, что государь решил согласно с мнением большинства, т. е. оставить Академию в Военном министерстве. Таким образом, злополучный этот вопрос, тянувшийся почти два года, решен в пользу Военного министерства; вместе с тем отдаляется на

*) Пользуюсь этим досугом, чтобы внести в свой дневник отчет за последние двенадцать дней путешествия.

**) По временам бывают у нас посетители, которые напоминают поговорку: незваный гость хуже татарина. Но в особенности досаждают архитектор и строители. Работа дома подвигается крайне медленно, хотя все условленные сроки давно миновали; однакож архитектор (Голиков) не торопится и ведет дело спустя рукава.

***) Первоначальный текст после слов «...Я приготовился»: «ко всем случаям; обдумал до мельчайших подробностей, как буду действовать в том случае, если решение последует согласно с меньшинством Комитета министров».

****) Первоначальный текст после слов «...а рокового известия»: «от которого зависит вопрос: остаюсь ли я министром или удаляюсь с арены, — до сих пор не было. Я уже начинал опасаться, чтобы не пришлось уехать отсюда и возвратиться в Петербург до получения ожидаемого известия; это было бы самой неудобной для меня случайностью».

неопределенное время и мое освобождение*) из петербургского омота интриг и треволнений**).

Итак решено; я должен быть в Петербурге ко времени возвращения туда государя, т. е. к 25 числу. Выезжаю отсюда в пятницу, 20-го числа.

24-го июня. Вторник. Петербург. — На пути с юга на север оставался в нескольких пунктах. В Севастополе осмотрел казармы и лазарет, обедал у ген. Рихтера (начальника 13-й пех. дивизии). В Симферополе, в ожидании отхода поезда, пришлось довольно долго беседовать с губернатором ген. Кавелиным.***) Затем в Харькове провел полдня не без пользы: вместе с командующим войсками округа ген.-ад. Карцовым осмотрел существующие жалкие помещения войск и места, где предполагается возводить новые казармы. Везде одни и те же жалобы и сетования военного начальства, что городские управления не заботятся об улучшении размещения войск; но Харьков в этом отношении может быть поставлен на первое место. Здесь жалуются даже на губернскую администрацию и на самого губернатора, который поставил себя во враждебные к военному ведомству отношения, хотя сам военный, свиты его величества генерал-майор (кн. Крапоткин).****) На всем пути до са-

*) от треволнений политической жизни.

**) Не могу еще отдать себе положительного отчета в том, доволен ли я или нет полученным известием. С одной стороны — <удовлетворено мое самолюбие, поддержан мой авторитет> дело военно-медицинского ведомства выиграно, целое, обширное учреждение спасено от когтей <министерства> гр. Толстого; с другой стороны — упущен мною еще раз случай удалиться с арены, tirer mon épingle du jeu⁹⁷. — Я мечтал уже о близкой свободе, спокойном отдыхе, и вот снова обречен вертеть колесо еще, может быть, многие годы. Отбрасывая, однакоже, в сторону всякие эгоистические впечатления, я должен сознаться, что в этом решении вопроса нахожу две немаловажные выгоды: во-первых, Военное министерство избегает общей пертурбации и в направлении дел и в личном составе; во-вторых, и семья моя не подвергается тем последствиям, которые отразились бы на ней в случае оставления мною министерского поста. Конечно, и в том и в другом отношении дело только в отсрочке, но, по крайней мере, не ляжет на мою совесть и на мою нравственную ответственность участь многих из моих сослуживцев и семьи.

***) Это человек ни к чему не способный и смешной.

****) Первоначальный текст после слов «...не заботятся об улучшении размещения войск;» (строка 6 сл.): «но в особенности в этом отношении отличается Харьков, где не только город, как единица коллективная и самостоятельная, но даже вся администрация, начиная с губернатора, постоянно держат себя явно враждебно к военному ведомству».

мого Курска слышал я сетования на засуху, опасения плохого урожая; только ближе к Туле нашел дождливую погоду. В Москве посетил невестку свою Марию Аггеевну Милютину, а сегодня утром прибыл в Петербург.

Только здесь узнал я довольно важные новости, не доходившие до меня в Крыму. Старый экс-император австрийский Фердинанд умер, и наследник цесаревич поехал в Вену на погребение. Волнения и неповиновение в Уральском казачьем войске принимают все большие размеры: приходится выселять уже не сотни, а тысячи казаков, сопротивляющихся введению нового положения о военной службе Уральского войска⁹⁸. Несчастные эти действуют по*) неразумию, под влиянием стариков-фанатиков.

После обеда еду в Петергоф повидаться со старшей дочерью, останусь там переночевать, чтобы завтра утром встретить государя.

25-го июня. Среда. — Встреча государя на станции жел. дороги в Петергофе в 10½ ч. утра. После того ездил расписываться в разных дворцах. Остальную часть дня провел в Петербурге за бумагами.

28-го июня. Суббота. — В прошлый четверг имел первый доклад у государя; доложив о результатах моей поездки, спросил, как повелено мне будет поступить относительно председательствования в Комитете министров и других комитетах, так как я остаюсь старшим из министров в отсутствие председателя ген.-ад. Игнатьева, а между тем заседания в Комитете бывают по вторникам — в день моего доклада.***) Я надеялся, что это совпадение избавит меня от новой временной обузы; однакоже государь решил иначе, приказав переменить день доклада со вторника на понедельник. Государь вообще был благосклонен ко мне; о деле Медико-хирургической академии заговорил только сегодня при втором докладе, высказав мне, что напрасно я полагал, будто вопрос о передаче этого учреждения в другое министерство был вызван недоверием***) к Военному министерству. Оказывается, что вел. кн. Константин Николаевич уже****) имел разговор с государем об этом деле; не знаю, от него ли, или *****) чрез Потапова (которому писал Мезенцов), его величеству уже известно, что вопрос об Академии я считал своим личным вопросом. Впрочем, объяснения по этому делу были непродолжительны; я нашел неуместным входить снова в существо дела, тем более, что не было времени; доклад мой начался позже обыкновенного по случаю приезда из Лондона принца Альфреда Эдин-

*) невежеству

**) Первоначальный текст после слов «...а между тем»: «не могу быть по вторникам в Комитете по случаю моих докладов и обязанностей быть на учениях в Красном Селе».

***), ко мне

*****) забежал и говорил государю

*****) как говорят

бургского с великой княгиней Марией Александровной, которых встретили мы на петергофской пристани.

30-го июня. Понедельник. — После доклада моего в Петергофе я возвратился в город на царском пароходе; государь ездил в Петропавловскую крепость на панихиду. В 2 часа отправились в Красное Село, где был назначен объезд лагеря. По окончании объезда государь совершенно неожиданно вызвал по тревоге все войска и*) произвел большое учение, окончившееся только к 7 ч. вечера. Возвратился я в город поздно вечером**).

1-го июля. Вторник. — Сегодня председательствовал я в Комитете министров; важных дел не было, но после заседания я попросил некоторых из моих коллегов остаться для обсуждения трех вопросов, по которым государь поручил мне с ними посоветоваться, именно: о мерах к удержанию крымских татар от переселения в Турцию, относительно уральских казаков, оказывающих упорное сопротивление введению нового положения, и, наконец, о квартирном размещении войск и средствах к постройке для них казарм.

2-го июля. Среда. — Встреча короля шведского Оскара на станции Николаевской железной дороги. Потом заседание в Военном совете.

3-го июля. Четверг. — Утром доклад в Петергофе. Большой обед там же в честь короля шведского. После обеда он разговаривал весьма любезно со многими из присутствовавших, я стоял рядом с бар. Жомини (который теперь, в отсутствие кн. Горчакова, заведует делами Министерства иностранных дел); подойдя к нам обоим, король заговорил о Брюссельской конференции и выразил свое удивление слепоте некоторых государств, противодействующих человеколюбивому и великодушному предложению русского императора.

После обеда отправились все в Красносельский лагерь к парадной заре. Церемония эта совершилась безупречно заведенным порядком.

4-го июля. Пятница. — Сегодня на красносельском военном поле происходил большой парад всем собранным в лагере войскам. Погода была прекрасная, парад — блистательный. Съехалось множество иностранцев всех национальностей.

Вечером в Петергофе — музыкальный вечер. Король Оскар сам хороший музыкант и поэт.

5-го июля. Суббота. — Я поленился ехать на смотр флота и после доклада в Петергофе возвратился спокойно в город, чтобы заняться делами после трехдневного отсутствия из Петербурга.

Все эти дни при дворе было грустное настроение по случаю смерти князя Владимира Ивановича Барятинского. Его любили все,

*) по обыкновению

**) весь изломанный и почти больной от усталости.

как человека благородного и честного. Сегодня отпевали его в Царском Селе пред отправлением тела для погребения в курское имение.

7-го июля. Понедельник. — Вчера вечером в Петергофе было устроено для шведских гостей празднество, блистательное в буквальном смысле слова. Весь парк, известный под названием «островков», был иллюминирован, на одном из островков была устроена сцена и представление (балет), на другом — хор цыган и угощения. Погода была как по заказу.

Сегодня государь с иностранными своими гостями ездил в Красное Село: был смотр учебного батальона, учение л.-гв. конно-гренадерского полка по новому, только что проектированному уставу и одной из гвардейских конных батарей. Король желал видеть подробности наших строевых уставов.

Вечером король Оскар уехал из Петергофа чрез Кронштадт в Швецию. Я находился в числе провожавших его на пристани. Он был постоянно весьма любезен со мной; прощаясь, извинялся, что не мог лично возложить на меня свой орден Серафима, так как не было взято с собой достаточно орденских знаков.*) Король не мог предвидеть, что ему придется быть так щедрым на свои ордена, он не приучен к нашим широким во всем размерам.

Вообще король Оскар оставил по себе благоприятное впечатление. Наружность его весьма благообразна: высокого роста, с черной подстриженной бородой, слегка смуглый, умные глаза,**) обходительный, учтивый, любезный, всем интересуется и желает все видеть. Он известен как поэт и музыкант, но изящные искусства не мешают ему заниматься и государственными делами, он напечатал брошюру по поводу проектированной в Швеции военной реформы. В разговоре со мной он сказал, что, несмотря на все встречаемые сопротивления, он настаивает на введении в своем государстве обязательной воинской повинности.

13-го июля. Воскресенье. — Почти целую неделю не открывал своего дневника, что служит признаком отсутствия чего-либо заслуживающего быть вписанным. Неделя прошла обычным порядком. Только вчера, в условленный час, приехал ко мне шведский посланник Дуэ, чтобы лично вручить мне от имени короля знаки ордена Серафима. Разумеется, мы обменялись взаимными любезностями и расстались друзьями.

На этой неделе получил из Крыма известие о первых результатах моих распоряжений относительно постройки дома в Симеисе. Заведывающий инженерной частью в Севастополе полковник Гемельман принял непосредственное участие в этом деле, в ожидании прибытия в Крым одного из главных деятелей строительного общества Миллера, также бывшего военного инженера.

*) Бедный

**) весьма

15-го июля. Вторник. — В то время как в Западной Европе льют непрерывные дожди и жалуются на холодное лето, у нас небывалая засуха. В южной России погибли все хлеба и плоды, а в окрестностях Петербурга такие лесные пожары, что в самом городе, особенно по вечерам, стоит густая мгла от дыма и гари. Вчера пожар пней и торфяных болот на поле нового артиллерийского полигона угрожал пороховым погребам и даже Охтенскому пороховому заводу. Командированы в разные стороны войска для тушения страшных пожаров.

В последние два мои доклада решено окончательно переформирование кавалерии и конной артиллерии. Отныне мы будем иметь кав. дивизии в 4 полка с двумя батареями 6-орудийного состава.

При вчерашнем докладе моем государь заговорил о вел. кн. Николае Константиновиче, очевидно, под влиянием отца его, великого князя Константина Николаевича, который домогается восстановления репутации своего сына и возвращения ему прежнего служебного*) положения.***) Чему же надо верить? — Если Николай Константинович признан психически-больным, то может ли он пользоваться полной свободой, путешествовать, принимать депутации с хлебом-солью, осматривать заводы и т. д. Такое умственное расстройство, какое может оправдывать кражи и всякого рода бесчестные поступки, не излечивается в несколько недель. Если ж болезнь его фиктивна, то как же вводить снова вора и негодяя во все права особ императорской фамилии?!***) Хотя я поставил себе правилом сколь можно далее держаться от дел такого рода и остаюсь в стороне от всего, что совершается при дворе, однакож, когда сам государь заговорил со мной о подобном щекотливом предмете, я не мог не высказать откровенно своего мнения, что слишком еще рано забыть случившееся с этим несчастным молодым человеком.

19-го июля. Суббота. — В среду, четверг и сегодня утром был в Красном Селе, а вчерашний день провел в городе по случаю за-

*) и общественного

**) Возмутительное отсутствие всякого нравственного чувства и логики: можно ли так разыгрывать фарс, издеваясь над общественным мнением.

***) Первоначальный текст после слов «... Чему же надо верить?» (строка 15 сн.): «Если сын его безумный, больной расстройством умственных способностей, то как же давать ему свободно принимать даже подносимые ему хлеб-соль, осматривать заводы, посещать театры, вести связи с женщинами и т. д. Расстройство умственных способностей в той мере, чтобы оправдывать кражи и мерзости всякого рода, не излечивается так скоро и радикально. Если ж болезнь его была просто мистификацией, то как же вводить снова вора и негодяя во все права особ императорской фамилии?!»

седания в Мраморном дворце Особого присутствия по воинской повинности. Сегодня, вместо назначенных учений, государь поднял ночью по тревоге все войска лагерного сбора и по обыкновению произвел общий односторонний маневр.

Пожары продолжают; сгорел город Брянск, опасность угрожала тамошнему арсеналу.

26-го июля. Суббота. — Вся неделя прошла в непрерывных передвижениях между Петергофом, Царским Селом и Петербургом*). 22-го числа, в день именин императрицы и трех великих княгинь⁹⁾, происходил в Петергофе красивый бал на открытом воздухе, на берегу моря, у павильона Mon-plaisir. В этот вечер императрица была почему-то более обыкновенного ко мне внимательна. Среду, четверг и утро пятницы провел в Красном Селе и после корпусного учения (в пятницу), на котором присутствовали императрица и много дам, возвратился к обеду в Петербург. Сегодня ездил к докладу в Петергоф, завтра опять придется ехать туда же, по случаю дня рождения императрицы**).

28-го июля. Понедельник. — Три дня сряду пришлось быть в Петергофе: вчера — по случаю дня рождения императрицы, а сегодня — для обычного доклада и по случаю приглашения к царскому обеду.

4-го августа. Понедельник. — Почти всю неделю провел в Гатчине и на маневрах. В огромном гатчинском замке собралось многочисленное общество: кроме особ императорской фамилии, придворной и военной свиты, много иностранных гостей и посторонних приглашенных. После утренних ратных зрелищ многочисленное общество собиралось к общему столу, а потом вторично — к вечернему чаю. Тут придумывались всякие развлечения и забавы: шарады, живые картины, танцы; два раза были балетные представления, на которые привозили генералов и офицеров из окрестностей, с разных биваков. Присутствие большого числа иностранцев (французских офицеров — 6 или 7, румын — 5, итальянцев — 2, сербов — 2, не говоря уже о немцах) придавало обществу наружную пестроту, но не способствовало оживлению его; даже молодежь забавлялась как будто по приказанию. Самые маневры шли не совсем удачно, по крайней мере, с придворной точки зрения. Два раза вывозили императрицу и дам в экипажах.

*) Первоначальный текст записи: «26-го июля. Суббота. — Прошла целая неделя в непрерывных перемещениях и бесплодной суете. С воскресенья до пятницы я не был в городе, а переезжал из Красного в Петергоф и обратно из Петергофа в Красное».

**) В среду в Красном Селе был у меня Миллер, возвратившийся из Крыма с успокоительными обещаниями насчет докончания постройки в Симеисе. Так много было обещаний, что я уже перестал им верить. До сих пор, по крайней мере, работы почти не подвигались.

и оба раза им не удалось видеть войска. Противными сторонами начальствовали наследник цесаревич и вел. кн. Владимир Александрович; ни с той ни с другой стороны не было показано искусства.*) Диспозиции ежедневно писались умно, но**) не исполнялись на деле: встречи противников выходили совершенно случайные, иногда довольно неудачные. Маневры наши вообще выходят более похожими на игру, чем на серьезное обучение войск. Неопытным офицерам они могут дать***) превратные понятия о военном деле. Сегодня маневры закончились у Красного Села, откуда все и разъехались немедленно по домам.

5-го августа. Вторник. — Председательствовал я в Комитете министров. Заседание длилось до 6-го часа, более всего спорили по двум представлениям Министерства путей сообщения: о передаче Либавской железной дороги обществу Ландварово-Роменской и о постройке Бакинской линии.

6-го августа. Среда. — Половину дня провел в Красном Селе, где справлялся полковой праздник л.-гв. Преображенского полка и гвардейской артиллерии. После раннего обеда под большим шатром все разъехались, распростившись тут же с иностранными гостями.

7-го августа. Четверг. — Доклад в Царском Селе.

8-го августа. Пятница. — Ездил в Кронштадт с ген.-ад. Баранцовым и ген.-л. Зверевым. Осматривал форты и крепостную артиллерию, но стрельбу боевыми зарядами не было возможности производить по причине сильного ветра и волнения на рейде. Много сделано в Кронштадте в последние 15 лет как по инженерной части, так и по артиллерийской, но много еще остается доделать по обоим ведомствам.

Получена телеграмма о том, что, по случаю возмущения коканцев против своего хана (Худояра), ген. Кауфман собирает отряд****)

В Герцеговине народное восстание принимает серьезные размеры.

10-го августа. Воскресенье. — Ездил в Царское Село не в урочный день, по случаю представления императрице произведенных в офицеры бывших камер-пажей и вновь произведенных в камер-пажи. После представления*****) был приглашен к царскому завтраку.

11-го августа. Понедельник. — Три дня сряду пришлось ездить в Царское Село. Сегодня во время доклада государь, читая вслух

*) Первоначальный текст после слов «...Противными сторонами начальствовали наследник цесаревич и вел. кн. Владимир Александрович;»: «с обеих сторон не заметно было ни уменьшения охоты к военному делу».

**) исполнение шло на-авось;

***), самые

****) и, кажется, военные действия неизбежны.

*****) сидел за завтраком возле императрицы.

письмо, полученное им от великого князя Михаила Николаевича, сказал, что некоторые затронутые в письме вопросы намерен обсудить при личном свидании с его высочеством в Ливадии.*) После доклада я должен был остаться на весь день в Царском Селе, получив приглашение к царскому столу. За обедом императрица**) спросила, когда я поеду в Крым; вероятно, государь слышал этот разговор и после обеда также спросил о моих намерениях. Я воспользовался случаем, чтобы испросить разрешение ехать в Крым вслед за отъездом его величества в Москву. На вопрос государя: не желаю ли я доехать туда с его величеством, я, конечно, ответил выражением благодарности за такое предложение, причем напомнил, что с 1872 года не имел случая видеть армейские войска, бывшие на высочайших смотрах. Тогда государь предложил мне находиться при его величестве и на смотрах в Москве***).

Телеграммы от ген. Кауфмана продолжают быть тревожными. Дела в Герцеговине также озабочивают государя; но сегодня ему приятно было узнать, что английский посол в Константинополе Элиот присоединился к послам русскому¹⁰⁰, германскому¹⁰¹ и австрийскому¹⁰² для совместного воздействия на турецкое правительство в видах умиротворения восставшего населения и вообще улучшения положения христиан в Европейской Турции.

16-го августа. Суббота. — Сегодня я остался после доклада в Царском Селе, ездил верхом с дочерью; обедал у Н. А. Шторха в Павловске, в небольшом приятельском кружке. Возвратился домой только вечером и едва справился с накопившимися делами.

Из Симеиса, наконец, получил письма несколько успокоительные. Кажется, постройка пошла на лад, благодаря вмешательству полк. Гемельмана.

18-го августа. Понедельник. Москва. — Вчера был полковой

*) Первоначальный текст после слов «...письмо, полученное им от великого князя Михаила Николаевича»: «по поводу некоторых вопросов, которые предположено обсудить лично при свидании в Ливадии, спросил меня, буду ли я также в Крыму по примеру прежних лет».

**) также

***) Первоначальный текст после слов «... и после обеда также спросил о моих намерениях.» (строка 6 св.): «Я попросился уехать немедленно же по отъезде государя в Москву; государь нашел неудобным, чтобы я уехал прежде, чем он отправится в Крым, и вслед за тем вдруг спросил, не желаю ли я доехать вместе с ним до Крыма. Когда я отвечал, что мне будет особенно приятно видеть армейские войска, которые государь будет смотреть, то он предложил мне также съездить и в Москву. Не знаю, чему приписать такое неожиданное изменение в намерениях государя относительно меня; я напомнил ему, что лишен был случая сопутствовать ему и видеть армейские войска в 1872 года».

праздник л.-гв. егерского полка. Обычный парад на сей раз ознаменовался особенным эпизодом. Государь торжественно вручил полку лоскут, уцелевший от старого знамени, утраченного 2-м батальоном лейб-егерского полка в несчастном деле 10 сентября 1828 года под Гасан-Кадикларом. Случайно этот лоскут отыскался после смерти одного из тогдашних офицеров Сабанина, который спас этот клочек знамени, сберег его на себе во время плена и потом хранил, как святыню, живя в глуши своей деревни. Государь воспользовался этим случайным открытием, чтобы восстановить прежнее знамя 2-го батальона с прежней надписью за 1812 год. Праздник был оживлен, несмотря на дождливую погоду.

В 6 часов вечера я выехал из Петербурга в царском поезде, на который государь сел в Колпине. В Москву прибыли сегодня в 9^{1/2} часов утра.

Уже в вагоне облеклись мы в парадную форму, чтобы не опоздать к выходу, назначенному в 11 часов в Большом кремлевском дворце. После обычного обхода соборов государь поехал на Ходынское поле, где был смотр всем собранным в лагере войскам. Смотр удался вполне, погода была очень хорошая, а после смотра все начальство было приглашено к обеду в Петровском дворце.

Чувствуя себя утомленным и не совсем здоровым, я остался дома, т. е. в Петровском же дворце, пока государь и вся свита наслаждались балетом в Большом московском театре. Было у меня и дело. Утром пред приездом в Москву я имел довольно продолжительный доклад в вагоне, между прочим, прочел государю телеграмму, полученную в Клину от ген. Кауфмана. Он извещал, что коканские толпы, вторгнувшись в наши пределы, везде понесли поражение и что наши отряды преследуют их к коканской границе. К этому успокоительному известию ген. Кауфман прибавляет, что последствием этого преследования должно быть окончательное занятие ханства Коканского, для чего и просит усилить его войсками. Дело довольно серьезное, — новое усложнение в нашей азиатской политике, новые против нас крики в Англии!

Государь принял это известие совершенно равнодушно, как следствие, которого он ожидал, и, не колеблясь*), разрешил готовить войска для отправления в Туркестанский край. Таким образом, в пять минут, без всяких рассуждений решил вопрос о присоединении к империи новой области — ханства Коканского.

Сообщив немедленно ген. Кауфману по телеграфу высочайшее разрешение, я счел, однакоже, не лишним предварить его, что просимые им подкрепления могут подойти не скоро; что до лета будущего года ему придется, во всяком случае, изворачиваться имеющимися у него средствами и что он должен иметь это в виду, решаясь на новое завоевание**).

*) нimalo

**) Первоначальный текст после слов «...решился вопрос о присоединении к империи новой области — ханства Коканского.»

Нынешняя путевая свита государя гораздо симпатичнее для меня, чем была прежняя: вместо гр. Адлерберга исполняет обязанности министра двора и гофмаршала гр. Баранов (Эдуард Трофимович) — человек в высшей степени благородный, обходительный, достойный полного уважения; место интригана и честолюбца гр. Шувалова занял Потапов — человек*) бесцветный, не гоняющийся за влиянием и властью; затем — чиновники главной квартиры и военно-походной канцелярии.**)

В Москве мы застали герцога Эдинбургского с его свитой (адм. Попов, фл.-ад. гр. Ламсдорф и несколько англичан); он только что возвратился с Нижегородской ярмарки, где его чествовали свыше***) меры. Англичане остались очень довольны приемом.

Москва пуста; кроме начальствующих лиц, нет никого из тамошних тузов. У меня также не нашлось близких знакомых, и потому мне приходится все пять дней пребывания здесь проводить исключительно в военной среде. Это будет продолжением красносельской лагерной жизни****).

21-го августа. Четверг. — Три дня проведены в непрерывном движении и суете. Во вторник было назначено учение кавалерии, но по случаю дождливой погоды отменено; к тому же в ночь получено по телеграфу известие о родах великой княгини Марии Павловны. По этому случаю было молебствие в дворцовой церкви Кремлевского дворца. После того я сделал несколько визитов и заехал в 3-ю военную гимназию, еще не совсем отстроенную и не доведенную до полного нормального состава. После парадного обеда в Петровском дворце я опять ездил в город и провел вечер в Русском театре.

На другой день, в среду, погода разгулялась; государь произвел общее учение всем войскам, собранным в Ходынский лагерь, и остался очень доволен. После учения я завтракал у государя, имел доклад и затем ездил в город на закладку Исторического музея, основание которому положено по инициативе генерал-ад. Зеленого;

(стр. 216, строка 8 сл.): «Я не решился, однакоже, следовать такому мгновенному < увлечению > порыву и телеграфировал генералу Кауфману в таком смысле, чтобы он не иначе, как, разве, в крайней необходимости занял коканское владение; притом предварил его, что подкрепления не могут подойти скоро. Действительно, нет возможности до зимы передвинуть какие-либо части войск с Волги в Кокан. Ген. Кауфман должен, во всяком случае, изворачиваться своими средствами до лета будущего года, а стало быть, он сам должен будет подумать, прежде чем решиться на новое завоевание».

*) ничтожный, спокойный

**) При такой обстановке нет ни пикировок ни натянутых отношений.

***) того, чего он заслуживает

****) только с другими лицами и другими мундирами.

потом осматривал архив Министерства иностранных дел, вновь устроенный с большими затеями директором его, бароном Бюллер. К обеду возвратился в Петровский дворец, а вечер вторично провел в Русском театре.

Сегодня утром стрельба в цель, завтрак в Петровском дворце, доклад у государя; затем отправился в город, побывал в Донском монастыре, чтобы взглянуть, как установлен памятник графу Павлу Дмитриевичу Киселеву; потом осматривал строящийся еще Храм Спасителя, был на парадном обеде у князя Долгорукова (генерал-губернатора), а вечер провел опять в театре. Таким образом, три вечера сряду я любовался превосходной здешней русской труппой. Наслаждение это для меня — редкость, в Петербурге мне не случается бывать в театре по целым годам.

23-го августа. Суббота. — Вчера после утреннего маневра и доклада объехал я некоторые из московских заведений военного ведомства; обедал у государя; в 8 ч. вечера назначен выезд из Москвы.

26-го августа. Вторник. Петербург. — Приехал сюда в субботу утром, на другой день, в воскресенье, ездил в Царское, чтобы представиться императрице по случаю приезда и чтобы поздравить вел. кн. Владимира Александровича. Возвратился оттуда вместе с дочерью*); обедали дома в маленьком кружке хороших приятелей**).

Вчера, в понедельник, провел все утро в военно-учебных заведениях, которые посещаю всегда с удовольствием.

Сегодня ездил в Царское по случаю доклада и годовщины коронации. Государь очень обрадован вчерашней телеграммой ген. Кауфмана о поражении, нанесенном им коканцам 22-го числа. Судя по телеграмме, дело должно быть необыкновенно удачное: неприятеля было будто бы до 30 т., потеря его неисчислима, трофеями осталось 39 пушек и фальконетов, у нас же убитых всего 1 штаб-офицер и 5 нижн[их] чинов. С трудом верится таким легким победам. Барон Жomini справедливо заметил, что подобные легкие победы приносят вред войскам, которые при встрече с серьезным противником бывают озадачены непривычным для них отпором. Государь слишком поддается обаянию таких успехов и спешит расточать награды, не дождавшись даже обстоятельного донесения о бывшем деле. Поспешность эта не раз вводила в ошибочную и несправедливую оценку оказанных заслуг. Но государю доставляет удовольствие награждать и оказывать милости, особенно за военные отличия.

30-го августа. Суббота. — Доклад в вагоне, на пути из Царско-

*) Лизаветой

**) (Сипягин).

го Села в Петербург. Затем обычное торжество в Александро-Невской лавре.*)

По возвращении домой принимал я кашгарского посланца^{103 **}), приехавшего в Петербург чрез Константинополь. Этот азиатский дипломат оказался мне человеком разумным, без того коварного и хитрого выражения, которое присуще большей части азиатцев.

9-го сентября. Вторник. Симеис. — Вот опять я в своем тихом приюте, вдали от тревожений официальной и придворной жизни.

В самый день отъезда государя из Царского Села, 31-го августа, совершилось с обычной торжественностью крещение новорожденного великого князя Александра Владимировича. Я возвратился из Царского Села в Петербург только в 3 часа пополудни, а в 6 ч. вечера был уже на станции Николаевской железной дороги. От Колпина, куда прибыл государь, поезд тронулся в 7 часов; на другой день утром мы проехали чрез Москву, не останавливаясь, и к 2 часам пополудни были в Туле. Здесь была остановка. Государь быстро обошел оружейный завод, которому разрешил присвоить наименование императорского.

С Тулы нас преследовала дождливая погода; 2-го сентября, когда мы приехали в Конотоп и оттуда в экипажах в Батурин, все время шел проливной дождь; пришлось отменить назначенный на тот день смотр собранной в лагере под Батурином 5-й пехотной дивизии с ее артиллерией. На другой день погода прояснилась, смотр состоялся совершенно удачно, и вслед за тем произведен небольшой маневр, а в 4 часа мы были уже обратно в Конотопе на железной дороге.

В тот же день, 3-го сентября, в 10 ч. вечера царский поезд прибыл в Киев, где государь оставался три дня: 4-го, 5-го и 6-го числа. Утреннее время проходило в смотрах, учениях, в объезде разных заведений; затем парадные обеды во дворце; вечера же заканчивались в опере, весьма удовлетворительной для провинциального города.

6-го числа вечером государь выехал из Киева, 7-го, в воскресенье, к 7 ч. утра мы были уже в Одессе, на пароходе. После обыч-

*) Первоначальный текст записи за 30-е августа: «В четверг я счастливо избег серьезной опасности: приехав в Царское Село, едва я вошел в коляску и прежде чем я сел, лошади дернули, и я полетел из коляски головою вниз, ударился о мостовую лбом, одним коленом и кистью руки. К удивлению, не было других последствий, кроме ссадин, которые, конечно, не помешали мне немедленно явиться к государю с докладом.

Сегодня опять ехать в Царское Село, докладывать в вагоне железной дороги и, наконец, выстоять длинную церковную службу в Александро-Невской лавре».

**.) Якуб-хана

ных встреч государь посетил собор, слушал обедню в институте, присутствовал при открытии нового городского сада, названного «Александровским», и, наконец, произвел смотр собранным в лагере войскам. В 3 часа пароход снялся с якоря, и после довольно спокойного плавания мы были 8-го числа в 7 ч. утра в Ялте.

В течение всей недели, проведенной в пути, не было ничего замечательного, кроме, разве, телеграфных известий, получаемых по несколько раз в день от ген.-ад. Кауфмана о ходе дел в Кокане. На занятие Кокана нашими войсками уже последовало предварительное высочайшее соизволение, но сам Кауфман воздержался пока от такой меры; он предпочел возвести на Коканское ханство одного из сыновей¹⁰⁴ прежнего хана — Худояра.*) Тем не менее, решено, в подкрепление войскам Туркестанского округа, сформировать новые два батальона и командировать 4 сотни оренбургских и уральских казаков.

Свиту государя в настоящую поездку составляют, кроме меня, ген.-ад. Потапов, ген.-ад. Посыет (в качестве министра путей сообщения), Амбургер, как чиновник Мин[истерст]ва иностранных дел, и затем лица постоянного путевого персонала: ген.-ад. Рылеев, ген.-м. Воейков, Салтыков, доктор Карель, прусский агент ген.-м. Вердер и проч. Кроме того, присоединялись временно: в пределах Киевского округа — ген.-ад. князь Дондуков-Корсаков (киевский генерал-губернатор), а на пароходе от Одессы до Ялты — ген.-ад. Семека (командующий войсками Одесского округа).**)

По приходе парохода в Ялту, я просил у государя позволение отдохнуть среди своей семьи и получил отпуск на два месяца. Однакоже, прежде чем отправиться к своей семье, я должен был большую часть дня разъезжать в парадной форме сперва к великим князьям Михаилу и Константину Николаевичам, поселившимся в Ай-Тодоре и в Орианде, а потом встречать на ялтинской пристани императрицу, прибывшую из Севастополя на пароходе «Эреклик». Только к 8 ч. вечера добрался я до Симеиса.

Сегодня произведен мною общий осмотр нашего обзаведения. Работы в доме продолжают попрежнему довольно вяло, многое еще недоделано. К устройству сада только что приступлено. К сожалению, бывшие недавно ливни и сильные ветры причинили много повреждений и на дорогах, и в саду, и даже в самом доме. В постройке выказались многие серьезные недостатки, требующие ис-

*) Первоначальный текст после слов «...о ходе дел в Кокане.» (строка 8 св.): «Государь был почти готов разрешить снова занятие Кокана, однакож сами события дали возможность обойтись без этой крайней меры, противуречащей видам Министерства иностранных дел: Кауфман телеграфировал, что нашел возможным возвести на Коканское ханство одного из сыновей прогнанного прежнего хана — Худояра».

**) Таким образом, общество наше было мало интересно.

правления. Семью свою застал в тесном помещении, в нескольких маленьких комнатках верхнего этажа, однакож все-таки несколько удобнее прежнего, по крайней мере, теперь уже не приходится ежедневно ездить обедать в Алупку*).

9-го октября. Четверг. — Ровно месяц наслаждался я полным отдыхом в своей семье. День за днем протекали незаметно в прогулках, чтении, надзоре за постройками и другими работами. По временам фельдъегеря из Ливадии и Петербурга привозили бумаги, письма, газеты. Посещали нас соседи, которым приходилось отдавать визиты.**) Раза три ездил я в Ливадию, навещал приехавшую из-за границы старшую дочь мою, которая встревожила нас своим падением с лошади в кавалькаде, оставившем по себе довольно серьезные следы.

Почти во все время погода была холодная и дождливая. Несколько раз были даже сильные ураганы; на горах, к общему удивлению, выпал снег. Впрочем, не у нас одних замечается в нынешнем году что-то ненормальное в природе; везде холода, ливни, во многих местностях большие наводнения.

С возвращением старшей моей дочери из-за границы, другая дочь, Ольга, осталась в Бадене с близкими нашими друзьями—Марией Николаевной Вельяминовой и больной племянницей ее молодой княжной Лидией Дмитриевной Вяземской. Еще в прошлом месяце получил я от дочери письмо, в котором она выражала желание, чтобы я приехал за нею и отвез ее назад в Россию. Тогда же

*) Запись за 15-е сентября, опущенная автором и частично воспроизведенная им в записи за 9-е октября:

«15-го сентября. Понедельник. — Вот неделя, что я наслаждаюсь отдыхом и спокойствием в своей семье. День за днем проходят незаметно в присмотре за работами, прогулках, чтении. Впрочем, приезжают фельдъегеря из Ливадии и Петербурга с бумагами, письмами и журналами. Бывают и гости: между прочим, приезжали ген. Баранцов и Тотлебен, бар. Дершау, полк. Гемельман, (г-жа Горбунова) и др. Я же выезжал только два раза: в Алупку — к Воронцовым и в Коренс к графине Тизенгаузен, а сегодня к великому князю Михаилу Николаевичу, который присылал ко мне кн. Трубецкого с некоторыми бумагами, требовавшими личных объяснений по делам кавказским. (Я провел у его высочества более 2 часов и переговорил с ним о многих делах, касающихся Кавказского края.)

Во все это время стояла погода холодная и дождливая. Несколько раз были сильные ураганы и, к общему удивлению, на горах даже выпал снег.

На днях получил письмо от дочери Ольги из Бадена; она выражает желание, чтобы я приехал за нею. Желание это я предугадывал и заранее уже приготовился к поездке за границу в течение октября месяца.

**) Издалека приезжали также ген. Баранцов и Тотлебен.

приготовился я к поездке за границу. Теперь получаю известие, что дочь моя вместе с кн. Вяземской и М. Н. Вельяминовой уже переехала в Ниццу, куда и приходится мне ехать. Со мною едет и дочь Надежда, очень дружная с бедной больной княжной Лидией.

Сегодня покидаем мы свой безмятежный приют. Заеду еще раз в Ливадию проститься со старшей дочерью, переночую в Ялте, а завтра утром сядем на пароход.

13-го октября. Понедельник. Вена. — В пятницу, 10-го числа, переночевав в Ялте, отправился с дочерью Надеждой на пароходе «Михаил» в Одессу. Переход морем был сносный. В Одессе пробыли несколько часов, которые употребили на разные покупки и справки; в 9 ч. вечера (11-го числа) выехали по железной дороге на Волочиск. Погода была скверная, а с переездом чрез границу нашли в Галиции настоящую зиму: все кругом покрыто снегом; мы могли вообразить, что едем в окрестностях Петербурга да не в октябре месяце, а в ноябре или декабре. Только с приближением к Вене увидели поля, обнаженные от лежавшего недавно снега; однакож и здесь дождь, слякоть, холодный ветер. Остановились на один день в гостинице «Hôtel impérial». Завтра намерены осмотреть город и сделать кое-какие покупки.

21-го октября. Вторник. Ницца. — Пробыв в Вене весь день 14-го числа (вторник) и утро следующего дня, мы выехали в среду (15-го окт[ября]) во 2-м часу дня по жел. дороге чрез Зиммеринг и Небрезину в Венецию, куда прибыли 16-го числа в 3-м часу дня. По всему пути преследовало нас ненастье; в Венеции же за несколько часов до нашего приезда город был наводнен морской водой, которая поднялась так высоко, что мы нашли еще лужи на мозаичном полу базилики св. Марка. В пятницу погода поправилась, и мы любовались красотами Венеции, насколько было возможно в короткое время до отхода поезда в Милан. Железные дороги в Италии не отличаются исправностью движения, каждый день испытывали мы невыгоды беспорядочной эксплоатации их: вместо 11 ч. вечера, приехали в Милан в 2 ч. ночи, так что едва достучались в „Hôtel Savour“. В Милане пробыли весь день субботы, осмотрели кое-что из наиболее замечательного в городе и провели вечер у наших приятелей Прянишниковых. (Ипполит Александрович Прянишников¹⁰⁶ был прежде морским офицером; женат на племяннице и воспитаннице ген. Карлгофа Софии Николаевне Маховой, тифлисской подруге детства моей старшей дочери. Прянишников готовится в оперные певцы и на днях дебютирует под псевдонимом Signor Priani). В воскресенье, 19-го числа, выехали в 7 ч. утра по дороге в Ниццу, чрез Геную. В этот день опять мы испытали неприятности неисправного движения на итальянских дорогах, а также неудобства таможенного устройства на французской границе. Поезд наш опоздал на 4 часа, в Ниццу прибыли около часа ночи и опять не достучались в гостиницу (Hôtel de Nice). Только тогда отворили нам дверь, когда

дочь моя, услышав наши голоса, вскочила с постели и разбудила прислугу.

Свидание мое с дочерью после 7 месяцев разлуки было, конечно, большою радостью для нас обоих. Я нашел здоровье ее в удовлетворительном состоянии. Живет она в семье Вельяминовых и Вяземских, как среди близких родственников. Грустно мне было увидеть бедную княжну Лидию Вяземскую, которая вынесла столько страданий, что сделалась более похожей на мертвеца, чем на молодую, красивую девушку, какой была несколько месяцев назад. С трогательной заботливостью ухаживают за больной тетка¹⁰⁶, брат¹⁰⁷ и дядя¹⁰⁸. В течение целого дня вся семья только и занята больной*).

2-го ноября. Воскресенье. — Прожив здесь ровно две недели, покидаю сегодня Ниццу. Обе дочери, Ольга и Надежда, остаются здесь в семействе Вяземских и Вельяминовых. Было бы рискованно для Ольги подвергаться перемене климата в теперешнее время года. Если б не грустная обстановка, среди которой я провел время в Ницце, можно сказать, у кровати умирающей, то двухнедельное пребывание в этой благословенной местности было бы для меня истинным наслаждением.**)

9-го ноября. Воскресенье. Петербург. — Вот я снова у себя дома. В одну неделю резкий переход: от температуры + 22° в тени к полнотной зиме с — 10° мороза, снегом, обледеневшей рекой, санями, шубами, от полного *dolce far niente*¹⁰⁹ к непрерывной и напряженной обязательной работе.***)

В Париже я пробыл двое суток; много ходил по городу, много видел знакомых и усталый выехал из нового Вавилона в среду вечером; проехал Берлин, не останавливаясь, и вечером в субботу, т. е. вчера, возвратился к своим пенатам. Сегодня же — уже был в Царском Селе, представился наследнику и цесаревне.

*) почти нет другого разговора, как только о ней, все внимание поглощено этим близким к сердцу предметом.

Из первых разговоров моих с дочерью Ольгой я заключаю, что она не опасается возвращения на зиму в Петербург; она прямо заявляет, что не находит надобности оставаться здесь на зиму и намерена ехать со мною. Здесь же останется дочь Надя, чтоб ухаживать за больной своей приятельницей.

**) Некоторые дни были прекрасные, днем было даже жарко. Дочь свою Ольгу решил оставить здесь, чтобы не подвергать ее невыгодной перемене климата в теперешнее время года и чтобы, напротив того, дать ей окрепнуть здесь, а весною ехать прямо уже в Крым.

За все последнее время я мало следил за общей политикой и вовсе не занимался своими служебными делами.

***) Первоначальный текст после слов «...*dolce far niente*»: «к судорожной деятельности, постоянной работе и обязательным занятиям!»

В Петербурге главный предмет разговора со вчерашнего дня — высылка Числовой — любовницы великого князя Николая Николаевича. Сам он вызван был внезапно в Ливадию, откуда ему велено ехать на Кавказ и там провести некоторое время,*) пока возлюбленная его будет удалена из Петербурга. Арбитражное это распоряжение признано было необходимым для прекращения открытого скандала и для предохранения великого князя от разорения. Сегодня был у меня ген. Трепов, который рассказал мне всю эту драму. Потапов, с которым я ехал в Царское Село, прислан сюда из Ливадии с словесным высочайшим повелением по этому делу.

Из Крыма получил сведения не совсем успокоительные относительно здоровья старшей дочери, которая до сих пор не может оправиться от ушиба при падении с лошади. Однакож вечером получил я от государя следующий ответ на мою телеграмму, которой спрашивал высочайшее соизволение на вступление в должность: «Разрешаю вступить в должность. Радуюсь новым молодецким успехам Скобелева (в Кокане — прим. Милютина). Дочери твоей, благодаря бога, лучше. Надеюсь воротиться 22-го утром».

22-го ноября. Суббота. — Две недели провел я спокойно, в служебных занятиях. 20-го числа приехали из Крыма сын и младшая дочь, а сегодня утром встречал на станции Николаевской жел. дороги их величества и приехавшую с ними старшую мою дочь.

Немедленно по приезде государя я был приглашен к его величеству с докладом. Государь был в хорошем расположении духа, выражал удовольствие по поводу последних военных действий в Кокане**) и довольно равнодушно выслушивал мои доклады о некоторых не очень приятных случаях и вопросах. Между прочим, я представил государю письма ген. Кауфмана, который, по совершенно расстроенному здоровью, настоятельно просит об увольнении его от должности. Государь соглашается на эту просьбу, но отложил окончательное решение до ожидаемого приезда Кауфмана в Петербург. Немедленно же я телеграфировал ему о дозволении прибыть сюда.

Сегодня было в Государственном совете довольно тяжелое заседание соединенных департаментов по выработанному особой комиссией (под председательством статс-секретаря Сольского) проекту изменений в паспортных правилах. Дело это вызвало продолжительные прения, в которых и я принял участие, указав на многие слабые стороны проектированного положения; меня поддержали многие члены, но заседание, длившееся до 5 часов, не привело к окончательному заключению. Положено продолжать прения в будущую субботу.

23-го ноября. Воскресенье. — Репетиция предстоящего парада георгиевских кавалеров в Михайловском манеже.

*) вероятно, чтобы развлечь свою тоску,

**) (которые, однакоже, вовсе не успокоительны для будущего)

25-го ноября. Вторник. — Вчера была встреча на станции жел. дороги прусского принца Карла (с принцессой¹¹⁰), а сегодня — австрийского эрцгерцога Альбрехта, оба приехали как георгиевские кавалеры.

26-го ноября. Среда. — Празднование ордена св. Георгия совершилось с обычной торжественностью. За обедом были провозглашены тосты и произнесены речи государем и эрцгерцогом в смысле дружественных отношений между тремя соседними империями. Невольно вспомнил я и сказал своей соседке за столом, что пред самой Крымской войной Наполеон III произнес пресловутую речь: „L'empire c'est la paix¹¹¹“.

27-го ноября. Четверг. — После доклада у государя я заехал к государственному канцлеру, который только недавно возвратился из-за границы. Каждый год он дает себе отдых в продолжение почти 7 месяцев и возвращается к своему посту в конце ноября с обновленными силами. Такое продолжительное отсутствие казалось несколько странным в нынешнем году, при затруднительных политических обстоятельствах*). Кн. Горчаков во все пребывание свое за границей не занимается делами. Говорят, он все ожидает, чтобы его вызвали как спасителя, без помощи которого обойтись нельзя; но он ошибся и ныне, как ошибался в прежние годы при подобных же обстоятельствах (пример 1870 г.): государю приятно показать, что сам лично ведет дипломатические дела без помощи советников.**)

Так велось до сих пор лично государем и сложное дело по поводу восстания в турецких областях (Герцеговине и Боснии). При первом моем свидании с кн. Горчаковым после продолжительного отсутствия его, разумеется, речь зашла прежде всего об этом деле. Я спросил мнение государственного канцлера о том, можно ли надеяться, что герцеговинские дела разрешатся без военного вмешательства других держав. Кн. Горчаков, как и следовало ожидать, дал мне понять, что без него дело было несколько испорчено, но что теперь, взяв его в свои руки, он надеется уладить и не довести до военного вмешательства***). Государственный канцлер с самодовольством говорил о своих беседах в Вевэ с Тьером, с Деказом (французским министром иностранных дел, нарочно приезжавшим туда для свидания с кн. Горчаковым), а потом в Берлине с Бисмарком. Я не догадался спросить, правда ли то, что рассказывают в городе,

*) когда вся русская дипломатия сосредоточивалась в лице одного бар. Жomini, никогда не занимавшегося серьезно делами.

**) При нем находится тайн. сов. Амбургер, который с давних времен привык быть при кн. Горчакове в качестве секретаря, занятого только писанием под диктовку. Почти то же делает он и находясь при государе во время пребывания его за границей или в Крыму.

***) нашего.

будто кн. Горчаков, расставаясь с Бисмарком (который, как известно, иногда выражал, будто считает себя учеником князя Горчакова), отпустил ему такую остроту*): „J'espère que mon cher Raphaël n'oubliera pas son Peruggino¹¹²“.

Сегодня назначен был большой парад войскам на Марсовом поле, но отменен по случаю сильного мороза.

29-го ноября. Суббота. — Сегодня я не имел доклада по случаю охоты, на которую государь пригласил своих иностранных гостей. Соединенное присутствие департаментов Государственного совета имело вторичное заседание по делу о паспортной системе; сидели мы опять до пятого часа, но дело подвигается туго.

Получено из Харькова печальное известие о смерти ген.-ад. Карцова после тяжелой болезни. Карцов был один из немногих остающихся в живых товарищей моих по Гвардейскому генеральному штабу. Мы были дружны с ним и с его семьей более 30 лет, иногда жилали вместе. В молодых летах он был преподавателем тактики, учил в разных учебных заведениях и в Академии генерального штаба, давал уроки великим князьям, а в 60-х годах был назначен на место ген. Филипсона начальником Главного штаба на Кавказе. Впоследствии, принужденный оставить тот край, был членом Военного совета и, наконец, командующим войсками Харьковского округа. Это был, прежде всего, человек честный, правдивый, здравого ума.**)

Грустно видеть, как мало-помалу сходят в могилу один за другим сверстники мои, с которыми связаны воспоминания молодых лет.

30-го ноября. Воскресенье. — При докладе государю перебирали разных кандидатов для замещения ген. Карцова в Харькове.***) Выбор государя остановился на гр. Сумарокове-Эльстоне, давно жаждущем назначения.

Сегодня был большой парадный обед во дворце по поводу праздника ордена св. Андрея. Приглашены были андреевские кавалеры и иностранные гости.

2-го декабря. Вторник. — После доклада у государя я зашел к эрцгерцогу Альбрехту, желавшему видиться со мной. Едва мы разговорились о некоторых подробностях военного дела, как вошел наследник цесаревич, и я поспешил удалиться.

3-го декабря. Среда. — В 10 часов утра я представлял эрцгерцогу Альбрехту начальника и профессоров Академии генерального штаба по случаю поднесения ему звания почетного члена Академии. Ген.-лейт. Леонтьев прочел составленный на французском языке

*) (un mot, как говорят французы)

**) Первоначальный текст после слов «...человек честный, правдивый,»: «ума не столько обширного, сколько здравого; можно даже сказать, что умственный кругозор его был довольно тесен».

*) Из старших генералов всегда бывает трудно выбрать вполне отвечающего условиям подобного назначения. Поэтому государь остановился...

адрес, в котором вспоминалось о заслугах отца эрцгерцога Альбрехта — известного полководца эрцгерцога Карла, числившегося также почетным членом нашей прежней «Военной» академии. Эрцгерцог Альбрехт отвечал французской же речью и был очень любезен; в тот же день около 2 ч. он сам посетил Академию и пробыл в ней более часа.

С эрцгерцогом Альбрехтом можно вести серьезный разговор обо всех предметах военного дела. Но сегодня наша беседа несколько вышла из военной сферы и перешла на политику. Мы коснулись щекотливого вопроса о теперешнем восстании славян в Турции. Эрцгерцог выразил полную надежду на поддержание единства в действиях трех императорских кабинетов, а вместе с тем и на сохранение мира в Европе.

Вечером получил я телеграмму из Крыма с прискорбным известием о вчерашней страшной буре, которая сорвала с нашего дома почти всю крышу. Бедная жена должна быть крайне озабочена и огорчена. Невзгода эта может еще надолго задержать ее в Крыму.

7-го декабря. Воскресенье. — В пятницу, 5-го числа, мы простились с эрцгерцогом Альбрехтом, который уехал в Вену.

Вчера опять заседание соединенных департаментов Государственного совета по делу о паспортах, и опять те же бесплодные споры, то же толчение воды. Не решаются прямо высказать, что проект, составленный государственным секретарем Сольским, никуда не годится. Однакож, когда я позволил себе выразить нечто близкое к этому, то оказалось, что почти все были того же мнения.

Известия из Крыма успокоительны; приняты меры к исправлению повреждений в доме, но продолжают жалобы на небывалый там холод.

18-го декабря. Четверг. — Сегодня было заседание Совета министров для окончательного решения вопроса о направлении Сибирской железной дороги. Наш добродушный министр путей сообщения Посьет, с помощью своего союзника Мельникова, напрягал все усилия, чтобы защитить северное направление (от Ярославля на Вятку и Пермь), но в Совете никто не поддержал*) их; даже патриарх бывшего железнодорожного комитета гр. С. Г. Строганов, приглашенный в Совет как авторитет в таком деле, стал на сторону южной линии.***) После объяснений Рейтерна, Абазы, Валуева и моих государь объявил, что остается при прежнем своем мнении и утверждает окончательно южную линию. Решение это вызовет общее удовольствие в публике.

*) этого абсурдного тезиса;

**) Первоначальный текст после слов «...даже патриарх бывшего железнодорожного комитета гр. С. Г. Строганов,»: «возвратившийся недавно после продолжительного удаления от дел, стал на сторону южной линии».

20-го декабря. Суббота. — Второй день празднуем юбилей 50-летия, протекшего со времени назначения государя шефом л.-гв. Павловского полка. Вчера утром была сначала прибавка знамени, данного вновь сформированному 4-му батальону этого полка, причем государь обратился к собравшимся служащим и служившим в полку с прочувствованной речью; затем молебствие и парад в манеже, а наконец, большой обед в Зимнем дворце. Сегодня же государь посетил казармы Павловского полка, где приготовлен был обед нижним чинам, служащим и служившим в полку, и завтрак для офицеров. Мы обошли все казармы при оглушительных криках «ура», а затем за роскошным завтраком провозглашены обычные тосты. Само собой разумеется, что были щедрые награды, в том числе назначение разом четырех флигель-адъютантов.

Торжества этого рода отнимают*) много времени от серьезного дела, они повторяются слишком часто и потому обратились в какую-то формальность. Несмотря на то, для войска они все-таки имеют свое значение, как средство, которым пользовались с давних времен наши государи и члены царской семьи для поддержания нравственной связи с войсками (конечно, преимущественно гвардейскими).**)

27-го декабря. Суббота. — Только на днях (24-го числа) приехала, наконец, из Крыма моя жена с одной из дочерей и племянницей. Они много натерпелись и в Крыму и в пути от необычайных холодов, бурь и непогод.

В самое Рождество приехал из Варшавы фельдмаршал князь Барятинский. Как ни желал бы я избежать встречи***) с ним, однакож я должен был соблюсти внешнее приличие и сегодня, после доклада, пошел в занимаемое им во дворце помещение с намерением расписаться в книге посетителей. Но попал я неудачно: фельдмаршал был у себя и принял меня. Встреча с ним была для меня крайне тяжела, мне даже неприятно было давать руку человеку, который из каких-то своих личных затей не устыдился писать пасквили на того, кто был в продолжение нескольких лет****) его правой рукой. К счастью, мы не были глаз-на-глаз, я застал у него князя Горчакова, так что после нескольких минут общего разговора я мог уйти без всяких объяснений. Для чего он приехал в Пе-

*) страшно

**) Первоначальный текст после слов «...Несмотря на то, для войска они все-таки имеют свое значение»: «Не знаю, в какой степени искренни заявления энтузиазма со стороны большинства, но положительно можно сказать, что этими праздничными эпизодами в однообразной жизни войска поддерживаются в нем те нравственные отношения, в которые с давних времен стали к войску наши государи и члены царской фамилии».

***) с этим самодуром

****) его опорой и, как говорится, правой рукой.

тербург — никто не знает. Не затевает ли опять какой-нибудь интриги?

29-го декабря. Понедельник. — Вчера был у нас в доме спектакль; молодежь забавлялась от души, и после представления затеяли экспромтом танцы, продолжавшиеся до 3-го часа ночи.

31-го декабря. Среда. — Вот и 1875-й год канул в вечность. Завтра вступаем в новый год: каков он будет? лучше или хуже прожитого? — Вот обычные вопросы, которые задаст себе каждый, переходя этот условный рубеж времени. Лично для меня истекший год не представляет ничего выдающегося; я не могу назвать его ни особенно благополучным ни несчастливым. С одной стороны — продолжительная разлука с семьей, болезни дочерей, мелкие невзгоды хозяйственные; с другой же стороны — большее, чем в прежние два года, спокойствие душевное, что, конечно, имеет в жизни первостепенное значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. биографический очерк «Д. А. Милютин», стр. 40-41.
2. См. там же, стр. 41.
3. В связи с подготовкой закона о воинской повинности, введенной 1 января 1874 года, было создано в 1872 году Особое присутствие Государственного совета о воинской повинности в составе: председатель — вел. кн. Константин Николаевич, члены — наследник Александр Александрович и великие князья Владимир Александрович, Николай Николаевич, Михаил Николаевич, председатели и члены департаментов законов и государственной экономики, фельдмаршалы кн. Барятинский и гр. Берг, ген.-ад. Игнатьев, кн. Суворов, бар. Ливен, статс-секретарь Валуев, министры двора, военный, финансов, внутренних дел, юстиции, народного просвещения, управляющий Морским министерством, шеф жандармов, управляющий собственной е. и. в. канцелярией по делам Царства Польского и государственный канцлер.
4. Вильгельм I.
5. Александр Александрович.
6. Король прусский, он же император германский.
7. Запущены — качество их снизилось.
8. Николай и Михаил Николаевичи.
9. кн. Александр Иванович Барятинский.
10. Наср-Эддин.
11. Надежда Дмитриевна Милютин.
12. Парадный завтрак.
13. Ольга Дмитриевна Милютин.
14. Елена и Мария Дмитриевны Милютины.
15. В походе на Хиву, помимо войск Туркестанского и Оренбургского военных округов, принимали участие два отряда войск Кавказского округа: Красноводский — полковника Маркозова и Мангышлакский — полковника Ломакина. Отряд полковника Маркозова в составе 2200 человек вышел 19 марта из Чекишляра (юго-восточное побережье Каспийского моря) в направлении Хивы. Однако, пройдя около $\frac{2}{3}$ пути, испытывая тяжелые лишения из-за недостатка воды в условиях 50-ти градусной жары, отряд, достигнув колодцев Бала-Ишем (примерно в 200 верстах ю.-з. Хивы), принужден был возвратиться назад. Отряд же полковника Ломакина в составе 2000 человек, вышедший в середине апреля из района колодцев Порсубурун (севернее Кара-Бугазского залива), пройдя свыше 600 верст, в начале мая соединился с войсками Оренбургского военного округа и принял участие в военных действиях против Хивы.
16. Мария Федоровна.
17. Николай и Георгий Александровичи.
18. Алексей Дмитриевич Милютин.

19. Штабс-капитан 1-й батареи гвардейской конно-артиллерийской бригады Эраст Квитницкий в конце 1872 года, вследствие неприязненных отношений к нему как начальства, так и общества офицеров, решивших его выжить, был переведен в одну из батарей той же бригады, расположенных в Варшаве. Считая командира 1-й батареи полковника Хлебникова виновником организованной против него травли, Квитницкий отправился в Петербург и вызвал его на дуэль. После отказа Хлебникова принять вызов, Квитницкий, встретив Хлебникова, нанес ему несколько ударов обнаженной саблей по голове.

Дело Квитницкого рассматривалось в начале февраля 1873 года в С.-Петербургском военном-окружном суде, решением которого он был приговорен к лишению всех прав и ссылке в Сибирь на поселение. Одновременно с этим суд, принимая во внимание смягчающие обстоятельства, возбудил всеподданнейшее ходатайство о помиловании, поставив вместе с тем вопрос о привлечении к ответственности группы офицеров гвардейской конной артиллерии во главе с командиром бригады ген.-майором Губским и командиром 1-й батареи полк. Хлебниковым «за неправильные действия» в отношении Квитницкого.

Решением Александра II Квитницкий был разжалован в рядовые, командир бригады ген.-майор Губский уволен в отставку. Прочие офицеры переведены в армейские части, расположенные в отдаленных местностях.

В числе этих офицеров находился и сын Милютин, поручик Алексей Дмитриевич Милютин, командированный в Закаспийский отряд, предназначенный для участия в экспедиции против Хивинского ханства.

(Материалы судебного процесса см. в газете «Русский Инвалид» №№ 33-39 за 1873 год).

20. Сенд-Мухаммед-Рахим.

21. Наталья Михайловна Милютин.

22. Екатерина Федоровна Юнге.

23. Сенд-Мозаффар-Эддин-хан.

24. Мулла-Турап-Ходжа-Умара.

25. Елизавета Дмитриевна Милютин.

26. Мария Александровна.

27. Мария Александровна — младшая дочь Александра II.

28. Елизавета Дмитриевна Милютин.

29. Она же.

30. Самуил Алексеевич Грейг.

31. Михаил Петрович Кауфман.

32. Навязчивые идеи.

33. Михаил Христофорович Рейтерн.

34. Александр Егорович Тимашев.

35. гр. Петр Александрович Валчев.

36. гр. Петр Андреевич Шувалов.

37. Елизавета-Луиза.

38. гр. Дмитрий Андреевич Толстой.

39. вел. кн. Константин Николаевич.

40. Беседа наедине.

41. Николай Карлович Краббе.

42. гр. Алексей Павлович Бобринский.

43. см. биографический очерк «Д. А. Милютин» стр. 37.

44. Напрасное усилие — дословный перевод «удар шпаги под водой».

45. Это нелепость, это глупость, которую они совершают.

46. Франц-Иосиф.

47. Гражданское мужество.

48. Комиссия для разработки Положения о воинской повинности, созданная 17 ноября 1870 года, состояла из следующих лиц: председателя — начальника Главного штаба ген.-ад. гр. Гейдена и членов: представителей от Военного министерства — ген.-майоров Анненкова, Аничкова, Клугина и Обручева, от Морского министерства — контр.адм. Стеценкова, капитана I ранга Свешникова, от Министерства внутренних дел — действ. ст. сов. Семенова и Макова, от Министерства финансов — тайн. сов. Гирса и Домонтовича, от Министерства народного просвещения — тайн. сов. Воронова, от Министерства государственных имуществ — тайн. сов. Протопопова, от удельного ведомства — тайн. сов. Кетчера, от II отделения собственной е. и. в. канцелярии — ст. сов. Калугина, от собственной е. и. в. канцелярии по делам Царства Польского — действ. ст. сов. Евреинова. Делопроизводителями комиссии являлись: полковники Генерального штаба Шнитников и Максимовский и ст. сов. Розинг. Впоследствии в состав комиссии были введены сенатор тайн. сов. Гернгрос и представители от войск ген.-ад. Дрентеля и князь Масальский, ген.-лейт. Суходольский и ген.-майор Зейме. Помимо указанных лиц в работе комиссии принимали также участие представители отдельных ведомств, земских учреждений, сословий и др.

49. Это человек хорошего тона.

50. Альберт-Эдуард и его жена Александра.

51. Замужество вел. кн. Марии Александровны.

52. Фридрих-Вильгельм и Виктория-Адельгейда.

53. Фридрих.

54. Эрнст II.

55. Лучше поздно, чем никогда.

56. Брак вел. кн. Марии Александровны с английским принцем Альфредом-Эрнестом-Альбертом Эдинбургским.

57. Я сказала Лизе — я надеюсь, что она будет мне так же верна, как была верна моей дочери.

58. Это предвзятая точка зрения.

59. Виленский, гродненский и ковенский ген.-губернатор А. Л. Потапов и варшавский ген.-губернатор П. Е. Коцебу.

60. лорд Лофтус.

61. Целование руки.

62. Он на меня дуется.

63. Николай Алексеевич Милютин.

64. Франц-Иосиф.

65. Я очень счастлив иметь возможность пожать вам руку в вашей стране.

66. Да благословит вас бог.

67. Ловкая проделка.

68. светл. кн. Александр Михайлович Горчаков.

69. Общество улучшения участи военнопленных.

70. Он отступает, чтобы лучше прыгнуть.

71. Поживем — увидим!

72. Фридрих-Франц III.

73. На этом совещании обсуждался вопрос об отношении к туркменским племенам, кочующим за рекою Атрек.

Начальник Закаспийского военного округа ген.-м. Ломакин, с ведома своего непосредственного начальника ген. Франкини, весной 1874 года обратился с воззванием к заатрекским туркменам, призывая их к полному подчинению русским властям. Это воззвание вызвало большую тревогу в Тегеране, так как территория за рекою Атрек входила в состав Персии. Ген.-м.

Ломакин объяснял свои действия тем, что персидское правительство фактически не распространяет своей власти на эти племена, которые к тому же значительную часть года кочуют в пределах Российской империи. Совещание предложило «вменить местной администрации Закаспийского края в обязанность действовать в этом деле с крайней осторожностью, избегая всяких насильственных мер к введению наших порядков среди туркменских аулов». (Центральный государственный военно-исторический архив, ф. ВУА, д. № 6871, л. 210). Вместе с тем совещание категорически воспретило распространять власть на эти племена после откочевки их из пределов Закаспийского края.

Совещание также отклонило предложение Кавказского военного округа о занятии русскими войсками на реке Атрек Баят-Ходжи-Олума (в 80 верстах от Каспийского моря).

74. кронпринц Александр.

75. Павел Иванович Шамшин.

76. Прасковья, Елена и Мария — дочери Николая Алексеевича Милютина.

77. Установлен лишь один Вертель — Борис.

78. Волнения студентов Медико-хирургической академии происходили с 17 по 24 октября 1874 г. Во всеподданнейшей записке о беспорядках в академии Милютин следующим образом характеризует причины студенческих волнений: «...в означенных беспорядках не было решительно никого другого побуждения, кроме неудовольствия студентов на профессора Циона, не столько за его преподавание, сколько за экзамены и личное обращение его со студентами»... (Архив Милютина, М. 8075).

79. Особая временная комиссия была создана из профессоров Медико-хирургической академии под председательством ген.-ад. Непокойчицкого.

80. Вставить свое слово.

81. Константин Николаевич Посьет.

82. кн. Дмитрий Иванович Святополк-Мирский.

83. гр. Константин Иванович Пален.

84. Киамиль-Паша.

85. Пий IX.

86. Анна Евгеньевна Понсэ.

87. гр. Павел Николаевич Игнатьев.

88. Ольга Дмитриевна Милютина.

89. Купец Овсянников, известный хлеботорговец и миллионер, являясь подрядчиком военного ведомства, поставлял для гвардейского корпуса ржаную муку, которая должна была изготовляться по усовершенствованному способу, — с перемолом зерна на паровой мельнице.

Мельница эта, принадлежавшая первоначально подрядчику Фейгину, после его банкротства, в конце 1874 года перешла в собственность к конкуренту Овсянникова — известному купцу В. А. Кокореву. Таким образом, поставка муки в дальнейшем либо должна была перейти к Кокореву, либо Овсянников обязан был бы платить огромную арендную плату.

Руководствуясь этим, Овсянников организовал 2 февраля 1875 года поджоги мельницы, рассчитывая, что вследствие отсутствия паровой мельницы в Петербурге, ему удастся сохранить за собой подряд, избегнув крупных расходов. Дело Овсянникова рассматривалось в С.-Петербургском окружном суде, решением которого он был сослан в Сибирь на поселение. При обыске у Овсянникова был обнаружен список лиц военного ведомства, которые получали у него взятки. Этот список А. Ф. Кони, принимавший участие в процессе, послал Д. А. Милютину.

90. Я отдаю Францию под покровительство императора.

91. Бездельем.

92. Андрей Федорович Гамбургер.

93. Святослав Валерианович Кербедз.

94. Он решительно заявил, что приписывать ему агрессивные действия против Франции равносильно обвинению его в идиотизме и в полном отсутствии ума.

Маршал же Мольтке (по выражению Бисмарка) был компетентен в вопросе будущей борьбы с Францией лишь с точки зрения военного, но в политике он — просто молодой человек, лишенный всякого влияния.

95. Из всех этих деклараций, сделанных в самых решительных выражениях, следует, что наш августейший монарх полностью достиг цели своего приезда в Берлин и что его присутствие и его тон утверждали основы, на которых покоится мир. Среди правительств, озабоченных угрозой нападения Германии на Францию, более всего обеспокоен С.-Джемский (английский.— П. З.) кабинет.

В противоположность своим выступлениям, обычно сдержанным и даже несколько неясным, на этот раз лорд Дерби дал приказание лорду Одо Русселю поддерживать до последних пределов усилия императора в отношении сохранения мира и представить в случае надобности в распоряжение е. в. всю военную мощь Англии, если бы мы потребовали этого у английского посла. Дело, предпринятое нашим августейшим монархом, было завершено этим распоряжением и у них не было оснований тщеславиться этим.

96. Архиепископ Дмитрий.

97. Удачно выпутаться из неприятного дела.

98. 9 февраля 1874 года было утверждено новое «Положение о воинской повинности в Уральском войске и отправлении службы». Это положение предусматривало обязательность для каждого казака действительной службы не менее года в строевых частях или учебной сотне. Вместе с тем была изменена система организации учебных сборов, а также установлено количество полков, выставляемых войском как в мирное, так и в военное время.

Новое положение вызвало недовольство части казаков, выразившееся в неподчинении новым порядкам. Это недовольство подогревалось наставниками беспоповского согласия, проповедывавшими, что принявшие новое положение «приняли печать антихриста». В целях подавления волнений несколько сот семей уральских казаков были исключены из состава войска и выселены в Туркестанский край.

99. Мария Александровна, Мария Павловна и Мария Федоровна.

100. гр. Николай Павлович Игнатьев.

101. барон Вертер.

102. граф Зичи.

103. Махмуд-Якуб-хан.

104. Наср-Эддин.

105. В действительности Ипполит Петрович.

106. Мария Николаевна Вельяминова.

107. кн. Леонид Дмитриевич Вяземский.

108. Вельяминов, Григорий Николаевич.

109. Приятное безделье.

110. Мария-Лунза-Александра.

111. Империя — это мир.

112. Я надеюсь, что мой дорогой Рафаэль не забудет своего Перуджино.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза, Александр Аггеевич (1821-1895), действительный тайный советник, член Государственного совета, с 1874 по 1880 г. председатель департамента государственной экономики, с 1880 по 1881 г. министр финансов — 61, 63, 65, 87, 112, 119, 122, 196, 201-202, 227.

Авдулина, Мария Алексеевна, см. **Мордвинова, Мария Алексеевна**.

Адлерберг, Александр Владимирович, граф (1819-1889), генерал-адъютант, с 1872 по 1881 г. министр императорского двора и уделов — 60, 90, 96, 98, 101, 119, 130-131, 217, 231.

Аксаков, Константин Сергеевич (1817-1860), общественный деятель, славянофил, писатель — 7.

Аксакова, Вера Сергеевна (1819-1864), дочь писателя Сергея Тимофеевича Аксакова — 7.

Александр, кронпринц (1851-1884), сын короля нидерландского Вильгельма III — 166, 234.

Александр, принц Баттенбергский (1857-1893), с 1879 по 1886 г. князь Болгарии — 54.

Александр Александрович, вел. кн. (1845-1894), второй сын императора Александра II, с 1865 г. после смерти старшего брата Николая Александровича наследник престола, с 1881 г. император Александр III — 31, 38, 60-65, 67, 69, 80, 82, 86, 94, 103, 107, 112, 116, 118, 135, 142, 165, 182-184, 188, 191, 193, 209, 214, 223, 225, 231.

Александр Владимирович, вел. кн. (1875-1877), сын вел. кн. Владимира Александровича — 219.

Александр II Николаевич (1818-1881), император с 1855 г. — 5, 19, 22, 29, 35-42, 46-47, 49-53, 56-57, 60-62, 64-65, 67, 69, 71, 77-88, 90-96, 98, 101-103, 105-110, 112-122, 125-139, 143-154, 158-175, 177, 180-185, 187-197, 203, 207-220, 224-228, 232, 234.

Александр I Павлович (1777-1825), император с 1801 г. — 118.

Александра (1844-1895), жена Альберта-Эдуарда, принца Валлийского (Уэльского), дочь датского короля Христиана IX — 125, 233.

Александра Иосифовна, вел. кн. (1830-1912), жена вел. кн. Константина Николаевича — 103, 153.

Алексей Александрович, вел. кн. (1850-1908), четвертый сын императора Александра II — 92, 154, 181.

Альбедиль, Федор Константинович, полковник, директор военной гимназии в Симбирске — 205.

Альбедийский, Петр Павлович (1825-1883), генерал-адъютант, с 1866 по 1870 г. генерал-губернатор ливонский, эстляндский и курляндский, с 1874 по 1880 г. — виленский, ковенский и гродненский, с 1880 г. — варшавский — 158-159.

Альберт-Эдуард, принц Валлийский (Уэльский) (1841-1910), английский король Эдуард VII с 1901 по 1910 г. — 125, 127, 132, 233.

Альбрехт-Фридрих-Вильгельм-Николай, принц прусский (род. в 1837 г.), генерал-лейтенант германской армии — 173.

Альбрехт-Фридрих-Рудольф (называемый также **Альберт**), эрцгерцог австрийский (1817-1895), фельдмаршал, генерал-инспектор австрийской армии — 153, 161, 163, 225-227.

Альфонс XII, (1857-1885), король Испании с 1874 по 1885 г. — 177.

Альфред-Эрнест-Альберт, принц Великобританский, герцог Эдинбургский

(1844-1900), второй сын английской королевы Виктории — 101-102, 118, 133, 135-136, 140, 209-210, 217, 233.

Андраши, Юлий, граф (1823-1890), австрийский государственный деятель, с 1869 по 1879 г. министр иностранных дел и императорского двора Австро-Венгрии — 136-138.

Аничков, Виктор Михайлович (1830-1877), генерал-майор, состоящий для особых поручений при военном министре, профессор Николаевской академии Генерального штаба — 233.

Аниенков, Михаил Николаевич (1835-1899), генерал-майор свиты е. и. в., член и управляющий делами Главного военно-тюремного комитета, член Комитета по передвижению войск железной дорогой и водой — 233.

Арапетов, Иван Павлович (1811-1887), тайный советник, с 1859 г. член редакционных комиссий для составления «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», позднее член горного совета Министерства государственных имуществ — 21.

Арапов, Иван Андреевич, полковник, адъютант военного министра — 204.

Арсений (Федор Павлович Москвин) (1795-1876), митрополит киевский и галицкий — 178.

Артур-Вильгельм, принц Великобританский, герцог Коннаутский (род в. 1850 г.), третий сын королевы Виктории — 125.

Байов, Алексей Константинович (род. в 1871 г.), генерал-майор, профессор Николаевской академии Генерального штаба, военный писатель — 5.

Балаиский, Иван Михайлович (1827-1902), профессор психиатрии Медико-хирургической академии — 153.

Баранов, Эдуард Трофимович, граф (1811-1884), генерал-адъютант, член Государственного совета — 61, 87, 92, 217.

Барановский, Владимир Степанович (1846-1879), изобретатель в области артиллерийского вооружения — 147.

Баранцов, Александр Алексеевич (1810-1882), генерал-адъютант, товарищ генерал-фельдцейхмейстера, фактически начальник Главного артиллерийского управления с 1863 по 1881 г. — 117, 148-149, 176, 192, 214, 221.

Барыков, Федор Лаврентьевич (1830-1892), действительный статский советник, управляющий земским отделом Министерства внутренних дел — 197.

Барятинский, Александр Иванович, князь (1815-1879), генерал-фельдмаршал, с 1856 по 1862 г. наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией; с 1862 г. в отставке, член Государственного совета — 18-19, 38-41, 43, 71, 78, 81-82, 84, 87-88, 92, 95, 102, 228, 231.

Барятинский, Владимир Иванович, князь (1817-1875), генерал-адъютант, шталмейстер, президент придворной конюшенной конторы — 210.

Беклемишев, Александр Петрович, тайный советник, член совета министра внутренних дел — 197.

Берг, Федор Федорович, граф (1793-1874), генерал-фельдмаршал, член Государственного совета, с 1863 по 1874 г. наместник Царства Польского — 41, 81, 126-128, 130, 231.

Бердан, полковник американской службы, изобретатель различных приспособлений к ручному огнестрельному оружию — 30.

Бехтольсгейм, барон, австрийский военный атташе — 138.

Бисмарк, Отто-Эдуард-Леопольд, князь (1815-1898), германский канцлер с 1871 по 1890 г. — 40, 46-47, 50, 52-54, 80, 193-194, 196, 225-226, 235.

Бистром, Родриг Григорьевич (1809-1886), генерал-адъютант, помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа — 93.

Бобринский, Алексей Павлович, граф (1826-1890), генерал-лейтенант, с 1871 по 1874 г. министр путей сообщения — 112, 119, 139, 159-163, 232.

Боголюбов, Иван Андреевич, полковник, директор военной прогимназии в Ярославле — 204.

Божидар Петрович, родственник черногорского князя Николая I Петровича Негоша, выдвигавшийся на болгарский престол вместе с Александром Баггенбергским в 1879 г. — 54.

Борель, владелец первоклассного ресторана в С.-Петербурге — 129, 183.

Боткин, Василий Петрович (1811-1869), общественный деятель, литературный и музыкальный критик — 21.

Боткин, Сергей Петрович (1832-1889), доктор медицины, член медицинского совета Министерства внутренних дел и Военно-медицинского ученого комитета, с 1873 г. почетный лейб-медик — 126, 144, 172, 197-198.

Бруннер, Андрей Осипович, генерал-от-инфантерии, командующий войсками Казанского военного округа — 205.

Бруннов, Филипп Иванович, граф (1797-1875), русский посол в Лондоне с 1858 по 1874 г. — 35.

Бутенко, Семен Иванович (1831-1896), полковник, командир 145-го Новочеркасского пехотного полка — 154.

Буханов, Яков Ильич (1826-1896), старшина ремесленной управы в Москве — 38.

Бюллер, Федор Андреевич, барон (1821-1896), директор Московского главного архива Министерства иностранных дел — 218.

Валуев, Петр Александрович, граф (1815-1890), с 1861 по 1868 г. министр внутренних дел, с 1872 по 1879 г. министр государственных имуществ, член Государственного совета, с 1879 по 1881 г. председатель Комитета министров — 39, 57, 60, 69, 71, 106-107, 110, 112-113, 115, 119, 135, 139-141, 155-156, 171, 173-177, 187, 202, 227, 231-232.

Ванновский, Петр Семенович (1822-1904), участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в качестве командующего 12-м армейским корпусом, а затем и. д. начальника штаба Рушукского отряда, с 1881 по 1898 г. военный министр — 65.

Варпаховский, Евгений Петрович, капитан, адъютант вел. кн. Николая Константиновича — 153.

Величко, Филадельф Кириллович (1833-1898), полковник, офицер Главного штаба, с 1875 г. управляющий делами Мобилизационного комитета — 78, 82, 85, 165.

Вельяминов, Григорий Николаевич, коллежский регистратор, состоящий при канцелярии Комитета министров — 223, 235.

Вельяминова, Мария Николаевна, подруга дочерей Д. А. Милютин — 84, 221-223, 235.

Вельяминовы — 157, 223.

Вера Константиновна, вел. кн. (род. в 1854 г.), дочь вел. кн. Константина Николаевича, жена принца Евгения Вюртембергского — 138.

Вердер, Бернгард-Франц-Вильгельм (1823-1907), генерал-лейтенант, с 1869 по 1886 г. военный атташе германского посольства в С.-Петербурге — 148-149, 220.

Вережкин, Николай Александрович (1820-1878), генерал-лейтенант, с 1865 г. наказной атаман Уральского казачьего войска; в хивинском походе 1873 г. командовал Оренбургским огрядом — 89.

Веригин, Александр Иванович (1807-1891), генерал-адъютант, с 1866 г. член Государственного совета, военный писатель — 115, 183.

Вертель, Борис, офицер Отдельного мусульманского эскадрона — 169, 234.

Вертер, Карл, барон (1809-1894), с 1874 по 1877 г. германский посол в Турции — 215, 235.

Вестман, Владимир Ильич (1812-1875), сенатор, действительный тайный советник, товарищ министра иностранных дел — 164.

Виктория-Адельгейда (1840-1901), жена кронпринца Фридриха-Вильгельма, впоследствии императора германского Фридриха III — 129, 135, 233.

Вилье, Яков Васильевич, баронет (1765-1854), доктор медицины, с 1809 по 1838 г. президент Медико-хирургической академии, с 1854 г. главный инспектор медицинской части русской армии — 118.

Вильгельм I (1797-1888), король прусский с 1861 г. и император германский с 1871 по 1888 г. — 40, 46, 49, 52, 79-81, 83, 145, 193, 195-196, 231.

Вильгельм-Евгений-Август-Георг, принц Вюртембергский, муж вел. кн. Веры Константиновны — 138.

Винтер, Ольга Ивановна, компаньонка дочерей Д. А. Милютин — 207.

Витгенштейн, Эмилий-Карл Людвигович (1824-1878), генерал-лейтенант — 143.

Владимир Александрович, вел. кн. (1847-1909), сын императора Александра II,

начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии — 61, 95, 114, 154, 164, 166, 214, 218, 231.

Восейков, Николай Васильевич (1832-1898), генерал-майор свиты е. и. в., управляющий делами Императорской главной квартиры — 220.

Воронов, Андрей Степанович (1819-1875), тайный советник, член совета министра народного просвещения — 233.

Воронцов-Дашков, Илларион Иванович, граф (1837-1916), генерал-майор свиты е. и. в., с 1867 г. командир лейб-гвардии гусарского полка, с 1881 по 1897 г. министр двора и главноуправляющий государственным коннозаводством, член Государственного совета, с 1905 по 1915 г. наместник и командующий войсками Кавказского военного округа — 136.

Воронцовы, Семен Михайлович, граф (1823-1882), генерал-лейтенант, и **Мария Васильевна**, урожд. кн. Трубецкая (1819-1895) — 221.

Вяземская, Лидия Дмитриевна, княжна, подруга дочерей Д. А. Милютина — 84, 221-223.

Вяземский, Леонид Дмитриевич, князь (1848-1909), флигель-адъютант, во время войны 1877-1878 гг. командующий 2-й бригадой болгарского ополчения, позднее член Государственного совета, с 1888 по 1890 г. астраханский губернатор — 223, 235.

Вяземские — 157, 223.

Гагарина, княгиня — 162.

Газенкамф, Михаил Александрович (1843-1913), генерал-от-инфантерии, военный писатель, во время войны 1877-1878 гг. состоял при главнокомандующем Дунайской армии вел. кн. Николае Николаевиче — 48.

Галкин-Врасский, Михаил Николаевич, (род. в 1834 г.), действительный статский советник, с 1870 по 1879 г. саратовский губернатор — 205-206.

Гамбургер, Андрей Федорович (1821-1899), тайный советник, управляющий департаментом личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел, член совета Министерства, с 1879 по 1896 г. посол в Швейцарии — 195, 220, 225, 235.

Ган, Георг Федорович (1823-1880), генерал-майор, совещательный член Главного артиллерийского управления Военного министерства — 147.

Ганецкий, Иван Степанович (1810-1887), генерал-лейтенант, начальник 3-й пехотной дивизии; в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. командующий гренадерским корпусом, с 1879 г. член Военного совета — 204.

Гейден, Александра Федоровна, графиня, дочь гр. Ф. Л. Гейден — 169.

Гейден, Федор Логгинович, граф (1821-1900), генерал-адъютант, с 1866 по 1881 г. начальник Главного штаба — 78, 82-83, 85, 122, 142-143, 207, 233.

Гемельман, полковник, военный инженер — 211, 215, 221.

Георгий Александрович, вел. кн. (1871-1899), сын наследника престола Александра Александровича — 86, 231.

Георг, герцог Мекленбург-Стрелицкий (1824-1876), генерал-адъютант, генерал инспектор стрелковых батальонов; женат на вел. кн. Екатерине Михайловне, дочери вел. кн. Михаила Павловича — 147, 203.

Георгиевский, Александр Иванович (1829-1911), действительный статский советник, с 1866 по 1881 г. член Совета министра народного просвещения — 142, 172.

Гернрос, Николай Александрович (род. в 1825 г.), тайный советник, сенатор — 233.

Герстфельд, Эдуард Иванович (1798-1878), инженер-генерал, член Государственного совета, член совета министра путей сообщения — 196.

Гильденштуббе, Александр Иванович (1800-1884), генерал-от-инфантерии, командующий войсками Московского военного округа — 169, 203-204.

Гильфердинг, Александр Федорович (1831-1872), славист и этнограф, собиратель памятников русского бытового эпоса, сотрудник «Русского инвалида» — 33.

Гирс, Александр Карлович (1815-1880), товарищ министра финансов — 198, 201, 233.

Гирс, Николай Карлович (1820-1895), с 1863 по 1867 г. чрезвычайный посланник России в Персии, с 1867 по 1872 г. — в Швейцарии, с 1872 по 1875 г. —

в Швеции и Норвегии, с 1875 по 1882 г. товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом, с 1882 по 1895 г. министр иностранных дел — 51, 66, 69.

Голиков, Сергей Николаевич (ум. в 1894 г.), архитектор — 167, 207.

Голицын, Владимир Дмитриевич, светл. князь (1816-1888), генерал-лейтенант, член совета Главного управления государственного коннозаводства — 92.

Головачев, Николай Никитич, генерал-лейтенант, командующий войсками Сыр-Дарьинской области — 143.

Головин, Александр Васильевич (1821-1886), тайный советник, с 1861 по 1866 г. министр народного просвещения, член Государственного совета — 34, 37, 67, 69.

Горбунова — 221.

Горлов, Александр Павлович (1830-1905), генерал-лейтенант, с 1882 г. инспектор местных arsenалов, член артиллерийского комитета; в 1864 г. был командирован в Америку для изыскания подходящего образца малокалиберной винтовки — 30-31.

Горчаков, Александр Михайлович, светл. князь (1798-1883), с 1856 по 1882 г. государственный канцлер и министр иностранных дел — 34-35, 43-44, 47, 51, 69, 107, 115-116, 119, 132, 145, 148, 150, 176, 181, 183-185, 187-189, 191, 195-196, 210, 225-226, 228, 231, 233.

Готье, Юрий Владимирович (1873-1943), академик, историк и археолог, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова — 62.

Граббе, Павел Христофорович, граф (1787-1875), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1838 по 1843 г. командующий войсками Кавказской линии и Черноморья — 9-10.

Грановский, Тимофей Николаевич (1813-1855), историк, профессор Московского университета — 16, 21, 70.

Грейг, Самуил Алексеевич (1827-1887), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1874 по 1878 г. государственный контролер, с 1878 по 1880 г. министр финансов — 88, 92, 95-96, 102, 119, 133, 135, 147, 156, 163, 170, 172-174, 178, 192, 197-198, 201-202, 232.

Грот, Константин Карлович (1815-1897), член Государственного совета, директор департамента неокладных сборов Министерства финансов — 126, 178, 197.

Грубер, Венцеслав Леопольдович (1814-1890), профессор Медико-хирургической академии — 171.

Губин, А. М., нижегородский городской голова — 204.

Губский, Федор Александрович, генерал-майор, командир гвардейской конно-артиллерийской бригады — 232.

Гуиниус (ум. в 1869 г.), капитан, делопроизводитель артиллерийского комитета; в 1864 г. вместе с полк. Горловым был командирован в Америку для изыскания подходящего образца малокалиберной винтовки — 30.

Гурко, Иосиф Владимирович (1828-1901), генерал-от-кавалерии, член Государственного совета; во время войны 1877-1878 гг. командующий войсками гвардии, с 1878 по 1880 г. помощник главнокомандующего войсками Петербургского военного округа, с 1879 по 1880 г. временный петербургский генерал-губернатор; с 1883 по 1894 г. варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа — 60.

Гуро, Александр Степанович, действительный статский советник — 93-94.

Давыдов, Иван Иванович (1794-1863), академик, профессор словесности Московского университета — 8.

Данилевский, Николай Яковлевич (1822-1885), публицист, естествоиспытатель — 98, 169.

Данилов, Иван Николаевич, поручик фельдъегерского е. и. в. корпуса — 204.

Деказ, Луи, герцог (1819-1886), с 1874 по 1877 г. министр иностранных дел Франции — 193, 225.

Делянов, Иван Давыдович (1818-1897), с 1861 по 1882 г. директор Императорской публичной библиотеки в С.-Петербурге, с 1866 по 1874 г. товарищ ми-

нистра народного просвещения, с 1882 по 1897 г. министр народного просвещения — 98, 102, 112, 122, 134.

Дерби, Эдуард-Генрих-Стенли, лорд (1826-1893), с 1868 по 1878 г. министр иностранных дел Англии — 193, 197, 235.

Дершау, вероятно, Николай Карлович, барон (1820-1907), тайный советник, инженер — 221.

Дмитрий (1806-1883), архиепископ ярославский и ростовский — 204, 235.

Долгоруков, Василий Андреевич, князь (1804-1868), с 1852 по 1856 г. военный министр, с 1856 по 1866 г. шеф жандармов и начальник III отделения собственной е. и. в. канцелярии — 16-18, 35.

Долгоруков, Владимир Андреевич (1810-1891), с 1865 по 1891 г. московский генерал-губернатор — 169, 218.

Домонтович, Константин Иванович (1820-1889), тайный советник, директор департамента окладных сборов Министерства финансов — 233.

Дондуков-Корсаков, Александр Михайлович, князь (1820-1893), генерал-адъютант, с 1869 по 1878 г. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор; во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. командующий 13-м армейским корпусом, а затем восточным отрядом армии, действовавшей на европейском театре военных действий, с 1879 по 1880 г. императорский комиссар в Болгарии и командующий русским оккупационным корпусом, с 1882 по 1890 г. наместник Кавказа и командующий войсками Кавказского военного округа — 220.

Дрентельн, Александр Романович (1820-1888), генерал-адъютант, начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, помощник председателя Главного комитета по устройству и образованию войск; во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. начальник военных сообщений армии, действовавшей на европейском театре военных действий; с 1878 по 1880 г. шеф жандармов и начальник III отделения собственной е. и. в. канцелярии — 60, 233.

Дубровин, Николай Федорович (1837-1904), академик, историк, с 1893 г. непременный секретарь Академии наук — 10.

Дуэ, с 1873 г. шведский посланник в России — 211.

Евреинов, Владимир Алексеевич, действительный статский советник, чиновник собственной е. и. в. канцелярии по делам Царства Польского — 233.

Екатерина II Алексеевна (1729-1796), императрица с 1762 г. — 106.

Екатерина Михайловна, вел. кн. (1827-1894), жена герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, дочь вел. кн. Михаила Павловича — 176.

Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Мария) вел. кн. (1806-1873), жена вел. кн. Михаила Павловича — 122, 130.

Елизавета-Луиза (1801-1873), жена прусского короля Фридриха-Вильгельма IV — 108, 232.

Ермолов, Алексей Петрович (1772-1861), генерал-от-инфантерии, член Государственного совета, участник кампании 1805-1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и кампании 1813-1814 гг., с 1816 по 1827 г. главноуправляющий Грузией и командир Отдельного кавказского корпуса — 10.

Жomini, Александр Генрихович, барон (1817-1888), действительный тайный советник, старший советник Министерства иностранных дел — 150, 184, 195, 210, 218, 225.

Заблоцкий-Десятовский, Андрей Парфенович (1807-1881), статс-секретарь, член ученого комитета Министерства финансов, с 1875 г. член Государственного совета, автор труда «Граф П. Д. Киселев и его время» — 138.

Залесов, Николай Гаврилович (1828-1896), генерал-от-инфантерии, член Военного совета, военный писатель — 40.

Затлер, Федор Карлович, барон (1805-1876), генерал-майор, генерал-интендант в период Крымской войны — 41.

Зверев, Константин Яковлевич (1821-1890), генерал-лейтенант, управляющий делами инженерного комитета — 214.

Здекауер, Николай Федорович (1815-1897), лейб-медик, консультант и заслуженный профессор Медико-хирургической академии — 153.

Зедделер, Людвиг Иванович, барон (1791-1852), генерал-лейтенант, военный писатель — 8

Зейме, Феликс Антонович (1826-1883), генерал-майор, начальник сводной саперной бригады — 233.

Зеленый, Александр Алексеевич (1818-1880), генерал-адъютант, с 1862 по 1872 г. министр государственных имуществ, член Государственного совета — 34, 38, 57, 117, 217.

Зичи, Франц, граф (род. в 1811 г.), с 1874 по 1879 г. австрийский посол в Турции — 215, 235.

Иван Алексеевич (1666-1696), сын царя Алексея Михайловича — 5.

Игнатьев, Николай Павлович, граф (1832-1908), генерал-адъютант, с 1861 по 1864 г. директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, с 1864 по 1877 г. посол в Турции, с 1881 по 1882 г. министр внутренних дел, член Государственного совета — 47, 215, 235.

Игнатьев, Павел Николаевич, граф (1797-1879), генерал-адъютант, с 1872 по 1879 г. председатель Комитета министров — 82, 87-88, 92, 115, 117, 138, 140-142, 151-152, 167, 187, 197-198, 201, 209, 231, 234.

Исаков, Николай Васильевич (1821-1891), генерал-адъютант, с 1863 г. начальник Главного управления военно-учебных заведений — 112-113.

Кавелин, Александр Александрович (1832-1906), генерал-майор свиты е. и. в., с 1873 по 1881 г. таврический губернатор — 208.

Кавелин, Константин Дмитриевич (1818-1885), профессор Московского и Петербургского университетов по кафедре гражданского права, общественный деятель — 21, 36, 67, 69-70.

Калугин, Иван Козьмич (1827-1882), статский советник, чиновник II отделения собственной е. и. в. канцелярии — 233.

Каракозов, Дмитрий Владимирович (1840-1866), член революционного кружка Н. А. Ишутина, 4-го апреля 1866 г. покушался на жизнь Александра II, был казнен — 35, 37.

Карель, Филипп Яковлевич (1806-1886), доктор медицины, хирург, лейб-медик при императорах Николае I и Александре II — 153, 173, 220.

Карл-Людвиг-Иоанн, австрийский эрцгерцог (1771-1847), сын императора Леопольда II — 227.

Карл-Фридрих-Александр, принц прусский (1801-1883), генерал фельдцейхмейстер, сын Фридриха-Вильгельма III — 225.

Карлгоф, Николай Иванович (1806-1877), генерал-от-инфантерии, член Военного совета — 222.

Карле, изобретатель в области стрелкового оружия — 30.

Кармалин, Николай Николаевич (1824-1900), генерал-майор, с 1873 по 1882 г. начальник Кубанской области и атаман Кубанского казачьего войска — 101.

Карцев, Александр Петрович (1817-1875), генерал-адъютант, член Военного совета и командующий войсками Харьковского военного округа — 169, 208, 226.

Катков, Михаил Никифорович (1818-1887), реакционный публицист 60-80-х годов, редактор газеты «Московские ведомости» — 34, 40, 44, 108, 110.

Каульбарс, Александр Васильевич, барон (род. в 1844 г.), полковник, впоследствии генерал-от-кавалерии, исследователь районов Средней Азии, автор ряда географических трудов, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905 гг., с 1905 по 1909 г. командующий войсками Одесского военного округа — 138.

Кауфман, Константин Петрович (1818-1882), генерал-адъютант, с 1867 по 1882 г. туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа — 35, 47, 88-90, 96, 101, 115, 143, 181, 183, 193, 214-218, 220, 224.

Кауфман, Михаил Петрович (1822-1902), генерал-адъютант, с 1866 по 1879 г. начальник Главного интендантского управления Военного министерства — 102-103, 193, 232.

Квитницкий, Эраст Ксенофонтович, штабс-капитан гвардейской конно-артиллерийской бригады — 87, 232.

Кербедз, Станислав Валерьянович (1810-1899), тайный советник, инженер, член совета Министерства путей сообщения — 196, 235.

Кетчер, Яков Яковлевич (ум. в 1880 г.), тайный советник, член совета департамента уделов Министерства императорского двора и уделов — 233.

Киамил-паша, турецкий посол в России — 86, 179, 234.

Кирхбах, генерал-от-инфантерии германской армии — 107.

Киреев, Александр Алексеевич (1833-1910), гв. полковник, адъютант вел. кн. Константина Николаевича — 187.

Киселев, Павел Дмитриевич, граф (1788-1872), государственный деятель эпохи Николая I, участник Отечественной войны 1812 г., кампании 1813-1814 гг. и русско-турецкой войны 1828-1829 гг., по окончании которой занимался организацией управления в Молдавии и Валахии, с 1835 г. член Государственного совета, с 1837 по 1856 г. министр государственных имуществ, с 1856 г. до выхода в отставку в 1862 году, посол в Париже — 6, 17, 20, 69, 138, 158, 218.

Клаузен, Эмилий Карлович (1836-1891), главный садовод Никитского сада в Магараचे — 103.

Климов, Федор Дмитриевич, действительный статский советник, с 1872 по 1874 г. самарский губернатор — 106.

Клугин, Лавр Никонович, генерал-майор, помощник начальника Главного Штаба, член Военно-ученого комитета — 233.

Кнепп, генерал-майор германской армии — 107.

Козлов, Николай Илларионович (1814-1889), врач, член Военно-медицинского ученого комитета, с 1869 по 1871 г. начальник Медико-хирургической академии, с 1871 по 1881 г. главный военно-медицинский инспектор — 112-114, 135, 144, 170-172, 174, 178.

Кокорев, Василий Александрович (1817-1889), откупщик — 192, 234.

Комаров, Виссарион Виссарионович (1838-1907), полковник Генерального штаба, журналист, сотрудничал в «Голосе», «Русском инвалиде» и других журналах; в 1871 г. основал газету «Русский мир», которая с 1875 г. перешла к М. Г. Черняеву — 109.

Кондрашев, поверенный кн. С. В. Кочубея — 93-94.

Кони, Анатолий Федорович (1844-1927), судебный деятель, писатель и публицист — 66, 234.

Константин Николаевич, вел. кн. (1827-1892), второй сын Николая I, с 1865 по 1881 г. председатель Государственного совета — 61-62, 66, 79, 81, 84, 105, 107-108, 111-118, 122, 125, 131, 140-144, 152, 154, 157, 164, 171, 179, 184, 187-189, 196-198, 201-203, 209-210, 212, 220, 231-232.

Корш, Евгений Федорович (1810-1897), публицист и переводчик, редактор «Московских ведомостей», издатель журнала «Атеней» — 16.

Коцебу, Павел Евстафьевич (1801-1884), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1874 по 1880 г. варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа — 129-130, 132-133, 158, 183, 233.

Кочубей, Сергей Викторович, князь (1820-1880), полтавский помещик — 81, 86, 90, 93-94, 97-98.

Краббе, Николай Карлович (1814-1876), адмирал, с 1872 по 1876 г. управляющий Морским министерством — 107, 112, 117, 119-120, 131, 231-232.

Крапоткин, Дмитрий Николаевич, князь (1836-1879), генерал-майор, с 1870 по 1879 г. харьковский губернатор — 208.

Красовский, Антон Яковлевич (1821-1898), доктор медицины, профессор Медико-хирургической академии по кафедре акушерства и гинекологии — 144.

Крынка (Кренке-Гогенбург), австрийский оружейный мастер, изобретатель в области стрелкового оружия — 30-31.

Ксения Александровна, вел. княжна (род. в 1875 г.), дочь наследника престола вел. кн. Александра Александровича — 182, 188.

Кузнецова, Анна Васильевна, с 1862 по 1876 г. артистка петербургского балета — 201.

Ламсдорф, Константин Николаевич, граф (род. в 1841 г.), полковник, флигель-адъютант — 217.

Лангенау, барон, австрийский посол в России — 143.

Левшин, Владимир Дмитриевич, действительный статский советник, с 1871 по 1876 г. воронежский вице-губернатор — 206.

Ленин, Владимир Ильич (1870-1924) — 17, 21-22, 45, 65-66.

Леонтьев, Александр Николаевич (1827-1878), генерал-лейтенант, с 1862 г. начальник Николаевской академии Генерального штаба — 226.

Лесовский, Степан Степанович (1817-1884), генерал-адъютант, адмирал, гидрограф-исследователь, с 1869 по 1880 г. помощник управляющего Морским министерством — 164, 176, 202.

Лессепс, Фердинанд (1805-1894), французский инженер, автор проекта сооружения Суэцкого канала, в 1875 г. разработал проект постройки железной дороги от Оренбурга до границ Индии — 181.

Лефлю, Адольф-Шарль-Эммануил (1804-1887), с 1871 по 1879 г. французский посол в России — 136, 188.

Ливен, Вильгельм Карлович, барон (1800-1880), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1861 по 1864 г. лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор, с 1871 г. — обер-егермейстер двора — 231.

Лилиенфельд, Отто Федорович, генерал-майор, управляющий Сестрорецким оружейным заводом — 90.

Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович, князь (1824-1896), с 1867 по 1878 г. товарищ министра внутренних дел, позднее посол России в Турции, Англии и Австрии, с 1895 г. министр иностранных дел — 201-202.

Ломакин, Николай Павлович (род. в 1830 г.), генерал-майор, участник хивинского похода, старший помощник начальника Северного Дагестана — 164, 231, 233-234.

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович, граф (1825-1888), генерал-адъютант, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., с 1879 по 1880 г. временный харьковский генерал-губернатор, с 1880 по 1881 г. председатель Верховной распорядительной комиссии и министр внутренних дел — 60-65, 69, 72.

Лофтус, Август, лорд, с 1871 по 1879 г. английский посол в России — 132, 135, 233-234.

Лутковский, Иван Сергеевич (1805-1888), генерал-адъютант, член Военного совета, председатель Главного военно-тюремного комитета — 129.

Мак-Магон, Мари-Эдмон-Патрик-Морис (1808-1893), маршал Франции и президент французской республики — 195.

Маков, Лев Саввич (1830-1883), действительный статский советник, руководитель канцелярии Министерства внутренних дел, с 1878 по 1880 г. министр внутренних дел — 60, 62, 233.

Максимовский, Михаил Семенович, полковник, помощник редактора «Инженерного журнала» — 233.

Мальцев, Сергей Иванович (1810-1893), генерал-майор, промышленник, владелец ряда крупных заводов — 163, 167.

Мальцева, Анастасия Николаевна, урожд. Урусова (1820-1894), жена С. И. Мальцева — 163.

Мантейфель, Эдвин-Карл-Рохус, граф (1809-1885), генерал-фельдмаршал германской армии, в 1876-1878 гг. выполнял дипломатические поручения при русском дворе — 107.

Мария, принцесса Мекленбург-Шверинская (род. в 1854 г.), впоследствии вел. кн. Мария Павловна, жена вел. кн. Владимира Александровича — 154, 164, 166, 213, 217, 235.

Мария Александровна, урожд. принцесса Гессен-Дармштадтская (1824-1880), императрица, жена Александра II — 91, 93, 95-96, 102-103, 106-107, 118, 121, 132, 140, 152-153, 162-164, 169, 172, 183, 188, 213-215, 218, 220, 232.

Мария Александровна, вел. кн. (род. в 1853 г.), дочь Александра II, с 1874 г. жена английского принца Альфреда Эдинбургского — 91, 101, 103, 118, 132-133, 135-136, 140, 210, 213, 232-233, 235.

Мария-Луиза-Александра (род. в 1808 г.), жена прусского принца Карла-Фридриха-Александра — 225, 235.

Мария Николаевна, вел. кн. (1819-1876), дочь Николая I, в первом браке за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, во втором, морганатическом, за графом Г. А. Строгановым — 138.

Мария Федоровна (Мария-София-Фредерика-Дагмара) (1847-1928), жена наследника престола Александра Александровича, с 1881 г. императрица — 86, 94, 164, 173, 213, 223, 231, 235.

Маркозов, Василий Иванович (1838-1908), полковник, командир Красноводского отряда, принимавшего в 1873 г. участие в хивинском походе — 86, 88, 231.

Мартенс, Федор Федорович (род. в 1845 г.), юрист, профессор Петербургского университета по кафедре международного права, член совета министра иностранных дел — 150.

Масальский, Николай Федорович, князь (1812-1880), генерал-лейтенант, начальник артиллерии Петербургского военного округа — 233.

Махмуд-Якуб-хан, в 1875 г. кашгарский посланник в России — 219, 235.

Махова, Софья Николаевна, подруга Е. Д. Милютиной — 222.

Мезенцов, Николай Владимирович (1827-1878), генерал-адъютант, с 1864 г. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделения собственной е. и. в. канцелярии, с 1874 г. товарищ шефа жандармов, с 1876 по 1878 г. шеф жандармов — 171, 209.

Мельников, Павел Петрович (1804-1880), инженер-генерал, член Государственного совета по департаменту государственной экономии, с 1862 по 1869 г. министр путей сообщения — 181, 196, 227.

Миллер, член строительного общества, бывший военный инженер — 211, 213.

Милютин, Алексей Дмитриевич (1845-1904), сын Дмитрия Алексеевича Милютина, флигель-адъютант, впоследствии, с 1892 по 1902 г. курский губернатор — 13, 86-87, 94-96, 98, 101-102, 104, 106-107, 157-158, 167-169, 194, 224, 231-232.

Милютин, Алексей Михайлович (1780-1846), отец Дмитрия Алексеевича Милютина — 5-7, 20, 69.

Милютин, Алексей Яковлевич (1673-1755) — 5.

Милютин, Андрей Яковлевич — 5.

Милютин, Борис Алексеевич (1830-1886), действительный статский советник, юрист — 6.

Милютин, Владимир Алексеевич (1826-1855), профессор Петербургского университета по кафедре государственного права — 6.

Милютин, Николай Алексеевич (1818-1872), директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, с 1859 г. временный товарищ министра внутренних дел, фактический руководитель всех подготовительных работ к крестьянской реформе 1861 г.; с 1864 по 1866 г. статс-секретарь по делам Польши — 6-8, 34, 135, 233-234.

Милютина, Елена Дмитриевна, в замужестве Гершельман (1857-1882), младшая дочь Дмитрия Алексеевича Милютина — 13, 84, 157, 184, 207, 224, 231.

Милютина, Елена Николаевна, дочь Николая Алексеевича Милютина — 167, 234.

Милютина, Елизавета Дмитриевна, урожд. Киселева, (ум. в 1838 г.), мать Дмитрия Алексеевича Милютина — 6.

Милютина, Елизавета Дмитриевна, в замужестве Шаховская (род. в 1844 г.), дочь Дмитрия Алексеевича Милютина, фрейлина императрицы Марии Александровны — 13, 91, 93-95, 97-98, 101-102, 104, 106-107, 130, 132, 136, 157, 183, 185, 190-191, 207, 209, 215, 218, 221-222, 224, 232-233.

Милютина, Мария Аггеевна, урожд. Абазы (род. в 1834 г.), жена Николая Алексеевича Милютина — 85, 157, 167-168, 203, 209.

Милютина, Мария Алексеевна, см. Мордвинова, Мария Алексеевна.

Милютина, Мария Дмитриевна (1854-1882), дочь Дмитрия Алексеевича Милютина — 13, 84, 98, 157, 207, 231.

Милютина, Мария Николаевна, дочь Николая Алексеевича Милютина — 167, 234.

Милютина, Надежда Дмитриевна, в замужестве Долгорукая (1850-1913),

дочь Дмитрия Алексеевича Милютин — 13, 84, 98, 101, 103, 157, 184, 207, 222-223, 231.

Милютин, Наталья Михайловна, урожд. **Понсе** (ум. в 1912 г.), жена Дмитрия Алексеевича Милютин — 13, 68, 84, 89-90, 93-94, 98, 101, 103-104, 107, 157-158, 175, 183, 185-186, 188, 190-191, 207, 222-228, 232.

Милютин, Ольга Дмитриевна (1848-1926), дочь Дмитрия Алексеевича Милютин — 13, 84, 136, 157, 169, 176, 180, 183, 185, 190-191, 207, 221-223, 231, 234.

Милютин, Прасковья Николаевна, дочь Николая Алексеевича Милютин — 157, 167, 234.

Михаил Николаевич, вел. кн. (1832-1909), сын императора Николая I, с 1863 по 1881 г. наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией — 27, 41, 61, 81, 83, 102-104, 109, 164, 166-167, 185, 187-188, 190, 215, 220-221, 231.

Михайловский-Данилевский, Александр Иванович (1790-1848), генерал-лейтенант, военный историк — 15.

Мольтке, Гельмут-Карл-Бернгард, граф (1800-1891), фельдмаршал германской армии — 80, 194, 196, 235.

Мордвинов, Дмитрий Сергеевич (1820-1894), генерал-адъютант, с 1872 по 1881 г. начальник канцелярии Военного министерства — 78-79, 178, 193.

Мордвинов, Иван Сергеевич, капитан, чиновник особых поручений окружного интендантского управления Одесского военного округа — 97.

Мордвинов, Семен Александрович (1825-1900), тайный советник, председатель Саратовской судебной палаты — 206.

Мордвинова, Мария Алексеевна, урожд. **Милютин**, в первом браке **Авдулина** (1822-1883), сестра Дмитрия Алексеевича Милютин — 6, 89, 94, 96, 158, 195.

Мулла-Турап-Ходжа-Умара, (род. в 1830 г.), в 1873 г. кашгарский посланник в России — 91, 94, 232.

Муравьев, Николай Николаевич (1794-1866), генерал-адъютант, с 1854 по 1856 г. наместник Кавказа и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа — 18.

Муравьев, Михаил Николаевич, граф (1796-1866), генерал-адъютант, с 1857 по 1861 г. министр государственных имуществ, с 1863 по 1865 г. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор — 33-34.

Набоков, Дмитрий Николаевич (1826-1904), с 1867 по 1876 г. управляющий собственной е. и. в. канцелярией по делам Царства Польского — 60, 119, 128-130, 133, 145-146, 148, 191, 231.

Назимов, Владимир Иванович (1802-1874), генерал-адъютант, член Военного совета — 139-140.

Назимов, Владимир Николаевич (1806-1889), генерал-от-инфантерии, член Военного совета — 183.

Наполеон I Бонапарт (1769-1821), французский император с 1804 по 1814 г. — 193-194.

Наполеон III (Шарль-Людовик-Наполеон) (1808-1873), французский император с 1852 по 1870 г. — 225.

Наср-Эддин (1831-1896), персидский шах с 1848 по 1896 г. — 84-86, 231.

Наср-Эддин, старший сын кокандского хана Худояра — 220, 235.

Некрасов, Николай Алексеевич (1821-1877) — 70.

Непокойчицкий, Артур Адамович (1813-1881), генерал-адъютант, член Военного совета, с 1874 г. председатель особой временной комиссии по управлению Медико-хирургической академией и председатель Военно-кодификационного комитета; во время войны 1877-1878 гг. начальник штаба главнокомандующего армией, действовавшей на европейском театре военных действий — 78, 172, 234.

Николай Александрович, вел. кн. (1868-1918), сын наследника престола Александра Александровича, с 1894 г. император Николай II — 67, 86, 116, 231.

Николай Константинович, вел. кн. (1850-1894), сын вел. кн. Константина Николаевича — 152-153, 157, 212.

Николай Николаевич старший, вел. кн. (1831-1891), третий сын императора Николая I, член Государственного совета, генерал-инспектор кавалерии и по инженерной части; во время войны 1877-1878 гг. главнокомандующий русской

армией, действовавшей на европейском театре военных действий — 41, 49-50, 81, 83, 93, 108, 135, 137, 150, 164, 171, 203, 224, 231.

Николай I Павлович (1796-1855), император с 1825 г. — 16, 20, 26, 38, 136. **Нич**, инженер, управляющий именем кн. С. В. Кочубея — 98, 101.

Норденстам, полковник, начальник штаба Кавказских войск и Черноморья—13. **Норман**, оружейный мастер Тульского оружейного завода — 30.

Носович, Павел Иванович, генерал-майор, директор Нижегородской графа Аракчеева военной гимназии — 204.

Нотбек, Владимир Васильевич (1825-1894), генерал-майор, начальник Тульского оружейного завода — 104, 169.

Оболонский, Дмитрий Александрович, князь (1822-1881), тайный советник, член Государственного совета, сенатор — 133-134, 192.

Обручев, Николай Николаевич (1830-1904), генерал-майор, с 1867 г. член и управляющий делами Военно-ученого комитета, профессор Николаевской академии Генерального штаба, с 1881 по 1898 г. начальник Главного штаба — 48, 78, 82, 85, 194, 233.

Овсянников, Степан Тарасович, коммерции советник, хлеботорговец — 192-193, 234.

Олсуфьев, Адам Васильевич, граф (ум. в 1901 г.), флигель-адъютант—86, 107.

Ольга Федоровна, урожд. принцесса Баденская (1838-1891), жена вел. кн. Михаила Николаевича — 103-104, 161.

Орлов, Николай Алексеевич, князь (1827-1885), генерал-адъютант, с 1859 по 1869 г. посланник в Бельгии, с 1869 по 1870 г. — в Австрии, с 1870 по 1871 г. — в Англии, с 1871 по 1884 г. — во Франции — 136, 193, 195.

Орлова-Денисова, Елизавета Алексеевна, урожд. **Никитина, графиня** (1817-1898), вдова генерал-адъютанта Федора Васильевича Орлова-Денисова — 192.

Оскар II Фридрих (1829-1907), король шведский и норвежский с 1872 г.— 210-211.

Остелецкий, Павел Яковлевич, полковник, директор военной прогимназии в Вольске — 205.

Остен-Сакен, Дмитрий Ерофеевич, граф (1790-1881), генерал-адъютант, член Государственного совета — 168, 176-177.

Остен-Сакен, Федор Романович, барон (род. в 1832 г.), действительный статский советник, вице-директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел — 164.

Островский, Михаил Николаевич (1827-1901), с 1871 г. товарищ государственного контролера, с 1878 г. член Государственного совета, с 1881 по 1893 г. министр государственных имуществ — 192.

Павел-Фридрих-Вильгельм-Генрих, принц Мекленбург-Шверинский (род. в 1852 г.), лейтенант прусской армии — 166.

Павел I Петрович (1754-1801), император с 1796 г. — 15-16.

Павлов, Михаил Григорьевич (1792-1840), доктор медицины, профессор физики, минералогии и сельского хозяйства в Московском университете — 7.

Пален, Константин Иванович, граф (1833-1912), с 1867 по 1878 г. министр юстиции — 82, 110-111, 115, 119, 145-146, 179, 185, 191, 194, 231, 234.

Панаев, Иван Иванович (1812-1862), писатель и журналист, автор «Литературных воспоминаний», один из редакторов «Современника» — 70.

Панаева, Авдотья Яковлевна (1820-1893), писательница — 70.

Паукер, Герман Егорович (1822-1889), военный инженер, профессор механики Военно-инженерной академии — 91.

Первошиков, Дмитрий Матвеевич (1788-1880), физик, математик и астроном, профессор Московского университета — 7.

Перетц, Егор Абрамович (1833-1899), помощник государственного секретаря, с 1873 г. управляющий делами Особого присутствия о воинской повинности, с 1878 г. государственный секретарь — 71-72, 117.

Петр I Алексеевич (1672-1725), император с 1689 г. — 5.

Петр Георгиевич, принц Ольденбургский (1812-1881), генерал-от-инфантерии, сенатор, член Государственного совета, с 1861 по 1881 г. главноуправляющий

IV отделения собственной е. и. в. канцелярии—78, 82, 84, 112, 134, 136, 156, 171.

Петр III Федорович (1728-1762), император с 1861 г. — 45.

Перуджино, Пьетро (настоящее имя **Вануччи**) (1445-1523), итальянский живописец умбрийской школы, учитель Рафаэля — 226, 235.

Пий IX (1792-1878), с 1846 по 1878 г. папа римский — 183, 234.

Плюшар, Адольф Александрович (1806-1865), издатель, книгопродавец — 8.

Победоносцев, Константин Петрович (1827-1907), сенатор, с 1872 г. член Государственного совета, с 1880 по 1905 г. обер-прокурор Св. Синода — 60, 62-64, 110-111, 143.

Покотилов, Дмитрий Викторович (1842-1899), подполковник, состоящий для особых поручений при Главном управлении военно-учебными заведениями—204-205.

Понсэ, Евгений Михайлович, брат жены **Дмитрия Алексеевича Милютина**—97, 207.

Понсэ, Анна Евгеньевна, дочь **Евгения Михайловича Понсэ** — 98, 157, 184, 207, 228, 234.

Понсэ (Понсет), Михаил Иванович (1780-1828), генерал-лейтенант, участник кампании 1806-1807 гг., Отечественной войны 1812 г., кампании 1813-1814 гг. и русско-турецкой войны 1828-1829 гг. — 13.

Попель, Маркелл, старший протоиерей Холмского кафедрального собора, с 1871 г. управляющий Холмской епархией, в 1875 г., после воссоединения униатов с православною церковью, архиепископ люблинский — 148, 183.

Попплавский, агент строительного общества — 103-104, 167.

Попов, Александр Протогенович (1827-1887), архитектор-археолог — 103.

Попов, Андрей Александрович (1881-1898), генерал-адъютант вице-адмирала, член кораблестроительного отделения Морского технического комитета—97, 217.

Посьет, Константин Николаевич (1819-1899), генерал-адъютант, адмирал, с 1874 по 1888 г. министр путей сообщения — 62, 159-160, 162, 176, 181, 184, 186, 189, 196, 220, 227, 234.

Потапов, Александр Львович (1818-1886), генерал-адъютант, с 1868 по 1874 г. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор, с 1874 по 1876 г. шеф жандармов и начальник III отделения собственной е. и. в. канцелярии — 132, 158-159, 163, 171, 173, 185, 193-194, 209, 217, 220, 224, 233.

Потто, Василий Александрович (1836-1911), полковник, военный историк, автор труда «Кавказская война в очерках, легендах и биографиях» — 84.

Пржевальский, Николай Михайлович (1839-1888), путешественник, географ и натуралист — 138, 144.

Протопопов, Дмитрий Степанович, тайный советник, член совета министра государственных имуществ — 233.

Проценко, Александр Петрович, полковник, заведующий азиатским делопроизводством в I отделе Главного штаба — 164.

Прянишников, Ипполит Петрович (род. в 1847 г.), первый баян императорской русской оперы в С.-Петербурге — 222, 235.

Пушкин, Александр Сергеевич (1799-1837) — 7, 20.

Пушкин, Михаил Николаевич (1842-1878), гв. ротмистр, адъютант военного министра — 93.

Пясецкий, Павел Яковлевич (род. в 1843 г.), доктор медицины, путешественник и писатель — 98.

Раден, Эдита Федоровна, баронесса (1825-1885), фрейлина вел. кн. Елены Павловны — 97.

Раевский, Николай Николаевич (1839-1876), подполковник, в 1876 г. командующий отдельным отрядом сербской армии — 101.

Рафаэль Санти (1483-1520), итальянский художник эпохи Возрождения — 226, 235.

Рейсс, Генрих VII, принц (1825-1906), с 1867 по 1876 г. германский посол в России, с 1877 по 1878 г. посол в Турции, с 1878 по 1894 г. посол в Австрии—40, 80-81, 107, 135, 191.

Рейтерн, Михаил Христофорович (1820-1890), статс-секретарь, с 1862 по 1878 г. министр финансов — 106-107, 112, 119, 122, 133, 147, 155, 159-160, 163, 171, 176, 181, 184, 189-190, 198, 227, 231-232.

Рядигер, Федор Васильевич, граф (1783-1856), генерал-адъютант, член Государственного совета, в 1855 г. главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами и председатель комиссии для улучшений по военной части — 17.

Рихтер, Оттон Борисович (1830-1908), генерал-адъютант, начальник 13-й пехотной дивизии — 208.

Розинг, Лев Николаевич, статский советник, чиновник особых поручений Главного штаба Военного министерства — 233.

Роон, Альбрехт-Теодор-Эмиль, граф (1803-1879), прусский фельдмаршал, с 1859 по 1873 г. военный министр, с 1861 г. морской министр — 46.

Ростовцев, Яков Иванович (1803-1860), генерал-адъютант, начальник Главного штаба по военно-учебным заведениям, с 1859 г. председатель редакционных комиссий для составления «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» — 15.

Русель, швейцарский врач — 146.

Руссель, лорд Одо, с 1871 по 1884 г. английский посол в Берлине — 197, 235.

Рылеев, Александр Михайлович (1830-1907), генерал-адъютант, с 1864 по 1881 г. комендант императорской главной квартиры — 220.

Сабанин, Николай Александрович (ум. в 1875 г.), полковник в отставке — 216.

Сабуров, Петр Александрович (1835-1918), с 1870 по 1879 г. русский посол в Греции, с 1879 по 1884 г. — в Германии, с 1890 г. член Государственного совета — 50, 54, 66, 69.

Саломон, Александр Григорьевич, винодел-химик Магарачского училища виноделия и садоводства при Никитском саде — 103.

Салтыков, Александр Михайлович (род. в 1828 г.), генерал-майор светлейшего в. н. в., производитель дел военно-походной канцелярии — 220.

Самарин, Юрий Федорович (1819-1876), общественный деятель, славянофил — 37-38.

Свешников, Лев Павлович, капитан I ранга, вице-директор инспекторского департамента Морского министерства — 233.

Святополк-Мирский, Дмитрий Иванович, князь (1825-1899), генерал-адъютант, помощник главнокомандующего Кавказской армией, с 1880 г. член Государственного совета — 38, 176, 183-185, 187-190, 234.

Сейд-Мозаффар-Эддин-хан, с 1860 по 1885 г. бухарский хан — 90, 232.

Сейд-Мухаммед-Рахим-хан (1845-1910), с 1861 г. хивинский хан — 88-89, 96, 101, 232.

Селифонов, Николай Николаевич (1836-1900), тайный советник, сенатор, с 1872 по 1880 г. и с 1885 по 1889 г. товарищ министра путей сообщения — 171.

Семашко, Иосиф (1798-1898), член Св. Синода, с 1852 по 1868 г. митрополит литовский и виленский — 148.

Семека, Владимир Саввич (1816-1897), генерал-адъютант, с 1874 по 1879 г. командующий войсками Одесского военного округа — 130, 220.

Семенов, Петр Петрович (1827-1914), тайный советник, директор центрального статистического комитета Министерства внутренних дел — 197, 233.

Семечкин, Леонид Павлович (ум. в 1889 г.), капитан-лейтенант I ранга, адъютант вел. кн. Константина Николаевича — 187.

Сен-Сир, Гувьон (1764-1830), маршал Франции с 1817 по 1819 г., после реставрации Бурбонов военный министр — 8.

Сербуленко, главный винодел Никитского сада в Магараче — 103.

Сипягин, вероятно, Всеволод Николаевич (1819-1893), генерал-майор, состоящий для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа — 218.

Сказкин, Сергей Данилович (род. в 1890 г.), член-корреспондент Академии наук СССР, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова — 52.

Скалон, Дмитрий Антонович (род. в 1840 г.), генерал-от-кавалерии, председатель Русского военно-исторического общества, военный писатель; во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. состоял адъютантом главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича старшего — 50.

Скарятин, Николай Яковлевич, действительный статский советник, с 1866 по 1880 г. казанский губернатор — 205.

Скворцов, Николай Николаевич (1827-1895), генерал-майор, окружной интендант Петербургского военного округа — 193.

Скобелев, Михаил Дмитриевич (1843-1882), флигель-адъютант, позднее генерал-адъютант; участник завоевания Средней Азии, с 1876 по 1877 г. военный губернатор Ферганской области; участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и ахал-текинской экспедиции 1880-1881 гг. — 68, 224.

Снегоров, Николай Аполлонович, полковник гв. артиллерии, совещательный член Главного артиллерийского управления Военного министерства — 147.

Сольский, Дмитрий Мартынович (1833-1910), с 1867 г. государственный секретарь, с 1878 по 1889 г. государственный контролер — 107, 117, 125, 224, 227.

Спичаков, полковник — 97.

Стеценков, Василий Александрович (1822-1901), контр-адмирал свиты е. и. в., член технического комитета Морского министерства — 233.

Стремоухов, Петр Николаевич (1823-1885), тайный советник, с 1864 по 1875 г. директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел — 164, 183-184, 187.

Строганов, Сергей Григорьевич, граф (1794-1882), генерал-адъютант, член Государственного совета, сенатор — 61-62, 85, 111, 115, 133-134, 227.

Суворов, Александр Аркадьевич, князь **Италийский**, граф **Рымникский** (1804-1882), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1848 по 1861 г. ливонский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор, с 1861 г. военный генерал-губернатор С.-Петербурга, с 1866 г. генерал-инспектор всей пехоты — 132, 231.

Суворов, Александр Васильевич, князь **Италийский**, граф **Рымникский** (1730-1800) — 9, 15, 68.

Сумароков-Эльстон, Феликс Николаевич, граф (1820-1877), генерал-адъютант, с 1875 по 1877 г. командующий войсками Харьковского военного округа — 226.

Суходольский, Дмитрий Петрович, генерал-лейтенант, помощник начальника 1-й гвардейской кавалерийской дивизии — 233.

Сухозанет, Николай Онуфриевич (1794-1871), генерал-адъютант, с 1856 по 1861 г. военный министр, в 1861 г. временно исполнял обязанности наместника Царства Польского — 17-19.

Тарновский, Вениамин Михайлович (род. в 1839 г.), профессор Медико-хирургической академии — 197-198.

Татищев, Сергей Спиридонович (1846-1906), публицист и историк, с 1864 по 1877 г. был последовательно секретарем консульства в Рагузе, миссии в Афинах и посольства в Вене, автор ряда исторических монографий — 50.

Терри, изобретатель в области стрелкового оружия — 30.

Тизенгаузен, вероятно, **Екатерина Фёдоровна**, графиня (1803-1888), камер-фрейлина императрицы Марии Александровны — 221.

Тилло, Алексей Андреевич (1839-1899), полковник, командир 148-го Каспийского полка — 154.

Тимашев, Александр Егорович (1818-1893), генерал-адъютант, с 1868 по 1878 г. министр внутренних дел — 37, 55, 57, 106, 110, 112, 115, 119, 128-130, 132-133, 141, 144, 148, 151, 171, 175, 179, 185, 194, 202, 231-232.

Толстой, Дмитрий Андреевич, граф (1823-1889), с 1866 по 1880 г. обер-прокурор Св. Синода и министр народного просвещения, с 1882 по 1889 г. министр внутренних дел — 37, 44, 55, 60, 79, 82, 104-105, 108-119, 128-129, 132-134, 136, 141-142, 144-145, 148, 151, 155-156, 159-160, 171-173, 175, 179, 183, 192, 197, 201-202, 208, 231-232.

Толстой, Федор Петрович (1783-1873), с 1828 по 1859 г. вице-президент Академии художеств, с 1859 г. по год смерти товарищ президента — 89.

Тотлебен, Эдуард Иванович (1818-1884), генерал-адъютант, военный инженер, участник Севастопольской обороны; с 1863 г. товарищ генерал-инспектора по инженерной части, во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. руководил осадными работами под Плевной, с 1879 по 1880 г. временный одесский гене-

рал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа, с 1880 г. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор — 80, 83, 137-138, 221.

Трепов, Федор Федорович (1812-1889), генерал-адъютант, градоначальник С.-Петербурга — 96-97, 118, 136, 152, 159-160, 170-171, 224.

Тресков, генерал-лейтенант германской службы — 107.

Троцкий, Виталий Николаевич (1835-1910), генерал-майор, начальник штаба Туркестанского военного округа — 143.

Трубецкой, Сергей Никитич, князь (1829-1899), генерал-майор, состоящий при главнокомандующем Кавказской армией, начальник походной канцелярии наместника Кавказа — 221.

Тургенев, Иван Сергеевич (1818-1883), — 21.

Тыртов, Алексей Петрович, генерал-майор, директор Михайловской военной гимназии в Воронеже — 206.

Тьер, Луи-Адольф (1797-1877), французский политический деятель, с 1871 по 1873 г. президент французской республики — 225.

Унковский, Иван Семенович (1822-1886), контр-адмирал свиты е. и. в., сенатор, с 1861 по 1877 г. ярославский губернатор — 204.

Урусов, Сергей Николаевич, князь (1816-1883), статс-секретарь, член Государственного совета, главноуправляющий II отделения собственной е. и. в. канцелярии — 115-116, 119, 202.

Фабрице, Георг-Фридрих-Альфред (1818-1891), саксонский генерал, в 1871 г. командующий немецкой оккупационной армией — 107.

Фадеев, Ростислав Андреевич (1824-1883), генерал-майор, военный писатель и публицист, сотрудничал в «Московских ведомостях», «Русском вестнике», и «Русском мире» — 38, 40, 71.

Фалькенгаген, Адольф Данилович (1821-1880), инженер, генерал-майор — 176.

Фан-дер-Флит, Константин Петрович, капитан, адъютант командующего войсками Туркестанского военного округа — 89-90, 101.

Федоров, Владимир Георгиевич (род. в 1874 г.), генерал-лейтенант советской армии, изобретатель в области стрелкового оружия, автор многочисленных трудов по истории вооружения русской армии — 31.

Федоров, Сергей Яковлевич, штабс-капитан фельдгерского корпуса — 98.

Фейгин, подрядчик — 192, 234.

Феокистов, Евгений Михайлович (1829-1898), сотрудник газеты «Русский инвалид», с 1871 по 1882 г. редактор «Журнала министерства народного просвещения», с 1883 по 1896 г. начальник Главного управления по делам печати — 31-33.

Фердинанд I (1793-1875), австрийский император с 1835 по 1848 г. — 209.

Филипсон, Григорий Иванович (1805-1883), генерал-лейтенант, с 1860 по 1861 г. начальник штаба Кавказской армии, с 1861 по 1862 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа, с 1861 по 1878 г. сенатор — 226.

Фитингоф, барон — 136.

Флоринский, Василий Маркович (1833-1899), профессор Медико-хирургической академии по кафедре акушерства — 201.

Франкини, Виктор Антонович (1820-1892), генерал-майор, начальник военного горского управления Кавказского военного округа — 164, 233.

Франц-Иосиф I (1830-1916), австрийский император с 1848 г. — 16, 118, 134, 136-138, 232-233.

Фредерикс, Александр Александрович, барон, статский советник, с 1868 по 1876 г. нижегородский вице-губернатор — 204.

Фредерикс, Платон Александрович, барон (1828-1888), генерал-адъютант, с 1873 по 1879 г. генерал-губернатор Восточной Сибири — 148.

Фридрих (Христиан-Фридрих-Вильгельм-Карл) кронпринц датский (1843-1912), старший сын Христиана IX — 129-130, 132, 233.

Фридрих-Вельгельм IV (1795-1861), прусский король с 1840 г. — 16.

Фридрих-Вильгельм, кронпринц германский (1831-1888), сын Вильгельма I, впоследствии германский император Фридрих III — 129-130, 132, 135, 233.

Фридрих-Франц III, наследный принц Мекленбург-Шверинский (1851-1897), с 1883 г. герцог Мекленбург-Шверинский — 161, 233.

Фундуклей, Иван Иванович (1804-1880), действительный тайный советник, член Государственного совета — 167-168.

Хлебников, Владимир Николаевич (род. в 1836 г.), полковник, командир 1-й батареи гвардейской конно-артиллерийской бригады, впоследствии генерал-майор — 232.

Хрущев, Александр Петрович (1806-1875), генерал-адъютант, участник обороны Севастополя, с 1866 по 1874 г. генерал-губернатор Западной Сибири и командующий войсками Западно-Сибирского военного округа — 126-127, 129.

Худояр-хан (род. в 1829 г.), кокандский хан с 1845 по 1875 г. — 214, 220.

Цабель, Николай Егорович (род. в 1831 г.), ботаник, с 1866 по 1880 г. директор Никитского сада в Магараче — 103.

Циммерберг, юнкер Михайловского артиллерийского училища — 117.

Цион, Илья Фаддеевич (1842-1912), физиолог, профессор Петербургского университета и Медико-хирургической академии — 171, 234.

Чаадаев, Петр Яковлевич (1794-1856), философ-публицист — 7.

Чевкин, Константин Владимирович (1802-1875), генерал-адъютант, председатель Комитета по делам Царства Польского, член Государственного совета — 87-88, 92, 181, 184-185, 188, 191, 196.

Чепелевская, Прасковья Ильинична (1832-1881), содержательница Кирилло-Медовидовского пансиона в Москве — 38.

Черевин, Петр Александрович (1837-1896), генерал-лейтенант, с 1880 по 1883 г. товарищ министра внутренних дел — 60.

Черепанов, П. П. — 169.

Чернышев, Александр Иванович, светл. князь (1786-1857), генерал-адъютант, с 1827 по 1852 г. военный министр — 15.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828-1889), — 70.

Черняев, Михаил Григорьевич (1828-1898), генерал-майор, участник завоевания Средней Азии, в 1864 г. начальник Особого западно-сибирского отряда, с 1865 по 1866 г. военный губернатор вновь образованной Туркестанской области, в 1866 г. вышел в отставку, с 1875 по 1876 г. редактор-издатель газеты «Русский мир»; в 1876 г. командующий Главной сербской армией, с 1882 по 1884 г. туркестанский генерал-губернатор — 40, 71, 193.

Числова, Екатерина Гавриловна (1845-1889), с 1862 по 1876 г. артистка петербургского балета — 224.

Чистович, Яков Алексеевич (1820-1885), доктор медицины, с 1871 по 1875 г. начальник Медико-хирургической академии — 170-171.

Чичерин, Борис Николаевич (1828-1904), профессор Московского университета по кафедре государственного права, общественный деятель — 21, 66, 69-70.

Шамиль (род. около 1798 г. — ум. в 1871 г.), имам, вожь национально-освободительного движения горских народов Кавказа — 9, 19, 71.

Шамшин, Павел Иванович (род. в 1831 г.), тайный советник, товарищ министра финансов — 167, 234.

Шатилов, Павел Николаевич (1822-1887), генерал-лейтенант, начальник 40-й пехотной дивизии — 205-206.

Швейниц, Ганс-Лотарь (1822-1901), прусский генерал, с 1871 по 1876 г. германский посол в Австрии, с 1876 по 1893 г. — в России — 50, 65.

Шервашидзе, Георгий Дмитриевич, князь (род. в 1847 г.), титулярный советник, и. д. чиновника особых поручений при начальнике Главного управления Кавказского наместничества — 167.

Шерналь, Канут Генрихович, тайный советник, ижженер, начальник управления железных дорог Министерства путей сообщения — 196.

Ширинский-Шихматов, Александр Прохорович, князь (1822-1884), сенатор, товарищ министра просвещения — 122.

Шнигников, Николай Федорович (ум. в 1881 г.), полковник, офицер Главного

штаба; принимал деятельное участие в подготовке закона о введении воинской повинности — 82, 85, 233.

Штейнгель, Вячеслав Владимирович, барон (1823-1897) генерал-лейтенант, управляющий Интендантским музеем — 146.

Штилле, генерал-майор германской службы — 107.

Шторх, Николай Андреевич (1815-1877), тайный советник, товарищ главного управляющего IV отделения собственной е. и. в. канцелярии — 215.

Шубин, городской голова Ярославля — 204.

Шувалов, Павел Андреевич, граф (1830-1908), генерал-адъютант, член Государственного совета, начальник штаба гвардии и войск Петербургского военного округа — 40.

Шувалов, Петр Андреевич, граф (1827-1889), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1856 по 1874 г. шеф жандармов и главный начальник III отделения собственной е. и. в. канцелярии, с 1874 по 1879 г. русский посол в Англии — 37, 40, 44, 47, 55, 80, 106-107, 109-113, 115-117, 119, 128-130, 140-143, 145, 148, 151, 158-164, 180, 183-185, 189, 217, 231-232.

Щербатов, Александр Алексеевич, князь (1829-1902), московский городской голова — 38.

Эйлер, Елизавета Павловна, фрейлина императрицы Марии Александровны — 197.

Эллиот, Генри, лорд (род. в 1817 г.), с 1867 по 1877 г. английский посол в Турции, с 1878 по 1884 г. посол в Австрии — 215.

Эрнст II (1818-1893), герцог Саксен-Кобург-Готский — 129, 233.

Эссен, Отто Васильевич (1828-1876), тайный советник, с 1871 г. товарищ министра юстиции — 191, 201-202.

Юнге, Екатерина Федоровна, урожд. гр. Толстая (род. в 1843 г.), жена профессора Э. А. Юнге — 89, 232.

Юнге, Эдуард Андреевич (1833-1898), действительный статский советник, профессор-окулист Медико-хирургической академии — 89.

Якобсон, Иван Давыдович (1804-1874), действительный тайный советник, член Военного совета, с 1861 по 1864 г. управляющий комиссариатским департаментом Военного министерства — 88.

Яковлев, Георгий Георгиевич (1824-1883), генерал-майор, член и управляющий делами Главного комитета по устройству и образованию войск — 92.

Якуб-бек (Магомет-Якуб-бек Бадаулет) (1820-1877), правитель Кашгара—94.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Д. А. Милютин. Биографический очерк П. А. Зайончковского .	5
От редакции	73
Дневник Д. А. Милютина	
1873 год	77
1874 год	121
1875 год	180
Примечания	231
Указатель имен	237
